

Социолингвистика Sociolinguvistika

[http:// sociolinguistics.ru](http://sociolinguistics.ru) 2026 №2

ISSN 2713-2951

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

№ 2
2026

Основан в 2020 г.

Выходит четыре раза в год

СОЦИОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

2026 № 2

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Главные редакторы

В.М. Алпатов (академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

А.Н. Биткеева (профессор РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН)

Заместитель главных редакторов

Т.И. Ретинская (д.ф.н., Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева)

Ответственные редакторы номера

И.И. Халиков (к.ф.н., Институт языка, литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан),

О.Р. Хисамов (д.ф.н., Институт языка, литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова АН Республики Татарстан)

Ответственный секретарь

С.В. Кириленко (к.ф.н., Институт языкознания РАН)

Редакционная коллегия

Б.М. Атаев	д. филол. н., Махачкала, Россия
Лувсандоржийн Болд	акад. Монгольской академии наук, проф., Улан-Батор, Монголия
Т.Г. Боргоякова	д. филол. н., Абакан, Россия
Н.Б. Вахтин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Моника Вингендер	проф., Гиссен, Германия
Е.В. Головкин	член-корр. РАН, д. филол. н., Санкт-Петербург, Россия
Л. Гренобль	проф., Чикаго, США
Г.А. Дырхеева	д. филол. н., Улан-Удэ, Россия
К.Ю. Замятин	к. филол. н., Москва, Россия
Н.И. Иванова	д. филол. н., Якутск, Россия
О.А. Казакевич	к. филол. н., Москва, Россия
М.Я. Каплунова	к. филол. н., Москва, Россия
А.А. Кибрик	член-корр. РАН, д. филол. н., Москва, Россия
Ли Юймин	проф., Пекин, КНР
В.Ю. Михальченко	д. филол. н., Москва, Россия
Дж.Н. Мустафина	д. филол. н., Набережные Челны, Россия
М.Р. Овхадов	д. филол. н., Грозный, Россия
Тьерри Поншон	проф., Реймс, Франция
Мишель Тамин	проф., Реймс, Франция
Э.А. Салихова	д. филол. н., Нефтекамск, Россия
Араи Юкиясу	проф., Саппоро, Япония
Э.В. Хилханова	д. филол. н., Москва, Россия
Нгуен Ван Хьеп	проф., Ханой, Вьетнам
Чжао Жунхуэй	проф., Шанхай, КНР
Чжао Шицзюй	проф., Ухань, КНР

ISSN 2713-2951

SOCIOLINGUISTICS

No. 2
2026

Established in 2020
Published four times a year

SOCIOLINGUISTICS

Scientific Journal

2026 No. 2

ISSN 2713-2951

DOI: 10.37892/2713-2951

Editors-in-Chief

Vladimir M. Alpatov (Academician of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Aysa N. Bitkeeva (Professor of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Deputy Editor-in-Chief

Tatjana I. Retinskaya (DSc in Philology, Orel State University)

Executive editors of the issue

Ilgiz I. Khalikov (PhD in Philology, Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences)

Oleg R. Khisamov (DSc in Philology, Institute of Language, Literature and Art, Tatarstan Academy of Sciences)

Executive Secretary

Svetlana V. Kirilenko (PhD in Philology, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences)

Editorial Board

B.M. Ataev	DSc in Philology, Professor, Makhachkala, Russia
Luvsandorjijn Bold	Academician of the Mongolian Academy of Sciences, Ulaanbaatar, Mongolia
T.G. Borgoyakova	DSc in Philology, Professor, Abakan, Russia
N.B. Vakhtin	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Professor, St. Petersburg, Russia
Monika Wingender	Professor, Giessen, Germany
E.V. Golovko	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, St. Petersburg, Russia
Lenore Grenoble	Professor, Chicago, USA
G.A. Dyrkheeva	DSc in Philology, Professor, Ulan-Ude, Russia
K.Yu. Zamyatin	PhD in Philology, Moscow, Russia
N.I. Ivanova	DSc in Philology, Yakutsk, Russia
O.A. Kazakevich	PhD in Philology, Moscow, Russia
M.Ya. Kaplunova	PhD in Philology, Moscow, Russia
A.A. Kibrik	Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, DSc in Philology, Moscow, Russia
Li Yuming	DSc in Philology, Professor, Beijing, China
V.Yu. Mikhachenko	DSc in Philology, Professor, Moscow, Russia
Dzh.N. Mustafina	DSc in Philology, Professor, Naberezhnye Chelny, Russia
M.R. Ovkhadov	DSc in Philology, Professor, Grozny, Russia
Tierry Ponchon	Professor, Reims, France
Michel Tamin	Professor, Reims, France
E.A. Salikhova	DSc in Philology, Professor, Neftekamsk, Russia
Arai Yukiyasu	Professor, Sapporo, Japan
E.V. Khilkhanova	DSc in Philology, Moscow, Russia
Nguyen Van Hiep	Professor, Hanoi, Vietnam
Zhao Ronghui	Professor, Shanghai, China
Zhao Shiju	Professor, Wuhan, China

© Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, 2026

© Orel State University, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	8
-------------------	---

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

<i>И.И. Халиков, А.Н. Биткеева.</i> Татарский язык в правовом и функциональном измерении. . .	12
<i>О.Р. Хисамов.</i> Двухязычная урбанонимия полиэтнической Казани в контексте языковой политики Республики Татарстан.	33
<i>Н.Р. Султанова, Д.Н. Мустафина.</i> Национальные бренды как инструмент сохранения родных языков (на примере татарского языка)	50
<i>Б.К. Миннуллин, Р.Ф. Мирхаев.</i> Становление и развитие татарской периодической печати начала XX века: социолингвистический аспект.	72

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

<i>М.Р. Галиева.</i> Татарский язык в Узбекистане: особенности интерференции и факторы языкового сдвига	94
<i>А.Р. Бикбулатова.</i> Татарский язык в Кыргызстане: динамика функционального развития и сферы применения.	116
<i>И.А. Сынова, М.В. Тарелко.</i> Многоязычие письменного наследия белорусских татар.	138

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

<i>Г.Н. Мухарлямова, Л.М. Гиниятуллина, О.Р. Хисамов.</i> Социолингвистические факторы языковой социализации в процессе обучения родному (татарскому) языку.	161
<i>А.Ф. Ханова, И.И. Халиков, А.И. Идиятуллина.</i> Языковой профиль детей-билингвов Республики Татарстан: по материалам детской версии опросника LEAP-Q.	181

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

<i>А.К. Булатова.</i> Функциональная дистрибуция диалектной и литературной форм татарского языка.	203
<i>А.Я. Хусаинова.</i> Формирование татарских переселенческих говоров Сибири: социолингвистический аспект.	219

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

<i>Г.Р. Галиуллина.</i> Региональная антропонимия в условиях межкультурного диалога (на примере Республики Татарстан)	239
<i>Л.М. Гиниятуллина.</i> Изменения синтаксиса в современном татарском языке в медиасфере. . .	255

IN VARIA

<i>Е.В. Куликова, Е.Ю. Пономарева.</i> Прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах.	274
--	-----

РЕЦЕНЗИИ

<i>М. А. Кронгауз.</i> Рецензия на книгу: А.П. Майоров. Методология и методы языкознания: Учебное пособие. М.: Языкознание, 2025.	294
Требования и рекомендации к оформлению статей	300

CONTENTS

Editorial preface.	10
----------------------------	----

LANGUAGE POLICY

<i>Ilgiz I. Khalikov, Aysa N. Bitkeeva.</i> The Tatar language in legal and functional dimension.	12
<i>Oleg R. Khisamov.</i> Bilingual urbanonymy of multiethnic Kazan in the context of the language policy of the Republic of Tatarstan.	33
<i>Nailya R. Sultanova, Jamila N. Mustafina.</i> National branding as a tool for native language preservation: the Tatar language case study.	50
<i>Bakhtiyar K. Minnullin, Rifat F. Mirkhayev.</i> The emergence and development of the Tatar periodical press in the early twentieth century: a sociolinguistic perspective.	72

LANGUAGE SITUATION

<i>Margarita R. Galieva.</i> The Tatar language in Uzbekistan: peculiarities of interference and factors of language shift.	94
<i>Anisa R. Bikbulatova.</i> The Tatar language in Kyrgyzstan: dynamics of functional development and domains of use.	116
<i>Irina A. Synkova, Michail V. Tarelko.</i> Multilingualism of the written heritage of the Belarusian Tatars.	138

LANGUAGE AND EDUCATION

<i>Gulnaz N. Mukharlyamova, Liliya M. Giniyatullina, Oleg R. Khisamov.</i> Sociolinguistic factors of language socialization in the process of teaching the native (Tatar) language.	161
<i>Aigul F. Khanova, Ilgiz I. Khalikov, Aliya I. Idiyatullina.</i> Linguistic profile of bilingual children in the Republic of Tatarstan: based on the child version of the LEAP-Q questionnaire.	181

LANGUAGE VARIATIONS

<i>Alfiya K. Bulatova.</i> Functional distribution of the dialectal and literary forms of the Tatar language.	203
<i>Alina Y. Khusainova.</i> Formation of Tatar migrant dialects of Siberia: sociolinguistic aspect.	219

LANGUAGE PROCESSES

<i>Gulshat R. Galiullina.</i> Regional anthroponymy in the context of intercultural dialogue: the case of the Republic of Tatarstan.	239
<i>Liliya M. Giniyatullina.</i> Syntactic changes in contemporary Tatar language in the media sphere.	255

IN VARIA

<i>Ekaterina V. Kulikova, Elena Y. Ponomareva.</i> Pragmalinguistic strategies of uncooperative communication in American and Russian political discourses	274
--	-----

REVIEW

<i>M. A. Krongauz.</i> [Review] Mayorov, A.P. Methodology and Methods of Linguistics: A Textbook. Moscow: Yazykoznanie, 2025.. . . .	294
Style sheet	300

ОТ РЕДАКЦИИ

Уважаемые коллеги!

Перед Вами новый номер журнала «Социолингвистика», который приурочен к 35-летию Академии наук Республики Татарстан.

Номер вышел в свет в непростое, но важное для социолингвистики время — время пересборки языковых идентичностей, поиска баланса между глобализацией и локальностью, между цифровизацией и живой речевой традицией. Главный фокус номера — татарский язык. Этот номер, как и предыдущие, объединяет исследователей, для которых язык — не абстрактная система, а живая социальная практика. Авторы рассматривают татарский язык во всей полноте: от правового статуса до реальной функциональной дистрибуции, от литературной нормы — к диалектной вариативности, от урбанонимии города — к языковым сдвигам в татарских диаспорах Кыргызстана и Узбекистана. Впервые за долгое время татарский язык предстаёт не только в региональном измерении, а как универсальная модель для изучения языковых процессов в полиэтнических пространствах.

Статьи номера представляют картину современного состояния исследований татарского языка. С одной стороны, мы видим устойчивую традицию, активно развивается корпусная и социолингвистическая диалектология — от говоров Сибири до письменного наследия белорусских татар, последовательно изучается функционирование татарского языка в публичном пространстве, в урбанонимии, в медиатекстах, в национальном брендинге, накапливается эмпирический материал о татарско-русском и татарско-ином билингвизме, в том числе детском. С другой стороны, представленный материал определяет пределы уже сложившихся подходов и указывает направления, в которых татарское языкознание, в частности, татарская социолингвистика начинают системную работу. Во-первых, это выход за пределы Республики Татарстан и Российской Федерации в целом: судьба татарского языка в диаспорах Кыргызстана, Узбекистана и Беларуси показывает, что описание татароязычных сообществ требует не региональной, а транснациональной оптики и разработки методологии с учётом языкового сдвига, интерференции и языковой лояльности в разных государственных и социокультурных контекстах. Во-вторых, это задача соединения диахронии и синхронии, например, история татарской периодической печати начала XX века и анализ синтаксиса современных медиатекстов относятся к единому исследовательскому полю — истории становления и трансформации татарского публичного языка, однако пока чаще существуют

как параллельные и слабо связанные аспекты исследования. В-третьих, назрела необходимость в единых, сопоставимых инструментах измерения языковой компетенции и языковой адаптации, применение адаптированных международных методик, подобных детской версии опросника LEAP-Q, что должно стать частью системного мониторинга татарско-русского билингвизма в республике и за её пределами.

Перспективы развития татарской социолингвистики связаны с созданием и поддержанием актуальных социолингвистических баз данных и корпусов, охватывающих литературный язык, диалектную вариативность и языковую практику диаспор, систематическим мониторингом языковой ситуации, языковой политики и её реального результата через анализ не только нормативных актов, опросов, но и языкового ландшафта, СМИ, образования и цифровой среды. Стоит задача развития сопоставительных исследований, интегрирующих татарский языковой материал в общетюркологический контекст, укрепления связи между теоретической социолингвистикой и её прикладными задачами — языковым планированием, образовательной политикой, сохранением и ревитализацией языка и диалектов. Именно на стыке этих направлений, как показывает содержание настоящего номера, и складывается сегодня татарское языкознание нового поколения — открытое к междисциплинарности, чувствительное к живой речевой практике и вместе с тем укоренённое в богатой исследовательской традиции.

Приятного чтения и новых научных открытий!

*И.И. Халиков,
О.Р. Хисамов,
А.Н. Биткеева*

EDITORIAL PREFACE

Dear Colleagues,

We are pleased to present a new issue of *Sociolinguistika*, dedicated to the 35th anniversary of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan.

This issue appears at a challenging yet highly significant moment for sociolinguistics, a time marked by the reconfiguration of linguistic identities and by the search for a balance between globalization and locality, between digitalization and living speech traditions. Its principal focus is the Tatar language. Like previous issues, this volume brings together scholars for whom language is not an abstract system but a living social practice. The contributors examine the Tatar language in its full complexity: from its legal status to its actual functional distribution; from the literary standard to dialectal variation; from urban place-naming to language shift in Tatar diasporic communities in Kyrgyzstan and Uzbekistan. For the first time in many years, the Tatar language is presented not only within a regional framework but also as a broader model for the study of linguistic processes in multiethnic settings.

Taken together, the articles in this issue provide a multidimensional picture of the current state of research on the Tatar language. On the one hand, they reflect a well-established scholarly tradition. Corpus-based and sociolinguistic dialectology is developing actively, covering material from Siberian dialects to the written heritage of Belarusian Tatars. The functioning of Tatar in the public sphere, in urban place-naming, media texts, and national branding, is being studied systematically, while empirical evidence on Tatar-Russian and Tatar-other-language bilingualism, including child bilingualism, continues to accumulate.

On the other hand, the materials presented in this issue also reveal the limits of established approaches and point to areas in which Tatar linguistics, and Tatar sociolinguistics in particular, are beginning to undertake more systematic work. First, there is a clear need to move beyond the Republic of Tatarstan and the Russian Federation as a whole. The trajectories of the Tatar language in the diasporas of Kyrgyzstan, Uzbekistan, and Belarus demonstrate that Tatar-speaking communities require not merely a regional but a transnational analytical perspective, as well as methodological frameworks capable of accounting for language shift, interference, and language loyalty across different political and sociocultural contexts.

Second, there is the challenge of integrating diachronic and synchronic perspectives. The history of the Tatar periodical press in the early twentieth century and the analysis of the syntax of contemporary media texts, for example, belong to a single research field concerned with the emergence and transformation of the Tatar public language. At present, however, these areas are still more often pursued in parallel than treated as interconnected dimensions of the same process.

Third, there is an increasingly urgent need for standardized and comparable instruments for measuring language proficiency and linguistic adaptation. The use of adapted international methodologies, such as the child version of the LEAP-Q questionnaire, should become part of a systematic framework for monitoring Tatar-Russian bilingualism both within the Republic and beyond it.

The future development of Tatar sociolinguistics is closely linked to the creation and maintenance of up-to-date sociolinguistic databases and corpora encompassing the literary language, dialectal variation, and the linguistic practices of diasporic communities. It also requires systematic monitoring of the language situation, language policy, and the actual outcomes of such policy through the analysis not only of legislation and survey data, but also of linguistic landscapes, the media, education, and digital environments.

Another important task is to advance comparative research that situates Tatar-language data within the broader context of Turkic studies, while strengthening the connection between theoretical sociolinguistics and its applied dimensions, including language planning, educational policy, and the maintenance and revitalization of the language and its dialects. As the contents of the present issue demonstrate, it is precisely at the intersection of these areas that a new generation of Tatar linguistics is now taking shape, open to interdisciplinary approaches, attentive to living speech practices, and at the same time firmly rooted in a rich scholarly tradition.

We wish you an enjoyable and thought-provoking read, and many new scholarly discoveries.

I. I. Khalikov

O. R. Khisamov

A. N. Bitkeeva

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

LANGUAGE POLICY

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-01>

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В ПРАВОВОМ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ

УДК 81'26, 81'272

Ильгиз И. Халиков
Институт языка,
литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова
Академии наук
Республики Татарстан,

Казань,
Российская Федерация

Айса Н. Биткеева
Институт языкознания
Российской академии
наук,

Москва,
Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена анализу соотношения правового статуса и реального функционирования татарского языка в Республике Татарстан. Прослеживается эволюция языкового законодательства от Декларации о государственном суверенитете Татарской АССР 1990 г. и Конституции РТ 1992 г. через этапы институционализации языковой политики (создание Комитета, а затем Совета по реализации законодательства о языках), закон 2013 г. «Об использовании татарского языка как государственного языка РТ», реформу 2017–2018 гг. о добровольности изучения родных языков, поправки к статье 68 Конституции РФ 2020 г. и вплоть до федеральных инициатив 2025–2026 гг. Показано, что при формально высоком юридическом статусе татарского языка (государственный язык республики, конституционное равноправие с русским, разветвлённая институциональная инфраструктура) наблюдается сужение сфер его практического использования — в образовании, СМИ и повседневной коммуникации, особенно среди городской молодёжи. Эмпирическая часть статьи опирается на данные социолингвистического опроса татарской молодёжи Республики Татарстан (2024–2025 гг.), которые фиксируют билингвизм с чётким функциональным разделением языков, восприятие сокращения сфер функционирования татарского языка в постсоветский период, отсутствие мотивации к его изучению и трансформацию этнической идентичности от «языковой» к «символической». Делается вывод о разнице между декларативным правовым статусом и фактической коммуникативной практикой. Дальнейшая судьба татарского языка зависит не столько от расширения его юридического статуса, сколько от эффективности мер по реальному расширению сфер его использования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарский язык, языковая политика; языковое законодательство, государственные языки Республики Татарстан, функциональное двуязычие, языковой сдвиг, этноязыковая идентичность, языковое планирование, Республика Татарстан

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Ильгиз И. Халиков, Айса Н. Биткеева 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-01>

THE TATAR LANGUAGE IN LEGAL AND FUNCTIONAL DIMENSION

UDC 81'26, 81'272

Ilgiz I. Khalikov

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and Art
of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Aysa N. Bitkeeva

Institute of Linguistics of the
Russian Academy of
Sciences,

Moscow, Russian Federation

Abstract

This article examines the relationship between the legal status and the actual functioning of the Tatar language in Russia and the Republic of Tatarstan. It traces the evolution of language legislation from the 1990 Declaration of State Sovereignty of the Tatar ASSR and the 1992 Constitution of the Republic of Tatarstan, through the institutionalization of language policy (the establishment of the Committee, and later the Council, for the Implementation of Language Legislation), the 2013 law "On the Use of the Tatar Language as a State Language of the Republic of Tatarstan," the 2017–2018 reform introducing voluntary study of native languages, the 2020 amendments to Article 68 of the Russian Constitution, and up to the federal initiatives of 2025–2026. The article shows that, despite the formally high legal status of the Tatar language (state language of the republic, constitutional parity with Russian, an extensive institutional infrastructure), there is a steady contraction of the spheres of its practical use — in education, public administration, media, and everyday communication — particularly among urban youth. The empirical part of the article draws on data from a sociolinguistic survey of Tatar youth in the Republic of Tatarstan (2024–2025), which reveals bilingualism with a clear functional division between the two languages, a perceived decline in the functioning of the Tatar language in the post-Soviet period, a lack of economic motivation to learn it, and a shift in ethnic identity from a "linguistic" to a "symbolic" model. The article concludes that there is a gap between the declarative legal status and actual communicative practice: the future of the Tatar language depends not so much on further expansion of its legal status as on the effectiveness of measures aimed at genuinely expanding the spheres of its use.

KEYWORDS: Tatar language, language policy, language legislation, state languages of the Republic of Tatarstan, functional bilingualism, language shift, ethnolinguistic identity, language planning, Republic of Tatarstan

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Ilgiz I. Khalikov, Aysa N. Bitkeeva 2026

1 | Введение

Татарский язык — один из распространенных тюркских языков России и второй по числу носителей языка в Российской Федерации (3,26 млн. человек по данным переписи 2020 г.)¹. На сегодня число владеющих татарским языком среди этнических татар составляет 2,76 млн. человек (59% от общей численности татар в РФ)².

Правовое поле татарского языка, определившее статус языка через языковое законодательство (конституции, законы, государственные программы и решения органов власти), формировалось на протяжении более чем трёх десятилетий, начиная с принятия Декларации о государственном суверенитете Татарской АССР 1990 г. до актуальных федеральных инициатив 2025–2026 гг. Рассмотрение динамики развития татарского языка в правовом и функциональном измерениях позволяет увидеть реальное состояние, иногда противоречивое, между формально закреплённым статусом языка и его реальным функционированием.

2 | Правовое измерение татарского языка

Правовой статус татарского языка определяется несколькими уровнями законодательства. Согласно Конституции Республики Татарстан, государственными языками республики являются татарский и русский языки, равноправные между собой³.

Формирование современной правовой базы татарского языка началось на фоне роста национального самосознания татар и общих политических преобразований конца 1980-х — начала 1990-х гг. Как отмечают Г.Ф. Габдрахманова и Г.И. Макарова в статье «Этноязыковая политика Республики Татарстан в сфере образования», дискуссии татарской интеллигенции, руководителей национальных общественных организаций и начало законотворческой деятельности в республике свидетельствовали о переходе этноязыковых процессов в регионе в новую стадию развития [Габдрахманова, Макарова, 2016: 371].

Принятая Верховным Советом Татарской АССР 30 августа 1990 г. Декларация о государственном суверенитете фактически создала правовую основу для последующей разработки Конституции и законодательных актов республики. Опорой для формирования региональной законодательной базы стал Федеральный закон РСФСР «О языках народов

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. Дата обращения: 13.08.2026.

² Там же.

³ Конституция Республики Татарстан. Режим доступа: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014.htm. Дата обращения: 13.08.2026.

РСФСР», юридически закрепивший право республик устанавливать собственные государственные языки — эта возможность позднее была подтверждена и на конституционном уровне, статья 68 Конституции Российской Федерации закрепляет право республик в составе России устанавливать свои государственные языки наряду с русским⁴. В том же 1992 г. были приняты закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан»⁵ и в 1993 г. закон «Об образовании Республики Татарстан»⁶, закрепившие статус татарского языка как государственного наравне с русским. Закреплённое равноправие носит скорее декларативный, чем безусловно реализованный характер, оно означает юридическое равенство статусов, но не гарантирует автоматически равного фактического использования обоих языков во всех сферах общественной жизни, далее этот момент неоднократно будет подтверждён при анализе функционального измерения.

2.1 Институционализация языковой политики (1994–2008 гг.).

Закон «О языках народов Республики Татарстан» предусматривал прежде всего паритетное использование государственных языков во всех сферах жизни — не только в делопроизводстве, образовании и культуре, но и в торговле, на транспорте, в бытовом обслуживании. Для реализации этих положений Правительство республики приняло «Государственную программу РТ по сохранению, развитию и изучению языков народов РТ» на 1994–2003 гг., обеспеченную финансовыми и кадровыми ресурсами.

Знаковым для институционального измерения языковой политики стал 1994 год. Так, Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан от 29 июля 1994 г. № 365⁷ был создан Комитет по реализации закона о языках — постоянно действующий орган на общественных началах, координировавший министерства, ведомства, научные и образовательные организации. При Комитете были образованы терминологическая,

⁴ Конституции Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/. Дата обращения: 13.08.2026.

⁵ Закон Республики Татарстан «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан» N 1560-XII от 8 июля 1992 г. Режим доступа: <https://base.garant.ru/8102506/>. Дата обращения: 13.08.2026.

⁶ Закон Республики Татарстан «Об образовании» N 1982-XII от 19 октября 1993 г. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917007927>. Дата обращения: 13.08.2026.

⁷ Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29 июля 1994 г. N 365 «Об образовании Комитета при Кабинете Министров Республики Татарстан по реализации Закона Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917028643?marker>. Дата обращения: 13.08.2026.

топонимическая комиссия и комиссия языковой службы, а научно-методическое обеспечение было возложено на Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

11 октября 2004 г. была принята обновлённая редакция государственной программы, которая констатировала положительную динамику за предыдущий период, но одновременно фиксировала, что татарский язык в действительности в полном объёме не употребляется, а принципы документооборота в органах власти и учреждениях ещё не определены [Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия..., 2021: 154]. В числе причин указывались отсутствие санкций за нарушение закона о языках, отсутствие центра аттестации по профессиональным языковым минимумам и переводам, а также отсутствие непрерывной системы обучения.

В 2004 г. был принят закон Республики Татарстан «О государственных языках в Республике Татарстан и других языках в Республике Татарстан» — редакция закона 1992 г., подтвердившая равноправие русского и татарского языков и детализировавшая гарантии их защиты⁸. Закон 2004 г. оказался резонансным, отдельные его положения, в частности, касающиеся изучения языков в общеобразовательных и организациях среднего специального образования, а также графической основы алфавита, были оспорены Конституционным судом Российской Федерации. Это решение ознаменовало переломный момент в реализации языковой политики республики на последующие годы, обозначив пределы регионального регулирования в вопросах языка и образования.

В 2005 г. был принят Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации»⁹, направленный на обеспечение использования русского языка на всей территории страны. Это оказало влияние на некоторое сужение сфер применения татарского языка. Несмотря на статус государственного языка республики, использование татарского в документообороте по-прежнему имело тенденцию к снижению.

2.2. Совет по реализации законодательства о языках (с 2008 г.)

В конце 2000-х гг. Правительство Республики Татарстан предприняло шаги по консолидации усилий органов исполнительной власти и персонализации ответственности за

⁸ Закон Республики Татарстан от 28 июля 2004 г. N 44-ЗРТ «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917014148?marker>. Дата обращения: 13.08.2026.

⁹ Федеральный закон «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 N 53-ФЗ. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/. Дата обращения: 13.08.2026.

реализацию закона о языках. В 2008 г. Кабинет Министров Республики Татарстан издал постановление «О дальнейших мерах по реализации законодательства о языках РТ»¹⁰, отменившее ранее принятые в 1994 и 1996 гг. постановления и утвердившее Совет по реализации законодательства о языках Татарстана. Совет решал стратегические задачи: определение приоритетных направлений и механизмов совершенствования государственной политики в области языков, обеспечение прав граждан на пользование государственными языками, координацию органов власти, местного самоуправления, общественных объединений, науки и образования. Основным содержанием его работы стал мониторинг паритетного использования государственных языков РТ в делопроизводстве, образовании, культуре и СМИ, до 2023 г. координирующие функции по этому мониторингу возлагались на Министерство юстиции Республики Татарстан, затем были переданы в Министерство образования и науки Республики Татарстан, ставшее одновременно оператором очередной редакции государственной программы «Сохранение, изучение и развитие государственных языков РТ и других языков в РТ».

Модель работы Совета, основанная на всестороннем мониторинге сфер употребления языка, выполняла двойную функцию: с одной стороны, предупреждала возможные языковые конфликты на ранних этапах, с другой — создавала условия для научного анализа функциональных возможностей татарского языка. Сведения, представляемые руководителями исполнительных органов и местного самоуправления о паритетном использовании языков, не только вскрывали проблемные вопросы, но и позволяли принимать управленческие решения на местах, подготавливая почву для последующего пересмотра правового поля.

2.3 Новый этап языковой политики: языковое законодательство Республики Татарстан

Часть 3 статьи 14 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дала республикам право преподавать и изучать государственные языки в государственных и муниципальных образовательных организациях в соответствии с их законодательством¹¹. Это определило правовые границы, позволившие

¹⁰ Постановление от 27 июня 2008 года N 451 «О дальнейших мерах по реализации законодательства о языках Республики Татарстан». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917029480>. Дата обращения: 13.08.2026.

¹¹ Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/. Дата обращения: 13.08.2026.

Татарстану принять 12 января 2013 г. закон № 1-ЗРТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан» — своего рода компромисс между федеральной и региональной властью¹². На фоне резонансного закона 2004 г. новый закон был воспринят как факт сохранения статуса государственного языка республики в условиях верховенства федерального законодательства.

Закон урегулировал вопросы образования на татарском языке, условия его изучения, использование в официально-деловой и культурной сфере, а также закрепил использование татарского языка на графической основе кириллицы в официальном делопроизводстве и переписке — при этом допускалось рассмотрение обращений граждан с использованием латинской или арабской графики, последующей подготовкой официального ответа на кириллице и приложением варианта на языке обращения.

В июле 2013 г. был принят закон Республики Татарстан № 68-РТ «Об образовании», регулировавший отношения в этой сфере в пределах полномочий, отнесённых федеральным законодательством к ведению субъектов РФ¹³. Статья 8 этого закона закрепляла право граждан на получение образования на родном языке и право изучать родные языки народов РФ с поправкой на федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), гарантировавшие изучение государственных языков РТ в равных объёмах; пункт 5 статьи 8 допускал реализацию программ профессионального образования на татарском языке в организациях среднего профессионального и высшего образования.

Закон также предусматривал содействие Правительства Республики Татарстан в получении образования на родном языке татарами, проживающими за пределами республики, — эта норма перекликается со статьёй 14 Конституции Республики Татарстан, согласно которой республика оказывает поддержку в развитии национальной культуры, языка и самобытности татар вне Татарстана. Для более чем 2 миллионов татар, дисперсно проживающих в других регионах РФ и за рубежом, это значимый фактор сохранения идентичности и признак символической, хотя и не всегда инструментальной, значимости татарского языка. На основе этого направления в 2013 г. была утверждена государственная

¹² Закон РТ от 12 января 2013 г. N 1-ЗРТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан». Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/446063/>. Дата обращения: 13.08.2026.

¹³ Закон Республики Татарстан от 22 июля 2013 г. N 68-ЗРТ «Об образовании». Режим доступа: <https://base.garant.ru/22501274/>. Дата обращения: 13.08.2026.

программа РТ «Сохранение национальной идентичности татар» (постановление Кабинета Министров РТ от 21 октября 2013 г. № 785), впоследствии неоднократно пролонгированная¹⁴.

2.4 Реформа 2017–2018 гг.: от обязательности к добровольности

Важнейшими для правового измерения оказались 2017–2018 гг. До этого времени в Татарстане действовала региональная норма, согласно которой изучение татарского языка было фактически обязательным для всех школьников независимо от этнической принадлежности, что вошло в противоречие с позицией федерального центра. В 2017 г. Президент России В.В. Путин заявил о недопустимости принудительного изучения родных языков в общеобразовательных организациях. Вслед за этим в Федеральный закон «Об образовании в РФ» были внесены поправки, установившие, что государственные языки республик могут изучаться только на добровольной основе и не в ущерб русскому языку.

Это решение радикально изменило правовой образовательный ландшафт: татарский язык перешёл из категории обязательных учебных предметов в число факультативных дисциплин по выбору (по заявлению родителей) для тех, кто не является его носителем по национальности. В моноязычных регионах РФ новая предметная область «родной язык и родная литература» фактически дублировала предметы «русский язык» и «русская литература», ситуацию усложняло отсутствие разработанных программ, учебников и пособий. В многонациональных субъектах в этот период наметилось снижение числа желающих изучать родные языки, что породило новый виток дискуссий о сохранении национальной идентичности народов России.

Реформа стала предметом широкой общественной дискуссии в Татарстане. С одной стороны, она соответствовала принципу федерального равенства и недискриминации по признаку языка обучения, с другой — существенно ослабила институциональную опору татарского языка в системе образования, что напрямую отразилось на его функциональном положении. Процесс выстраивания диалога «центр — регион» проходил параллельно с проверками школ надзорными органами и массовыми обращениями родительского сообщества по вопросу обязательности изучения национальных языков в республиках.

Согласно открытым источникам, общая динамика выбора татарского языка показала значительный спад именно в 2018–2019 учебном году — год вступления поправок в силу. В

¹⁴ Постановление от 21 октября 2013 года N 785 «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан "Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014—2022 годы)".» Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/463305411>. Дата обращения: 13.08.2026.

период с 2020 по 2023 гг. наблюдалась постепенная стабилизация показателей выбора в пользу татарского языка, что связывают с нормализацией общей ситуации вокруг языковых вопросов и разъяснительной работой Министерства образования и науки Республики Татарстан среди педагогической и родительской общественности.

Правовой статус языков получил новое, но неоднозначное подкрепление в 2020 г. В обновлённой статье 68 Конституции РФ было закреплено, что государственным языком на всей территории страны является русский язык как язык государствообразующего народа, при этом республики вправе устанавливать свои государственные языки, употребляемые наряду с русским. Эта формулировка де-юре утвердила определённую иерархию, что отразилось и на функциональном поле татарского языка — символическое старшинство русского языка получило прямое конституционное выражение.

2.5 Институты 2020-х годов и актуальные федеральные инициативы

Наметившаяся тенденция к снижению функциональности татарского языка в различных сферах жизни подтолкнула руководство республики к созданию нового координационного органа. 6 июля 2020 г. Указом Президента Республики Татарстан № УП-384 была создана Комиссия при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения и изучения татарского языка, перед которой были поставлены задачи координации деятельности органов исполнительной власти, определения проблемных вопросов сохранения и развития языка, выработки предложений по совершенствованию нормативно-правового регулирования¹⁵. В 2021 г. Комиссия изменила название, включив в повестку вопросы, связанные с языками всех народов, проживающих в Татарстане, что отразило единую стратегию сохранения и развития всех родных языков республики.

Годом позже Указом Президента РТ № УП-355 в качестве постоянно действующего консультативного органа была создана Комиссия при Президенте Республики Татарстан по русскому языку, призванная содействовать реализации государственной политики в области функционирования русского языка¹⁶. Создание этой комиссии продемонстрировало стремление руководства республики к организации системной работы, обеспечивающей

¹⁵ Указ Президента Республики Татарстан от 06 июля 2020 года N УП-384 «О Комиссии при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения и развития татарского языка». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570841181>. Дата обращения: 13.08.2026.

¹⁶ Указ Президента Республики Татарстан от 20.05.2022 № УП-355 «О Комиссии при Президенте Республики Татарстан по русскому языку». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202205250003>. Дата обращения: 13.08.2026.

паритетное использование обоих государственных языков в образовании, культуре, науке и органах исполнительной власти.

В середине 2020-х гг. происходят новые значимые события в области языковой политики страны. 11 июля 2025 г. издан Указ Президента РФ № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации»¹⁷ — документ стратегического планирования, направленный на сохранение, развитие и поддержку русского языка, государственных языков республик и других языков народов России. 6 февраля 2025 г. Совет по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов РФ направил соответствующий законопроект в Министерство науки и высшего образования для дальнейшего обсуждения, 1 марта 2026 г. Федеральный закон № 168-ФЗ вступил в силу. Вопрос о внесении изменений в Федеральный закон «О языках народов РФ» остаётся открытым.

В условиях этих изменений многонациональный Татарстан опирается на накопленный за три десятилетия опыт языковой правовой деятельности и умение находить баланс между законодательными актами федерального и регионального уровней. Как и в начале 1990-х, и в середине 2000-х гг., перед руководством республики вновь встала задача обеспечения равноправия государственных языков РТ, учёта потребностей языков всех народов, проживающих в республике, и создания условий для расширения сфер функционирования языков.

3 | Функциональное измерение современного татарского языка

Если правовой статус языка определяется законами и институтами, то функциональный статус — это его реальная коммуникативная мощь, то, в каких сферах, с какой интенсивностью и какими социальными группами язык действительно используется. Здесь между декларируемым равноправием и повседневной практикой наблюдается значительная асимметрия. По данным переписей населения, число носителей татарского языка в России исчисляется миллионами как уже говорилось выше, однако наблюдается устойчивая тенденция к сокращению доли активных носителей — особенно среди городской молодёжи и татар, проживающих за пределами Татарстана. Урбанизация, смешанные браки, доминирование русского языка в общероссийском медиапространстве и образовании

¹⁷ Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. N 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/>. Дата обращения: 13.08.2026.

способствуют языковому сдвигу: постепенному переходу молодого поколения на преимущественное использование русского языка даже в семейном общении.

Функционирование татарского языка в образовательной системе неоднородно. Существуют татарские национальные школы и гимназии, где язык используется как средство обучения по ряду предметов; в большинстве школ республики татарский преподаётся как учебный предмет, но после реформы 2018 г. — в добровольном порядке. В высшем образовании татарский язык функционирует прежде всего в рамках филологических и гуманитарных направлений (татарская филология, журналистика, педагогика), тогда как на естественнонаучных и технических специальностях его функциональная роль минимальна: преподавание на татарском по этим дисциплинам практически исчезло даже в национальных гимназиях. Вместе с тем в отдельных вузах республики удалось сохранить практику организации высшего технического обучения на татарском языке. К числу таких учебных заведений можно отнести Казанский государственный архитектурно-строительный университет, где в настоящее время студентам по ряду специальностей предоставляется возможность обучения на татарском языке.

После изменения законодательства количество часов на изучение татарского языка в школах сократилось, что привело к уменьшению учебной нагрузки для учителей-филологов. Число родителей, выбирающих татарский язык как родной для изучения детьми, остаётся относительно стабильным среди татарского населения. Функционально татарский язык в образовании всё больше смещается в сферу «семейного» и «национально-культурного» компонента, уступая русскому языку роль основного инструмента получения знаний.

Несмотря на формальное равноправие татарского и русского языков в органах власти республики, фактическое делопроизводство ведётся преимущественно на русском языке. Тексты законов дублируются на двух языках, однако реальный документооборот, судебная практика и административная переписка ведутся преимущественно на русском. Татарский язык используется в этой сфере скорее в символических формах — двуязычные вывески, бланки, отдельные публичные выступления. Это классическая ситуация диглоссии, при которой «высокий» статус языка формально признан, но не наделён полной инструментальной ценностью в карьере, коммерции и суде. Схожая картина наблюдается и в науке: татарский язык сохраняется в гуманитарной сфере (филология, история), в сфере же точных и естественных наук практически не присутствует. Вместе с тем результаты научных изысканий на татарском языке систематически публикуются на страницах единственного татароязычного журнала «Фәнни Татарстан» (Научный Татарстан), который издаётся с 2014 г.

В медиапространстве наблюдается своего рода парадокс. Формально существует разветвлённая сеть татароязычных СМИ: телеканал «ТНВ», радиостанции, десятки газет и журналов, развитая татарская литература, театр, музыкальная культура. Однако функционально эти СМИ выполняют преимущественно культурно-символическую роль, исследования медиапотребления показывают, что молодёжь и городское население среднего возраста в основном переключились на русскоязычные цифровые платформы.

Отдельного внимания заслуживает вопрос применения татарского языка в цифровой среде как важнейшего этапа в его сохранении и интеграции в современную жизнь. В таком сегменте интернета, как YouTube-каналы, TikTok, Telegram, татарский язык переживает определённый ренессанс как язык «своей тусовки», появляются блогеры, создающие контент на литературном языке и местных диалектах и привлекающие аудиторию материалами скорее развлекательного, чем этнографического характера. Основные цифровые ресурсы татарского языка представлены письменным корпусом современного татарского языка, который содержит более 500 миллионов слов, а также национальным корпусом «Туган тел», насчитывающим 200 миллионов слов. Наличие нейросетевого русско-татарского переводчика «Татсофт» играет большую роль в интеграции татарского языка в It-продукты и обучении нейросети. Тем не менее, это пока островной, а не основной тренд, частично компенсирующий ослабление языка в официальных сферах.

Главной функциональной опорой языка остаётся семейно-бытовая сфера, прежде всего, в сельской местности Татарстана и соседних регионов с компактно проживающим татарским населением, а также среди части городской интеллигенции. В крупных городах, в частности, в Казани и Набережных Челнах, доминирует татарско-русское двуязычие со смещением в сторону русского как основного средства межличностного общения, особенно среди молодёжи. Данные переписей и опросов фиксируют снижение числа тех, кто указывает татарский язык в качестве родного, внутри самой татарской этнической группы растёт доля тех, чей основной язык общения русский.

4 | Татарский язык в эмпирической проекции (по материалам социолингвистического обследования 2024—2025 г)¹⁸

Приведённые выше тенденции подтверждаются данными опроса, проведённого в 2024—2025 гг. сотрудниками НИЦНЯО ИЯз РАН среди татарской молодёжи Республики Татарстан (192 респондента, 18–24 лет). 85,9% идентифицируют себя как татары, 76% считают татарский родным языком. Это не срез населения Татарстана в целом (где татары составляют около 53%, русские — около 40% по переписи населения 2020 г.), а группа татарской молодёжи. Результаты опроса следует оценивать именно в этом контексте, тем не менее, даже в этой группе прослеживаются чёткие закономерности, значимые для темы разрыва между правовым статусом и функциональной практикой на татарском языке.

Билингвизм

63% респондентов относят себя к билингвам, 51% в повседневной жизни общаются и на русском, и на татарском, свободно татарским владеют около 80% опрошенных, русским — около 90%. При этом наблюдается чёткое разделение функций: татарский доминирует в семейно-бытовой сфере (общение с родственниками, друзьями), тогда как русский преобладает в государственных учреждениях, СМИ, на транспорте и в образовании. Только 8,3% респондентов считают, что в информационном пространстве преобладает татарский язык, против 42,7% — для русского. Это согласуется и с оценкой причин трудностей — 60,9% назвали главной проблемой овладения татарским «широкое употребление русского языка», то есть причины ситуации называются функциональными, а не юридическими.

Восприятие динамики функционального развития татарского языка 1991–2024 гг. самими носителями языка

Восприятие изменений носит зеркальный характер, русский язык после 2000-х годов воспринимается как расширивший функциональную дистрибуцию (61,5% — «расширил функционирование» или «несколько расширил»), тогда как татарский за 1991–2021 гг. — как сокращающий функции (50,5% — «сократил функциональную дистрибуцию» или «существенно сократил»). При этом советский период (1960–1991 гг.) чаще оценивается как период функционального влияния или стабильности татарского языка. Таким образом, в восприятии молодёжи постсоветский период стал временем языкового и культурного перекося в сторону доминирования русского языка.

¹⁸ Исследование выполнено в рамках проекта FMNE 2025-0014, поддержанного Министерством науки и высшего образования РФ.

Экономический фактор и мотивационный вакуум

62,5% респондентов полагают, что знание татарского языка не влияет на доход, в открытых ответах указывается, что учителя татарского получают меньше из-за малого количества часов, а на большинстве рабочих мест знание языка не даёт прибавки к зарплате. Отсутствие мотивации и стимула назвали главной причиной сокращения функций языка 58,9% опрошенных — больше, чем любой другой фактор. Татарский язык воспринимается молодёжью преимущественно как маркер этнокультурной идентичности, а не как инструмент социального лифта.

Парадокс родного языка и трансформация идентичности

76% респондентов считают татарский своим родным языком, а 85,9% идентифицируют себя как татары, однако 45,3% полагают, что можно относиться к определённой национальности не владея её языком. Татарский язык передаётся преимущественно через родителей (90,1%) и бабушек/дедушек (63%), тогда как школа играет второстепенную роль (57,3%). При определении критериев «родного языка» лидируют не этнические, а функциональные критерии — язык повседневного общения (66,1%) и язык родителей (65,6%) опережают «язык этнической группы» (50,5%). Это говорит о постепенном переходе татарской идентичности от «языковой» к «символической» и «родовой», язык всё чаще воспринимается как семейное наследие, а не обязательный атрибут национальности при сохраняющемся высоком запросе на его передачу детям (89,6% считают это важным).

Относительно отношения информантов к правовому регулированию и реформе образования 2018 года, заметно содержательное расхождение между декларативным и фактическим уровнями языковой политики. 79,2% респондентов поддерживают равный государственный статус русского и татарского языков, однако 51,6% сталкивались со случаями дискриминации по языковому признаку, 64,6% считают, что законодательство РФ обеспечивает языковые потребности жителей республики.

Позиция по реформе 2018 г. также не сводится к простому «за» или «против», 65% согласны, что изучение родных языков должно быть добровольным, но одновременно 81,3% считают, что государство должно финансировать обучение нерусским языкам, а 57,8% полагают, что малочисленные народы должны в обязательном порядке изучать свой язык в школе. Одобрение конкретной реформы 2017–2018 гг. более сдержанное (48,4% «одобряю», 20,3% «скорее да»). Иначе говоря, респонденты разделяют принцип добровольности и практические последствия его реализации — они хотят сохранения государственной

финансовой и институциональной поддержки языка, даже соглашаясь с добровольностью выбора.

Показательна и разница между активным и пассивным владением, даже в этой лояльной к языку социальной группе доля тех, кто «понимает свободно», устойчиво выше доли тех, кто «свободно разговаривает», а доля владеющих письмом — самая малочисленная категория. Это классический ранний индикатор языкового сдвига: рецептивная компетенция сохраняется дольше продуктивной даже у тех, кто идентифицирует себя как носителей языка.

Между правовым статусом и функциональной практикой

Сопоставление правового и функционального измерений позволяет выявить противоречие, характерное для многих языков народов России: формально высокий юридический статус — государственный язык республики, конституционное равноправие, разветвлённая институциональная инфраструктура (комитеты, советы, комиссии, государственные программы) — не гарантирует автоматического сохранения широкой функциональной дистрибуции языка. Татарский язык обладает одной из наиболее развитых в стране нормативных баз поддержки, выстраивавшейся на протяжении более трёх десятилетий, но сталкивается с объективными демографическими и социолингвистическими процессами — урбанизацией, языковым сдвигом, доминированием общегосударственного языка в ключевых институциональных сферах.

Данные опроса напрямую подтверждают этот тезис на эмпирическом уровне: респонденты последовательно отделяют декларативный уровень языковой политики (поддержка равноправия статусов, законодательные гарантии) от фактического (случаи дискриминации, сомнения в полноте реализации гарантий, ощущение вытеснения языка из публичных и институциональных сфер). Респонденты называют функциональные и экономические причины снижения значимости татарского языка — доминирование русского языка как средства коммуникации, отсутствие практического стимула, а не юридические, правовые ограничения, в частности, реформа 2018 г. не воспринимается как главный фактор упадка языка.

Это порождает ситуацию, при которой правовые механизмы поддержки — законы, государственные программы, дублирование документации, координационные органы — работают преимущественно на сохранение символического и институционального присутствия языка, тогда как его использование как живого средства коммуникации всё больше концентрируется в конкретных нишах: семье с высокой языковой лояльностью,

сельской местности, культурно-медийной сфере, филологическом образовании и в некоторых относительно новых сегментах цифровой среды.

5 | Заключение

Татарский язык занимает уникальное положение среди языков народов России, он обладает статусом государственного языка республики, одной из наиболее развитых в стране законодательных и институциональных баз поддержки и значительными культурными и медийными ресурсами. Правовое измерение прошло долгий путь — от Декларации о суверенитете 1990 г. и конституционно-договорных основ начала 1990-х через институционализацию 1994–2008 гг., компромиссные законы 2013 г., переломную реформу 2017–2018 гг. и поправки в Конституцию РФ 2020 г. до новых координационных органов и федеральных стратегических документов 2025–2026 гг. Эта эволюция демонстрирует, что правовое поле татарского языка сегодня в значительной степени стабилизировалось и продолжает совершенствоваться через диалог между республикой и федеральным центром.

Вместе с тем функциональная жизнеспособность языка испытывает давление со стороны как федеральных реформ в сфере образования, так и общих социолингвистических процессов, характерных для языков РФ. Данные опроса среди татарской молодёжи фиксируют устойчивое ощущение сокращения функционирования языка в публичной сфере, некоторую экономическую невостребованность при стабильно высоком запросе на сохранение языка в семье.

Дальнейшая судьба татарского языка будет зависеть не столько от его правового статуса, который уже достаточно высок и обеспечен разветвлённой институциональной поддержкой, сколько от эффективности мер, направленных на реальное расширение сфер его функционирования, прежде всего в образовании, цифровой среде, экономике и межпоколенческой передаче языка в семье. Иными словами, правовое измерение сегодня обеспечивает языку статусную защиту и институциональные гарантии, но перевод этой защиты в живую коммуникативную практику остаётся главным вызовом для сообщества носителей и для языковой политики республики в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Габдрахманова Г. Ф., Макарова Г. И. (2016) Этноязыковая политика Республики Татарстан в сфере образования // Историческая этнология. Т. 1, № 2. С. 370–384.
- Правовые основы функционирования государственных и региональных языков в условиях дву- и многоязычия (мировой опыт реализации языковой политики в федеративных государствах) (2021): материалы Международной научно-практической конференции,

13 декабря 2021 года / сост. Л. М. Гиниятуллина, Г. Н. Мухарлямова, Д. М. Абдуллина, М. М. Шакурова. Казань: ИЯЛИ. 252 с.

Современные языковые процессы в Республике Татарстан и Российской Федерации: законодательство о языках в действии (2007): материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвящённой 15-летию принятия Закона о языках. Казань: Татарское книжное издательство. 413 с.

Русский язык как государственный язык в национально-региональных условиях Татарстана (2007): сборник материалов республиканской научно-практической конференции, 7 декабря 2007 г. Казань: Татарское книжное издательство. 463 с.

Языковая политика в Республике Татарстан: политико-правовое урегулирование (2006). Казань: Магариф. 327 с.

ИСТОЧНИКИ

Закон Республики Татарстан от 8 июля 1992 г. № 1560-ХІІ «О государственных языках Республики Татарстан и других языках в Республике Татарстан». Режим доступа: <https://base.garant.ru/8102506/>. Дата обращения: 13.08.2026.

Закон Республики Татарстан от 19 октября 1993 г. № 1982-ХІІ «Об образовании». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917007927>. Дата обращения: 13.08.2026.

Закон Республики Татарстан от 22 июля 2013 г. № 68-ЗРТ «Об образовании». Режим доступа: <https://base.garant.ru/22501274/>. Дата обращения: 13.08.2026.

Закон Республики Татарстан от 28 июля 2004 г. № 44-ЗРТ «О внесении изменений и дополнений в Закон Республики Татарстан “О языках народов Республики Татарстан”». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917014148?marker>. Дата обращения: 13.08.2026.

Закон Республики Татарстан от 12 января 2013 г. № 1-ЗРТ «Об использовании татарского языка как государственного языка Республики Татарстан». Режим доступа: <https://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/446063/>. Дата обращения: 13.08.2026.

Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками. Режим доступа: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami. Дата обращения: 13.08.2026.

Конституция Российской Федерации. Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/. Дата обращения: 13.08.2026.

Конституция Республики Татарстан. Режим доступа: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014.htm. Дата обращения: 13.08.2026.

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 29 июля 1994 г. № 365 «Об образовании Комитета при Кабинете Министров Республики Татарстан по реализации Закона Республики Татарстан “О языках народов Республики Татарстан”». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917028643?marker>. Дата обращения: 13.08.2026.

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 21 октября 2013 г. № 785 «Об утверждении Государственной программы Республики Татарстан “Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014–2022 годы)”». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/463305411>. Дата обращения: 13.08.2026.

Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 27 июня 2008 г. № 451 «О дальнейших мерах по реализации законодательства о языках Республики Татарстан». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/917029480>. Дата обращения: 13.08.2026.

Указ Президента Республики Татарстан от 6 июля 2020 г. № УП-384 «О Комиссии при Президенте Республики Татарстан по вопросам сохранения и развития татарского

языка». Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/570841181>. Дата обращения: 13.08.2026.

Указ Президента Республики Татарстан от 20 мая 2022 г. № УП-355 «О Комиссии при Президенте Республики Татарстан по русскому языку». Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202205250003>. Дата обращения: 13.08.2026.

Указ Президента Российской Федерации от 11 июля 2025 г. № 474 «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации». Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/>. Дата обращения: 13.08.2026.

Федеральный закон от 1 июня 2005 г. № 53-ФЗ «О государственном языке Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/. Дата обращения: 13.08.2026.

Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/. Дата обращения: 13.08.2026.

REFERENCES

- Gabdrakhmanova, G.F. and Makarova, G.I. (2016) *Etnoyazykovaya politika Respubliki Tatarstan v sfere obrazovaniya* [Ethnolinguistic policy of the Republic of Tatarstan in education], *Istoricheskaya etnologiya* [Historical Ethnology], vol. 1, no. 2, pp. 370–384. (In Russian).
- Pravovye osnovy funktsionirovaniya gosudarstvennykh i regional'nykh yazykov v usloviyakh dvu- i mnogoyazychiya (mirovoy opyt realizatsii yazykovoy politiki v federativnykh gosudarstvakh)* [Legal foundations of the functioning of state and regional languages under conditions of bilingualism and multilingualism (world experience of implementing language policy in federal states)]. (2021). Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, 13 December 2021. Compiled by L.M. Giniyatullina, G.N. Mukharlyamova, D.M. Abdullina and M.M. Shakurova. Kazan: IYALI. 252 p. (In Russian).
- Sovremennye yazykovye protsessy v Respublike Tatarstan i Rossiyskoy Federatsii: zakonodatel'stvo o yazykakh v deystvii* [Modern language processes in the Republic of Tatarstan and the Russian Federation: language legislation in action]. (2007). Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference dedicated to the 15th anniversary of the adoption of the Law on Languages. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 413 p. (In Russian).
- Russkiy yazyk kak gosudarstvennyy yazyk v natsional'no-regional'nykh usloviyakh Tatarstana* [Russian as the state language in the national-regional context of Tatarstan]. (2007). Proceedings of the Republican Scientific and Practical Conference, 7 December 2007. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo. 463 p. (In Russian).
- Yazykovaya politika v Respublike Tatarstan: politiko-pravovoe uregulirovanie* [Language policy in the Republic of Tatarstan: political and legal regulation]. (2006). Kazan: Magarif. 327 p. (In Russian).

SOURCES

- Zakon Respubliki Tatarstan ot 8 iyulya 1992 g. № 1560-XII «O gosudarstvennykh yazykakh Respubliki Tatarstan i drugih yazykakh v Respublike Tatarstan»* [Law of the Republic of Tatarstan of 8 July 1992 No. 1560-XII “On the State Languages of the Republic of Tatarstan and Other Languages in the Republic of Tatarstan”]. Available at: <https://base.garant.ru/8102506/> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).

- Zakon Respubliki Tatarstan ot 19 oktyabrya 1993 g. № 1982-XII «Ob obrazovanii»* [Law of the Republic of Tatarstan of 19 October 1993 No. 1982-XII “On Education”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/917007927> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Zakon Respubliki Tatarstan ot 22 iyulya 2013 g. № 68-ZRT «Ob obrazovanii»* [Law of the Republic of Tatarstan of 22 July 2013 No. 68-ZRT “On Education”]. Available at: <https://base.garant.ru/22501274/> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Zakon Respubliki Tatarstan ot 28 iyulya 2004 g. № 44-ZRT «O vnesenii izmeneniy i dopolneniy v Zakon Respubliki Tatarstan “O yazykakh narodov Respubliki Tatarstan”»* [Law of the Republic of Tatarstan of 28 July 2004 No. 44-ZRT “On Amendments and Additions to the Law of the Republic of Tatarstan ‘On the Languages of the Peoples of the Republic of Tatarstan’”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/917014148?marker> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Zakon Respubliki Tatarstan ot 12 yanvarya 2013 g. № 1-ZRT «Ob ispol'zovanii tatarskogo yazyka kak gosudarstvennogo yazyka Respubliki Tatarstan»* [Law of the Republic of Tatarstan of 12 January 2013 No. 1-ZRT “On the Use of the Tatar Language as a State Language of the Republic of Tatarstan”]. Available at: <https://www.garant.ru/hotlaw/tatarstan/446063/> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Itogi VPN-2020. T. 5. Natsional'nyy sostav i vladenie yazykami* [Results of the 2020 All-Russian Population Census. Vol. 5. Ethnic Composition and Language Proficiency]. Available at: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sostav_i_vladenie_yazykami (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii* [Constitution of the Russian Federation]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/3ed9a4d68072c2f9d74767edb4d4d2ea1def6e9f/ (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Konstitutsiya Respubliki Tatarstan* [Constitution of the Republic of Tatarstan]. Available at: https://minjust.tatarstan.ru/konstitutsiya.htm?pub_id=1084014.htm (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 29 iyulya 1994 g. № 365 «Ob obrazovanii Komiteta pri Kabinete Ministrov Respubliki Tatarstan po realizatsii Zakona Respubliki Tatarstan “O yazykakh narodov Respubliki Tatarstan”»* [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of 29 July 1994 No. 365 “On the Establishment of the Committee under the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan for the Implementation of the Law of the Republic of Tatarstan ‘On the Languages of the Peoples of the Republic of Tatarstan’”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/917028643?marker> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 21 oktyabrya 2013 g. № 785 «Ob utverzhdenii Gosudarstvennoy programmy Respubliki Tatarstan “Sokhranenie natsional'noy identichnosti tatarskogo naroda (2014–2022 gody)”»* [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of 21 October 2013 No. 785 “On Approval of the State Program of the Republic of Tatarstan ‘Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2022)’”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/463305411> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Postanovlenie Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan ot 27 iyunya 2008 g. № 451 «O dal'neyshikh merakh po realizatsii zakonodatel'stva o yazykakh Respubliki Tatarstan»* [Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of 27 June 2008 No. 451 “On Further Measures for the Implementation of the Legislation on the Languages of the Republic of Tatarstan”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/917029480> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).

- Ukaz Prezidenta Respubliki Tatarstan ot 6 iyulya 2020 g. № UP-384 «O Komissii pri Prezidente Respubliki Tatarstan po voprosam sokhraneniya i razvitiya tatarskogo yazyka»* [Decree of the President of the Republic of Tatarstan of 6 July 2020 No. UP-384 “On the Commission under the President of the Republic of Tatarstan for the Preservation and Development of the Tatar Language”]. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/570841181> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Ukaz Prezidenta Respubliki Tatarstan ot 20 maya 2022 g. № UP-355 «O Komissii pri Prezidente Respubliki Tatarstan po russkomu yazyku»* [Decree of the President of the Republic of Tatarstan of 20 May 2022 No. UP-355 “On the Commission under the President of the Republic of Tatarstan on the Russian Language”]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1600202205250003> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Ukaz Prezidenta Rossiyskoy Federatsii ot 11 iyulya 2025 g. № 474 «Ob utverzhdenii Osnov gosudarstvennoy yazykovoy politiki Rossiyskoy Federatsii»* [Decree of the President of the Russian Federation of 11 July 2025 No. 474 “On Approval of the Foundations of the State Language Policy of the Russian Federation”]. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412219970/> (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Federal'nyy zakon ot 1 iyunya 2005 g. № 53-FZ «O gosudarstvennom yazyke Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law of 1 June 2005 No. 53-FZ “On the State Language of the Russian Federation”]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_53749/ (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).
- Federal'nyy zakon ot 29 dekabrya 2012 g. № 273-FZ «Ob obrazovanii v Rossiyskoy Federatsii»* [Federal Law of 29 December 2012 No. 273-FZ “On Education in the Russian Federation”]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/bf7fadb3532c712ccd28cc2599243fb8018ed869/ (Accessed: 13 August 2026). (In Russian).

Ильгиз И. Халиков

Кандидат филологических наук, директор
Института языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420140 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Ноксинский спуск,
д. 26, кв. 236.

Эл. адрес: ilgizxalikov@list.ru
<https://orcid.org/0009-0001-2341-0964>

Ilgiz I. Khalikov

Candidate of Philological Sciences, Director,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
Apt. 236, 26 Noksinsky spusk Street,
Kazan 420140,
Russian Federation.

Email address: ilgizxalikov@list.ru
<https://orcid.org/0009-0001-2341-0964>

Айса Н. Биткеева

доктор филологических наук, профессор
Российской академии наук,
руководитель Научно-исследовательского
центра по национально-языковым
отношениям Института языкознания РАН
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125009 Российская Федерация,
г. Москва, Б. Кисловский переулок, д. 1/1

Эл. адрес: an.bitkeeva@iling-ran.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Aysa N. Bitkeeva

Doctor of Philological Sciences, Professor of
the Russian Academy of Sciences,
Head of the Research Center on Ethnic and
Language Relations of the Institute of
Linguistics of the Russian Academy of
Sciences,
Moscow, Russian Federation.

Correspondence address:
B. Kislovsky lane 1/1,
Moscow, 125009,
Russian Federation,

E-mail address: an.bitkeeva@iling-ran.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3765-2144>

Для цитирования: *Халиков И.И., Биткеева А.Н.* Татарский язык в правовом и функциональном измерении // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.12–32. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-01

For citation: *Khalikov I.I., Bitkeeva A.N.* The Tatar language in legal and functional dimension // Sociolinguistics. 2026. No. 2. Pp. 12–32. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-01

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 09.03.2026;
approved after reviewing 10.09.2026;
accepted for publication 30.09.2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-02>

ДВУЯЗЫЧНАЯ УРБАНОНИМИЯ ПОЛИЭТНИЧНОЙ КАЗАНИ В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

УДК 81'26, 81'272

Олег Р. Хисамов

Институт языка,
литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова
Академии наук
Республики Татарстан,

Казань,
Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена исследованию двуязычной топонимии Казани в контексте реализации языковой политики Республики Татарстан. Проблема исследования связана с наличием отдельных несоответствий между принципом паритетного билингвизма и не всегда последовательной практикой фиксации татарских наименований в официальном Реестре улиц. Научная значимость работы обусловлена необходимостью анализа стратегий перевода, транслитерации и смешанной номинации как индикаторов реального статуса языков в полиэтничном городе, а также выявления системных орфографических, номинативных и антропонимических ошибок в урбанонимической практике. Практическая значимость заключается в возможности использования полученных выводов для унификации подходов к передаче двуязычных наименований, устранению неточностей в городском навигационном пространстве и совершенствованию нормативно-правовой базы. Автор анализирует конкретные случаи из Реестра улиц Казани, включая ошибки транслитерации, избыточную нумерацию и неполноту антропонимов. В заключении обосновывается необходимость восстановления единых стандартов транслитерации, проведения сплошной верификации татарских наименований и внесения корректив в нормативные документы. Устранение выявленных проблем позволит повысить качество городской навигации и будет способствовать сохранению культурно-исторического наследия народов Татарстана, а также укреплению статуса государственных языков Республики Татарстан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: ономастика, топонимика, урбанонимия, топонимия, Казань, двуязычие, языковая политика, татарский язык

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Олег Р. Хисамов, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-02>

BILINGUAL URBANONYMY OF MULTIETHNIC KAZAN IN THE CONTEXT OF THE LANGUAGE POLICY OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

UDC 81'26, 81'272

Oleg R. Khisamov

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and
Art of the Academy of
Sciences of the Republic of
Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Abstract

The article examines the bilingual hodonymy of Kazan in the context of the implementation of the language policy of the Republic of Tatarstan. The research problem arises from certain inconsistencies between the principle of parity bilingualism and the not always consistent practice of recording Tatar place names in the official Register of Streets. The scholarly significance of the study lies in the need to analyse strategies of translation, transliteration, and mixed nomination as indicators of the actual status of languages in a multiethnic city, as well as to identify recurrent orthographic, nominative, and anthroponymic inconsistencies in urban naming practices.

The practical significance of the study consists in the potential application of its findings to the standardization of approaches to rendering bilingual place names, the elimination of inaccuracies in the urban navigation system, and the improvement of the relevant regulatory framework. The author analyses specific cases from the Register of Streets of Kazan, including transliteration errors, excessive numbering, and incomplete anthroponymic forms. The article concludes by substantiating the need to restore uniform transliteration standards, conduct a comprehensive verification of Tatar place names, and introduce appropriate amendments to regulatory documents.

Addressing the identified problems would improve the quality of urban navigation, contribute to the preservation of the cultural and historical heritage of the peoples of Tatarstan, and strengthen the status of the official languages of the Republic of Tatarstan.

KEYWORDS: onomastics, toponymy, urbanonymy, hodonymy, Kazan, bilingualism, language policy, Tatar language

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Oleg R. Khisamov 2026

1 | Введение

В современном мире городское пространство перестаёт быть лишь физической средой обитания человека, превращаясь в сложный семиотический текст, транслирующий историко-культурные коды, идеологические установки и этноязыковые приоритеты сообщества. Ключевую роль в формировании этого текста играют урбанонимы — названия внутригородских объектов, которые, по справедливому замечанию М.В. Голомидовой, выступают «как информационно-коммуникационный ресурс, значимый для трансляции имиджа города» [Голомидова, 2015: 186].

Урбанонимика и социолингвистика находятся в теснейшем и плодотворном взаимодействии. Их связь можно назвать симбиотической: урбанонимика предоставляет социолингвистике богатейший эмпирический материал, а социолингвистика даёт теоретический инструментарий для его анализа. По сути, урбанонимика является прикладной полевой социолингвистикой городского пространства.

Урбанонимы являются также зеркалом истории города и языка народа, живущего в нём [Татарская лексикология, 2025: 308]. Исследователи отмечают, что, несмотря на возможное сходство урбанонимиконев различных городов в репрезентативности отдельных групп названий, каждый из них обладает уникальными чертами, обусловленными национальными традициями именования внутригородских объектов, сформировавшимися в разных странах [Прищепа, 2024: 57]. Урбанонимия — совокупность урбанонимов — названий внутригородских объектов: улиц, площадей, районов, парков, зданий [Хадиева, 2012: 216].

Объектом настоящего исследования выступает топонимия г. Казани. Под топонимией (от греч. *hodos* — путь, дорога, улица и *опута* — имя) в современной ономастике понимается совокупность топонимов — названий линейных внутригородских объектов, к числу которых относятся улицы, проспекты, бульвары, аллеи, набережные, проезды, переулки, линии, шоссе (в черте города), тупики и подобные им пространственные единицы, обеспечивающие транспортную и пешеходную связность городской среды. Топонимическая система — это определенным образом организованная совокупность топонимов данного этноса для данного времени на данной территории [Полевая, 2028: 414]. Именно топонимическая система наиболее чутко реагирует на изменения языковой политики и служит индикатором реального, а не декларируемого статуса языков в полиэтническом социуме.

Научная значимость обращения к топонимической лексике продиктована её ключевой ролью в организации повседневной жизнедеятельности социума. Это определяет насущную

потребность в унификации понятийного аппарата топонимических исследований и преодолении дефиниционной неопределенности, сохраняющейся в современной ономатологии [Егорова, 2018: 224].

Выбор годонимии г. Казани в качестве объекта исследования обусловлен рядом факторов. Во-первых, г. Казань является столицей Республики Татарстан — региона с официально закрепленным двуязычием (русский и татарский языки обладают статусом государственных), что придает особую значимость изучению способов репрезентации обоих языков в городском ономастиконе. Можно сказать, что г. Казань представляет собой уникальную лабораторию для наблюдения за реализацией принципов паритетного билингвизма в городской топонимике на протяжении последних трёх десятилетий. Во-вторых, современное состояние казанской годонимии отражает сложное взаимодействие исторически сложившихся наименований, советского номинативного наследия и новых номинативных стратегий, реализуемых в рамках языковой политики последних десятилетий. В-третьих, в годонимии Казани непосредственно проявляются такие ключевые для социолингвистики процессы, как языковое планирование, конструирование символического пространства, реализация принципов паритетного билингвизма, а также разнообразные практики перевода, транслитерации и графической адаптации урбанонимов. И наконец, выявленные в ходе анализа проблемные зоны (вариативность транслитерации, орфографические ошибки, избыточная нумерация, неполнота антропонимов) имеют не только научное, но и прикладное значение, поскольку их устранение напрямую влияет на качество городской навигации и сохранение историко-культурного наследия.

Таким образом, объектом исследования выступает годонимия города Казани, предметом — стратегии передачи татарских и русских наименований в условиях официального двуязычия, а также проблемы, возникающие при их фиксации в Реестре улиц и использовании в городском пространстве.

Цель работы заключается в выявлении основных тенденций и противоречий в формировании двуязычного годонимикона Казани как отражения современной языковой политики.

Материалом для исследования послужил официальный Реестр названий улиц города Казани (утв. постановлением Исполкома г. Казани от 03.02.2016 № 286, с последующими изменениями). Теоретическую базу составили работы отечественных и зарубежных авторов в области ономастики, социолингвистики и урбанистики.

2 | Нормативно-правовая база и практика реализации двуязычия в топонимии Казани

В последние три десятилетия благодаря комплексным мерам, в частности, реализации закона «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 года N 1560-XII, в республике произошли значительные изменения в сфере функционирования татарского языка. Изменился его статус, были разработаны документы, направленные на развитие и расширение сферы его применения. Одним из наиболее актуальных вопросов стало введение двуязычия в наименованиях улиц, посёлков и других географических объектов. С этой целью в Татарстане была проделана значительная работа: создана республиканская топонимическая комиссия (впоследствии, однако, упразднённая), аналогичные комиссии появились при администрациях некоторых городов и районов Республики Татарстан (в том числе при администрации г. Казани, членом которой является и автор данной статьи), а также были разработаны рекомендации по наименованию (переименованию) географических объектов республики.

Основные вопросы в этой области отражены в Конституциях Российской Федерации и Республики Татарстан, в Федеральном законе «О государственном языке Российской Федерации» от 01.06.2005 № 53-ФЗ, в Законе Республики Татарстан «О языках народов Республики Татарстан» от 8 июля 1992 года N 1560-XII, в Федеральном законе от 18.12.1997 № 152-ФЗ «О наименованиях географических объектов» (с изменениями и дополнениями), а также в Законе РТ от 23.07.2014 № 66-ЗРТ «О регулировании отдельных вопросов в сфере наименований географических объектов в Республике Татарстан» (с изменениями от 26 декабря 2025 года).

Несмотря на столь обширную нормативную базу, в настоящее время на законодательном уровне сохраняется ряд нерешённых вопросов. В частности, до конца не определены принципы и правила использования государственных языков Республики Татарстан в топонимии. Так, остаются неурегулированными процессы перевода или транслитерации географических названий с одного языка на другой: ни в федеральном, ни в республиканском законах эта процедура подробно не прописана.

В большинстве языков допустимы небольшие различия в произношении или употреблении географических названий, особенно когда речь идет о природных объектах. Это обычная практика для устной речи, где смысл высказывания, как правило, ясен из контекста. Однако когда название употребляется изолированно (вне предложения), важно последовательно придерживаться единой формы. Картография, например, требует «точности и недвусмысленности» и не терпит вариативности географических названий. Исследователи в области топонимики придерживаются принципа «одно название — один объект», не одобряя переводы названий на другие языки.

Примечательно, что данная проблема в своё время уже была решена в Республике Татарстан. Был разработан документ «Рекомендации по наименованию (переименованию) географических объектов РТ», утвержденный Постановлением Кабинета Министров Республики Татарстан № 614 от 5 августа 1997 года. Пункт 6 данного постановления гласил, что наименования географическим объектам присваиваются на государственных языках РТ, не подлежат переводу и должны транслитерироваться с учётом единых стандартов. Однако в настоящее время это постановление отменено. В силу указанной правовой неопределённости реализация принципа двуязычия в топонимии осуществляется фрагментарно: в одних населённых пунктах можно встретить перевод названий улиц на второй государственный язык, в других — нет, что создает пёструю и неоднородную картину в масштабах республики.

В сложившихся условиях исследователи в области топонимики сходятся во мнении, что названия улиц, площадей и других территорий должны фиксироваться на обоих государственных языках Республики Татарстан на паритетных началах и не подлежат переводу. При оформлении наименования географического объекта определяются нормативные формы написания, соответствующие правилам и обычаям употребления географических обозначений на государственных языках Республики Татарстан [Татарская лексикология, 2025: 314].

В русле этой логики в г. Казани создан и функционирует Реестр названий улиц г. Казани (далее – Реестр). Он утвержден постановлением Исполнительного комитета муниципального образования г. Казани от 3 февраля 2016 года № 286 «О Реестре названий улиц города Казани» (с изменениями на 20 июля 2023 года). Согласно данному документу, в официальной документации органов власти и управления, действующих на территории города Казани, названия улиц используются исключительно в соответствии с Реестром.

Реестр разработан в целях регламентированного употребления названий объектов городской среды в официальной документации органов власти, управления и юридических лиц. Он включает названия объектов, относящихся к элементам улично-дорожной сети города: улиц, проспектов, площадей, проездов, переулков, шоссе, трактов. В Реестре содержится следующая информация:

- название элемента улично-дорожной сети;
- административный район;
- краткое описание местоположения в городе с указанием составной части города;
- нормативный акт, которым было присвоено название улицы.

3 | Количественная характеристика татарского компонента в топонимиконе Казани: ретроспективный анализ и современное состояние

Ещё в 1993 году известный учёный, доктор филологических наук, основатель татарской школы ономастики Г.Ф. Саттаров в статье «Башкалабыз атамаларына – милли рух» (букв. «Национальный дух в названиях нашей столицы») обратил внимание на проблему репрезентации татарского этноса в урбанонимическом пространстве Казани. Исследователь констатировал, что названия улиц города не отражают национальную идентичность, доля татарских наименований крайне мала, и настаивал на необходимости присвоения улицам имён выдающихся татарских деятелей [Саттаров, 1993: 164–168]. По сути, это был один из первых сигналов о дисбалансе в языковом ландшафте постсоветской Казани, обозначивший вектор будущей языковой политики.

Спустя три десятилетия можно предметно оценить, насколько всё изменилось. Современная языковая ситуация в урбанонимии Казани по-прежнему характеризуется количественной асимметрией: татарские названия улиц (459 ед.) составляют лишь 19% в общем массиве топонимов по сравнению с 81% русских наименований (1947 ед.). Данное соотношение отражает долгосрочные последствия предшествующей языковой политики советского периода, когда доминирование русского языка в официальной сфере было практически абсолютным, а татарская топонимия либо вытеснялась, либо русифицировалась.

Вместе с тем анализ практик наименования последних полутора десятилетий фиксирует перелом тенденции. С 2006 года прирост татарских названий (180 ед.) практически сравнялся с приростом русских (206 ед.), что составляет 47% от всех новых номинаций. Это позволяет говорить о последовательном формировании билингвального топонимического ландшафта, где оба государственных языка начинают получать сопоставимую символическую репрезентацию, по крайней мере, в сегменте вновь присваиваемых наименований.

Примечательно, что данная динамика разворачивается на фоне общеевропейских и общемировых процессов. Некоторые исследователи отмечают, что на рубеже XX–XXI веков под влиянием глобализации наблюдается активизация процессов проникновения иноязычных элементов в ономастическое пространство города [Галиуллина, 2012: 34]. Однако топонимикон Казани в этом отношении демонстрирует известный консерватизм: значительного притока иноязычных (англоязычных и прочих) заимствований в данной сфере не зафиксировано. Это объясняется, по-видимому, как спецификой самой топонимической системы, выполняющей прежде всего идентифицирующую и мемориальную функции и в силу этого менее

подверженной внешним влияниям, так и целенаправленными усилиями по сохранению национально-культурной специфики в рамках реализации языковой политики республики.

4 | Способы передачи татарских урбанонимов в условиях официального билингвизма

В современной топонимической практике Республики Татарстан, характеризующейся функционированием двух государственных языков, передача татарских урбанонимов осуществляется посредством трёх основных стратегий: 1) прямой перевод с русского языка на татарский; 2) транслитерация (передача графической формы без перевода); 3) смешанный (комбинированный) способ [Татарская лексикология, 2025: 315].

Наибольшее распространение метод перевода получил в 1990–2000-е годы, когда в рамках языковой политики, направленной на расширение сфер функционирования татарского языка, значительный массив русскоязычных наименований был подвергнут прямому переводу. К числу таких номинаций относятся: ул. *Девятого Мая* - *Тугызынчы Май урамы*, ул. *Поперечно-Базарная* - *Акрылы Базар урамы*, ул. *Поперечно-Слободская* - *Аркылы Бистә урамы*, ул. *Современников* - *Замандашлар урамы* и др.

В настоящее время, однако, практика прямого перевода утратила свою актуальность: вновь присваиваемые наименования, как правило, не подвергаются переводу, а фиксируются в той языковой форме, в которой они были утверждены. В то же время в официальном Реестре сохраняется значительное число билингвальных пар, восходящих к предшествующему периоду: ул. *Восьмого Марта* – *Сигезенче Март урамы*; ул. *Трудящихся* – *Хезмәтчәннәр урамы*; ул. *Слободская* – *Бистә урамы*; ул. *Приволжская* – *Идел буе урамы*; пл. *Свободы* – *Ирек мәйданы*; ул. *Серп и Молот* – *Урак һәм Чүкеч урамы*; ул. *Строителей* – *Төзүчеләр урамы*; пл. *Тысячелетия* – *Меңьеллык мәйданы*; ул. *Хлебозаводская* – *Икмәк заводы урамы*; ул. *Первого Мая* – *Беренче Май урамы*; ул. *Нижекамская* – *Түбән Кама урамы*; ул. *Мостовая* – *Күперчеләр урамы*; ул. *Оружейников* – *Коралчылар урамы*; ул. *Наставников* – *Остазлар урамы* и др.

Особую категорию в системе билингвальной урбанонимии составляют наименования, образованные от уже существующих топонимов (ойконимов, гидронимов и др.). В данном случае стратегия перевода применяется при наличии у исходного топонима устоявшегося соответствия в принимающем языке. Иначе говоря, урбаноним воспроизводит ту форму, которая уже закреплена в языковой практике для обозначения соответствующего географического объекта.

К числу таких номинаций относятся: ул. *Альметьевская* → *Әлмәт урамы* (от названия г. *Альметьевск* — *Әлмәт*); ул. *Тюменская* → *Төмән урамы* (от названия г. *Тюмень* — *Төмән*); ул.

Аметьевская → *Әмәт урамы* (от названия населенного пункта Аметьево — *Әмәт*); ул. *Арская* → *Арча урамы* (от названия г. Арск — *Арча*); ул. *Атнинская* → *Әтнә урамы* (от названия с. Атня — *Әтнә*); ул. 1-я Бугульминская → *1 нче Бөгелмә урамы* (от названия г. Бугульма — *Бөгелмә*); ул. *Бухарская* → *Бохара урамы* (от названия г. Бухара — *Бохара*) и др.

Таким образом, передача данной группы урбанонимов подчиняется не столько семантическому принципу (переводу значения слова), сколько принципу топонимической преемственности: урбаноним наследует уже сложившуюся в языке-реципиенте форму имени собственного.

Особого внимания с социолингвистической точки зрения заслуживает вопрос о непоследовательности применяемых стратегий номинации. В городском ономастиконе сосуществуют разнородные по способу образования татарские соответствия: наряду с переведёнными номинациями (*Хлебозаводская* → *Икмәк заводы урамы*, *Трудящихся* → *Хезмәтчаннар*, *Строителей* → *Төзүчеләр*) фиксируются случаи транслитерации или сохранения исходной формы без перевода (*Уңыш* → *Уныш*, *Уракчы* → *Уракчи*, *Удивительная* → *Удивительная*). Подобная вариативность свидетельствует об отсутствии в прошлом единого последовательного принципа в реализации языковой политики в сфере урбанонимии.

Представляется целесообразным выработка унифицированного подхода к передаче татарских наименований. В качестве возможного критерия может выступать принцип фонетической близости: перевод на татарский язык представляется оправданным в тех случаях, когда русский и татарский варианты демонстрируют высокую степень фонетического сходства, что обеспечивает узнаваемость номинации для носителей обоих языков. Примерами таких «прозрачных» соответствий могут служить: ул. *Героев Хасана* – *Хәсән геройлары урамы*; ул. *Жасминовая* – *Ясмин урамы*; ул. *Кашиановая* – *Каштан урамы*; ул. *Кедровая* – *Кедр урамы* и др. В случаях существенных фонетических расхождений более оправданным представляется использование транслитерации либо сохранение исходной номинации в качестве официальной.

В условиях сбалансированной языковой политики механизмы межъязыковой передачи урбанонимов приобретают симметричный характер. Транслитерация в урбанонимическом пространстве г. Казани представляет собой билатеральный процесс, при котором графическая адаптация в равной степени применяется к наименованиям, исходно принадлежащим обоим государственным языкам.

Стратегия билатеральной транслитерации реализуется следующим образом:

– при переводе русскоязычного урбанонима на татарский язык исходная лексическая основа сохраняется в татарской графике (*Васильковая* → *Васильковая урамы*), изменяется лишь грамматическое оформление;

– при переводе татароязычного урбанонима на русский язык исходная основа также сохраняется, но фиксируется средствами русской графики (*Баһадир* → *Бахадир*, *Бәхетле* → *Бахетле*).

Данная симметрия принципиально важна с социолингвистической точки зрения: она свидетельствует о том, что ни один из языков не занимает привилегированной позиции «языка-источника», по отношению к которому другой язык выступает лишь как инструмент вторичной фиксации. Оба языка в равной мере выступают как доноры (сохраняют свои лексические основы) и как реципиенты (подвергают основы другого языка графической адаптации).

К числу наименований, переданных посредством билатеральной транслитерации, относятся:

– русско-татарские пары: *Васильковая* – *Васильковая урамы*, *Вдохновения* – *Вдохновения урамы*, *Вербная* – *Вербная урамы*;

– татаро-русские пары: *Баһадир* – *Бахадир*, *Бәхетле* – *Бахетле*, *Курай* – *Курай*, *Кызыл Татарстан* – *Кызыл Татарстан*, *Кызыл Яр* – *Кызыл Яр*.

Таким образом, билатеральная транслитерация выступает как механизм реализации лингвистического паритета в городском ономастиконе, обеспечивая равную представленность обоих языков без доминирования одного над другим.

Особый интерес в контексте анализа урбанонимической политики представляет смешанный способ передачи наименований, при котором одна часть урбанонима сохраняется в исходной форме (подвергаясь транслитерации), а другая переводится на второй государственный язык. Данная стратегия последовательно реализуется в отношении нескольких категорий городских объектов:

1. Родовые термины. Объекты уличной сети регулярно переводятся на татарский язык: *улица* — *урам*; *переулок* — *тыкрык*; *проезд* — *юл*; *площадь* — *мәйдан*; *слобода* — *бистә*.

При этом лексические основы, заимствованные из русского языка, как правило, не переводятся, а транслитерируются: *Проспект Альберта Камалеева* — *Альберт Камалеев проспекты*; *Горьковское шоссе* — *Горький шоссесы*; *Сибирский тракт* — *Себер тракты*.

2. Цифровые компоненты. В названиях, содержащих цифры, применяется частичный перевод: цифровая часть переводится на татарский язык (с использованием порядковых числительных), тогда как остальная часть урбанонима транслитерируется либо сохраняется в

оригинальной форме: 2-я Магаданская — 2 нче Магадан урамы; 1-я Молдавская — 1 нче Молдавия урамы.

3. Префиксальные компоненты. Отдельного внимания заслуживают случаи перевода элементов, указывающих на пространственные характеристики объекта (*поперечно-*, *большая* / *малая*, *старая*, *право-* / *лево-*). Однако здесь наблюдается определенная вариативность, свидетельствующая об отсутствии единого принципа: *Поперечно-Азинская* — *Аркылы Азино урамы* (перевод); *Поперечно-Боевая* — *Поперечно-Боевая урамы* (транслитерация); *Большая Мухаметшина* — *Зур Мөхәммәтшин урамы* (перевод); *Большая Заречная* — *Большая Заречная урамы* (транслитерация); *Малая Армавирская* — *Кече Армавир урамы* (перевод) [Татарская лексикология, 2025: 316–317].

Последняя группа представляет особый интерес для социолингвистического анализа, поскольку демонстрирует отсутствие единого подхода к передаче семантически однородных компонентов. Подобная вариативность может рассматриваться как индикатор переходного состояния языковой политики, в рамках которой нормативные предписания ещё не полностью унифицированы и значительную роль продолжают играть ситуативные решения и сложившаяся практика.

5 | Проблемные зоны в современной урбанонимической практике г. Казани

Анализ современного состояния топонимикона г. Казани позволяет выявить ряд системных проблем, требующих нормативного урегулирования и унификации подходов к передаче наименований.

1. Передача татарских названий в русской графике. При фиксации татароязычных урбанонимов средствами русского языка наблюдается непоследовательность в передаче специфических фонем, не имеющих прямых аналогов в русской фонетической системе. Ср.: ул. *Эмет*, ул. *Кемеш*, ул. *Юкэ*, ул. *Чирямле*, ул. *Жиякле*, ул. *Икмякле*, ул. *Чэчэк*, ул. *Лейсан*, ул. *Яшляр*, *Яшь Кеч урамы*. Несмотря на наличие действующих орфографических и транслитерационных норм, фиксация данных наименований в официальном Реестре демонстрирует отсутствие единообразия в их применении, что приводит к вариативности написаний и, как следствие, затрудняет идентификацию наименований в русскоязычном Реестре. Приведённые примеры демонстрируют не столько отсутствие унифицированных правил транслитерации (соответствующие нормы зафиксированы в определённых действующих словарях татарского языка) [РТС личных имён..., 2025: 14–21], сколько несоблюдение этих правил при внесении наименований в официальный документ.

2. Избыточная нумерация однотипных названий. Значительную долю в Реестре составляют нумерованные наименования, что создает сложности для навигации и адресации. Особую остроту проблема приобретает при многократном дублировании одного и того же названия:

- пять Станционных улиц (1-я – 5-я);
- четыре Тракторных улицы;
- пять Рубежных улиц;
- девять Поперечно-Дорожных улиц;
- семь Отарских улиц;
- пять Победиловских улиц;
- двенадцать Новосельских улиц;
- тринадцать Давликеевских улиц;
- семь Залесных улиц;
- девять Кадышевских улиц;
- пять Муромских улиц;
- одиннадцать Центральных улиц и др.

Подобная практика, восходящая к советскому периоду массовой жилой застройки, представляется архаичной и требует пересмотра в пользу присвоения индивидуальных наименований.

3. Неудачные модели номинации. К числу спорных решений следует отнести использование определителей *большая / малая* в сочетании с антропонимами, как в случаях *Большая Мухаметшина улица* и *Малая Мухаметшина улица* (в татарском варианте – *Зур Мөхәммәтшин урамы* и *Кече Мөхәммәтшин урамы*). Подобная модель создает ложное впечатление о наличии у лица, в честь которого названа улица, двух разных ипостасей или о существовании двух разных людей с одной фамилией, что противоречит мемориальной функции урбанонима.

4. Неполнота антропонимических номинаций. Значительное число урбанонимов, присвоенных в честь исторических лиц, представлено в Реестре в усечённом виде — только по фамилии (реже — по имени без фамилии). Ср.: *ул. Маркина*, *ул. Янеева*, *ул. Щорса*, *ул. Щукина*, *ул. Щапова* вместо полных форм *ул. Юсуфа Акчурина*, *ул. Юлиуса Фучика*, *ул. Гумара Баширова* или с указанием статуса *ул. Академика Глушко*, *ул. Академика Арбузова*. Подобная редукция антропонима не только затрудняет идентификацию личности, но и может рассматриваться как символическое обесценивание мемориального акта.

Следует отметить позитивную динамику: названия, присвоенные после 2006 года, фиксируются в Реестре в полной форме, что свидетельствует об изменении подходов к антропонимической номинации в сторону большей информационной полноты и уважения к увековечиваемым личностям.

5. Орфографические ошибки в фиксации татарских наименований. Отдельную проблему, тесно связанную с указанными выше, составляют случаи орфографически некорректной передачи татарских урбанонимов в официальном Реестре. Нарушения носят системный характер и затрагивают прежде всего передачу специфических татарских фонем, требующих использования букв *ә, ө, ү, җ, ң, һ*. Так, фамилия *Әпсәләмов* фиксируется в Реестре как *Эпсэлэмов*, имя *Әбүбәкер* — как *Эбубэкер* (в составе названия ул. *Эбубэкер Терегулов*), топоним *Әгерҗе* — как *Эгерже*, *Әлмәт* — как *Элмэт*, *Әмәт* — как *Эмэт*, *Дәүләки* — как *Дэулэки*. Аналогичные ошибки наблюдаются в названиях *Ак чәчәкләр* (в Реестре *Ак чэчэклэр*), *Әнис* (в Реестре *Энис*), а также в антропониме *Әмирхан Еники* (в Реестре *Эмирхан Еники*). Приведённые примеры свидетельствуют о несоблюдении орфографических норм татарского языка при внесении наименований в официальный Реестр.

Особую тревогу вызывает тот факт, что именно Реестр служит нормативной базой для изготовления дорожных указателей: ошибки, допущенные в Реестре, автоматически тиражируются в городском пространстве, закрепляя некорректные формы в визуальном ландшафте и создавая ложные прецеденты для языковой практики. Кроме того, в ряде случаев (как в примере с *Эпсэлэмов*) орфографическая ошибка усугубляется отмеченной выше проблемой редукции антропонима: фамилия приведена без имени, что не позволяет идентифицировать личность, в честь которой названа улица. Представляется необходимым проведение сплошной верификации татарских наименований в Реестре на предмет соответствия орфографическим нормам татарского языка с последующим внесением корректив. Без этого этапа любые дальнейшие шаги по унификации урбанонимической практики будут закреплять исходно ошибочные формы.

6 | Заключение

Подводя итог исследованию двуязычной годонимии Казани, следует подчеркнуть, что данная сфера представляет собой не просто совокупность географических названий, а сложный социальный и языковой феномен, в котором отражаются ключевые процессы современного полиэтнического общества. Годонимикон выступает своеобразной проекцией

языковой политики на городское пространство, фиксируя как достижения, так и проблемные зоны в регулировании двуязычия.

Проведённый анализ показывает, что за последние три десятилетия в Казани сформировалась устойчивая практика билингвального оформления внутригородских объектов, что само по себе является значимым результатом реализации государственной языковой политики. Однако наличие формального двуязычия не всегда означает его содержательное и качественное воплощение. Выявленные в ходе исследования системные проблемы — от орфографических ошибок до отсутствия единых принципов транслитерации — свидетельствуют о том, что процесс становления полноценного билингвального урбанонимического пространства ещё не завершён.

Особого внимания заслуживает вопрос о соотношении спонтанной и регулируемой номинации. С одной стороны, топонимия демонстрирует известный консерватизм и устойчивость к внешним влияниям, с другой — она остаётся полем целенаправленного регулирования, где решения, принимаемые на уровне муниципальных и республиканских органов, непосредственно формируют языковой ландшафт города. В этой связи наличие системных ошибок в официальном Реестре приобретает особое значение, поскольку именно этот документ задаёт нормативный образец для всего городского пространства.

Важно подчеркнуть, что решение выявленных проблем лежит не столько в плоскости лингвистики, сколько в плоскости институциональной и управленческой. Наличие разработанных орфографических норм и словарей не гарантирует соблюдения этих норм, если отсутствуют механизмы контроля и ответственность за их нарушение. Восстановление единых стандартов транслитерации, закреплённых на законодательном уровне, и проведение системной верификации уже существующих наименований представляются первоочередными шагами на пути к упорядочению городского ономастикона.

В более широком контексте топонимия Казани может рассматриваться как модель для изучения процессов языкового взаимодействия в полиэтничных регионах. Опыт столицы Татарстана демонстрирует, что формирование билингвального пространства — процесс длительный и нелинейный, успех которого зависит не только от политической воли, но и от качества институционального дизайна, включая прозрачные процедуры согласования, лингвистическую экспертизу и обратную связь с носителями языка.

Таким образом, двуязычная топонимия Казани, будучи отражением языковой политики и межэтнического взаимодействия, остаётся одновременно и результатом уже проделанной работы, и полем для дальнейших усилий по гармонизации языкового пространства города.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирова Р. М. (2011) Татарская эргонимия города Казани: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань. 24 с.
- Галиуллина Г. Р. (2012) Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтнического города // Филология и культура. № 2 (28). С. 32–35. EDN: OHRFOO.
- Голомидова М. В. (1998) Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург: УГПУ.
- Голомидова М. В. (2015) Урбанонимический дизайн: к вопросу о названии внутригородских объектов // Вопросы ономастики. № 1 (18). С. 186–196.
- Егорова Л. В. (2018) К вопросу изучения годонимов в современной парадигме лингвистических исследований // Вестник Чувашского университета. № 2. С. 224–233. EDN: XQWUYP.
- Клименко Е. Н., Рут М. Э. (2018) Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте // Вопросы ономастики. Т. 15, № 2. С. 210–222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022. EDN: XVQYJF.
- Полевая А. Ю. (2018) К вопросу о номинации годонимических объектов // Мир науки, культуры, образования. № 3 (70). С. 413–416.
- Прищепина М. М. (2024) Принципы номинации в годонимной системе Бристоля // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия А. Гуманитарные науки. № 4 (72). С. 57–61. DOI: 10.52928/2070-1608-2024-72-4-57-61. EDN: NYALUY.
- Русско-татарский словарь личных имён и фамилий = Русча-татарча кеше исемнәре һәм фамилияләре сүзлеге: орфографический справочник (2025) / авт.-сост. Г. Р. Галиуллина, М. З. Валиева. Казань: Татар. кн. изд-во. 391 с.
- Хадиева Г. К. (2012) Урбанонимия города Казани // Альманах современной науки и образования. № 9. С. 216–218. EDN: PCAYOJ.

ИСТОЧНИКИ

- Амиров К. Ф. Казань: где эта улица, где этот дом? Справочник улиц города Казани. Казань: Казань, 1995. 320 с.
- О Реестре названий улиц города Казани от 03 февраля 2016. Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/446524353?ysclid=mk3zg7m3o7726335149> Дата обращения: 08.05.2026.

REFERENCES

- Amirova, R.M. (2011) *Tatarskaya ergonimiya goroda Kazani* [Tatar ergonymy of the city of Kazan]. Abstract of PhD dissertation. Kazan. 24 p. (In Russian).
- Galiullina, G.R. (2012) Dialog kul'tur v onomasticheskom prostranstve sovremennogo polietnicheskogo goroda [Dialogue of cultures in the onomastic space of a modern polyethnic city], *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture], no. 2(28), pp. 32–35. EDN OHRFOO. (In Russian).
- Golomidova, M.V. (1998) *Iskusstvennaya nominatsiya v russkoy onomastike* [Artificial nomination in Russian onomastics]. Yekaterinburg: USPU. (In Russian).
- Golomidova, M.V. (2015) Urbanonimicheskiy dizayn: k voprosu o nazvanii vnutrigorodskikh ob"ektov [Urbanonymic design: on the issue of naming intracity objects], *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], no. 1(18), pp. 186–196. (In Russian).
- Egorova, L.V. (2018) K voprosu izucheniya godonimov v sovremennoy paradigme lingvisticheskikh issledovaniy [On the study of hodonyms in the modern paradigm of linguistic research], *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of Chuvash University], no. 2, pp. 224–233. EDN XQWUYP. (In Russian).

- Klimenko, E.N. and Rut, M.E. (2018) Neofitsial'nye urbanonimy Yekaterinburga v sotsiolingvisticheskom aspekte [Unofficial urbanonyms of Yekaterinburg in sociolinguistic aspect], *Voprosy onomastiki* [Problems of Onomastics], vol. 15, no. 2, pp. 210–222. DOI: 10.15826/vopr_onom.2018.15.2.022. EDN XVQYJF. (In Russian).
- Polevaya, A.Yu. (2018) K voprosu o nominatsii godonimicheskikh ob"ektov [On the issue of nomination of toponymic objects], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 3(70), pp. 413–416. (In Russian).
- Prishchepa, M.M. (2024) Printsipy nominatsii v godonimnoy sisteme Bristolya [Principles of nomination in the toponymic system of Bristol], *Vestnik Polotskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya A. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Polotsk State University. Series A. Humanities], no. 4(72), pp. 57–61. DOI: 10.52928/2070-1608-2024-72-4-57-61. EDN HYALUY. (In Russian).
- Galiullina, G.R. and Valieva, M.Z. (comps.) (2025) *Russko-tatarskiy slovar' lichnykh imen i familiy = Ruscha-tatarcha keshe isemnære hām familiyaläre syzlege: orfograficheskiy spravochnik* [Russian-Tatar dictionary of personal names and surnames: orthographic reference book]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 391 p. (In Russian and Tatar).
- Khadiyeva, G.K. (2012) Urbanonimiya goroda Kazani [Urbanonymy of the city of Kazan], *Al'manakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Almanac of Modern Science and Education], no. 9, pp. 216–218. EDN PCAYOJ. (In Russian).

SOURCES

- Amirov, K. F. (1995). Kazan': gde eta ulitsa, gde etot dom? Spravochnik ulits goroda Kazani [Kazan: Where is this street, where is this house? A reference book of Kazan city streets]. Kazan: Kazan. 320 p. (In Russian).
- O Reestre nazvaniy ulits goroda Kazani ot 03 fevralya 2016 goda [On the Register of street names of the city of Kazan dated February 3, 2016]. docs.cntd.ru. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/446524353?ysclid=mk3zg7m3o7726335149> Access date: 08.05.2026. (In Russian).

Олег Р. Хисамов

Доктор филологических наук, заместитель
директора по научной работе,
Институт языка, литературы и искусства им.
Г. Ибрагимова Академии наук Республики
Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420100 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Новоселья, д. 6, кв. 229.

Эл. адрес: ohisamov75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3776-8035>

Oleg R. Khisamov

Doctor of Philology, Deputy Director for
Research,
G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art of the Academy of
Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
Apt. 229, 6 Novoselya Street,
Kazan 420100,
Russian Federation.

Email address: ohisamov75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3776-8035>

Для цитирования: *Хисамов О.Р.* Двухязычная урбанонимия полиэтнической Казани в контексте языковой политики Республики Татарстан // Социолингвистика. 2026. № 2. С.33–49. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-02

For citation: *Khisamov O.R.* Bilingual urbanonymy of multiethnic Kazan in the context of the language policy of the Republic of Tatarstan // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 33–49. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-02

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 14.11.2025;
approved after reviewing 16.07.2026;
accepted for publication 30.08.2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-03>

НАЦИОНАЛЬНЫЕ БРЕНДЫ КАК ИНСТРУМЕНТ СОХРАНЕНИЯ РОДНЫХ ЯЗЫКОВ (НА ПРИМЕРЕ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА)

УДК 81'272

Наиля Р. Султанова

Набережночелнинский
институт (филиал)
Казанского Федерального
Университета,

Набережные Челны,
Российская Федерация

Джамиля Н. Мустафина

Набережночелнинский
институт (филиал)
Казанского Федерального
Университета,

Набережные Челны,
Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена исследованию коммодификации языка как потенциального механизма поддержания и развития национальных языков. В качестве эмпирической базы выбрана практика использования языковых материалов на татарском языке в дизайне одежды, реализуемая национальными брендами Республики Татарстан. В практике современного дизайна одежды отечественных брендов наблюдается устойчивая тенденция применения текстового материала на татарском языке в качестве украшения предметов одежды. Выступая каналом трансляции татарской языковой и культурной традиции, одежда местных производителей интегрирует не только отдельные лексические единицы, но и развёрнутые текстовые фрагменты, заимствованные из произведений татарской литературы и культуры.

Активное внедрение различных форм татарского языка в сферу популярной и модной индустрии может рассматриваться как стратегия символической капитализации языка, а также выступает значимым фактором его социальной престижности. Данный процесс создает условия для роста языковой лояльности и стимулирует представителей языкового сообщества к изучению языка, что, в свою очередь, способствует его дальнейшему распространению и устойчивому функционированию в современном коммуникативном пространстве, укреплению его позиций в языковой ситуации региона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: родные языки, национальные языки, коммодификация, сохранение языков, татарский язык, языковая политика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Наиля Р. Султанова, Джамиля Н. Мустафина, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-03>

NATIONAL BRANDING AS A TOOL FOR NATIVE LANGUAGE PRESERVATION: THE TATAR LANGUAGE CASE STUDY

UDC 81'272

Nailya R. Sultanova
Naberezhnye Chelny
Institute (branch) of Kazan
Federal University

Naberezhnye Chelny,
Russian Federation

Jamila N. Mustafina
Naberezhnye Chelny
Institute (branch) of Kazan
Federal University

Naberezhnye Chelny,
Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of language commodification as a potential mechanism for the maintenance and development of national languages. The empirical basis for the analysis is the practice of using linguistic materials in the Tatar language within the context of clothing design, as implemented by domestic national brands of the Republic of Tatarstan.

In the contemporary practice of clothing design among national brands, there is a stable trend of incorporating textual material in the Tatar language onto clothing items. Acting as a channel for transmitting Tatar linguistic and cultural traditions, garments produced by local manufacturers integrate not only individual lexical units but also extended textual fragments borrowed from works of Tatar literature and culture.

The active integration of various forms of the Tatar language into the sphere of popular and fashion industries can be regarded as a strategy of symbolic capitalization of the language and also serves as a significant factor in enhancing its social prestige. This process creates conditions for the growth of linguistic loyalty and motivates members of the linguistic community to learn the language. In turn, this contributes to the further spread of the language and its sustainable functioning within the modern communicative space, as well as to strengthening its position in the regional linguistic landscape.

KEYWORDS: native languages, national languages, commodification, language preservation, Tatar language, language policy

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Nailya R. Sultanova, Jamila N. Mustafina, 2026

1 | Введение

В эпоху глобализации и неолиберальной экономики традиционные представления о языке исключительно как средстве общения или основе культурной идентичности претерпевают существенные изменения. Традиционно язык рассматривался как фундаментальный инструмент коммуникации, средство выражения мысли и передачи культурного наследия. Однако в условиях современной экономики, ориентированной на потребление и рыночные отношения, язык всё чаще становится объектом экономических операций, иными словами, становится товаром. Превращение языка в товар – многоаспектный феномен, получивший осмысление в различных научных парадигмах. Существуют разные теоретические подходы, рассматривающие современное языковое пространство через призму экономических категорий.

Концепция превращения языка в товар не формулировалась К. Марксом напрямую, но она логически вытекает из его анализа капитализма. К. Маркс подчёркивал, что капитализм как экономическая система строится на превращении человеческого труда в товар, и эта идея была распространена и на нематериальные сферы, включая язык [Маркс, 1952: 177-187]. Г. Грамши развил эту идею в рамках теории культурной гегемонии, он писал о том, как капиталистические отношения, анализируемые К. Марксом, расширяются и захватывают сферу культуры и язык, превращая их в инструменты поддержания власти [Gramsci, 1971: 180–185].

Дж. Маршак, который считается одним из основателей лингвистической экономики, рассматривает язык и связанные с ним явления как особые проявления экономических концепций и закономерностей. С экономической точки зрения, владение языком воспринимается как элемент человеческого капитала, который открывает доступ к рынкам труда, информационным рынкам и рынкам товаров [Marschak, 1965; Замуруева и др., 2023].

Исследования Ф. Грина в области экономики языка фокусируются на следующих моментах: взаимосвязи владения языками и дохода (например, премия за знание английского); оценке стоимости языковых навыков на рынке труда; анализе языковой дискриминации как экономического фактора. Ф. Грин анализировал факторы сохранения языков меньшинств и роль государственной политики в этом процессе. В своей статье он заложил основы экономического анализа языковой политики и сохранения языкового разнообразия, подчеркнув взаимосвязь между экономическими факторами, выбором носителей языка и ролью государства в этом процессе [Grin, 1990].

Теория дискурса М. Фуко позволяет анализировать связь языка, власти и экономики: дискурсы (например, маркетинговые, политические) формируют правила производства и использования языковых практик; рыночная ценность языка определяется властными структурами, контролирующими доступ к престижным кодам; коммерциализация языка — часть более широкой системы дисциплинарных механизмов [Савельева, 2015; Foucault, 2002].

Л. Халилова оспаривает тезис о языке как товаре. В работе «Язык: товар или коммуникативное пространство?» она аргументирует мысль о том, что продаются не единицы языка, а товары, обозначаемые с их помощью (например, бренд «Coca-Cola» — это не слово как таковое, а символ продукта). Также высказывается идея о том, что язык остаётся коммуникативным пространством, а не собственностью, подлежащей купле-продаже; процесс превращения языка в товар затрагивает лишь отдельные аспекты языка (например, слоганы, логотипы), но не его системную структуру [Халилова, 2015].

Э. Джон выделил три основных направления изучения взаимосвязи экономических процессов и языковых сдвигов:

- влияние языковых изменений на экономические процессы и обратное влияние экономических решений на развитие языковых сообществ и языка в целом;
- анализ статических лингвистических и экономических моделей;
- исследование динамических моделей изменения языка в краткосрочной и долгосрочной перспективе [John, 2016; Замуруева и др., 2023: 64].

Приобретение языком экономической ценности связано с концептом коммодификации. В контексте современной языковой ситуации, характеризующейся процессами глобализации и языковой гомогенизации, коммодификация языка становится темой социолингвистических исследований как альтернативная стратегия поддержания языкового разнообразия и ревитализации языков [Muth, 2017; Ferguson et al., 2018; Карлуччио, 2020; Lonardi, 2022; Хилханова, 2023; Хилханова и др. 2023; Хилханова и др., 2024]. Понятие «коммодификация языка» базируется на теории П. Бурдьё, согласно которой язык является формой символического капитала, который можно превратить в экономический капитал (зарплата, дополнительная прибыль). При этом языковое пространство — это рынок, где различные языки и формы языка (например, академический язык) имеют разную стоимость, определяемую господствующими социальными группами и правящими структурами [Bourdieu, 1991; Павленко, 2016: 24; Хилханова, 2023: 144]. М. Хеллер, А. Дюшен и Д. Пужолар развили в своих работах идеи П. Бурдьё. М. Хеллер рассматривает коммодификацию языка в контексте

глобализации и позднего капитализма. В работе «The Commodification of Language» М. Хеллер описывает, как в постиндустриальном обществе язык превращается в измеряемый навык и товар, который может добавлять символическую ценность товарам и услугам. Она также указывает, что коммодификация языка связана с двумя фундаментальными положениями: 1) язык как технический навык; 2) язык как характеристика своеобразия и специфичности насыщенных рынков [Heller, 2010; Muth, 2017: 480]. Идеи М. Хеллер продолжил А. Дюшен, отмечая, что языки, стратегически используемые как средство маркетинга, при наличии говорящих на них людей могут создавать прибавочную стоимость продукта или услуги [Muth, 2017: 477]. Дюшен также исследует, как языковая аккомодация (адаптация к языку клиентов и покупателей) становится инструментом повышения конкурентоспособности глобальных корпораций [Duchêne, 2011]. М. Хеллер и её коллеги изучают вопрос о том, как языковые ресурсы становятся товаром в условиях глобализации, в частности, в туризме: местные языки и диалекты используются для создания аутентичности и привлечения туристов; в брендинге: языковые коды (например, латиница в азиатских странах) сигнализируют о престиже; в цифровых платформах: сбор языковых данных для обучения ИИ формирует новый тип лингвистического рынка [Heller et al., 2014].

Р. Ландри и Р. Бурхис, развивая концепцию лингвистического ландшафта, изучили визуальную коммодификацию языка: размещение текстов на национальных языках в городской среде (вывески, реклама, дизайн одежды) как стратегия повышения символической ценности товара; конкуренция языков за публичное пространство [Landry, 1997].

Э. В. Хилханова также исследовала языковой ландшафт через призму коммодификации [Хилханов, 2022; Хилханова и др., 2024; Хилханова и др. 2023]. Э. В. Хилханова показывает, что коммодификация – это не просто экономический процесс, а сложный социолингвистический феномен. Например, в соавторстве с В. В. Ивановым анализировалась представленность разных языков в вывесках столицы Монголии [Хилханова и др., 2022]. Было выявлено, что наиболее распространённым иностранным языком там является английский, а китайский и русский языки представлены мало. При этом незначительная представленность русского языка объяснялась его низкой коммодификационной ценностью в сознании современных монголов, а невысокий уровень представленности китайского языка — антикитайскими настроениями. По мнению Э. В. Хилхановой, одна из наиболее очевидных областей, где процессы коммодификации языков проявляются ярче всего, — это сфера туризма. Когда язык становится объектом туристического потребления, он стандартизируется, упрощается и «сувениризуется». Особенно легко это происходит в музеях. При этом

туристический спрос побуждает миноритарные сообщества «упаковывать» и упрощать своё культурное наследие, чтобы оно стало более привлекательным для туристов [Хилханова, 2024: 107]. Отмечается, что увеличение частоты присутствия миноритарных языков в публичном пространстве, в том числе, в маркетинговых целях, косвенно повышает их престиж и способствует их нормализации. Выход таких языков за пределы семейно-бытовой сферы нарушает стереотип, ассоциирующий их с отсталостью и бедностью, и повышает мотивацию членов миноритарных сообществ к изучению и использованию этих языков как части групповой идентичности. В других работах Э.В. Хилхановой рассматривается влияние экономических факторов на сохранение миноритарных языков и выбор языка. Эмпирические исследования (например, в Татарстане и Карелии) показывают, что хотя в целом владение миноритарным языком не всегда напрямую влияет на доход, существуют сферы (наука, культура, СМИ, художественное творчество), где такая связь прослеживается. Также отмечается, что экономические потребности часто преобладают над желанием сохранить языковую идентичность, пока не удовлетворены базовые потребности [Khilkhanova, 2023].

Концепт коммодификации языка предоставляет исследовательскую перспективу для анализа языкового ландшафта — визуального представления языков в городском пространстве (вывески, таблички и т. д.) [Хилханова, 2023].

Коммодификация татарского языка в контексте индустрии одежды может быть осмыслена также через призму языковых идеологий, т.е. коллективных представлений о ценности, статусе и функциях языков в обществе [Woolard, Schieffelin, 1994,]. Согласно подходам, сложившимся в отечественной лингвистике, языковые идеологии представляют собой комплекс концептуальных представлений о языках как системах, их носителях как социальных акторах, а также о реализуемых ими дискурсивных практиках. Как и любая идеологическая система, языковая идеология не является нейтральной: она несёт на себе отпечаток этических норм и политических интересов, которые формируются и воспроизводятся в определённом социокультурном контексте. [Гришечко, 2017: 64.]. Е. О. Опарина связывает языковую идеологию с культурными, историческими и психологическими факторами, обуславливающими функционирование и роль языка. Языковые идеологии часто складываются в языковом сообществе «снизу», обычно в течение достаточно длительного периода времени, и не подлежат прямому государственному регулированию. Однако государственные институты могут оказывать на них опосредованное влияние [Опарина, 2017: 176]. Языковая идеология концептуализируется как сложная система убеждений и мнений, включающая представления говорящих о самом языке, оценки его использования и

социальной роли, образы носителей языка и установки, влияющие на языковое поведение. При этом данные представления регулируют речевое поведение не только в рамках осознанного поведения, но и на глубинном, неосознаваемом уровне [Хилханова, 2025: 214]. Языковые идеологии создают предпосылки для коммодификации и определяют ценность языковых ресурсов. Коммодификация, в свою очередь, укрепляет и распространяет идеологические установки, делая их частью повседневных практик потребления. Таким образом, правомерной является идея о том, что коммодификация языка и языковые идеологии находятся в отношениях взаимной обусловленности.

Такое взаимодействие играет ключевую роль в современных процессах языковой глобализации и локализации, в которых язык одновременно выступает не только средством коммуникации, но и товаром и символом идентичности.

В данной работе анализируется процесс коммодификации татарского языка, реализуемый через его визуальную репрезентацию в индустрии одежды как сегменте потребительского рынка. Исследование сосредоточено на изучении языкового ландшафта, а именно степени представленности визуальных текстовых элементов на татарском языке в брендинге одежды, выпускаемой в Республике Татарстан (РТ).

2 | Материал, методы, обзор брендов

Языковой ландшафт РТ характеризуется диглоссией с доминированием русского языка и заметной репрезентацией татарского как средства выражения этнической идентичности, особенно в сферах гастрономии, рекламы и городской топонимики. Татарский язык представлен в разнообразных элементах городского языкового ландшафта: эргонимах, наименованиях брендов, рекламе, открытках, топонимике и пр. При этом он выполняет не только символическую функцию (маркирование культурной самобытности и этнической принадлежности), но и приобретает прагматическую ценность в маркетинге и коммерческом брендинге: использование татарских языковых единиц повышает локальную узнаваемость, создаёт ассоциации с традициями, аутентичностью и региональной идентичностью [Хилханова, 2024: 100–102]. Этот тренд отчётливо прослеживается и в индустрии одежды, где татарский язык активно задействуется как элемент брендинга. Местные дизайнеры и производители одежды осознанно включают татарские слова, культурные коды и мифологические образы в названия и концепции коллекций — например, бренды «ALGA», «Ostazlar», «IDEL», «Tatarcha casual», «Асылъяр», «SeletStore», «MIRA RAHMAT», «Abau», «Милли изю», «Matur», «Bizек», «Matrushke» и т. д.

В рамках исследования изучена визуальная репрезентация татарского языка на текстильных элементах одежды, создаваемой дизайнерами и производимой предприятиями РТ.

В качестве эмпирической базы исследования был сформирован репрезентативный корпус данных – совокупность брендов одежды, интегрирующих татарский язык не только в качестве компонента наименования торговой марки, а также в функции текстового графического декоративного элемента посредством нанесения письменных знаков (лексем, фраз, устойчивых выражений) непосредственно на текстильные изделия. На основе указанного критерия в итоговую выборку включены следующие локальные бренды: «Sabr», «Your yool», «ШИКЭРно», «Benzin Казань», «Йөземинкә», «Алсу Замаледи».

Следует подчеркнуть, что хронология возникновения рассматриваемых брендов охватывает период с 2017 по 2024 годы, за исключением бренда «Sabr». Компания «Sabr» была основана в 1996 году, однако целенаправленная интеграция татарского языка в визуальный дизайн одежды (в рамках коллекции «YARATU») была реализована лишь в 2024 году.

Указанный временной интервал (2017–2024 гг.) хронологически совпадает с существенными изменениями в сфере изучения родных (национальных) языков в Российской Федерации. В частности, в 2017 году в РТ было упразднено обязательное изучение татарского языка в общеобразовательных школах. Данное изменение было закреплено соответствующими корректировками учебных планов, утверждённых Министерством просвещения РФ. Это привело к снижению институциональной поддержки татарского языка в системе общего образования. В 2018 году были внесены изменения в статьи 11 и 14 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [ФЗ от 03.08.2018 № 317-ФЗ], закрепившие возможность факультативного изучения родных (национальных) языков. Нормативно была оформлена модель добровольного выбора изучения родного языка, что изменило статус татарского языка в образовательном пространстве.

Выявленная хронология позволяет выдвинуть гипотезу о взаимосвязи между изменениями в языковой политике и активизацией культурно-символических практик в сфере локальной моды:

– снижение институциональной поддержки татарского языка в образовательной сфере (с 2017 г.) могло стимулировать поиск альтернативных каналов трансляции языковой и культурной идентичности;

– визуальная репрезентация татарского языка на одежде выступает одним из таких каналов: она позволяет транслировать этнокультурный код через повседневные практики потребления;

– бренды, включённые в выборку, могут рассматриваться как агенты культурной памяти, компенсирующие ослабление институциональных механизмов поддержки языка.

Изменение в системе институциональной поддержки татарского языка вызвало переосмысление его роли: из компонента обязательного школьного обучения он превращается в символ культурной идентичности и показатель локальной принадлежности. В данном контексте можно выделить несколько основных языковых идеологий, обуславливающих визуальную репрезентацию татарского языка на текстильных изделиях местных брендов РТ:

1) идеология аутентичности, предполагающая восприятие татарского языка как носителя «подлинности», связи с традициями и корнями; его использование в брендинге демонстрирует «исконность» продукта и его связь с национальной культурой;

2) идеология престижа – владение татарским языком и его использование становится признаком культурной компетентности и локальной лояльности, что стимулирует спрос на товары с татароязычными элементами;

3) идеология альтернативной поддержки – использование татарского языка в публичной сфере может оцениваться как форма культурного отклика на изменение уровня институционализации в сфере образования;

4) в контексте коммерческой идеологии татарский язык включается в маркетинговые стратегии как инструмент повышения узнаваемости бренда и привлечения целевой аудитории, ориентированной на национальную идентичность.

Эти идеологии не существуют изолированно — они взаимодействуют и формируют сложную картину языкового выбора в современной республике. Визуальная репрезентация татарского языка на одежде становится каналом трансляции этих идеологий через повседневные практики потребления.

Таким образом, феномен использования татарского языка в дизайне одежды не является изолированным эстетическим решением, а отражает более широкие социокультурные процессы, связанные с трансформацией статуса национальных языков в современной России.

3 | Результаты и обсуждение

Анализ итоговой выборки местных брендов РТ, включающей предметы одежды с текстовым оформлением на татарском языке, позволил выделить несколько уровней использования татарского языка в дизайне продукции (перевод примеров с татарского в тексте статьи – Султановой Н Р.).

1. Лексический уровень предполагает создание так называемого этнографического брендинга путём интеграции отдельных слов и морфем в дизайн одежды. Например, предметы одежды, выпускаемые брендом «Йөземинкә» включают в свой дизайн такие татароязычные слова, как *Хөррият* ‘свобода, полноправие’, *Ысмай* ‘аккуратный, опрятный, чистый; нарядный, элегантный’, *Хәтәр* ‘важный’, что позволяет сформировать ассоциативный ряд, связанный с национальной идентичностью и личностной свободой. Слова *Рахәтләнен* (с удовольствием, с наслаждением), *Искиткеч* (изумительный, удивительный), *Матур* (красивый), *Усал* (злой, злобный), *Уңган* (ловкий, умелый), *Тиктормас* (непоседливый, вертлявый) украшают изделия бренда «ШИКӨРно», тем самым создавая культурный код с эстетическими и эмоциональными компонентами.

2. Фразовый уровень представлен в визуальном оформлении продукции местных брендов РТ (в данном случае реализуется стратегия национального брендинга, использующего фразеологизмы и устойчивые выражения на татарском языке). Анализ эмпирического материала выявил следующие примеры использования:

– брендом «ШИКӨРно» используются словосочетания *батыр малай* ‘храбрый мальчик’, *эти кызы* ‘папина дочь’ на изделиях, создаваемых для детей, фразеологические выражения *Чыктым аша күпер* (букв. ‘Вышел через мост’, шутливое или метафорическое выражение с нарушением порядка слов в рамках стилистики татарского языка), *Кирәкле кишер яфрагы* (букв. ‘Нужная ботва моркови’, соответствующая фразеологизму ‘пятое колесо в телеге’, идиома с культурно специфичным значением), *Куз тимәсен* (букв. ‘Не сглазить’, пожелание защиты от сглаза);

– бренд «Йөземинкә» использует фразеологические выражения *Акыл сатам* (букв. ‘Продаю разум’, то есть ‘умничать, читать мораль’, ироничное или шутливое), *Елмаю да сәдака* (букв. ‘Улыбка – это тоже милосердие’ основано на исламском хадисе, подчёркивает ценность улыбки как формы благотворительности).

3. Анализ практик использования текстового оформления на татарском языке в дизайне одежды национальных брендов РТ показал, что текстовый уровень является наиболее

распространённым в деятельности местных производителей. На данном уровне наблюдается не просто включение отдельных лексических единиц, а комплексное использование пословиц и поговорок, цитат из литературных произведений, фрагментов песен и стихотворений выдающихся деятелей татарской литературы и культуры, фразеологизмов, просторечий, вариантов татарско-русского двуязычия. Текстильные изделия иллюстрируют достаточно обширное текстовое оформление на татарском языке. В качестве эмпирической иллюстрации рассмотрим примеры.

На изделиях бренда «Йөземинкә» мы видим пословицу *Яхшылык эшлә дә суга сал, халык белмәсә, балык белер* (букв. 'Сделай добро и брось в воду: если люди не узнают, то узнает рыба') – выражение, транслирующее идею бескорыстия добрых дел. Цитаты известных деятелей татарской культуры и литературы также представлены на изделиях, выпускаемых данным брендом:

- *Үзе усал, үзе болай бер дә усал түгел шикелле* 'Сама строга, но как будто и вовсе и не строга она сама' (Х. Такташ «Алсу») ¹⁹,
- *Без кабызган утлар сүнмәс алар К. Тинчурин* 'Огни, которые мы зажгли, не погаснут' (К. Тинчурин «Хыялга бер адым») ²⁰,
- *Очты дөнъя читлегеннән тарсынып күңлем кошы Г. Тукай* 'Улетела из мирской клетки, затосковав, птица моей души' (Г. Тукай «Өзелгән өмид») ²¹,
- *Кайсыгызның кулы жылы* 'У кого руки теплые' в знач. 'Чья рука/душа меня согреет' (Х. Туфан «Кайсыгызның кулы жылы?») ²²,
- *Йөрәгеңдә нинди утлар яна уйларыңны килә беләсем* 'Какие огни горят в твоём сердце, хочется узнать твои мысли' (А. Рашитов «Зәңгәр күлмәк») ²³.

Данный подход также позволяет актуализировать элементы национального культурного кода в современном потребительском пространстве и установить диалогическую связь между традицией и актуальной модой.

Коллекция Yaratu бренда «Sabr» представляет собой линию одежды, включающую элементы декора в национальном татарском стиле и дополненную текстовыми надписями на татарском языке. В оформлении изделий данной коллекции использованы тексты из известных татарских песен, что подчеркивает культурную значимость и аутентичность продукции, а

¹⁹ Примеч. авт.

²⁰ Примеч. авт.

²¹ Примеч.авт.

²² Примеч.авт.

²³ Примеч.авт.

также способствует усилению национальной идентичности и сохранению культурного наследия:

- *Бүгөн төнлө төшлөрөмдө*

Сине күрдем, бер генэм.

Син тал, имеш, э мин, жаным,

*Гүя кара бөрлегән (текст песни «Бөрлегәнем — бер генэм»)*²⁴.

‘Этой ночью во сне

Видела тебя, единственный мой.

Ты был ивой, а я же, милый, – ежевикой. ’

- *Сандугачлар ияләшкән су эчәргә миләштән.*

*Кайгыларым бетәр иде сине күрөп сөйләшсәм (текст песни «Эх, тала, тала»)*²⁵

‘Повадились всё соловьи пить с рябины воду.

Беды б кончились мои, если б, встретившись с тобой, поговорила. ’

- *Тыңларсыңмы яшьлек хисләремне,*

Жырларыма кушып жырласам?

Каршы төшмәссеңме, йорәгеңне

*Мәхәббәтем белән чорнасам? (текст песни «Чыгарсың мы каршы алырга?»)*²⁶

‘Выслушаешь ли ты чувства моей юности,

Если я спою их в своих песнях?

Не воспротивишься ли, если я сердце твоё

Окутаю своей любовью? ’

- *Биргәнсең син миңа ал нурын таңнарның,*

Жыйгансың син миңа бар гөлен даланың,

Биргәнсең канатлар талпыныр чагымда,

*Балалык рәхмәтем жырымда чагыла (текст песни «Әниемә»)*²⁷.

‘Ты отдала мне алый свет рассветов,

Собрала для меня все цветы степей,

Ты дала мне крылья, когда я учился летать,

Детская моя благодарность отражается в песне. ’

²⁴ Примеч. авторов.

²⁵ Примеч. авторов.

²⁶ Примеч. авторов.

²⁷ Примеч. авторов.

Дизайнер-модельер Алсу Замаледи включает в оформление изделий пословицу *Ана кۈңеле – балада, бала кۈңеле – далада* (букв. ‘Сердце матери — с ребёнком, сердце ребёнка — в степи’), поэтическое высказывание, часто используемое как пословица *Туган телем – иркә гөлем, киңдер сиңа кۈңел түрем* (букв. ‘Родной язык — нежный цветок, широк тебе простор моей души’), что позволяет подчеркнуть связь поколений и акцентировать ценность родного языка и культурной памяти. В изделиях дизайнера-модельера Алсу Замаледи также представлены фрагменты татарской литературы и татарских песен, что свидетельствует о культурной обусловленности дизайнерского подхода:

- *И туган тел, и матур тел, әткәм-әнкәмнең теле!* (Г. Тукай, 1909) ‘О родной язык, о красивый язык, язык отца и матери!’ (Г. Тукай «Туган тел»)²⁸

- *Татар бәхете өчен мин җан атармын.*

Татар бит мин, үзем дә чын татармын ‘Ради счастья татарского народа я душу отдам. Я же татарин, и сам я – истинный татарин’ (Г. Тукай «Үз-үземә»)²⁹

- *Хатын-кыз ямьсез була алмый, хатын-кыз чибәр була!*

Шуны күрмәгән ир-ат ул, әлбәттә, җүләр була Р. Миңнуллин ‘Женщина некрасивой быть не может, женщина бывает [только] красивой! Тот мужчина, который этого не видит, конечно же, дурак.’ (Р. Миннуллин «Хатын-кыз ямьсез булалмый»)³⁰

- *Әлдермешкә кайтам әле* ‘Поеду в Альдермыш’³¹ (песня, автор слов Т. Шарафутдинова)³²

- *Кочаклама яратмыйча* ‘Не обнимай, не любя’ (песня, автор слов А. Ганиева)³³

Ассортимент одежды бренда «Young uool» содержит элементы традиционного костюма деревенских татар, на которых выполнена вышивка с цитатами из широко известных в народе произведений:

- *Каралтырга түгел, агартырга килә кеше бу җир йөзенә* ‘Человек приходит на эту землю не для того, чтобы очернять её, а для того, чтобы делать её светлее’ (Х. Туфан)³⁴

- *Сүнмә, дөрлә, мәңге ян, кۈңел!* ‘Не гасни, моя любовь, гори вечно, моё сердце!’ (И. Юзеев)³⁵

²⁸ Примеч. авторов.

²⁹ Примеч. авторов.

³⁰ Примеч. авторов.

³¹ Название села в России в Высокогорском районе Республики Татарстан.

³² Примеч. авторов.

³³ Примеч. авторов.

³⁴ Примеч. авторов.

³⁵ Примеч. авторов.

- *Чит илләрдә йөргән чакта бик сагынган чак була* ‘Когда мы находимся на чужбине, бывает время, когда сильно скучаешь’ (слова из татарской народной песни «Каз канаты»)³⁶.

На свитшотах серии «Авыл» в качестве принта использован фрагмент стихотворения Г. Тукая «Туган авыл»³⁷: *Кая барсам, кайда торсам, нишләсәм дә, хәтеремдә мәңге калыр туган җирем* ‘Где бы я ни был и что бы ни делал я, ты в памяти и сердце, родная земля!’.

На всех обозначенных уровнях используются также просторечия, слова и выражения разговорного стиля, применяемые преимущественно в сфере семейного общения. Такой подход способствует формированию у потребителя впечатления о «родственной близости» и усилению эмоциональной связи с брендом:

- *Фәлән-төгән* ‘Всякая всячина’, *Теге ни* ‘Ну вот то самое’, *Харап икән* ‘Вот это да!’ (бренд «Йөземинкә»).

- *Тотынып кына кара* ‘Только попробуй дотронуться’, *Кыйммәт әйбер өчен сумка* ‘Сумка для ценных вещей’, *Бик күп кирәк* ‘Очень много надо’ (бренд «ШИКӘРно»)

В качестве элемента дизайна национальные бренды также используют варианты татарско-русского двуязычия и смешение татарского с английским языком. Например:

- *Әкрен двигаеться – тизрәк барасың* ‘Медленно двигаеться – быстрее идёшь’, *На календаре – дүшәмбе, на душе – Сабантуй* ‘На календаре – понедельник, на душе Сабантуй (народный праздник татар и башкир)’, *Бай түгел, зато матур* ‘Небогатый, зато красивый’ (BenzinКазань)

- *«По сути татар, по факту мишәр»* ‘По сути – татарин, по факту – мишарин’³⁸, (Алсу Замаледи)

- *Миңа акча кирәк түгел, деньги бирсәң – җитә* ‘Мне деньги не нужны, если дашь деньги – достаточно’ (бренд «ШИКӘРно»)

- *Тяп-ляп эшләмәгез* ‘Тяп-ляп не делайте’, *Син нәрсә, эшәң бетте что ли? ‘Тебе заняться нечем что ли?’* (бренд «Йөземинкә»)

- *Син кайдан? – Made in Tatarstan* ‘Ты откуда? - Made in Tatarstan’, *Super әни киеме* ‘Одежда super мамы’, *Уфтанма ~~Don't worry~~. Бахетле бул, кайгы күрмә ~~Be happy~~* ‘Не печалься ~~Don't worry~~. Будь счастлив, не встречайся с горем ~~Be happy~~’ (Алсу Замаледи)

³⁶ Примеч.авт.

³⁷ Примеч.авт.

³⁸ Мишаре – этническая группа в составе волго-уральских татар, разговаривают на мишарском диалекте татарского языка.

- *Кирәкле кишер яфрагы *татарча VIP* ‘Нужная ботва моркови *по-татарски VIP’ (бренд «ШИКЭРно»)

В целом смешение татарского и русского языков представляет собой дискуссионный вопрос, поскольку возникает сомнение в его эффективности с точки зрения продвижения татарского языка как самостоятельного коммуникативного кода. Тем не менее, в данном конкретном случае указанное языковое явление выполняет специфическую прагматическую функцию, так как используется в качестве юмористического приёма. Его целевое назначение заключается в привлечении внимания потенциального потребителя, а также обеспечении эффективной языковой коммуникации посредством применения всех доступных языковых инструментов. Таким образом, татарско-русское двуязычие выступает как функционально обусловленный коммуникативный ресурс, эффективность которого определяется достижением поставленной коммуникативной цели, несмотря на отклонение от языковых норм. Смешение татарского и английского языков в визуальном декоре выполняет функцию повышения социолингвистического престижа татарского языка. Соотнесение его с английским языком, который выступает так называемым маркером глобальной коммуникации, способствует росту символической ценности татарского языка и формированию личности, сочетающей местные и глобальные культурные коды.

Ещё одной стратегией, способствующей формированию позитивного образа татарского языка, является присутствие высказываний раиса РТ Р. Н. Минниханова в визуальном оформлении текстильных изделий национальных брендов:

Син нәрсә, эшең бетте что ли? ‘Ты чего, заняться нечем что ли?’ (бренд «Йөземинкә»)

Иң яхшы ресторан ул – өйдә инде! ‘Самый лучший ресторан – дома’, *Син нәрсә, эшең бетте что ли?* ‘Ты чего, заняться нечем что ли?’ (Алсу Замаледи).

Цитата авторитетного лица – лидера республики – придает татарскому языку дополнительный престиж, маркирует идентичность и усиливает коммерческую привлекательность бренда за счёт ассоциации с региональной властью и узнаваемыми речевыми формулами.

Также в ходе исследования был отмечен важный правовой аспект использования цитат из произведений татарской литературы и культуры. Не все бренды при оформлении своей текстильной продукции указывают автора первоисточника, что потенциально нарушает положения части 4 Гражданского кодекса Российской Федерации и расценивается как нарушение исключительных прав правообладателя [ГК РФ от 18.12.2006 № 231-ФЗ]. Анализ показал неоднородность практики соблюдения этих требований среди брендов. Бренды,

«Йөземинкә» и Алсу Замаледи в большинстве случаев сопровождают цитаты указанием автора (например, цитаты Х. Такташа, К. Тинчурина, Г. Тукая, Х. Туфана,). На изделиях бренда «Your uoöl» зачастую отсутствует ссылка на автора и произведение, из которого взята цитата для оформления текстильной продукции (например, высказывания Х. Туфана и И. Юзеева представлены без должной атрибуции). В рамках настоящего исследования все примеры цитат приведены с указанием автора и произведения в соответствии с требованиями законодательства.

4 | Заключение

Таким образом, обзор функционирования татарского языка на изделиях национальных брендов показал, что материальная визуализация татарского языка представлена в разной форме – от отдельных лексем до отрывков из известных произведений татарской литературы. Исследование показало, что использование татарского языка в дизайне одежды национальных брендов РТ носит многоуровневый характер и служит инструментом:

- укрепления национальной идентичности;
- трансляции культурных ценностей и традиций;
- актуализации литературного и фольклорного наследия;
- формирования эстетического и эмоционального восприятия бренда.

Проведённое исследование демонстрирует, что коммодификация татарского языка в индустрии одежды РТ представляет собой сложный социолингвистический процесс, находящийся в тесной взаимосвязи с языковыми идеологиями — коллективными представлениями о ценности, статусе и функциях языка в обществе. Взаимодействие языковых идеологий и экономических факторов формирует сложную систему, в которой язык одновременно выступает как средство коммуникации, символ идентичности и рыночный актив.

В качестве ключевых механизмов использования татарского языка в визуальном оформлении одежды национальных брендов можно выделить:

- комплексное применение языковых единиц разного уровня (от отдельных слов до развёрнутых текстов) способствует усилению культурной значимости продукции;
- использование татарских лексем выделяет бренд на фоне федеральных и международных марок, подчёркивая его «местность» и связь с регионом;

- сочетание татарского языка с традиционными мотивами и современными дизайнерскими решениями формирует узнаваемый стиль, ориентированный как на внутреннюю аудиторию, так и на туристов;
- включение татарского языка в название и коммуникацию позволяет брендам позиционировать себя как носителей национальной культуры, что усиливает эмоциональную связь с потребителем;
- привлечение к национальным брендам не только жителей РТ, но и тех, кто интересуется национальной модой, культурным наследием и аутентичными локальными продуктами.

Присутствие татарского языка в брендинге одежды следует считать продолжением общей тенденции коммерциализации культурной идентичности, где язык становится не только средством коммуникации, но и маркетинговым активом — инструментом формирования имиджа, повышения лояльности и выделения на рынке в условиях конкуренции. Стоит отметить, что присутствие татарского языка на элементах одежды не способно прямо повлиять на изменение характера его использования в дискурсе. Кроме того, присутствие национального языка в качестве элемента дизайна одежды не способствует выполнению его коммуникативной функции, так как потребление подобной продукции не требует обязательного владения национальным языком. Однако в данном случае правомерно говорить о реализации идентификационной (этнической) функции национального языка, что выражается в связи носителя с определенной языковой группой, с его национальной идентичностью.

Процесс коммодификации татарского языка, исследуемый в данной статье, способствует повышению его «видимости» в публичном пространстве. В результате увеличения частоты его присутствия в различных сферах, включая маркетинговую деятельность, происходит косвенное повышение его социального престижа и содействие нормализации использования. Включение национального языка в контекст популярной и модной культуры способствует повышению его престижа, формированию положительного отношения к нему, развитию чувства привязанности и укреплению представлений о ценности языка. Такой процесс стимулирует носителей национального языка к осознанному участию в его сохранении, дальнейшем развитии и продвижении.

ЛИТЕРАТУРА

- Гришечко О. С. (2017) Языковая идеология: теория описания и практика воплощения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 11–2 (77). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ideologiya-teoriya-opisaniya-i-praktikavoploscheniya>. Дата обращения: 09.05.2026.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 231-ФЗ (ред. от 30.01.2024). Режим доступа: <https://www.consultant.ru>. Дата обращения: 14.05.2026.
- Замуруева Н. А., Лепешкина Г. Г. (2023) Экономика языка: история и направления исследований // Форпост науки. № 1 (63). С. 62–66. DOI: <http://dx.doi.org/10.36683/2076-5347-2023-1-63-62-66>. Дата обращения: 09.04.2026.
- Карлуччио А. (2020) Коммодификация русского языка на рынке труда Италии // Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации: сб. тр. науч. конф. С. 109–114.
- Маркс К. (1952) Капитал: критика политической экономии. Т. 1 / пер. с нем. И. И. Скворцова-Степанова. М.: Госполитиздат. 900 с.
- Опарина Е. О. (2017) Языковая идеология как фактор, влияющий на функционирование языка в современных условиях // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 1–2 (28–29). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ideologiya-kakfaktor-vliyayuschiy-na-funktsionirovanie-yazyka-v-sovremennyh-usloviyah>. Дата обращения: 09.05.2026.
- Павленко А. (2016) Русский язык как лингва франка в зарубежной сфере обслуживания // Мир русского слова. № 1. С. 23–32.
- Савельева Е. Б. (2015) О взглядах Мишеля Фуко на теорию дискурса // Вестник Московской международной академии. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzglyadah-mishelya-fuko-na-teoriyu-diskursa>. Дата обращения: 09.04.2026.
- Халилова Л. А. (2015) Язык: товар или коммуникативное пространство? // Вопросы языкознания. № 3. С. 88–95.
- Хилханова Э. В. (2022) Экономика языка и многоязычие: опыт исследования в Татарстане // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. № 2. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-yazyka-i-mnogoyazychie-opyt-issledovaniya-v-tatarstane>. Дата обращения: 12.04.2026.
- Хилханова Э. В. (2023) Коммодификация языка // Социоллингвистика. № 4 (16). С. 144–149. DOI: 10.37892/2713-2951-4-16-144-149.
- Хилханова Э. В., Иванов В. В. (2023) Коммодификация языков и языковой ландшафт столицы Монголии // Социоллингвистика. № 2 (14). С. 129–153. DOI: 10.37892/2713-2951-2-14-129-153.
- Хилханова Э. В., Хилханов Д. Л. (2024) Роль туризма в сохранении и поддержке миноритарных языков: российский и мировой контекст // Научный диалог. Т. 13. № 6. С. 95–113. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-95-113>. Дата обращения: 09.04.2026.
- Хилханова Э. В. (2025) Языковые идеологии // Социоллингвистика. № 3 (23). С. 210–224. DOI: 10.37892/2713-2951-3-23-210-224.
- Федеральный закон от 03.08.2018 № 317-ФЗ «О внесении изменений в статьи 11 и 14 Федерального закона “Об образовании в Российской Федерации”» // Официальное опубликование правовых актов. Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079>. Дата обращения: 01.10.2025.
- Duchêne A. (2011) Neoliberalism, social inequalities, and multilingualism: The exploitation of linguistic resources and speakers // Langage et société. Vol. 136, No. 2. P. 81–108.

- Ferguson J., Sidorova L. (2018) What language advertises: ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk // *Language Policy*. Vol. 17. P. 23–54. DOI: <https://doi.org/10.1007/s10993-016-9420-4>. Accessed: 11.04.2026.
- Foucault M. (2002) *The Archaeology of Knowledge*. London: Routledge. P. 50–55.
- Gramsci A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks* / ed. and transl. by Q. Hoare, G. Nowell Smith. New York: International Publishers.
- Grin F. (1990) The economic approach to minority languages // *Journal of Multilingual & Multicultural Development*. Vol. 11, No. 1–2. P. 153–173.
- Heller M. (2010a) Linguistic Commodification in the Age of Globalization // *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 14, No. 4. P. 473–494.
- Heller M. (2010b) The Commodification of Language // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 39. P. 101–114.
- Heller M., Pujolar J., Duchêne A. (2014) Linguistic commodification in tourism // *Journal of Sociolinguistics*. Vol. 18, No. 4. P. 539–566. DOI: 10.1111/josl.12082.
- Khilkhanova E. (2023) Preservation of minority languages and economic factors (using the example of Tatar and Karelian languages) // *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*. P. 12–20. DOI: 10.20339/PhS.6s-23.012.
- John A. (2016) Dynamic Models of Language Evolution: The Economic Perspective // *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan UK. P. 101–120. DOI: 10.1007/978-1-137-32505-1_4.
- Landry R., Bourhis R. Y. (1997) Linguistic Landscape and Ethnolinguistic Vitality // *Journal of Language and Social Psychology*. Vol. 16, No. 1. P. 23–49.
- Marschak J. (1965) The Economics of Language // *Behavioral Science*. Vol. 10. P. 135–140.
- Muth S. (2017) Русский язык за рубежом: взгляд на язык сквозь призму коммодификации // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. Т. 21, № 3. С. 463–492. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-463-492.
- Woolard K. A., Schieffelin B. B. (1994) Language Ideology // *Annual Review of Anthropology*. Vol. 23. P. 55–82.

REFERENCES

- Duchêne, A. (2011) Neoliberalism, social inequalities, and multilingualism: The exploitation of linguistic resources and speakers, *Langage et société*, vol. 136, no. 2, pp. 81–108.
- Federal'nyj zakon ot 03 avgusta 2018 g. № 317-FZ «O vnesenii izmenenij v stat'i 11 i 14 Federal'nogo zakona "Ob obrazovanii v Rossijskoj Federacii"» [Federal Law of 3 August 2018 No. 317-FZ "On Amendments to Articles 11 and 14 of the Federal Law 'On Education in the Russian Federation'"]. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201808030079> (Accessed: 1 October 2025). (In Russian).
- Ferguson, J., Sidorova, L. (2018) What language advertises: Ethnographic branding in the linguistic landscape of Yakutsk, *Language Policy*, vol. 17, pp. 23–54. <https://doi.org/10.1007/s10993-016-9420-4>.
- Foucault, M. (2002) *The Archaeology of Knowledge*. London: Routledge.
- Gramsci, A. (1971) *Selections from the Prison Notebooks*. Edited and translated by Q. Hoare and G. Nowell Smith. New York: International Publishers.
- Grazhdanskij kodeks Rossijskoj Federacii (chast' chetvertaya) [Civil Code of the Russian Federation (Part Four)]. (2006). Federal Law No. 231-FZ of 18 December 2006 (as amended on 30 January 2024). Available at: <https://www.consultant.ru> (Accessed: 14 May 2026). (In Russian).

- Grin, F. (1990) The economic approach to minority languages, *Journal of Multilingual & Multicultural Development*, vol. 11, no. 1–2, pp. 153–173.
- Grishechko, O.S. (2017) Yazykovaya ideologiya: teoriya opisaniya i praktika voploshcheniya [Language ideology: theory of description and practice of embodiment], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 11–2(77). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ideologiya-teoriya-opisaniya-i-praktikavoploscheniya> (Accessed: 9 May 2026). (In Russian).
- Halilova, L.A. (2015) Yazyk: tovar ili kommunikativnoe prostranstvo? [Language: a commodity or a communicative space?], *Voprosy yazykoznaniya* [Issues of Linguistics], no. 3, pp. 88–95. (In Russian).
- Heller, M. (2010a) Linguistic commodification in the age of globalization, *Journal of Sociolinguistics*, vol. 14, no. 4, pp. 473–494.
- Heller, M. (2010b) The commodification of language, *Annual Review of Anthropology*, vol. 39, pp. 101–114.
- Heller, M., Pujolar, J. and Duchêne, A. (2014) Linguistic commodification in tourism, *Journal of Sociolinguistics*, vol. 18, no. 4, pp. 539–566. <https://doi.org/10.1111/josl.12082>.
- Hilhanova, E.V. (2022) Ekonomika yazyka i mnogoyazychie: opyt issledovaniya v Tatarstane [The economics of language and multilingualism: A research experience in Tatarstan], *Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoy i prikladnoy lingvistiki* [Research Result. Theoretical and Applied Linguistics], no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomika-yazyka-i-mnogoyazychie-opyt-issledovaniya-v-tatarstane> (Accessed: 12 April 2026). (In Russian).
- Hilhanova, E.V. (2023a) Kommodifikatsiya yazyka [Commodification of language], *Sociolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(16), pp. 144–149. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-16-144-149>. (In Russian).
- Hilhanova, E.V. and Ivanov, V.V. (2023b) Kommodifikatsiya yazykov i yazykovoj landshaft stolitsy Mongolii [Commodification of languages and the linguistic landscape of Mongolia's capital], *Sociolingvistika* [Sociolinguistics], no. 2(14), pp. 129–153. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-2-14-129-153>. (In Russian).
- Hilhanova, E.V. and Hilhanov, D.L. (2024) Rol' turizma v sohranении i podderzhke minoritarnykh yazykov: rossijskij i mirovoj kontekst [The role of tourism in the preservation and support of minority languages: Russian and global context], *Nauchnyj dialog* [Scientific Dialogue], vol. 13, no. 6, pp. 95–113. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-6-95-113>. (In Russian).
- Hilhanova, E.V. (2025) Yazykovye ideologii [Language ideologies], *Sociolingvistika*, no. 3(23), pp. 210–224. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-3-23-210-224>. (In Russian).
- John, A. (2016) Dynamic models of language evolution: The economic perspective. In: *The Palgrave Handbook of Economics and Language*. London: Palgrave Macmillan, pp. 101–120. https://doi.org/10.1007/978-1-137-32505-1_4.
- Karluchchio, A. (2020) Kommodifikatsiya russkogo yazyka na rynke truda Italii [The commodification of the Russian language in the Italian labor market]. In: *Aktual'nye problemy russkogo yazyka i metodiki ego prepodavaniya: tradicii i innovacii* [Current problems of the Russian language and methods of teaching it: Traditions and innovations]. Proceedings of the scientific conference, pp. 109–114. (In Russian).
- Khilkhanova, E. (2023) Preservation of minority languages and economic factors (using the example of Tatar and Karelian languages), *Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, pp. 12–20. <https://doi.org/10.20339/PhS.6s-23.012>.
- Landry, R. and Bourhis, R.Y. (1997) Linguistic landscape and ethnolinguistic vitality, *Journal of Language and Social Psychology*, vol. 16, no. 1, pp. 23–49.

- Marks, K. (1952) *Kapital: kritika politicheskoy ekonomii* [Capital: A critique of political economy]. Vol. 1. Translated from German by I.I. Skvorcova-Stepanova. Moscow: Gospolitizdat. 900 p. (In Russian).
- Marschak, J. (1965) The economics of language, *Behavioral Science*, vol. 10, pp. 135–140.
- Muth, S. (2017) Russian language abroad: Viewing language through the lens of commodification, *Russian Journal of Linguistics*, vol. 21, no. 3, pp. 463–492. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2017-21-2-463-492>.
- Oparina, E.O. (2017) Yazykovaya ideologiya kak faktor, vliyayushchij na funkcionirovanie yazyka v sovremennyh usloviyah [Language ideology as a factor influencing the functioning of language in modern conditions], *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty* [Human Being: Image and Essence. Humanitarian Aspects], no. 1–2(28–29). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovaya-ideologiya-kak-faktor-vliyayushchiy-na-funktsionirovanie-yazyka-v-sovremennyh-usloviyah> (Accessed: 9 May 2026). (In Russian).
- Pavlenko, A. (2016) Russkij yazyk kak lingva franca v zarubezhnoj sfere obsluzhivaniya [Russian as a lingua franca in the international service sector], *Mir russkogo slova* [The World of the Russian Word], no. 1, pp. 23–32. (In Russian).
- Savel'eva, E.B. (2015) O vzglyadah Mishelya Fuko na teoriyu diskursa [On Michel Foucault's views on discourse theory], *Vestnik Moskovskoj mezhdunarodnoj akademii* [Bulletin of the Moscow International Academy], no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vzglyadah-mishelya-fuko-na-teoriyu-diskursa> (Accessed: 9 April 2026). (In Russian).
- Zamurueva, N.A. and Lepeshkina, G.G. (2023) Ekonomika yazyka: istoriya i napravleniya issledovaniy [Economics of language: History and research directions], *Forpost nauki* [Forpost of Science], no. 1(63), pp. 62–66. <https://doi.org/10.36683/2076-5347-2023-1-63-62-66>. (In Russian).
- Woolard, K.A. and Schieffelin, B.B. (1994) Language ideology, *Annual Review of Anthropology*, vol. 23, pp. 55–82.

Наиля Р. Султанова

Кандидат филологических наук, доцент
кафедры иностранных языков,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского Федерального Университета,
Набережные Челны, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
423810 Российская Федерация,
г. Набережные Челны, пр. Мира, д. 68/19.

Эл. адрес: nailya_nurutdinova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5519-3925>

Nailya R. Sultanova

Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor at the Department of
Foreign Languages,
Naberezhnye Chelny Institute (branch) of
Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation.

Correspondence address:
68/19 Mira Avenue,
Naberezhnye Chelny 423810,
Russian Federation.

Email address: nailya_nurutdinova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-5519-3925>

Джамиля Н. Мустафина

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой иностранных языков,
Набережночелнинский институт (филиал)
Казанского Федерального Университета,
Набережные Челны, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:

423810 Российская Федерация,
г. Набережные Челны, пр. Мира, д. 68/19.

Эл. адрес: muss_jane@mail.ru<https://orcid.org/0000-0001-5770-4111>**Jamila N. Mustafina**

Doctor of Philology, Professor, Head of the
Department of Foreign Languages,
Naberezhnye Chelny Institute (branch) of
Kazan Federal University,
Naberezhnye Chelny, Russian Federation.

Correspondence address:

68/19 Mira Avenue,
Naberezhnye Chelny 423810,
Russian Federation.

Email address: muss_jane@mail.ru<https://orcid.org/0000-0001-5770-4111>

Для цитирования: Султанова Н.Р., Мустафина Д.Н. Национальные бренды как инструмент сохранения родных языков (на примере татарского языка) // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.50–71. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-03

For citation: *Sultanova N.R., Mustafina J.N.* National branding as a tool for native language preservation: the Tatar language case study // *Sociolingvistika*. 2026. No. 2. Pp. 50–71. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-03

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 23.02.2026;
approved after reviewing 14.07.2026;
accepted for publication 30.08. 2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-04>

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ТАТАРСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ НАЧАЛА XX ВЕКА: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 81'272:070:811.512.146

Бахтияр К. Миннуллин
Академия наук Республики
Татарстан,

Казань, Российская
Федерация

Рифат Ф. Мирхаев
Академия наук Республики
Татарстан,

Казань, Российская
Федерация

Аннотация

Статья посвящена исследованию татарской периодической печати начала XX века как социокультурного и языкового феномена в условиях социально-политических трансформаций Российской империи. Исследовательская проблема обусловлена недостаточной изученностью социолингвистических аспектов татарской периодики: механизмов влияния печати на стандартизацию татарского литературного языка, языковых различий между изданиями, взаимосвязи географии, аудитории и языковых особенностей, роли социальных групп в формировании языковых норм. Цель работы заключается в выявлении и систематизации социолингвистических факторов становления и развития татарской периодической печати, а также в определении ее роли в стандартизации литературного языка и консолидации этнической идентичности татарского народа. Материалы исследования включают научные труды по истории татарского народа и периодической печати, а также тексты татарских газет межреволюционного периода 1905–1917 гг. Результаты демонстрируют существование трех языковых моделей татарской периодики, обусловленных идеологическими течениями эпохи: вариант с османско-турецким влиянием, вариант с преобладанием арабских и персидских элементов, вариант на основе разговорного языка казанских татар. Выявлена зависимость языковых особенностей от географии издания, хронологических рамок, задач издания, предпочтений редакторов и целевой аудитории. Полученные результаты вносят вклад в понимание процессов стандартизации татарского литературного языка и роли периодической печати в национальном самоопределении татарского народа в начале XX века.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: история периодической печати, татарская газета, язык газеты, социолингвистическая вариативность, межреволюционный период 1905–1917 гг.

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Бахтияр К. Миннуллин, Рифат. Ф. Мирхаев, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-04>

THE EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE TATAR PERIODICAL PRESS IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY: A SOCIOLINGUISTIC PERSPECTIVE

UDC 81'272:070:811.512.146

Bakhtiyar K. Minnullin

Tatarstan Academy of
Sciences,

Kazan, Russian Federation

Rifat F. Mirkhayev

Tatarstan Academy of
Sciences,

Kazan, Russian Federation

Abstract

The article examines the Tatar periodical press of the early twentieth century as a sociocultural and linguistic phenomenon shaped by the sociopolitical transformations of the Russian Empire. The research problem stems from the insufficient study of the sociolinguistic dimensions of Tatar periodicals, including the mechanisms through which the press influenced the standardization of the Tatar literary language, linguistic differences among individual publications, the relationship between geography, readership, and linguistic features, and the role of different social groups in the formation of language norms.

The aim of the study is to identify and systematize the sociolinguistic factors that shaped the emergence and development of the Tatar periodical press, as well as to determine its role in the standardization of the literary language and the consolidation of Tatar ethnic identity. The study is based on scholarly works on the history of the Tatar people and the Tatar periodical press, as well as on texts from Tatar newspapers published during the interrevolutionary period of 1905–1917.

The findings reveal the existence of three linguistic models in the Tatar periodical press, corresponding to the major ideological currents of the period: a model influenced by Ottoman Turkish, a model characterized by the predominance of Arabic and Persian elements, and a model based on the spoken language of the Kazan Tatars. The study also identifies a correlation between linguistic features and the geographical location of publication, chronological period, editorial objectives, editors' preferences, and target readership.

The findings contribute to a better understanding of the standardization of the Tatar literary language and of the role played by the periodical press in the national self-identification of the Tatar people in the early twentieth century.

KEYWORDS: history of the periodical press, Tatar newspaper, newspaper language, sociolinguistic variability, the inter-revolutionary period of 1905-1917

1 | Введение

В контексте социально-культурных преобразований второй половины XIX – начала XX века остается недостаточно изученным комплекс факторов, обусловивших становление татарской периодической печати как инструмента национального самоопределения и консолидации татарского народа в составе Российской империи. Между тем особую научную проблематику формирует социалингвистическая вариативность языка татарских периодических изданий межреволюционного периода 1905–1917 гг. Ключевая исследовательская проблема данной статьи заключается в необходимости системного анализа татарской периодики начала XX века как социокультурного и языкового феномена, отражающего процессы национального самоопределения, идеологические дискуссии и эволюцию татарского литературного языка в условиях социально-политических трансформаций Российской империи.

Вопросы истории становления и развития татарской периодической печати в татарской гуманитаристике в разные периоды были затронуты в научных трудах Ф.И. Агзамова [1986], Р.У. Амирханова [2002], М.А. Аскарова [2004], М.Х. Гайнуллина [1983], Ф.Ю. Гаффаровой [2002], Р.Ф. Марданова [2001], М.Б. Мардиевой [2003], Р.М. Нуруллиной [2002], Ф.З. Яхина [1992] и т. д. Проблемам жанрово-стилистической дифференциации татарской печати посвящены работы В.З. Гарифуллина [2007, 2014], Б.К. Миннуллина [2019], И.М. Низамова [1996]. Вопросы, касающиеся лексико-грамматического и стилистического построения текстов татарской периодической печати, были исследованы в работах Р.С. Абдуллиной [1997], Л.И. Гимадеевой [2000], С.М. Ибрагимова [1964], Б.К. Миннуллина [2012, 2022], Ф.М. Мухаметшина [2007], В.Н. Хангильдина [1976], Р.М. Хуснетдинова [2011]. Также следует выделить ряд научных трудов В.З. Гарифуллина [1989, 1998], в которых автор прибегает к исследованию функционирования татарского литературного языка, исходя из своеобразия организации текста в зависимости от газетного жанра.

Социалингвистический анализ становления татарской периодической печати остается периферийной темой в рамках большого числа публикаций по истории татарской прессы. Традиционно исследовательское внимание сосредоточено на историко-культурных предпосылках возникновения печати, ее политико-идеологических функциях, биографиях просветителей и жанрово-стилистических характеристиках публикаций. Между тем ключевые вопросы социалингвистики татарской периодики остаются недостаточно раскрытыми. В частности, до сих пор не получили должного освещения механизмы влияния периодической печати на стандартизацию татарского литературного языка, языковые различия между

изданиями, корреляция географии издания, аудитории и языковых особенностей, а также роль социальных групп и отдельных авторов в формировании языковых норм. Таким образом, актуальность данного исследования обусловлена необходимостью восполнить эти пробелы и предложить целостную социалингвистическую интерпретацию процессов становления татарской периодической печати начала XX века.

Научная новизна настоящего исследования заключается в комплексном междисциплинарном подходе к изучению арабографической татарской периодической печати начала XX века как значимого социокультурного феномена межреволюционного периода 1905–1917 годов в Российской империи. В отличие от предшествующих работ, в статье впервые системно рассматривается роль периодической печати в качестве инструмента консолидации татарской этнической идентичности и катализатора процессов культурного и национального возрождения татарского народа.

Новаторский характер исследования определяется попыткой детально проанализировать вклад периодических изданий в стандартизацию татарского письменного литературного языка и расширение его функционально-стилистических возможностей: необходимо проследить, как на страницах газет формировались лексико-грамматические и стилистические нормы. В работе впервые предпринимается попытка целенаправленного изучения социалингвистических факторов становления и развития татарской периодики, в частности, взаимосвязи языковых практик печати с идеологическими течениями эпохи, влиянием социальных групп и отдельных редакционных коллективов на выбор языковых моделей, а также региональной специфики языкового оформления изданий.

Целью данной статьи является выявление и систематизация социалингвистических факторов, повлиявших на становление и развитие татарской периодической печати в межреволюционный период 1905–1917 гг., а также определение роли периодических изданий в формировании и стандартизации татарского литературного языка и консолидации этнической идентичности татарского народа. Достижение заданной цели подразумевает решение следующих задач: реконструировать историко-культурный и социально-политический контекст начала XX века, обусловивший возникновение и развитие татарской национальной периодической печати, с акцентом на влияние буржуазных реформ второй половины XIX века и событий революции 1905–1907 годов; изучить влияние идеологических течений эпохи на языковые практики и редакционную политику татарских газет и журналов; провести сравнительный анализ языкового оформления текстов ряда

ключевых татарских периодических изданий начала XX века; выявить механизмы влияния периодической печати на стандартизацию татарского литературного языка.

В качестве материала для настоящего исследования выступили научные труды, посвященные истории татарского народа и развитию татарской периодической печати, а также лингвистический материал, зафиксированный в текстах татарских газет начала XX века.

В ходе исследования авторы опирались на два ключевых метода – описательный и метод социолингвистической интерпретации. Описательный метод применялся на всех этапах работы: при накоплении эмпирического материала, который включал отбор публикаций татарской периодической печати начала XX века и сопутствующих исторических данных, а также при первичной обработке и классификации материала по ряду критериев – хронологическому, географическому, тематическому, жанровому и лингвистическому. С его помощью фиксировались и описывались лексико-грамматические особенности текстов, в том числе, вариативность языковых форм и использование заимствований. Метод социолингвистической интерпретации использовался на этапе углубленного анализа полученных данных и позволил установить взаимосвязь между языковыми особенностями текстов и рядом экстралингвистических факторов, таких как социальный статус авторов и редакторов, целевая аудитория изданий, идеологические установки редакций и география публикации. Помимо этого, метод дал возможность интерпретировать лингвистические данные в контексте социокультурной ситуации начала XX века, в том числе, в рамках идеологических течений эпохи.

2 | Социальные (культурно-исторические) предпосылки становления татарской периодической печати

Исторический контекст начала XX века характеризуется комплексными изменениями в политико-административной, экономической и социальной системах Российской империи, оказавшими существенное влияние на положение татарского населения. К данному периоду татарское общество достигло высокого уровня национального самосознания и грамотности, что создало благоприятные условия для институционального развития. Прежде всего, это проявилось в становлении книгопечатания и типографского производства, а в дальнейшем – в зарождении и развитии татарской периодической печати. Формирование газет как национального информационного института было детерминировано двумя факторами: во-первых, последовательной деятельностью татарской интеллигенции, направленной на создание периодических изданий, во-вторых, пиком культурного подъема татарского

населения империи и сопутствующей потребностью в регулярном освещении социально-экономических и политических событий как внутри страны, так и на международной арене [Гарифуллин, Зайни, 2013: 126]. Буржуазные реформы второй половины XIX века и последующий путь капиталистического развития страны, на который в дальнейшем встает Российская империя, становятся лишь катализатором роста национальной самоидентификации и всестороннего прогресса татарского народа. В ходе событий революции 1905–1907 годов татарская печать приобретает статус средства формирования у населения не только широких политико-идеологических взглядов, но и способа продвижения многочисленных идей и преобразований нового времени в целом, а также выступает в качестве языковой платформы при переходе от старотатарского литературного языка к татарскому национальному литературному языку.

Рассматриваемый исторический период характеризуется активным стремлением народов Российской империи, включая татарский этнос, к национальному самопознанию. К этому времени в Волжско-Уральском регионе этноним «татары» еще не получил системного распространения. Данная ситуация была обусловлена двумя ключевыми факторами: широким территориальным расселением татарского населения и сформировавшимся на протяжении столетий религиозным менталитетом, который предопределил практику самоидентификации представителей сообщества преимущественно как «мусульман» [История татар..., 2013: 7]. Первым идеологом татарской нации, всерьез заговорившим о необходимости использования самоназвания «татары», стал богослов, историк, просветитель Шихабетдин Марджани. При этом, согласно сложившемуся в историографии татарской периодической печати начала XX века представлению, принято считать, что тексты большинства газет и журналов после революции 1905–1907 годов начинают издаваться на понятном широкому массам населения разговорном языке казанских татар, идею которого в свое время заложил татарский ученый-просветитель, писатель, этнограф Каюм Насыри [Юзеев, Тагиров, 2002: 22].

К моменту, когда в XIX веке подошли к своему логическому завершению процессы формирования империи, что повлекло за собой и территориальные изменения в сторону расширения границ российского государства, определенные изменения претерпел и ее этноконфессиональный состав. Так, более половины населения страны теперь представляли меньшинства, которые, как известно, характеризовались наличием присущих только им культурных традиций, общественных и социально-экономических темпов развития. По результатам переписи 1897 года, численность тюркских народов Российской империи составляла 13,6 млн. человек, что в процентном соотношении составляло 10,8 % всего

населения страны [История татар..., 2013: 3]. Татары, дисперсно расселившиеся на всем евразийском пространстве России, которое характеризовалось разными природными и климатическими условиями, отличались самобытным экономическим и хозяйственным укладом жизни. К началу XX века процесс концентрации татарского населения в городах был локализован в промышленных районах центральной части страны. При этом большинство татар проживало в Волго-Камском районе. Учитывая, что одним из основных условий формирования нации является территориальная общность, указанный регион можно охарактеризовать как этнический центр татар.

Как известно, другим значимым условием формирования нации является наличие доступного для всех ее представителей коммуникативного инструмента – общенационального языка. Процесс его формирования становится возможным в результате перехода от использования традиционных древнетюркских и старотатарских письменных языковых форм к народно-разговорным формам казанских татар. По мнению ученых-языковедов, занимающихся вопросами истории татарского литературного языка, вторая половина XIX – начало XX столетий является одним из наиболее благоприятных периодов в плане расширения функциональных возможностей татарского языка, когда он охватывает наибольшее количество социальных сфер, чего не наблюдалось ни в прошлом, ни в будущие периоды функционирования татарского языка [Мирхаев, Миннуллин, 2025: 199]. Такая функциональная и структурная трансформация языка была достигнута, в том числе, в результате деятельности и осмысления коммуникативных потребностей представителей социальных групп (мурз, купцов, торговцев, приказчиков, мулл, мугаллимов, шакирдов), которые присутствовали в структуре татарского общества в указанный период.

Не менее важным результатом реформ этого времени является дальнейшее развитие татарской литературы, в частности, ее просветительского направления, которое, в дальнейшем проникнув во все слои татарского общества, становится своеобразным двигателем национального прогресса. Причины столь бурного развития татарского просветительства объясняются, прежде всего, активизацией процессов формирования буржуазного общества с последующим ростом национального самосознания [Михайлова, 1972: 16–17]. Просветительские идеи Габдерахима Утыз Имяни и Габденнасыра Курсави в дальнейшем нашли свое отражение в просветительской деятельности Шихабетдина Марджани, Хусаина Фаизханова, Каюма Насыри, Шамсутдина Культяси, деятельность которых главным образом была направлена на освещение философских мировоззренческих проблем и пропаганду научных идей. В эпоху перемен просветительская деятельность трансформировалась в

полноценное литературное течение, двигателями которого стали Габдрахман Ильяси, Фатих Халиди, Загир Бигиев, Гаяз Исхаки и др. Творческое наследие указанных авторов было пронизано идеями формирования национального самосознания, воспитания чувства гражданского долга и гуманистических ценностей, а также пропаганды идей социального прогресса и свободы [Татар әдәбияты..., 1985: 221].

В начале XX века в татарском обществе сформировалось зрелое поколение молодых реформаторов, получивших зарубежное образование. Представители этой группы свободно владели не только родным языком, но и русским, а также рядом европейских языков. Свою основную задачу они видели в развитии народа на основе традиционных ценностей, реформировании общества, общественно-философской, эстетической, научной мысли [История татар..., 2013: 9].

Одним из итогов описанного выше культурно-образовательного прогресса и развития буржуазных отношений в татарском обществе начала XX века в целом и в то же время полноценным средством оперативного донесения до народных масс насущной информации становится татарская национальная периодическая печать, возникновение которой становится возможным в результате революционных событий 1905–1907 годов.

Работа по получению разрешения на издание периодической печати на татарском языке началась еще в первые десятилетия XIX века, когда профессором Казанского университета И.И. Запольским предпринимается попытка издания газеты «Казанские известия», планировавшейся на татарском и русском языках. Несмотря на старания профессора Запольского, разрешение на издание газеты было получено только в 1811 году после его смерти, но издавалась первая газета Казани исключительно на русском языке. По прошествии более чем двух десятилетий представители Казанского университета предпринимая новые попытки получения разрешения на издание татароязычной газеты: в 1833 году воспитанник восточного разряда М.Г. Никольский пытается издавать газету «Бахрел-ахбар», в 1864 году ученый-ориенталист, переводчик, издатель, этнограф и педагог П.И. Пашино предпринимает попытку издания журнала «Файда», в 1865 году одноименный журнал пытается учредить поэт-сатирик, журналист, литературный критик, переводчик В.С. Курочкин. Однако все указанные попытки не увенчались успехом [Гарифуллин, Сабирова, 2015: 54–55].

С 1860-х годов XIX века представители татарской общественности активно включаются в деятельность по организации издания периодической печати на татарском языке. В 1863 году татарский ученый-просветитель, писатель и этнограф Каюм Насыри предпринимает попытку получить официальное разрешение на издание, которая не приводит

к успеху. Впоследствии аналогичную инициативу реализует преподаватель тюркских языков Санкт-Петербургского университета Хусаин Фаизханов, однако и его усилия не увенчались получением необходимого разрешения. В 70-х годах властями было отклонено соответствующее прошение унтер-офицера А. Кутлюярова и касимовского купца Х. Бикбулатова. По некоторым данным, во второй половине XIX века по разным причинам властями были отклонены более двадцати обращений о разрешении издавать периодическую печать на татарском языке [Гарифуллин, Сабирова, 2015: 55].

До революционных событий 1905 года среди тюркского населения Российской империи, в частности, среди татарской аудитории, активное распространение получают два органа периодической печати: газета «Тарджеман», издававшаяся с 1885 года в Бахчисарае крымскотатарским политическим и общественным деятелем, просветителем и издателем Исмаилом Гаспринским и газета «Шаркый Рус» – первый орган периодической печати Азербайджана, вышедший в свет в 1903 году, основателем которого был общественный деятель, публицист, просветитель и языковед Маммед-ага Шахтахтинский. К началу XX века газета «Тарджеман» стала старейшим тюркским органом периодической печати, и на страницах обеих указанных газет активно публиковались такие значимые для татарского общества рассматриваемого периода персоны, как Фатих Карими, Закир Рамиев, Риза Фахретдин, Камил Тухватуллин, Шакир Мухамедов и многие другие. Учитывая даже факт размещения в данных газетах корреспонденции из таких городов, в том числе и с татарским населением, как Оренбург, Казань, Чистополь, Буинск, «Тарджеман» и «Шаркый Рус», они не могли осуществлять для татар функции национальной прессы [Миннуллин, 2012: 136; Усманова, 2013: 148].

Ситуация меняется в 1905 году, который в истории татарского народа был ознаменован зарождением системы национальной периодической печати и становлением профессиональной журналистики. Теперь информация о той или иной ситуации, имевшей место в одном регионе, была доступна и для татар, проживавших в других точках страны – появляется альтернативный вариант передачи актуальной информации. В свою очередь, развитие периодической печати не могло не отразиться положительно и на общих интересах татарского народа, что приводит к объединению людей вокруг общих идеалов и целей, а это, в свою очередь, говорит уже о формировании национальной психологии. Многочисленные вопросы общественно-политической и социально-экономической жизни татарского народа и всей страны в целом целенаправленно затрагивались на страницах татарской периодической печати представителями татарской культурной общественности рассматриваемого периода.

3 | Язык первых татарских газет в контексте преобразований в области татарского литературного языка

Первым татароязычным периодическим изданием, увидевшим свет в результате революционных событий 1905–1907 годов, стала газета «Нур», которая издавалась в Санкт-Петербурге в 1905–1914 годы, а первой татарской газетой, издававшейся в Казани, является «Казан мухбире». Она начала выходить 29 октября 1905 года, а ее издателем являлся один из основателей партии национально-буржуазного толка «Мусульман иттифагы» Саидгарей Алкин. Спустя несколько месяцев, 15 января 1906 года, в Казани начинает издаваться еще одна татарская газета – «Йолдыз», а 1 февраля 1906 года – газета «Азат». Фактическим редактором последней был драматург, публицист, театральный и общественный деятель Галиаскар Камал, в газете активно публиковались не менее выдающиеся деятели татарской культуры рассматриваемого периода М. Гафури, Н. Думави, Г. Кулахметов, М. Укмаси. В 1906 году в Санкт-Петербурге начинает выходить вторая татарская газета города – «Ульфат», редактором которой становится религиозный и общественный деятель, публицист Рашид Ибрагимов. Далее в 1913 году в Санкт-Петербурге начинает издаваться третья городская татарская газета – «Ил», которая через год переезжает в Москву. С 1915 года в Москве издается еще одна татарская газета «Сюз», которая позже была переименована в «Безнен юл». В Оренбурге в 1907 году большевик Хусаин Ямашев начинает издавать социал-демократическую газету «Урал». Там же в 1908 году золотопромышленник и известный татарский поэт Закир Рамиев (Дэрдмэнд) налаживает выпуск литературного журнала «Шура».

Астрахань рассматриваемого периода является регионом с выраженной спецификой с точки зрения ее связи с туркестанскими мусульманами и представителями Турции, которые были налажены лучше, чем в какой-либо другой точке Российской империи. При этом просветительское движение мусульман Астраханской губернии было тесно связано с издательской и педагогической деятельностью Исмаила Гаспринского. Астрахань начала XX века представляла собой значимый центр татарского этноса и культуры, на территории которого был представлен широкий спектр татарских периодических изданий – газет и журналов. Помимо первой татарской астраханской газеты «Борхане таракки», в 1906 году здесь начинают издаваться газета «Ислах» и журнал «Туп». С 1907 г. начинают выходить в свет издания «Идел», «Хамият», «Янга тормыш», а позже «Магариф», «Мизан», «Хак» и «Халык». В целом в межреволюционный период 1905–1917 годов на территории Российской империи издается более 120 газет и журналов на татарском языке [Гарифуллин, Сабинова, 2015: 56].

Как отмечалось ранее, для реализации возможности издавать периодическую печать на татарском языке представителями татарской культурно-политической общественности была проделана кропотливая работа. Вместе с тем необходимо учитывать длительную историческую подготовку данного явления, охватывающую несколько десятилетий, а также многовековые культурные традиции татарского народа, выступающие в качестве существенного фона формирования национальной периодической печати. Так, говоря о предпосылках формирования национальной периодической печати (у татар в том числе), следует учитывать и высокую степень грамотности татарского населения, наличие большого количества писателей и просветителей, а также устойчивые традиции российской провинциальной печати. Однако на данном этапе вместе с положительным результатом возникает проблема социолингвистического характера, что в определенной степени неожиданно. В текстах татарской периодики вырисовывается ситуация, когда газеты и журналы, исходя из своих предпочтений и задач, стремились использовать разные варианты татарского литературного языка рассматриваемого периода. Например, на фоне газеты «Тарджеман», использовавшей понятный для всех тюркских народов упрощенный вариант османско-турецкого литературного языка, петербургская газета «Нур» издается на смешанном татарско-турецком варианте старотатарского литературного языка, осложненном огузизмами, а казанская газета «Казан мухбире» выходит на варианте старотатарского литературного языка, основанного на народно-разговорном языке казанских татар.

Две наиболее популярные среди татарского, да и всего тюркского населения Российской империи в целом, и издававшиеся на протяжении наиболее длительного отрезка времени в межреволюционный период 1905–1917 годов газеты «Вақыт» и «Йолдыз» фактически выходили на старотатарском письменном литературном языке начала XX века. Однако научные разработки, направленные на исследование лексико-стилистических и грамматических характеристик их текстов, свидетельствуют об определенных отличиях, имевших место в языке указанных газет [Миннуллин, 2019: 48]. Одной из причин подобной языковой вариативности являются не до конца устоявшиеся нормы татарского письменного литературного языка рассматриваемого периода. Данный факт воспринимается учеными-языковедами как естественная неконтролируемая ступень в развитии языка, отражающаяся в конкретных текстах. Однако вместе с тем существуют и контролируемые причины языковой вариативности, среди которых следует обозначить языковые предпочтения издателя, редакторов определенного издания или авторов статей, задачи, которые они ставят перед собой, тип издания, его адресаты и т. д.

Язык газеты «Вакыт», издававшейся в Оренбурге, следовал в определенной степени по пути развития «Тарджемана» Гаспринского, был отдален от близкого широким слоям татарского населения разговорного языка и осложнен так называемыми огузизмами – лексико-грамматическими формами, вошедшими в употребление через османско-турецкое посредство и функционировавшими на фоне арабских и персидских заимствований. На подобном варианте старотатарского письменного литературного языка рассматриваемого периода оформлялся и журнал «Шура», также издававшийся в Оренбурге.

В качестве примера рассмотрим отрывок из текста отчета, опубликованного в одном из номеров газеты «Вакыт», где на фоне активной арабо-персидской лексики обнаруживается сочетание имени действия на *-maq* и послелога *üzürä* ‘с тем’, ‘чтобы’, которое определяется в качестве характерной особенности, присущей турецкому литературному языку, а также употребление традиционной формы инфинитива *ulmaq* ‘быть’, имеющей огузское происхождение: *Mäcles palitsijäneñ röxsäte ilä Möxämädälräxim xaci Junysof öjendä ulyb äksäre göläma wä gölämägä mänsüb keşelärdän ulmaq üzürä jözdän artyq keşe xazir ulmyşlar ide* ‘На собрании, проведенном с разрешения полиции в доме Мухаммадальрахима хаджи Юнусова с целью собрать в большинстве своем ученых и приближенных к ученым людей, присутствовало более ста человек’ [«Казанның расем хаттын төзәтү хакында мөзакәрә мәжлесе», «Вакыт», 1909, № 433]. В следующем примере, взятом из текста заметки, также на фоне активно употребляющейся арабо-персидской лексики, зафиксировано функционирование огузского деепричастия на *-araq*, а также традиционной формы инфинитива *ulmaq* ‘быть’ и традиционного фонетического варианта союза *ilä* ‘с’, являющихся характерной особенностью турецкого литературного языка: *Serbijägä mäkamät ularaq jer birmiçä bälki Afstrija ilä ticarät möğahädäsendä ber az müsağadä jasalu jäğni ike aranyñ kileşüwe ixtimallandy* ‘Стало возможно допущение договора о торговле с Австрией, то есть соглашение сторон, не передавая земли Сербии в качестве места пребывания’ [«Сугыш ихтималы», «Вакыт», 1909, № 433]. В приведенном далее примере зафиксировано употребление формы причастия прошедшего времени на *-an*, являющейся огузским аналогом кыпчакской формы на *-ğan*, традиционного предикативного слова *var* ‘есть’, характерного для турецкого литературного языка, являющегося фонетическим вариантом татарского предикативного слова *бар* ‘есть’, а также местоимения *o* ‘это, он’, не характерного для татарского литературного языка, но являющегося характерной особенностью турецкого литературного языка и тюркских языков огузской группы в целом: *Uquçy äfändelärne ğaibanä mäsrur idäçäk ber cähät var isä o da Boxaranyñ iske ğadäte ulan xajvanlarny ğaryz ändam idmäkder* ‘Если и есть хоть одна необходимость заведомо

развеселить товарищей учащихся, то это делать статуи из животных, что является старой традицией Бухары' [«Бохара эхвалендэн», «Вакыт», 1910, № 595].

Язык казанской газеты «Йолдыз», в отличие от газеты «Вакыт», характеризуется отсутствием лексико-грамматического пласта огузизмов. Данный факт формирует значимый элемент социолингвистической картины эпохи, отражающей противостояние двух идеологических течений – тюркизма и татаризма, получивших распространение в среде татарской интеллигенции рассматриваемого исторического периода. Однако если сравнивать язык газеты «Йолдыз» с другими газетами, издававшимися в начале XX века на татарском языке, мы вынуждены констатировать принципиальное отличие в языковом оформлении ее текстов. Дело в том, что так называемое течение татаризма в языке газеты «Йолдыз» реализовывалось на фоне активного употребления арабских и персидских лексических элементов: *Ğafil bulmasqa kiräk* 'Не нужно быть беспечным' [«10 Зөлһижә. Шәһре Казан», «Йолдыз», 1907, № 74]; *Öç ölešdän ber öleš qadärese fäqyjrägä saryf qylynmaq öçen mäşrüg ilelmeşder* 'Одну третью часть предписано раздать нуждающимся' [«Аруга дару», «Йолдыз», 1910, № 486]; *Cyjlğan jäşlär täxminän 60 – 70 kä qarib ide* 'Количество собравшейся молодежи приблизительно была близка к 60 – 70' [«Төрле хәбәрләр», «Йолдыз», 1912, № 795].

Говоря о языке данной газеты, известный татарский просветитель, ученый энциклопедист и языковед-тюрколог Джамал Валиди в своей статье подчеркивает, что с момента выхода первого номера газеты «Йолдыз» ее читателям стал ясен отказ редакции от тенденции тюркизма. Газета изначально качественно отличалась от других изданий той эпохи в плане употребления выверенного языка и стиля, адресованного именно татарскому читателю. Однако, по мнению Дж. Валиди, было бы ошибкой характеризовать язык газеты «Йолдыз» как современный татарский. По его мнению, ее язык даже отличается от татарского языка, формировавшегося перед революцией 1917 года. Кроме того, Валиди подчеркивает, что несмотря на осложненность языка газеты «Вакыт» османско-турецкими, арабскими и персидскими лексико-грамматическими элементами, ее язык был куда более доступен для читателя, нежели язык газеты «Йолдыз», сильно перегруженный арабскими и персидскими словоформами [Валиди, 2007: 160].

Следует отметить, что в период своего становления газеты «Вакыт» и «Йолдыз» не являлись ежедневными, а издавались два-три раза в неделю. Это давало возможность редакторам собственноручно заниматься редактированием части текстов, а также публиковать свои тексты, что напрямую влияло на формирование языковой вариативности. По мнению исследователей, в языке газеты «Вакыт» обнаруживаются лексико-стилистические и

грамматические особенности, присущие языку ее редактора – известного татарского писателя, педагога-просветителя, журналиста и общественного деятеля Фатиха Карими, а язык газеты «Йолдыз» отражал лингвистические предпочтения ее издателя и редактора – татарского языковеда, педагога, политического и общественного деятеля Хади Максуди [Миннуллин, 2019: 49].

Если сравнить языковое оформление, например, газет «Борхане таракки» и «Кояш», издававшихся в межреволюционный период 1905–1917 годов, то мы однозначно констатируем, что они создавались на старотатарском письменном литературном языке рассматриваемого периода и их основой является кыпчакский компонент. Однако если углубиться в грамматическое построение их текстов, наблюдается отчетливая вариативность в функционировании данного компонента в зависимости от используемых грамматических категорий. При этом с точки зрения грамматического построения текстов газета «Кояш» оформлена на народно-разговорном варианте языка казанских татар и является наиболее близкой к современному состоянию татарского литературного языка. В качестве примера рассмотрим следующие отрывки из текстов: *Bu tirädäge tatar awyllary, suğa baj bula, kübräge ujsu jerlärgä **utyrgän** bula* ‘Расположенные здесь татарские деревни отличаются достатком воды, большинство расположены в низинах’ [«Минзэлэ өязендэн», «Кояш», 1913, № 148]; *Bu adäm üze hökümat xedmätendä bulıyb bazarın dārācāsendä **bulğan** imeş* ‘Говорят, этот человек находился на государственной службе и являлся боярином’ [«Романов нәселе кайдан чыккан?», «Кояш», 1913, № 54]; *Bolar tatarlar haqında zıjaly xikäjälärne genä belälär ide* ‘Они про татар знали только хорошие истории’ [«Татарлар Мәскәүдә», «Кояш», 1917, № 1114]. Как видно, языковая структура приведенных текстов базируется на народно-разговорном варианте татарского языка начала XX века, что отражается в употреблении простых синтаксических конструкций, отсутствии арабских и персидских заимствований, а также в активном функционировании ряда грамматических форм, среди которых зафиксирована и форма на *-ğan*, характерная для кыпчакских языков, в том числе для современного татарского литературного языка, которой в рассматриваемый период в рамках огузизованного варианта старотатарского письменного литературного языка противопоставляется форма на *-muş*, характерная для огузских языков.

Главным образом доступность языка газеты «Кояш» обусловлена географическим принципом: газета издавалась в духовном и историческом центре татарского народа – городе Казани. Определенное влияние на формирование языковых черт газеты имели и хронологические рамки ее издания. Как известно, газета «Кояш» издавалась во втором

десятилетия XX века, в 1912–1918 годах, когда татарский национальный литературный язык в определенной степени уже приобретает свои окончательные для рассматриваемого периода черты. Кроме того, следует отметить, что ответственным секретарем газеты «Кояш» был татарский писатель, литературный критик и общественный деятель Фатих Амирхан, который также входил в число наиболее активных авторов, публиковавшихся в газете, а в плане языковых взглядов ко второму десятилетию XX века он стал сторонником лингвистического протекционизма.

Несмотря на то, что газета «Борхане таракки» также создавалась на татарском письменном литературном языке рассматриваемого периода с преобладанием кыпчакских языковых элементов, ее язык отличается от газеты «Кояш» и характеризуется активным включением в тексты статей огузизмов, проявляющихся на разных языковых уровнях: фонетическом, грамматическом и лексическом. Например, в следующем предложении зафиксировано употребление формы настоящего времени на *-jur*, являющейся показателем, характерным для тюркских языков огузской группы. Кроме того, в предложении употребляется наречие места *buraja* 'сюда', характерное для турецкого литературного языка, форма прошедшего времени на *-muş*, характерная для огузских языков. Также в предложении зафиксировано употребление союза *dijä*, который используется для введения в текст прямой речи или цитаты и соответствует русскому союзу *что*. Данный союз происходит от глагола *demek* 'говорить, обозначать' и характерен для турецкого литературного языка: *Juldaşymdan soradym mulla äfände buraja ni öčen kilmeş dijä ul da xäjer äfändem belmijurym ... dijä cawab virde* 'Я спросил у моего спутника, с какой целью сюда пришел господин мулла, а он ответил, нет, господин, я не знаю...' [«Тасыфлы вакыйга», «Борхане таракки», 1907, № 75]. В следующем примере зафиксировано употребление имени существительного в винительном падеже и осложненного аффиксом принадлежности третьего лица, оформленного при помощи аффикса *-ny/-ne*, характерного для огузизованного варианта татарского литературного языка начала XX века: *Dumanıñ äwälge wäkile Ğarif Badamşın cänäblärene aristavajıt itkänlär* 'Арестован предыдущий представитель Думы, господин Гариф Бадамшин' [«Русия хәбәрләре», «Борхане таракки», 1906, № 56]. В приведенном ниже примере употреблена форма инфинитива на *-tağa*, являющаяся характерной особенностью огузских языков, в частности, турецкого литературного языка, что является свидетельством влияния на язык османско-турецкого литературного языка начала XX века: *Här kemgä mäğlüm ber keşe jäki ber milät ber eşkä totynsa şul eşneñ fajdasın kürmägä çalyşmaq lazemder* 'Все знают, что если один человек или отдельный

народ взялся за какую-либо работу, он должен стараться увидеть ее пользу' [«Бу нәрсә бу?», «Борхане таракки», 1906, № 29].

Такая активность традиционных древнетюркских языковых форм и лексико-грамматических показателей, вошедших в употребление через османско-турецкое посредство, прежде всего, объясняется географическим расположением Астраханской губернии, где издавалась газета «Борхане таракки». Как нами уже отмечалось выше, Астрахань рассматриваемого периода является специфическим регионом, где были налажены тесные связи как с туркестанскими мусульманами, так и представителями Османской империи. Особое влияние на регион имела и идеология Исмаила Гаспринского. Также немаловажным фактором в формировании языковых особенностей газеты «Борхане таракки» является хронологический аспект. По сравнению с газетой «Кояш» она издавалась в 1906–1911 годах на фоне несколько иных социальных и политических условий, когда в языке еще продолжало ощущаться влияние старых традиций – древнетюркских и старотатарских языковых форм.

Таким образом, говоря о социолингвистической вариативности языка татарской периодической печати начала XX века, мы можем выделить три течения. Сторонники варианта татарского письменного литературного языка, осложненного османско-турецким присутствием, вдохновлялись идеологическими взглядами Исмаила Гаспринского, в частности, языком газеты «Тарджеман». Сторонники тенденции активного использования в татарском письменном литературном языке рассматриваемого периода арабских и персидских лексико-стилистических и грамматических элементов выступали за укрепление в языке традиций старописьменного языка. Идеологи лингвистического протекционизма выступали за использование в качестве литературной формы варианта татарского языка, основанного на разговорной речи казанских татар, так как они стремились опираться исключительно на внутренние языковые ресурсы. Ими не пропагандировался полный отказ от огузизмов и арабо-персидских языковых элементов и допускалось их употребление в рамках текстов, относящихся к соответствующим стилям, в том числе, османско-турецкая и арабо-персидская лексика активно употреблялась писателями-демократами и в качестве средств языковой выразительности при написании сатирических произведений [История татарского..., 2003: 23].

4 | Заключение

В ходе исследования решены поставленные задачи: реконструирован историко-культурный и социально-политический контекст начала XX века, обусловивший становление татарской национальной периодической печати; изучено влияние идеологических

течений эпохи на языковые практики и редакционную политику изданий; проведен сравнительный анализ языкового оформления текстов татарских газет 1905–1917 гг.; выявлены механизмы влияния периодической печати на стандартизацию татарского литературного языка.

Авторами статьи установлено, что возникновение татарской периодической печати стало закономерным результатом социально-культурных преобразований второй половины XIX – начала XX века: буржуазных реформ, роста национального самосознания татарского народа, развития просветительского движения и культурного подъема. Революционные события 1905–1907 гг. послужили непосредственным катализатором институционализации национальной прессы. Кроме того, на материале текстов татарских газет «Йолдыз», «Вакыт», «Кояш», «Борхане таракки» выявлена существенная социолингвистическая вариативность языка татарской периодики. В ходе анализа языкового материала авторы пришли к выводу, что в рамках старотатарского письменного литературного языка начала XX века функционировали три дифференцированных языковых варианта, каждый из которых соотносился с определенным идеологическим течением и коммуникативными установками эпохи: огузированный вариант с преобладанием османско-турецких элементов, в основе которого лежат идеи тюркизма и традиции газеты «Тарджеман» Исмаила Гаспринского; вариант с активным использованием арабских и персидских лексико-грамматических элементов, отражающий приверженность традициям старописьменного языка; вариант на основе народно-разговорного языка казанских татар, продвигаемый сторонниками лингвистического протекционизма и ориентированный на расширение функционально-стилистических возможностей татарского литературного языка.

Определено, что дифференциация языковых моделей детерминирована комплексом экстралингвистических факторов: идеологическими установками редакций, лингвистическими предпочтениями издателей и авторов, географическим расположением издания, хронологическими рамками выпуска, целевой аудиторией и задачами конкретного органа печати.

Полученные результаты подтверждают ключевую роль татарской периодической печати в процессах национального самоопределения и консолидации татарского народа. Периодические издания выступили не только как средство информационного обмена и инструмент формирования мировоззрения, но и как площадка для выработки и стандартизации норм татарского литературного языка начала XX века. Исследование

восполняет пробелы в изучении социолингвистических аспектов татарской периодики и закладывает основу для дальнейших научных изысканий в этой области.

ЛИТЕРАТУРА

- Амирханов Р. У.* (1988) Татарская демократическая печать (1905–1907 гг.). М.: Наука. 191 с.
- Аскаров М. А.* (2004) Газета «Казан мохбире» («Казанский вестник») и её роль в развитии татарской публицистики начала XX века: дис. ... к-та филол. наук. Казань. 166 с.
- Гайнуллина М. Х.* (1983) Татарская литература и публицистика начала XX века. Казань: Тат. кн. изд-во. 352 с.
- Гарифуллин В. З.* (1989) Композиционно-речевая и модально-темпоральная структура текста информационных жанров (на материале газеты «Социалистик Татарстан»): дис. ... к-та филол. наук. Казань. 216 с.
- Гарифуллин В. З.* (1998) Лингвостилистическая система татарского газетного текста: дис. ... д-ра филол. наук. Казань. 427 с.
- Гарифуллин В. З., Зайни Р. Л.* (2013) Концептуальные основы исследования истории татарской журналистики // Ученые записки Казанского университета. Том 155. Книга 6. С. 125–134.
- Гарифуллин В. З., Сабирова Л. Р.* (2015) Татарская журналистика: исторический опыт и перспективы развития // Ученые записки Казанского университета. Том 157. Книга 4. С. 54–61.
- История татар с древнейших времен. Формирование татарской нации, XIX – начало XX в. (2013) / гл. ред. Р. Хакимов. Казань: Институт истории. 1171 с.
- История татарского литературного языка (XIII — первая четверть XX в.) (2003) / сост. и отв. ред. Х. Курбатов. Казань: Фикер. 656 с.
- Марданов Р. Ф.* (2001) Журнал «Шура» (1908–1917): вопросы литературы. Казань: Рухият. 151 с.
- Миннуллин Б. К.* (2012) Татарская газета «Борхане таракки». Лингвистические исследования. Казань. 299 с.
- Миннуллин Б. К.* (2012) Татарская периодическая печать: генезис и его предпосылки // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 7 (18). Ч. 1. С. 136–138.
- Миннуллин Б. К.* (2019) Жанрово-стилистическая дифференциация татарской газеты начала XX века. Казань. 220 с.
- Миннуллин Б. К.* (2022) Специфика морфологической структуры текстов татарской периодической печати начала XX века. Казань. 336 с.
- Мирхаев Р. Ф., Миннуллин Б. К.* (2025) Социально-речевые портреты социальных групп татарского общества второй половины XIX и начала XX в. в ценностно-аксиологическом и стилистическом аспектах // Новые исследования Тувы. № 3. С. 197–211. DOI: 10.25178/nit.2025.3.13
- Михайлова С. М.* (1972) Формирование и развитие просветительства среди татар Поволжья (1800 – 1881). Казань: Изд-во КГУ. 227 с.
- Мухаметшин Ф. М.* (2007) Лексико-грамматические особенности газеты «Нур»: дис. ... к-та филол. наук. Казань. 171 с.
- Низамов И. М.* (1996) Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. Казань. 436 с.
- Усманова Д. М.* (2013) «Национальная татарская печать отличается всюду одинаковостью направления...»: татарская периодическая печать 1905–1916 гг. Количественная и качественная характеристика // Симбирский научный Вестник. № 3 (13). С. 147–153.

- Хуснетдинов Р. М. (2011) Проблемы татарского литературного языка на страницах журнала «Шура»: дис. ... к-та филол. наук. Казань. 184 с.
- Юзеев А., Тагиров И. (2002) Ислам и проблема идентичности татар // Гасырлар авазы – Эхо веков. № 3–4. С. 14–27.
- Яхин Ф. З. (1992) Татарская литература периодической печати Уральска (1905–1907 гг.). Казань: Тат. кн. изд-во. 126 с.
- Абдуллина Р. С. (1997) Стилистика һәм сөйләм культурасы мәсьәләләре. Яр Чаллы. 128 б.
- Аззамов Ф. И. (1986) Тукай – журналист. Казан: Тат. кит. нәшр. 271 б.
- Аруга дару (1910) // Йолдыз. № 486.
- Бохара әхвалендән (1910) // Вакыт. № 595.
- Бу нәрсә бу? (1906) // Борһане тәрәккый. № 29.
- Вәлиди Ж. (2007) Сайланма хезмәтләр. Казан: Мәгариф. 270 б.
- Гарифуллин В. З. (2007) Вакытлы матбугатта жанрлар. Казан: Казан ун-ты нәшр. 120 б.
- Гарифуллин В. З. (2014) Хәбәри журналистика. Казан: Казан ун-ты нәшр. 92 б.
- Гаффарова Ф. Ю. (2002) Әхмәдһади Максуди (Ахматһади Максуди). Казан: Мастер Лайн. 51 б.
- Гыймадиева Л. И. (2000) Исмәгыйль Гаспралының «Тәрҗеман» газетасы (1883 – 1918) теленә тарихи-лингвистик анализ: филол. фән. канд. ... дис. Казан. 164 б.
- Ибраһимов С. М. (1964) Газета теле. Казан: КДУ нәшр. 134 б.
- Казанның рәсем хаттын төзәтү хакында мөзакәрә мәҗлесе (1909) // Вакыт. № 433.
- Минзәлә өязендән (1913) // Кояш. № 148.
- Мәрдиева М. Б. (2003) Татар журналистикасы тарихы буенча очерклар. Казан: КДУ. 132 б.
- Нуруллина Р. М. (2002) Татарча вакытлы матбугат тарихыннан (1905–07 елларда демократик газеталар). Казан: Идел-Пресс. 70 б.
- Романов нәселе кайдан чыккан? (1913) // Кояш. № 54.
- Русия хәбәрләре (1906) // Борһане тәрәккый. № 56.
- Сугыш ихтималы (1909) // Вакыт. № 433.
- Тасыфлы вакыйга (1907) // Борһане тәрәккый. № 75.
- Татар әдәбияты тарихы (1985) / баш. ред. Н. Г. Юзеев. Казан: Татар. кит. нәшр. 575 б.
- Татарлар Мәскәүдә (1917) // Кояш. № 1114.
- Төрле хәбәрләр (1912) // Йолдыз. № 795.
- Хангилдин В. Н. (1976) Татар теле культурасының кайбер мәсьәләләре. Казан: Тат. кит. нәшр. 96 б.
- 10 Зөлһижә. Шәһре Казан (1907) // Йолдыз. № 74.

REFERENCES

- Amirkhanov, R.U. (1988) *Tatarskaya demokraticheskaya pechat' (1905–1907 gg.)* [Tatar democratic press (1905–1907)]. Moscow: Nauka. 191 p. (In Russian).
- Askarov, M.A. (2004) *Gazeta «Kazan mokhbire» («Kazanskiy vestnik») i ee rol' v razviti tatarskoy publitsistiki nachala XX veka* [The newspaper “Kazan Mokhbire” (“Kazan Bulletin”) and its role in the development of Tatar journalism in the early 20th century]. PhD dissertation. Kazan. 166 p. (In Russian).
- Gaynullina, M.Kh. (1983) *Tatarskaya literatura i publitsistika nachala XX veka* [Tatar literature and journalism of the early 20th century]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 352 p. (In Russian).
- Garifullin, V.Z. (1989) *Kompozitsionno-rechevaya i modal'no-temporal'naya struktura teksta informatsionnykh zhanrov (na materiale gazety «Sotsialistik Tatarstan»)* [Compositional, speech and modal-temporal structure of texts of information genres (based on the newspaper “Sotsialistik Tatarstan”)]. PhD dissertation. Kazan. 216 p. (In Russian).

- Garifullin, V.Z. (1998) *Lingvostilisticheskaya sistema tatarskogo gazetnogo teksta* [Linguostylistic system of the Tatar newspaper text]. Doctoral dissertation. Kazan. 427 p. (In Russian).
- Garifullin, V.Z. and Zayni, R.L. (2013) Kontseptual'nye osnovy issledovaniya istorii tatarskoy zhurnalistiki [Conceptual foundations for studying the history of Tatar journalism], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Proceedings of Kazan University], vol. 155, book 6, pp. 125–134. (In Russian).
- Garifullin, V.Z. and Sabirova, L.R. (2015) Tatarskaya zhurnalistika: istoricheskiy opyt i perspektivy razvitiya [Tatar journalism: historical experience and development prospects], *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Proceedings of Kazan University], vol. 157, book 4, pp. 54–61. (In Russian).
- Istoriya tatar s drevneyshikh vremen. Formirovanie tatarskoy natsii, XIX – nachalo XX v.* [History of the Tatars from ancient times. Formation of the Tatar nation, 19th – early 20th centuries]. (2013). Edited by R. Khakimov. Kazan: Institute of History. 1171 p. (In Russian).
- Istoriya tatarskogo literaturnogo yazyka (XIII – pervaya chetvert' XX v.)* [History of the Tatar literary language (13th – first quarter of the 20th century)]. (2003). Compiled and edited by Kh. Kurbatov. Kazan: Fiker. 656 p. (In Russian).
- Mardanov, R.F. (2001) *Zhurnal «Shura» (1908–1917): voprosy literatury* [The journal “Shura” (1908–1917): issues of literature]. Kazan: Rukhiyat. 151 p. (In Russian).
- Minnullin, B.K. (2012) *Tatarskaya gazeta «Borkhane tarakki». Lingvisticheskie issledovaniya* [The Tatar newspaper “Borkhane Tarakki”. Linguistic studies]. Kazan. 299 p. (In Russian).
- Minnullin, B.K. (2012) Tatarskaya periodicheskaya pechat': genezis i ego predposylki [Tatar periodical press: genesis and its prerequisites], *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 7(18), part 1, pp. 136–138. (In Russian).
- Minnullin, B.K. (2019) *Zhanrovo-stilisticheskaya differentsiatsiya tatarskoy gazety nachala XX veka* [Genre and stylistic differentiation of the Tatar newspaper of the early 20th century]. Kazan. 220 p. (In Russian).
- Minnullin, B.K. (2022) *Spetsifika morfologicheskoy struktury tekstov tatarskoy periodicheskoy pechati nachala XX veka* [Specific features of the morphological structure of texts of the Tatar periodical press of the early 20th century]. Kazan. 336 p. (In Russian).
- Mirkhaev, R.F. and Minnullin, B.K. (2025) Sotsial'no-rechevye portrety sotsial'nykh grupp tatarskogo obshchestva vtoroy poloviny XIX i nachala XX v. v tsennostno-aksiologicheskom i stilisticheskom aspektakh [Social and speech portraits of social groups in Tatar society in the second half of the 19th and early 20th centuries from value-axiological and stylistic perspectives], *Novye issledovaniya Tuvy* [The New Research of Tuva], no. 3, pp. 197–211. <https://doi.org/10.25178/nit.2025.3.13>. (In Russian).
- Mikhaylova, S.M. (1972) *Formirovanie i razvitie prosvetitel'stva sredi tatar Povolzh'ya (1800–1881)* [Formation and development of enlightenment among the Tatars of the Volga Region (1800–1881)]. Kazan: Kazan State University Press. 227 p. (In Russian).
- Mukhametshin, F.M. (2007) *Leksiko-grammaticheskie osobennosti gazety «Nur»* [Lexical and grammatical features of the newspaper “Nur”]. PhD dissertation. Kazan. 171 p. (In Russian).
- Nizamov, I.M. (1996) *Funktsionirovanie i razvitie tatarskoy rechevoy sistemy v massovoy kommunikatsii* [Functioning and development of the Tatar speech system in mass communication]. Doctoral dissertation. Kazan. 436 p. (In Russian).
- Usmanova, D.M. (2013) «Natsional'naya tatarskaya pechat' otlichaetsya vsyudu odinakovost'yu napravleniya...»: tatarskaya periodicheskaya pechat' 1905–1916 gg. Kolichestvennaya i kachestvennaya kharakteristika [“The national Tatar press is distinguished everywhere by the uniformity of its direction...”: Tatar periodical press of 1905–1916. Quantitative and

- qualitative characteristics], *Simbirskiy nauchnyy vestnik* [Simbirsk Scientific Bulletin], no. 3(13), pp. 147–153. (In Russian).
- Khusnetdinov, R.M. (2011) *Problemy tatarskogo literaturnogo yazyka na stranitsakh zhurnala «Shura»* [Problems of the Tatar literary language in the pages of the journal “Shura”]. PhD dissertation. Kazan. 184 p. (In Russian).
- Yuzeev, A. and Tagirov, I. (2002) Islam i problema identichnosti tatar [Islam and the problem of Tatar identity], *Gasyrlar avazy – Ekho vekov* [Echo of Centuries], no. 3–4, pp. 14–27. (In Russian).
- Yakhin, F.Z. (1992) *Tatarskaya literatura periodicheskoy pechati Ural'ska (1905–1907 gg.)* [Tatar literature in the periodical press of Uralsk (1905–1907)]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 126 p. (In Russian).
- Abdullina, R.S. (1997) *Stilistika häm söyläm kul'turasy mä's'äläläre* [Issues of stylistics and speech culture]. Yar Chally. 128 p. (In Tatar).
- Agzamov, F.I. (1986) *Tukay – zhurnalyst* [Tukay as a journalist]. Kazan. 271 p. (In Tatar).
- Aruga daru* [Medicine for fatigue]. (1910). *Yoldyz*, no. 486. (In Tatar).
- Bokhara äkhvalendän* [From the situation in Bukhara]. (1910). *Vakyt*, no. 595. (In Tatar).
- Bu närsä bu?* [What is this?]. (1906). *Borkhane täräkky*, no. 29. (In Tatar).
- Väliidi, Ж. (2007) *Saylanma khezmatlär* [Selected works]. Kazan: Mägarif. 270 p. (In Tatar).
- Garifullin, V.Z. (2007) *Vakytly matbugatta zhanrlar* [Genres in the periodical press]. Kazan: Kazan University Press. 120 p. (In Tatar).
- Garifullin, V.Z. (2014) *Khäbäri zhurnalistika* [News journalism]. Kazan: Kazan University Press. 92 p. (In Tatar).
- Gaffarova, F.Yu. (2002) *Äkhmädhadi Maksudi (Akhmatkhadi Maksudi)* [Ahmadhadi Maksudi]. Kazan: Master Line. 51 p. (In Tatar).
- Gyymadieva, L.I. (2000) *Ismägyyl' Gaspralynyñ «Tärceman» gazetasy (1883–1918) telenä tarikhilingvistik analiz* [A historical-linguistic analysis of the language of Ismail Gasprinsky's newspaper “Tercüman” (1883–1918)]. PhD dissertation. Kazan. 164 p. (In Tatar).
- Ibragimov, S.M. (1964) *Gazeta tele* [The language of newspapers]. Kazan: Kazan State University Press. 134 p. (In Tatar).
- Kazannyñ räsem khatyn tözätü khakynda mözakärä mäclese* [Meeting to discuss the correction of Kazan's orthography]. (1909). *Vakyt*, no. 433. (In Tatar).
- Minzälä öyazendän* [From Menzelinsk district]. (1913). *Koyash*, no. 148. (In Tatar).
- Märdieva, M.B. (2003) *Tatar zhurnalistikasy tarikhyy buencha ocherklar* [Essays on the history of Tatar journalism]. Kazan: KDU. 132 p. (In Tatar).
- Nurullina, R.M. (2002) *Tatarcha vakytly matbugat tarikhynnan (1905–07 ellarda demokratik gazetalar)* [From the history of the Tatar periodical press (democratic newspapers in 1905–1907)]. Kazan: Idel-Press. 70 p. (In Tatar).
- Romanov näsele kaydan chykkan?* [Where did the Romanov dynasty come from?]. (1913). *Koyash*, no. 54. (In Tatar).
- Rusiya khäbärläre* [News from Russia]. (1906). *Borkhane täräkky*, no. 56. (In Tatar).
- Sugysh ikhtimaly* [The possibility of war]. (1909). *Vakyt*, no. 433. (In Tatar).
- Tasyfly vakyiga* [A remarkable event]. (1907). *Borkhane täräkky*, no. 75. (In Tatar).
- Tatar ädäbiyatyy tarikhyy* [History of Tatar literature]. (1985). Edited by N.G. Yuzeev. Kazan: Tatar Book Publishing House. 575 p. (In Tatar).
- Tatarlar Mäskäüdä* [Tatars in Moscow]. (1917). *Koyash*, no. 1114. (In Tatar).
- Törle khäbärlär* [Various news]. (1912). *Yoldyz*, no. 795. (In Tatar).
- Khangildin, V.N. (1976) *Tatar tele kul'turasynyñ kayber mä's'äläläre* [Some issues of Tatar language culture]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 96 p. (In Tatar).
- 10 Zölkhicä. Shähre Kazan* [10 Dhu al-Hijjah. City of Kazan]. (1907). *Yoldyz*, no. 74. (In Tatar).

Бахтияр К. Миннуллин

Доктор филологических наук, заведующий отделом, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 12.

Эл. адрес: bahtiyar1986@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-3624-2848>

Рифат Ф. Мирхаев

Доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела общей лингвистики,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Карла Маркса, д. 12.

Эл. адрес: mirhaev77@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9740-8957>

Bakhtiyar K. Minnullin

Doctor of Philology, Head of the Department, Leading Researcher at the Department of General Linguistics,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 Karl Marks Street,
Kazan 420111,
Russian Federation.

Email address: bahtiyar1986@yandex.ru
<https://orcid.org/0009-0002-3624-2848>

Rifat F. Mirkhayev

Doctor of Philology, Associate Professor, Leading Researcher at the Department of General Linguistics,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 Karl Marks Street,
Kazan 420111,
Russian Federation.

Email address: mirhaev77@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0004-9740-8957>

Для цитирования: Миннуллин Б.К., Мирхаев Р.Ф. Становление и развитие татарской периодической печати начала XX века: социолингвистический аспект // Социолингвистика. 2026. № 2. С. 72–93. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-04

For citation: Minnullin B.K., Mirkhayev R.F. The emergence and development of the Tatar periodical press in the early twentieth century: a sociolinguistic perspective // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 72–93. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-04

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 07.11.2025;
approved after reviewing 10.05.2026;
accepted for publication 30.06.2026.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ

LANGUAGE SITUATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-05>ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В УЗБЕКИСТАНЕ: ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРФЕРЕНЦИИ И
ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОГО СДВИГА

УДК 81'26, 81'272

Маргарита Р. Галиева Узбекский
государственный
университет мировых
языков,Ташкент, Республика
Узбекистан**Аннотация**

В статье рассматривается функционирование татарского языка на территории Республики Узбекистан, выявляется специфика лексико-семантической интерференции в локальном варианте татарского языка, а также социальные факторы, являющиеся предпосылками языкового сдвига. Актуальность исследования обусловлена активными процессами билингвизма и языковой ассимиляции, характерными для татарской общины Узбекистана. В ходе анализа эмпирического материала выявлено, что лексико-семантическая интерференция проявляется в следующих явлениях: 1) изменения в значении слов под влиянием формально схожих слов узбекского языка; 2) замена некоторых татарских лексем широко употребляемыми и распространенными в межэтнической коммуникации узбекскими лексемами; 3) активное кодовое переключение в рамках одного предложения; 4) использование широкого пласта узбекских реалий, представляющих собой семантические лакуны в исконно татарском языке; 5) расширение или сужение семантики ряда лексем. В условиях доминирования узбекского языка как государственного и русского как языка межнационального общения татарский язык сохраняется преимущественно как язык семейно-бытовой коммуникации и культурной идентичности под воздействием демографического фактора и ассимиляционного фактора, включающего урбанизацию, межэтнические браки, способствующие утрате национальной идентичности, фактора востребованности языка и фактора частичной неграмотности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарский язык, узбекский язык, интерференция, кодовые переключения, лексико-семантический языковой сдвиг, фактор, социальный, культурный

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Маргарита Р. Галиева, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-05>

THE TATAR LANGUAGE IN UZBEKISTAN: PECULIARITIES OF INTERFERENCE AND FACTORS OF LANGUAGE SHIFT

UDC 81'26, 81'272

Margarita R. Galieva
Uzbekistan State University
of World languages,

Tashkent,
Republic of Uzbekistan

Abstract

The article examines the functioning of the Tatar language in the Republic of Uzbekistan, identifies the specific features of lexical-semantic interference in the local variety of Tatar, and considers the social factors that create the preconditions for language shift. The relevance of the study is determined by the active processes of bilingualism and linguistic assimilation characteristic of the Tatar community in Uzbekistan.

The analysis of empirical material shows that lexical-semantic interference is manifested in the following phenomena: (1) changes in word meanings under the influence of formally similar Uzbek words; (2) the replacement of certain Tatar lexemes by widely used Uzbek lexemes common in interethnic communication; (3) frequent code-switching within a single sentence; (4) the use of a broad range of Uzbek culture-specific terms representing semantic lacunae in the Tatar language; and (5) the semantic broadening or narrowing of a number of lexemes.

Under conditions in which Uzbek dominates as the state language and Russian functions as a language of interethnic communication, Tatar is preserved primarily as a language of family and everyday communication and as a marker of cultural identity. Its position is shaped by demographic and assimilatory factors, including urbanization and interethnic marriages that contribute to the erosion of national identity, as well as by the limited instrumental demand for the language and partial literacy in Tatar.

KEYWORDS: the Tatar language, the Uzbek language, interference, code switching, lexical-semantic, language shift, factor, social, cultural

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Margarita R. Galieva, 2026

1| Введение

Исторические связи между татарским и узбекским народами формировались на протяжении многих веков и обусловлены общими тюркскими корнями и религиозной принадлежностью, а также политической общностью, восходящей к эпохе Золотой Орды, что способствовало формированию и развитию культурных, духовных, образовательных и торговых связей. Многие татары переехали на территорию современного Узбекистана еще в Средневековье, избегая насильственной христианизации; основная волна переселения татар в Узбекистан в качестве учителей, мулл, переводчиков, купцов и ремесленников пришлось на вторую половину XIX века. Татары сыграли заметную роль в развитии как религиозного, так и светского просвещения, книгопечатания, в основании и эволюции реформаторского движения джадидизм [Хамидуллин, 2018]. В настоящее время татары остаются одной из исторически сложившихся этнических групп и значимой частью многонационального общества Узбекистана. В отличие от ряда других диаспор, татарская община не имеет выраженной территориальной изоляции, преимущественно урбанизирована и проживает в основном в Ташкенте. Для ташкентских татар характерна занятость в интеллектуальной сфере (образование, медицина, наука), инженерно-технической деятельности и предпринимательстве.

В лингвистике уже стало аксиомой утверждение о том, что язык является не только инструментом коммуникации, но и средством передачи культуры, хранилищем исторической памяти, духовных ценностей определенного этноса. В этом смысле особая роль принадлежит этническому языку, который способствует формированию культурного самосознания и самоидентификации, особенно в условиях этнокультурного многообразия. Именно поэтому в условиях глобализации проблемы исследования и сохранения этнического языка приобретают особую актуальность, так как его утрата неизбежно ведет к ослаблению культурной преемственности и размыванию национальной идентичности индивидуума. Вместе с тем, любой язык постоянно развивается и подвергается изменениям под влиянием различных социальных факторов, доминирования того или иного языка, билингвизма, способствуя развитию интерференции, которая наиболее ярко отражается в лексической системе и проявляется в активном кодовом переключении, заимствованиях, лексико-семантических нарушениях языковых норм. Однако такие изменения не всегда носят негативный характер, они отражают естественную эволюцию языка, его способность адаптироваться к новым социокультурным условиям.

2 | Теоретические предпосылки исследования

Теоретической основой настоящего исследования выступает социолингвистический подход, в рамках которого язык рассматривается как социально обусловленное явление, функционирование и развитие которого определяется совокупностью как лингвистических (внутриязыковых), так и экстралингвистических факторов: культурных, политических, демографических, исторических, религиозных, образовательных, коммуникативных и др. [Дешериев, 1988; Алпатов, 2024; Беликов, 2001; Баскаков, 1988 и др.]. В этой связи особое значение приобретают исследования языковой ситуации в полиэтнических и многоязычных странах, в частности, в Узбекистане, где языковые процессы тесно связаны с различными культурными, историческими и социально-политическими факторами, в той или иной степени воздействующими на функционирование татарского языка под влиянием доминирующих узбекского и русского языков. Существенную роль в социолингвистических исследованиях играют проблемы, связанные с языковой ситуацией, языковой политикой, языковыми контактами, билингвизмом, интерференцией, языковым сдвигом и др.

В ряду вышеперечисленных проблем одним из центральных понятий является билингвизм, который определяется как «одинаково свободное владение двумя языками» [Аврорин, 1975: 51] или «разные уровни владения языками, начиная от совершенного владения двумя из них и заканчивая слабым владением несколькими» [Sinner, 2001: 128]. Как отмечает М.О. Сергеева, выделяется два вида билингвизма: естественный и искусственный. Естественный билингвизм формируется в условиях непосредственного пребывания индивида в двуязычной языковой среде и основывается на интуитивном, спонтанном усвоении второго языка в процессе повседневной коммуникации. Искусственный билингвизм, напротив, связан с осознанным и целенаправленным изучением второго языка в образовательной среде [Залевская и др., 2002: 7; Сергеева, 2024: 163]. Татары в Узбекистане в основной своей массе являются билингвами, освоившими язык в естественной языковой среде. Билингвизм местных татар, как правило, реализуется в форме татаро-узбекского и татаро-русского билингвизма, нередко переходящего в трилингвизм, проявляющийся в свободном владении татарским, узбекским и русским языками. Распространенность татаро-узбекского билингвизма также обусловлена типологической близостью татарского и узбекского языков, которые относятся к тюркской языковой группе, хотя и принадлежат к разным подгруппам (татарский к кыпчакской, а узбекский к карлукской). Типологические сходства выражены в их агглютинативном строе, характерном порядке слов типа SOV (подлежащее – дополнение – сказуемое), отсутствии категории грамматического рода, развитой системе

словообразовательных суффиксов, использовании послелогов вместо предлогов и др. Так, Д. Сулейманова считает, что типологическое единство тюркских языков проявляется в основном на фонологическом и морфологическом уровнях. На материале татарского и башкирского языка она показывает сохранение общетюркских структурных признаков: агглютинации, морфемной прозрачности и регулярности фонетических процессов [Сулейманова, 2015]. Все это способствует билингвизму татар, который представляет собой устойчивое социалингвистическое явление, сформировавшееся в результате исторической миграции, урбанизации, длительного сосуществования татарской общины с узбекским населением и типологической близости татарского и узбекского языков.

С проблемой билингвизма непосредственно связано понятие языкового сдвига, под которым понимается «процесс и результат утраты этносом этнического языка» [ССТ, 2006: 276], т.е. постепенный переход языкового сообщества от использования родного языка к социально доминирующему языку. Языковой сдвиг сопровождается изменением языковых установок, ослаблением или исчезновением межпоколенческой передачи языка, снижением его функциональности и может приводить к утрате языка. В связи с этим многие исследователи уделяют особое внимание вопросам языковой витальности и подчеркивают необходимость исследования взаимодействия мажоритарных и миноритарных языков, оценки рисков исчезновения миноритарных языков, разработки эффективных мер по сохранению малых языков и т.д. [Nguyen Van Hier, 2024; Захарова, 2025; Рахматуллина, 2025; Волгин, 2022 и др.].

Таким образом, теоретическая база исследования основывается на ключевых положениях современной социалингвистики о социальной обусловленности языковых процессов, динамическом характере языковой ситуации, роли билингвизма в условиях языковых контактов, а также значении социальных факторов в процессах языкового сдвига и сохранения языков. Использование данных положений позволяет осуществить комплексный анализ взаимодействия языка, общества и культуры в условиях современного многоязычного пространства.

Материалом исследования послужили материалы СМИ, «Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года», работы отечественных и зарубежных исследователей об условиях и факторах, способствующих сдвигу языка, сохранению этнических языков. В качестве методологической основы выступает социокультурологический подход, предполагающий изучение языковой ситуации с учетом социальных и культурных факторов, а также методы аналитического, описательного и сравнительного анализа живой речи представителей местных татар. В целях выявления особенностей лексико-семантической интерференции в

локальном варианте татарского языка, а также определения основных факторов сдвига языка были проведены беседы с информантами в возрасте 22–65 лет. Следует отдельно подчеркнуть отсутствие, согласно нашим данным, каких-либо социолингвистических исследований или научных проектов по изучению особенностей татарского языка, функционирующего на территории Узбекистана.

3 | Особенности лексико-семантической интерференции татарского языка на территории Республики Узбекистан

Как известно, Л. Щерба разграничивает «чистое» двуязычие, когда языки не смешиваются при коммуникации и «смешанное» двуязычие, когда переключение языков при общении происходит случайно [Щерба, 1974: 314]. Именно смешанное двуязычие способствует возникновению активной интерференции, что наиболее ярко проявляется в случае с татарско-узбекским билингвизмом, при котором наблюдается активное адстратное взаимовлияние татарского и узбекского языков. В ситуации, когда оба языка регулярно используются в одних и тех же коммуникативных сферах (семья, образование, профессиональная деятельность), происходит не только заимствование отдельных слов, но и более глубокая лексико-семантическая перестройка. В рамках теории языковых контактов [Вайнрайх, 1979; Хауген, 1972; Ярцева, 2025] подобные процессы интерпретируются как результат длительного сосуществования двух тюркских языков в едином территориальном ареале.

Взаимовлияние татарского и узбекского языков наиболее сильно проявляется в лексическо-семантической интерференции, обусловленной гибкостью и подвижностью лексической системы, ее открытостью к социальным и культурным изменениям в отличие от более закрытых и консервативных фонетической и грамматической систем, которые в случае татарского и узбекского языков являются еще и типологически схожими. В связи с этим Ю.Д. Дешериев также подчеркивает, что «постепенные изменения в конститутивных признаках фонетики, морфологии и синтаксиса нельзя непосредственно связывать с развитием общества в данный период, лексика, напротив, во многом непосредственно связана с темпами развития социальной жизни. Появление новых отраслей промышленности, науки, техники и т.д. сразу и непосредственно сказываются на словарном составе соответствующего языка» [Дешериев, 1988: 20].

Лексико-семантическая интерференция в локальном татарском языке в ряде случаев обусловлена межъязыковыми омонимическими отношениями лексем татарского и узбекского

языков. Под межъязыковыми омонимами понимаются «слова двух (или более) контактирующих языков, совпадающие по звуковой или графической форме и различающиеся (в разной степени) по значению» [Лобковская, 2012: 82]; слова, совпадающие по звучанию и по написанию во всех или некоторых грамматических формах (и во всех или некоторых фонетических и графических вариантах) и при этом различающиеся хотя бы по одному из компонентов плана содержания – лексической и грамматической семантике» [Малаховский, 1990: 56]. В теории перевода такие языковые единицы известны под термином «ложные друзья переводчика», которые, как отмечает Л.П. Лобковская, являются особенно коварными в родственных языках [Лобковская, 2012: 82]. Так, например, несмотря на общность происхождения и смыслового компонента, а также идентичной формы, ряд лексем характеризуется различием семантических значений: тат.: *кыйнау* ('бить') – кул яки башка берер нәрсә белән тәнгә күп мәртәбә сугу, тәпәләү [ТТОЛК] – узб.: *qiynamoq* ('мучать') – *jonga ozor berish, aziyat yetkazmoq, azob-uqubatga solmoq* [ЎТИЛ]; тат.: *газаплану* ('мучиться', 'страдать') – Жәфалану, интегү; азаплану, мәшәкәтләнү [ТТОЛК] – узб.: *g'azablanmoq* ('гневаться', 'злиться') – *g'azabi kelmoq, qattiq jahli chiqmoq, g'oyat acchig'lanmoq* [ЎТИЛ]; тат.: *хафа* ('грустить', 'беспокоиться', 'переживать') – борчу, хәсрәт, кайгы, көенеч, эч пошу, тәшвиш [ТТОЛК] – узб.: *xafa bo'lmoq* ('обижаться', 'расстраиваться', 'грустить') – *ranjigan, bezgan, arazlagan* [ЎТИЛ] и др. Зачастую в разговорной речи ввиду близкого звучания и тождественности формы данные лексемы могут вызывать интерференцию в татарском языке, т.е. наблюдается семантический сдвиг, обусловленный исчезновением семы, присущей лексеме в татарском языке и ее заменой семой, присущей узбекскому языку: *Ул миңа газапланди* (рус.: 'Он на меня разозлился'), *Мин хафа булдым* (рус.: 'Я обиделся').

В других случаях лексико-семантическая интерференция возникает при синонимических отношениях лексем татарского и узбекского языков. Так, например, лексемы со значением «жизнь» в татарском и узбекском языке совпадают, однако их семантическое наполнение различается: тат.: *хәят* ('жизнь', 'состояние бытия' – понятие, несущее более философский смысл) – тормыш, яшәеш, тереклек [ТТОЛК], тат.: *тормыш* ('жизнь как уклад', 'быт') – кешенәң жәмгыятьтә яшәү хәле, яшәве; хәят, яшәеш, тереклек [ТТОЛК] – узб.: *hayot* ('жизнь, в том числе уклад жизни') – *yashash, mavjud bo'lish, tiriklik* [ЎТИЛ]; узб.: *turmush* ('ежедневная бытовая жизнь') – *yashash, kun kechirish tarzi, kundalik hayoti* [ЎТИЛ], например, узб.: *turmush sharoitlari* ('бытовые условия') [ЎТИЛ]. Близость значений приводит к созданию устойчивых сочетаний наподобие таких функционирующих в локальном варианте татарского языка, как *хәят тәҗрибәсе* вместо *тормыш тәҗрибәсе* ('жизненный опыт'), *хәятта үз*

урыныңны табу вместо тормышта уз урыныңны табу ('найти свое место в жизни'), хәят сыйфати вместо тормыш сыйфати ('качество жизни').

Лексико-семантическая интерференция также может быть представлена лексическими заменами, при которых нормативная лексема татарского языка заменяется лексической единицей доминирующего языка. Например, в локальном варианте татарского языка при выражении согласия, одобрения особенно среди молодежи используются широко распространенные в повседневной коммуникации лексемы узбекского языка *хон*, *майли* (хорошо, ладно) вместо тат. *ярар*. Например: – *Иртәгә сәгать унда килегез. – Хон*, килем ('Приходите завтра в 10'. – 'Хорошо'); – *Хон дип әйтә алмыйсыңмы?* ('Ты не можешь просто согласиться?'); – *Иртәгә базарга барабызмы? – Майли*, барабыз ('Пойдём завтра на базар?' – 'Ладно, пойдём'). Данные дискурсивные маркеры легко интегрируются в татарскую синтаксическую структуру, не подвергаясь морфологическим изменениям.

Интересным также является и то, что в некоторых случаях происходит дублирование дискурсивного маркера *майли* и татарского *ярар* в рамках одного предложения, например: – *Иртәгә базарга барабызмы? – Майли, ярар* ('Пойдём завтра на базар?' – 'Ладно, пойдём'). Следует отметить, что узбекские частицы *хон*, *майли* кроме лексического значения согласия также имеют и прагматическо-стилистическое значение: *майли* как маркер уступки, *хон* – как маркер беспрекословного согласия, что является весьма важным при исследованиях национально-культурной специфики языковых единиц. Примерами таких лексических замен могут быть следующие: а) дискурсивные маркеры просьбы: *илтимос* (пожалуйста) вместо тат. *зинһар* (скорее всего, обусловленное наличием в узбекском языке лексемы *zinhor* в значении 'ни в коем случае, абсолютно нельзя'); б) обозначения терминов родства: *ука* ('младший брат') вместо тат. *энем*; *невара* ('внук, внучка') вместо тат. *онык*; в) узбекские глаголы, которые зачастую фонетически и морфологически подстраиваются под фонетику и грамматику татарского языка: *табриклийм* (от узб. *табриклайман* – 'поздравляю') вместо *котлыим*, *танлийм* от узб. *танлайман* – 'выбираю', вместо тат. *сайлийим*, *чидыйим* (от узб. *чидайман* – 'я терплю') вместо *тузам*, *шошам* (от узб. *шошиламан* – 'тороплюсь') – "*ашыгам*" и т.д. Их активное использование в татарском языке обусловлено высокой частотностью применения в межэтнической коммуникации. Кроме того, некоторые узбекские эквиваленты этих лексем, например *oshiqmoq* ('торопиться'), *qo'tlamoq* ('поздравлять') воспринимаются в узбекском языке как архаическая или возвышенная лексика.

Как известно, билингвизм также способствует появлению явления кодового переключения, при котором говорящий свободно комбинирует элементы двух языков в

пределах одного выражения. Это ведет к закреплению отдельных заимствованных слов в активном словаре. В результате меняется частотность употребления слов, может наблюдаться семантический сдвиг. Так, в повседневной речи локального татарского языка переключение кодов проявляется в спонтанном переключении с одного языка на другой и обратно в рамках одного предложения. Например: *Махаллябезда буген жыелыш була* (рус.: 'В нашем сообществе/квартале сегодня будет собрание'); *Арык янында утырыйк* (рус.: 'Давай сядем у оросительного канала'); *Иртәгә махаллябезга шәһәр хокими киле* (рус.: 'Завтра в наш квартал/сообщество придет мэр города'); *Туган көнөң билан табриклийим!* (рус.: 'Поздравляю с днем рождения').

Следует отметить, что переключение кодов преимущественно остается на уровне речевой реализации в локальном татарском языке. Их устойчивость объясняется высокой частотностью использования в повседневной устной речи и межэтнической коммуникации на территории Узбекистана. Зачастую переключение кодов может вызывать межкультурное недопонимание при общении татар, проживающих локально, и «коренных» татар из Татарстана, которые не знакомы с определенными лексемами (реалиями, понятиями и др.) или не улавливают дополнительные семантические оттенки или стилистические особенности используемых интерферированных лексем в речи татар Узбекистана. Следует также отметить, что данные лексемы не переходят в языковую систему официального литературного татарского языка, что объясняется рядом причин: 1) территориальной ограниченностью локального татарского языка, используемого на территории Узбекистана; 2) отсутствием научных или литературных произведений, создаваемых на локальном варианте татарского языка; 3) отсутствием специальных лингвистических исследований и разработок по локальному варианту татарского языка.

Как известно, одним из основных способов проявления интерференции является заимствование слов, т.е. переход элементов одного языка в систему другого как следствие более или менее длительных контактов между этими языками» [Крысин, 1968: 6]. С.В. Ярцева отмечает, что заимствования являются не только средством интерференции, но и способом обогащения языка [Ярцева, 2025].

Так, в татарский язык, функционирующий на территории Узбекистана, проникло заметное количество узбекской лексики, обозначающей этнографические, природные, географические и иные явления, характерные для центральноазиатского региона.

Прежде всего, значительный пласт заимствований связан с обозначением административно-территориальных и архитектурных объектов, элементов городской

инфраструктуры. Это связано с тем, что многие понятия, отражающие образ жизни и особенности узбекского города, типы жилых и архитектурных построек, не имели точных соответствий в татарском языке. К таким заимствованиям можно отнести следующие: *махалла* (от узб. *mahalla* – ‘традиционная соседская община’), *кишлак* (от узб. *qishloq* – ‘деревня’, используемый вместо традиционного татарского слова *аул*); *хаким*, *хакимият* (от узб.: *hokim*, *hokimiyat* – ‘мэр города, мэрия’); *ховли* (узб.: *hovli* – ‘собственный дом с прилегающим участком’), *айван* (узб. *ayvon* – ‘закрытая терраса с одной открытой стороной, выходящей во двор, используемая для защиты от жары, для отдыха’), *балахона* (от узб.: *boloxona* – ‘легкая надстройка над первым этажом’) и т.д.

Многие такие лексемы заполняют семантические лакуны в татарском языке, в котором отсутствует точный эквивалент этих понятий. Например, понятие «махалла» имеет расширенный социально-культурный смысл, выходящий за пределы нейтральной лексемы «квартал». Махалла – в узбекском культурном контексте – это не только территориальная единица, а форма общины, играющая роль социального центра, основанного на взаимопомощи и взаимоподдержке соседей, участвующего в организации свадеб, похорон, национальных праздников, в решении социальных и семейных вопросов и проблем и т.д. Следует отметить, что в процессе заимствования данной лексемы она подвергается фонетической трансформации и приобретает фонетические особенности татарского языка, в котором узбекский звук а [ʌ] заменяется татарским /ə/ и проносится как *махаллә*.

Природная и климатическая лексика также подверглась существенному влиянию. Переселение татар в регионы с иным ландшафтом, растительным миром и аграрными традициями обусловило возникновение наименований, связанных с особенностями ирригационной деятельности, земледелия, сельскохозяйственными культурами, произрастающими в условиях жаркого климата: *пахта* (узб.: *pahta* – ‘хлопок, хлопок-сырец, вместо традиционного татарского *мамык*), *янтэк* (от узб.: *yantoq* – ‘верблюжья колючка’), *гуза* – (от узб.: *g'o'za* – ‘хлопчатник’, *гузаяна* (от узб.: *g'o'zapoya* – ‘стволы хлопчатника, используемые в качестве топлива после сбора урожая’), *гармсел* – (от узб.: *garmsel* – ‘горячий ветер, дующий из пустыни’). Подобные лексемы отражают специфику природной среды, отличной от Поволжья и Приуралья, где исторически формировался татарский этнос.

Языковые контакты способствовали активному проникновению слов, обозначающих этнографические реалии. Лексемы, связанные с наименованиями блюд (*мастава* – ‘рисовый суп’, *сумалак* – ‘блюдо из проросших перемолотых зерен пшеницы и муки, которое традиционно готовится во время Навруза’); предметов домашнего обихода (*хантахта* –

‘низкий стол, предназначенный для приема пищи или работы’, *курпача* – ‘матрас для сидения’), бытовых устройств (*тандыр* – ‘глиняная печь-жаровня, используемая для выпечки лепешек или самсы’, *санда* – ‘углубление в полу с углями, накрытое столом и одеялом’); элементов национальной одежды (*атлас*, *адрас* – ‘ткань из шелка, из которой шьется национальная узбекская одежда’); названия музыкальных инструментов (*карнай-сурнай* – ‘духовые музыкальные инструменты, часто звучащие в паре на свадьбах и праздниках’) и др. Большинство этих заимствований настолько укоренились в локальном варианте татарского языка, что со временем стали неотличимыми от его исконных лексических единиц.

Следует отметить, что в некоторых случаях происходит семантический сдвиг, связанный с расширением или сужением значения используемых лексем татарского и узбекского языка в локальном варианте татарского языка. Так, например, лексема *пахта* используясь в местном татарском языке семантически приобретает значение ‘хлопок-сырец’, ‘хлопковая вата’, ‘хлопковое волокно’, ‘изделие из хлопка’, а татарский эквивалент *мамык* используется в основном в значении ‘очень мягкий’, например, тат. *мамык чәч* (‘мягкие тонкие волосы’).

Следующим примером семантического сдвига является узбекская лексема *osh palov* и татарские лексемы *аш*, *пылау*. В современном узбекском языке лексема *osh* зачастую выступает синонимом лексемы *palov* (‘плов’). В узбекской культуре *osh* – это не просто блюдо, а традиционное торжественное национальное блюдо узбекского народа, имеющее социокультурное значение. Плов готовится при встрече гостей, организации семейных, благотворительных, общественных мероприятий, за день до начала и в день окончания праздников Рамазан и Курбан. Кроме того, *osh* готовится при проведении различных торжеств, например, *nahorgi osh* – утренний плов для мужчин (при свадьбе, похоронах), *тўй оши* – свадебный плов, *choyxona osh* – плов, готовящийся для мужчин во время проведения ежемесячных встреч коллег или друзей, *payshanba osh* – готовится по четвергам в семье и др. В локальном варианте татарского языка лексема *ош* приобретает культурно маркированное значение – «узбекский плов с традиционным способом приготовления», *пылау* же воспринимается как более общий или домашний вариант блюда, а татарская лексема *аш* используется в своем прямом значении «обычная пища, еда, суп».

Семантическому сдвигу расширения в местном варианте татарского языка также подвержена лексема *чайханә*. В локальном варианте *чайхана* (узб.: *choyxona*) ассоциируется с традиционным мужским общественным пространством [Сагитов, 2021]. Это место общения, отдыха и обсуждения различных вопросов. Обычно чайхана находится в уютном месте в тени деревьев, у воды. В настоящее время чайхана также имеет значение «ежемесячное мужское

застолье», на которое собираются мужские компании друзей или коллег, однокурсников и т.д. Ввиду урбанизации и индустриализации в крупных городах в качестве места проведения таких встреч наряду с чайханой может выбираться и любой ресторан.

4| Социальные факторы, ведущие к языковому сдвигу

В условиях доминирования узбекского как государственного и русского как языка межнационального общения наблюдается постепенное сокращение и сужение сфер активного использования татарского языка. В социолингвистике подобные процессы рассматриваются как один из механизмов языкового сдвига, при котором доминирующий язык межэтнического общения начинает вытеснять язык меньшинства. Этому способствует несколько факторов, главными из которых являются демографический, ассимиляционный и фактор востребованности языка.

4.1 Демографический фактор

Демография татарского населения связана с его активной миграцией в основном в РФ, в частности, в Татарстан. Согласно данным Всесоюзной переписи населения 1989 года, в Узбекской ССР проживало 467 829 татар. Они составляли около 2,4% от общего населения республики [Итоги Всесоюзной переписи...]. Численность татар Ташкента по данным Госкомстата РУз в 2000 году была равна 324 080 человек, что составило примерно 1,33% от общего количества населения. По состоянию на 1 января 2021 года численность татар составила 187,3 тысячи человек, что составляет 0,7% населения [Данные об этническом...].

4.2 Ассимиляционный фактор

В условиях длительного сосуществования двух тюркских народов формируется модель интеграции, которая в ряде случаев перерастает в языковую ассимиляцию, обусловленную урбанизацией, возрастающей долей смешанных браков и сопровождающуюся потерей национальной идентичности.

В ассимиляционных процессах существенную роль играет урбанизация. Основная часть татарского населения проживает в Ташкенте, Бухаре, Джизаке, Карши. В городах межэтнические контакты более интенсивны, усиливается потребность в использовании языка большинства. В результате отсутствия районов компактного проживания татар и отдельного проживания молодежи от родителей происходит сужение коммуникативной среды и ослабление механизмов межпоколенческой передачи татарского языка.

Межэтнические браки также являются одним из значимых факторов влияния на сокращение использования татарского языка и часто способствуют его постепенной утрате. В

смешанных татаро-узбекских или татаро-русскоязычных семьях выбор языка повседневного общения обычно определяется либо доминирующим в семье языком, либо русским как языком межнационального общения. В результате татарский язык утрачивает позицию языка первичной социализации ребенка, так как дети общаются и взаимодействуют преимущественно в русскоязычной или узбекоязычной среде.

Дополнительным фактором является образовательная среда, так как обучение в узбекских или русских школах закрепляет доминирующий язык как основной инструмент когнитивного и профессионального развития. В результате ассимиляционные процессы сопровождаются и изменением языковой идентичности. Представители молодого поколения идентифицируют себя как татары по происхождению, однако в повседневной жизни используют исключительно русский или узбекский языки. Язык в данном случае перестает быть ключевым маркером идентичности, уступая место культурным традициям или семейной памяти.

4.3 Степень востребованности языка

Немаловажным аспектом является востребованность и престижность татарского языка. Узбекский язык как государственный и русский как язык межнационального общения обладают более широкими социальными возможностями. Если старшее поколение активно использует татарский язык в семейно-бытовой коммуникации, то среднее и особенно молодое поколение всё чаще предпочитает русский или узбекский язык. Постепенно татарский язык ограничивается рамками внутрисемейного общения, а затем и вовсе вытесняется из повседневной практики. Кроме того, в условиях нарастающей глобализации и престижности знания английского языка молодежь в первую очередь старается выучить именно этот язык, так как знание английского создает более широкие перспективы, связанные с образованием и карьерой не только в республике, но и за рубежом. Татарский язык, используемый в основном в семейно-бытовой коммуникации, не имеет серьезной востребованности, что объективно снижает мотивацию к его активному использованию.

4.4 Фактор частичной неграмотности

В условиях существования татарского языка как языка меньшинства часто формируется ассиметричный билингвизм, при котором устная компетенция сохраняется, тогда как письменная постепенно утрачивается. Подобная ситуация наблюдается у среднего поколения и молодежи, у которых владение татарским языком ограничивается преимущественно разговорной практикой в семейно-бытовой сфере, тогда как навыки чтения и письма остаются недостаточно сформированными (т.е. носители языка испытывают

затруднения при чтении текстов, не владеют орфографическими нормами, не способны к письменному самовыражению) или отсутствуют вовсе.

С социолингвистической точки зрения подобная асимметрия связана с востребованностью языка в обществе. В условиях, когда обучение, образование, работа, письменная коммуникация осуществляется на узбекском или русском языках, татарский язык не закрепляется в письменной форме. Подобное расхождение между устной и письменной формами языка имеет несколько последствий. Во-первых, ограничивается доступ к национальному культурному наследию, во-вторых, ослабляется нормативная база языка: при отсутствии навыков чтения носители ориентируются преимущественно на разговорные варианты, что способствует усилению интерференции и проникновению элементов доминирующего языка, в-третьих, снижается востребованность языка у молодого поколения, поскольку он воспринимается как нефункциональный, бесполезный в академической и профессиональной сфере.

5 | Факторы, способствующие сохранению татарского языка в условиях диаспоральных отношений

5.1 Создание социокультурной атмосферы

Ключевым условием сохранения языка выступает культурная поддержка татар, проживающих на территории Узбекистана. Политика межнационального согласия в Узбекистане создает благоприятную основу для развития культурных центров. При наличии организационной инфраструктуры (национально-культурные центры, культурные мероприятия) язык получает публичное пространство функционирования, что усиливает его престижность и социальную значимость. Так, в рамках поддержки национальных культур в 1990 году был создан Татарский общественный культурно-просветительский центр города Ташкента, координирующий деятельность региональных отделений и выступающий ключевым институтом сохранения этнокультурной идентичности. Основными направлениями деятельности центра являются поддержка изучения татарского языка, установление и развитие связей с Татарстаном и татарскими образовательными, научными, экономическими учреждениями, организация культурных мероприятий (Сабантуй, концерты, фестивали национальной одежды и кухни), проведение круглых столов, посвященных татарской истории и культуре татар, развитие молодежных программ. Культурный центр имеет свой сайт <https://www.tatarlar.uz/> и каналы в социальных сетях.

Большую роль также играет открытое в 1993 году Представительство Республики Татарстан в Республике Узбекистан, которое осуществляет сотрудничество по вопросам, касающимся торговли, финансово-кредитной деятельности, инвестиций, научных и культурных контактов, разного рода обменов, туризма, содействия в развитии национальной культуры и языка, сохранения самобытности татар, проживающих в Республике Узбекистан [Представительство Республики Татарстан...].

30 ноября 2022 году на базе Национального университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека состоялось открытие образовательно-культурного центра НОЦ «Институт Каюма Насыри» Казанского федерального университета. Центр создан в целях поддержки, популяризации и развития татарского и русского языков и национальных культур. В рамках работы образовательно-культурного центра Института Каюма Насыри проводятся совместные вебинары, видеоконференции и лекции специалистов КФУ, бесплатные онлайн-занятия по изучению татарского языка, конкурсы и культурно-просветительские мероприятия и т.д. [Образовательно-культурный центр...]

5.2 Языковая лояльность

Формирование языковой лояльности у татар Республики Узбекистан как этнического меньшинства представляет собой стратегическую задачу языковой политики. Языковая лояльность определяется как «совокупность внутренних оценок членов языкового коллектива коммуникативной пригодности и престижности языка своего этноса, которая определяет степень их приверженности к данному языку. Языковая личность проявляется, в частности, в признании родным своего этнического языка, в выборе его в качестве языка обучения, языка общения» [ССТ, 2006: 261–262]. В условиях доминирования узбекского и русского языков формирование устойчивой лояльности к татарскому языку требует системной и многоуровневой работы. На наш взгляд, прежде всего необходима символическая легитимация татарского языка как культурной ценности. Язык должен осмысляться не только как средство бытового общения, но и как носитель культурной памяти, исторического и интеллектуального наследия. Акцентуация вклада татарских мыслителей и просветителей, таких как Ш. Марджани, Муса Джалиль, Габдулла Тукай, художников Баки Урманче, Тахир Ильясов и др. в мировую культуру способствует укреплению представления о высоком статусе татарского языка и культуры. Следует также чаще освещать страницы истории татарского народа и вклад татарского народа в международную культуру, в частности, в культуру Узбекистана, в которой татары играли заметную роль. Подчеркивание вклада татарской общины в развитие науки, образования, издательского дела и искусства на

территории современного Узбекистана усиливает ощущение исторической укорененности и легитимности присутствия диаспоры в данном социокультурном пространстве.

5.3 Формирование позитивной языковой среды для преодоления языковой тревожности

Одним из характерных явлений в среде татарской молодежи, проживающей на территории Узбекистана, становится формирование устойчивого психологического барьера при использовании татарского языка. В ситуации, когда локальный вариант татарского языка формируется под влиянием узбекского и русского языков, молодежь осознает наличие отклонений от литературной нормы – фонетических, лексических и морфологических. Осознание собственной «ненормативности» усиливается в контакте с представителями старшего поколения и татар, прибывших из исторических регионов распространения татарского языка. Старшее поколение, владеющее более консервативной и нормативной формой языка, нередко демонстрирует критическое отношение к «смешанной» речи молодежи. В результате возникает внутренний конфликт между этнической идентичностью и ощущением языковой недостаточности. Психолингвистически данный барьер связан с феноменом языковой тревожности (language anxiety), описываемый как эмоциональное напряжение, чувство неуверенности, стеснения и коммуникативного дискомфорта, возникающее при необходимости использования языка [Санакоева, 2022].

Осознание своей речи как «неправильной» приводит зачастую к полному переходу на доминирующий язык общения или к сознательному избеганию родного языка в публичных ситуациях. В результате сокращается сфера активного использования языка, усиливаются процессы языкового сдвига, поскольку доминирующий язык оказывается психологически «безопаснее» и социально нейтральнее. Таким образом, проблема выходит за рамки индивидуальной неуверенности и приобретает характер социокультурного вызова. Преодоление данного барьера возможно через формирование позитивной языковой среды, в которой локальный татарский язык не воспринимается как имеющий дефекты, а рассматривается как закономерный результат языкового контакта.

6 | Заключение

Проведенный анализ позволяет констатировать, что функционирование татарского языка в Республике Узбекистан определяется сложным комплексом исторических, социокультурных и лингвистических факторов, сформировавшихся в условиях длительного

межкультурного взаимодействия татарского и узбекского народов. Межэтнические контакты, имеющие многовековую историю, обусловили взаимное обогащение культур.

Татарское население характеризуется билингвизмом, преимущественно в формах татаро-узбекского и татаро-русского билингвизма, которые нередко трансформируются в трилингвизм, включающий в себя татарский, узбекский и русский языки. Лексико-семантическая интерференция выражается в следующих явлениях: 1) изменение в значении слов под влиянием формально схожих слов узбекского языка; 2) замена некоторых татарских лексем широкоупотребляемыми и распространенными в межэтнической коммуникации узбекскими лексемами; 3) активное кодовое переключение в рамках одного предложения; 4) использование широкого пласта узбекских реалий административно-территориального, климатического, природного, этнографического типа; 5) расширение или сужение семантики ряда лексем. В результате формируется своеобразный локальный вариант татарской речи, характеризующийся активным переключением кодов. Со временем часть подобных единиц утрачивает ощущение «чужеродности» и воспринимается как естественный компонент локального варианта татарского языка.

Социальные факторы, действующие в условиях доминирования узбекского и русского языков, создают предпосылки для постепенного языкового сдвига. К числу таких факторов относятся: а) демографический фактор; б) ассимиляционный фактор, включающий урбанизацию и межэтнические браки, способствующие изменению языковой идентичности; в) фактор востребованности языка; г) фактор частичной неграмотности. В результате татарский язык, особенно среди людей среднего возраста и молодого поколения, постепенно утрачивает позиции и закрепляется преимущественно в семейно-бытовой коммуникации. Для сохранения татарского языка следует уделить большое внимание его культурной поддержке (общественные культурные центры, проведение культурных мероприятий), реализации стратегий языковой лояльности (повышение культурной значимости языка как ценности, формирование позитивной языковой среды).

Таким образом, межкультурное взаимодействие татарского и узбекского народов характеризуется взаимным влиянием, однако в социолингвистическом аспекте оно сопровождается асимметрией статуса языков. Лексико-семантическая интерференция отражает глубину контактов и адаптационные процессы в татарском языке, тогда как социальные трансформации усиливают, обуславливают и углубляют языковой сдвиг.

ЛИТЕРАТУРА

- Аврорин В. А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка (к вопросу о предмете социолингвистики). Л.: Наука. 276 с.
- Алпатов В. М. (2024) Социолингвистика. М.: Лань. 416 с.
- Баскаков А. Н. (1988) Социальные факторы в их воздействии на лексико-семантическую систему языка (на материале лексики тюркских языков) // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. Н. Крысин. М.: Наука. С. 110–124.
- Беликов В. И., Крысин Л. П. (2001) Социолингвистика. М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т. 439 с.
- Вайнрайх У. (1979) Языковые контакты. Киев: Вища школа. 263 с.
- Волгин В. Л. (2022) Особенности гражданских инициатив поддержки калмыцкого языка в ситуации его кризиса // Социолингвистика. № 4 (12). С. 29–44. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-29-44
- Данные об этническом составе населения Узбекистана (2021). Режим доступа: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> Дата обращения: 11.03.2026.
- Дешериев Ю. Д. (1988) Теоретические аспекты изучения социальной обусловленности языка // Влияние социальных факторов на функционирование и развитие языка / отв. ред. Ю. Д. Дешериев, Л. Н. Крысин. М.: Наука. С. 5–40.
- Залевская А. А., Медведева И. Л. (2002) Психолингвистические проблемы учебного двуязычия. Тверь: Тверской гос. ун-т. 194 с.
- Захарова А. Е., Маклашова Е. Г. (2025) Язык как ресурс витальности коренных малочисленных народов Якутии (на материалах социологических исследований) // Социолингвистика. № 1 (21). С. 92–117. DOI: <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-92-117>
- Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 года. Режим доступа: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/>; <https://www.prilib.ru/section/682312> Дата обращения: 11.03.2026.
- Крысин Л. П. (1968) Иноязычные слова в современном русском языке. М.: Наука. 284 с.
- Лобковская Л. П. (2012) О понятии межъязыковой омонимии (к проблеме термина «ложные друзья переводчика») // Вестник Челябинского государственного университета. № 20 (274). Филология. Искусствоведение. Вып. 67. С. 79–87.
- Малаховский Л. В. (1990) Теория лексической и грамматической омонимии. Л.: Наука. 240 с.
- Образовательно-культурный центр НОЦ «Институт Каюма Насыри» Казанского федерального университета. Режим доступа: <https://kpfu.ru/philology-culture/ikn/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent-423942.html> Дата обращения: 11.03.2026.
- Представительство Республики Татарстан в Республике Узбекистан. Режим доступа: <https://prtuz.tatarstan.ru/about.htm> Дата обращения: 11.03.2026.
- Рахматуллина З. Я., Бускунбаева Л. А., Ягафарова Г. Н. (2025) Культура речи как актуальная социальная потребность в современном российском обществе // Кодовые переключения в условиях башкирско-русского двуязычия (на материале диалектных дискурсов): сборник научных статей / отв. ред. З. Я. Рахматуллина. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН. С. 5–14.
- Сагитов Р. (2021) Чайхана как место общения представителей всех национальностей и религий, как уникальный культурно-этнографический феномен в деле укрепления межрелигиозного согласия. Режим доступа: <https://nuz.uz/2021/11/21/chajhana-kak-mesto-obshheniya-predstavitelej-vseh-naczionalnostej-i-religij-kak-unikalnyj-kulturno-etnograficheskij-fenomen-v-dele-ukrepleniya-mezhreligioznogo-soglasiya/> Дата обращения: 11.03.2026.

- Санакоева З. Г. (2022) Обзор понятия «языковая тревожность»: определение, классификация, влияние, оказываемое на изучающих иностранный язык // Мир науки, культуры, образования. № 1 (92). С. 108–110.
- Сергеева М. О. (2024) Обзор существующих опросников для определения уровня владения билингвом вторым (неродным) языком // Социоллингвистика. № 4 (20). С. 161–177. DOI: 10.37892/2713-2951-4-20-161-177
- Словарь социоллингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Сулейманова Д. Д. (2015) Типология тюркских (на примере татарских и башкирских) и баскских фонологических систем // Филологические науки. № 6 (48): в 2 ч. Ч. II. С. 166–168.
- Толковый словарь татарского языка (2015–2021): в 6 т. Изд-во АН РТ. Режим доступа: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> Дата обращения: 11.03.2026.
- Хамидуллин Б. Л. (2018) Узбекские татары: знаменитые просветители, первые печатники и строители-комсомольцы. Режим доступа: <https://realnoevremya.ru/articles/117588-istoriya-tatarskoy-diaspory-uzbekistana?ysclid=l2gc4oi2kr> Дата обращения: 11.03.2026.
- Хауген Э. (1972) Языковой контакт // Новое в лингвистике. Вып. 6. М.: Прогресс. С. 61–80.
- Щерба Л. В. (1974) Языковая система и речевая деятельность. Л. 432 с.
- Ярцева С. В. (2025) «Спанглиш» как явление языковой интерференции: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ташкент. 50 с.
- Nguyen Van Hiep (2024) Sociolinguistic analyses of the Bru-van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes // Sociolinguistics. № 4 (20). P. 9–27. DOI: 10.37892/2713-2951-8-20-9-27
- Sinner C. (2001) Zur Terminologie in der Sprachkontaktforschung // Gerda Haßler: Sprachkontakt und Sprachvergleich. Münster. S. 125–152.
- Ўзбек тилининг изоҳли луғати: икки томли. 60 000 сўз ва сўз бирикмаси (1981) / С. Ф. Ақобиров, Т. А. Алиқулов, С. И. Иброҳимов ва б.; З. М. Маъруфов таҳрири остида. М.: Рус тили. Т. 1. 632 с.; Т. 2. 715 с.

REFERENCES

- Avrorin, V.A. (1975) *Problemy izucheniya funktsional'noy storony yazyka (k voprosu o predmete sotsiolingvistiki)* [Problems of studying the functional aspect of language (on the subject of sociolinguistics)]. Leningrad: Nauka. 276 p. (In Russian).
- Alpatov, V.M. (2024) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Lan'. 416 p. (In Russian).
- Baskakov, A.N. (1988) *Sotsial'nye faktory v ikh vozdeystvii na leksiko-semanticheskuyu sistemu yazyka (na materiale leksiki tyurkskikh yazykov)* [Social factors and their impact on the lexical-semantic system of language (based on the vocabulary of Turkic languages)]. In: *Vliyanie sotsial'nykh faktorov na funktsionirovanie i razvitie yazyka* [The influence of social factors on the functioning and development of language]. Edited by Yu.D. Desheriev and L.N. Krysin. Moscow: Nauka, pp. 110–124. (In Russian).
- Belikov, V.I. and Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities. 439 p. (In Russian).
- Vaynraykh, U. (1979) *Yazykovye kontakty* [Language contacts]. Kyiv: Vyshcha shkola. 263 p. (In Russian).
- Volgin, V.L. (2022) *Osobennosti grazhdanskikh initsiativ podderzhki kalmytskogo yazyka v situatsii ego krizisa* [Features of civic initiatives supporting the Kalmyk language in the context of its crisis], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(12), pp. 29–44. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-12-29-44>. (In Russian).

- Dannye ob etnicheskom sostave naseleniya Uzbekistana* [Data on the ethnic composition of the population of Uzbekistan]. (2021). Available at: <https://www.gazeta.uz/ru/2021/08/20/ethnic-groups/> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Desheriev, Yu.D. (1988) *Teoreticheskie aspekty izucheniya sotsial'noy obuslovlennosti yazyka* [Theoretical aspects of studying the social conditioning of language]. In: *Vliyanie sotsial'nykh faktorov na funktsionirovanie i razvitie yazyka* [The influence of social factors on the functioning and development of language]. Edited by Yu.D. Desheriev and L.N. Krysin. Moscow: Nauka, pp. 5–40. (In Russian).
- Zalevskaya, A.A. and Medvedeva, I.L. (2002) *Psikholingvisticheskie problemy uchebnogo dvuyazychiya* [Psycholinguistic problems of educational bilingualism]. Tver: Tver State University. 194 p. (In Russian).
- Zakharova, A.E. and Maklashova, E.G. (2025) *Yazyk kak resurs vital'nosti korennykh malochislennykh narodov Yakutii (na materialakh sotsiologicheskikh issledovaniy)* [Language as a resource for the vitality of the indigenous small-numbered peoples of Yakutia (based on sociological research materials)], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 1(21), pp. 92–117. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-1-21-92-117>. (In Russian).
- Itogi Vsesoyuznoy perepisi naseleniya 1989 goda* [Results of the 1989 All-Union Population Census]. Available at: <https://www.statmuseum.ru/ru/results/1989/>; <https://www.prilib.ru/section/682312> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Krysin, L.P. (1968) *Inoyazychnye slova v sovremennom russkom yazyke* [Foreign words in contemporary Russian]. Moscow: Nauka. 284 p. (In Russian).
- Lobkovskaya, L.P. (2012) *O ponyatii mezh'yazykovoy omonimii (k probleme termina «lozhnye druz'ya perevodchika»)* [On the concept of interlingual homonymy (on the problem of the term “false friends of the translator”)], *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 20(274), Philology and Art Studies, issue 67, pp. 79–87. (In Russian).
- Malakhovskiy, L.V. (1990) *Teoriya leksicheskoy i grammaticheskoy omonimii* [Theory of lexical and grammatical homonymy]. Leningrad: Nauka. 240 p. (In Russian).
- Obrazovatel'no-kul'turnyy tsentr NOTs «Institut Kayuma Nasyri» Kazanskogo federal'nogo universiteta* [Educational and cultural center “Kayum Nasyri Institute” of Kazan Federal University]. Available at: <https://kpfu.ru/philology-culture/ikn/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent/obrazovatelno-kulturnyj-centr-v-g-tashkent-423942.html> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Predstavitel'stvo Respubliki Tatarstan v Respublike Uzbekistan* [Representative Office of the Republic of Tatarstan in the Republic of Uzbekistan]. Available at: <https://prtuz.tatarstan.ru/about.htm> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Rakhmatullina, Z.Ya., Buskunbaeva, L.A. and Yagafarova, G.N. (2025) *Kul'tura rechi kak aktual'naya sotsial'naya potrebnost' v sovremennom rossiyskom obshchestve* [Speech culture as a topical social need in modern Russian society]. In: *Kodovye pereklyucheniya v usloviyakh bashkirsko-russkogo dvuyazychiya (na materiale dialektnykh diskursov)* [Code switching in the context of Bashkir-Russian bilingualism (based on dialectal discourse)]. Edited by Z.Ya. Rakhmatullina. Ufa: IYAL UFITs RAN, pp. 5–14. (In Russian).
- Sagitov, R. (2021) *Chaykhana kak mesto obshcheniya predstaviteley vseh natsional'nostey i religiy, kak unikal'nyy kul'turno-etnograficheskiy fenomen v dele ukrepleniya mezhreligioznogo soglasiya* [Chaikhana as a place of communication for representatives of all nationalities and religions, as a unique cultural and ethnographic phenomenon in strengthening interreligious harmony]. Available at: <https://nuz.uz/2021/11/21/chajhana-kak-mesto-obshheniya-predstavitelej-vseh-naczionalnostej-i-religij-kak-unikalnyj-kulturno-etnograficheskiy->

- [fenomen-v-dele-ukrepleniya-mezhreligioznogo-soglasiya/](#) (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Sanakoeva, Z.G. (2022) Obzor ponyatiya «yazykovaya trevozhnost'»: opredelenie, klassifikatsiya, vliyaniye, okazyvaemoe na izuchayushchikh inostranny yazyk [Review of the notion of “language anxiety”: definition, classification and its impact on foreign language learners], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 1(92), pp. 108–110. (In Russian).
- Sergeeva, M.O. (2024) Obzor sushchestvuyushchikh oprosnikov dlya opredeleniya urovnya vladeniya bilingvom vtorym (nerodnym) yazykom [Review of existing questionnaires for assessing bilinguals' proficiency in a second (non-native) language], *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics], no. 4(20), pp. 161–177. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-4-20-161-177>. (In Russian).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. (2006). Edited by V.Yu. Mikhailchenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 312 p. (In Russian).
- Suleymanova, D.D. (2015) Tipologiya tyurkskikh (na primere tatarskikh i bashkirskikh) i baskskikh fonologicheskikh sistem [Typology of Turkic (based on Tatar and Bashkir) and Basque phonological systems], *Filologicheskie nauki* [Philological Sciences], no. 6(48), part II, pp. 166–168. (In Russian).
- Tolkovyy slovar' tatarskogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Tatar Language]. (2015–2021). In 6 vols. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Available at: <https://suzlek.antat.ru/indexR.php> (Accessed: 11 March 2026). (In Tatar).
- Khamidullin, B.L. (2018) Uzbekskie tatary: znamenitye prosvetiteli, pervye pechatniki i stroiteli-komsomol'tsy [Uzbek Tatars: famous educators, first printers and Komsomol builders]. Available at: <https://realnoevremya.ru/articles/117588-istoriya-tatarskoy-diaspory-uzbekistana?ysclid=l2gc4oi2kr> (Accessed: 11 March 2026). (In Russian).
- Haugen, E. (1972) Yazykovoy kontakt [Language contact]. In: *Novoe v lingvistike* [New Trends in Linguistics], issue 6. Moscow: Progress, pp. 61–80. (In Russian).
- Shcherba, L.V. (1974) *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Leningrad. 432 p. (In Russian).
- Yartseva, S.V. (2025) «Spanglish» kak yavlenie yazykovoy interferentsii [“Spanglish” as a phenomenon of language interference]. Abstract of PhD dissertation. Tashkent. 50 p. (In Russian).
- Nguyen Van Hiep (2024) Sociolinguistic analyses of the Bru-Van Kieu language and script: usage and speakers' attitudes, *Sociolinguistics*, no. 4(20), pp. 9–27. <https://doi.org/10.37892/2713-2951-8-20-9-27>.
- Sinner, C. (2001) Zur Terminologie in der Sprachkontaktforschung [On terminology in language contact research]. In: G. Haßler (ed.), *Sprachkontakt und Sprachvergleich*. Münster, pp. 125–152. (In German).
- O'zbek tilining izohli lug'ati: ikki tomli. 60 000 so'z va so'z birikmasi* [Explanatory Dictionary of the Uzbek Language: in two volumes. 60,000 words and word combinations]. (1981). Compiled by S.F. Akobirov, T.A. Aliqulov, S.I. Ibrohimov et al. Edited by Z.M. Ma'rufov. Moscow: Russkiy yazyk. Vol. 1, 632 p.; vol. 2, 715 p. (In Uzbek).

Маргарита Р. Галиева

Доктор филологических наук, профессор
кафедры лингвистики и английской
литературы,
Узбекский государственный университет
мировых языков,
Ташкент, Республика Узбекистан.

Адрес для корреспонденции:
100138 Республика Узбекистан,
г. Ташкент, ул. Кичик халка йули, д. 21-А.

Эл. адрес: margarita22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4325-4612>

Margarita R. Galieva

Doctor of Philology, Professor at the
Department of Linguistics and English
Literature,
Uzbekistan State World Languages University,
Tashkent, Republic of Uzbekistan.

Correspondence address:
21-A Kichik xalqa yo'li Street,
Tashkent 100138,
Republic of Uzbekistan.

Email address: margarita22@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4325-4612>

Для цитирования: *Галиева М.Р.* Татарский язык в Узбекистане: особенности интерференции и факторы языкового сдвига // Социоллингвистика. 2026. № 2. С. 94–115. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-05

For citation: *Galieva M.R.* The Tatar language in Uzbekistan: peculiarities of interference and factors of language shift // Sociolingvistika. 2026. No. 2. Pp. 94–115. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-05

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 19.06.2025;
approved after reviewing 10.03.2026;
accepted for publication 30.06. 2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-06>

ТАТАРСКИЙ ЯЗЫК В КЫРГЫЗСТАНЕ: ДИНАМИКА ФУНКЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ И СФЕРЫ ПРИМЕНЕНИЯ

УДК 94:811.512.145.272(575.2)
(04)

Аниса Р. Бикбулатова

Кыргызский Национальный
университет им.
Ж. Баласагына,

Бишкек, Кыргызская
Республика

Аннотация

Комплексный научный анализ языкового поведения татарской диаспоры Кыргызстана позволяет выявить процессы, происходящие внутри данной этнической группы, и может способствовать её дальнейшему развитию и сохранению в стране.

В статье представлены результаты анализа языкового поведения татар Кыргызстана на основе данных этносоциологических исследований, проведённых в 2019 и 2022 гг. Результаты исследования показали, что татарский язык постепенно утрачивает свои позиции как родной, тогда как роль русского языка усиливается. В сельской местности растёт доля татар, считающих родным кыргызский язык. Уровень владения татарским языком остаётся невысоким. Татары, проживающие в мононациональных Таласской и Нарынской областях, все без исключения владеют кыргызским языком, соблюдают кыргызские культурно-бытовые обычаи и обряды, но при этом идентифицируют себя как татары. Среди молодёжи наблюдается рост интереса к татарскому языку, что связано с усилением этнического самосознания. Татарский язык постепенно утрачивает ряд социальных функций и преимущественно используется в сфере внутрисемейного и бытового общения, в том числе в форме смешанной русско-татарской речи. Языковое поведение татар характеризуется региональной спецификой. Татары Кыргызстана считают язык своей национальности важнейшим компонентом этнической идентификации и одним из основных признаков этничности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татары Кыргызстана, татарский язык, родной язык, языковое поведение

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Аниса Р. Бикбулатова, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-06>

THE TATAR LANGUAGE IN KYRGYZSTAN: DYNAMICS OF FUNCTIONAL DEVELOPMENT AND DOMAINS OF USE

UDC 94:811.512.145.272(575.2) (04)

Anisa R. Bikbulatova

Kyrgyz National University
named after Zh. Balasagyn,

Bishkek, Kyrgyz Republic

Abstract

A comprehensive analysis of the linguistic behaviour of the Tatar diaspora in Kyrgyzstan makes it possible to identify the processes taking place within this ethnic group and may contribute to its further development and preservation in the country.

The article presents the results of an analysis of the linguistic behaviour of Tatars in Kyrgyzstan based on data from ethnosociological studies conducted in 2019 and 2022. The findings show that Tatar is gradually losing ground as a native language, while the role of Russian is becoming increasingly prominent. In rural areas, the proportion of Tatars who regard Kyrgyz as their native language is growing. Proficiency in Tatar remains relatively low. Tatars living in the predominantly monoethnic Talas and Naryn regions are all proficient in Kyrgyz and follow Kyrgyz cultural and everyday customs and traditions, while continuing to identify themselves as Tatars. Among younger people, there is growing interest in the Tatar language, which is associated with an increase in ethnic self-awareness. Tatar is gradually losing a number of its social functions and is used primarily in family and everyday communication, including in the form of mixed Russian–Tatar speech. The linguistic behaviour of Tatars also displays distinct regional variation. Tatars in Kyrgyzstan regard the language of their ethnic group as a key component of ethnic identity and one of the principal markers of ethnicity.

KEYWORDS: Tatars of Kyrgyzstan; Tatar language; native language; linguistic behavior

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Anisa R. Bikbulatova, 2026

1 | Введение

На территории Кыргызстана татары проживают со второй половины XIX века. Ранее в основном это были купцы, религиозные миссионеры. Потомки этих татар живут на территории Кыргызстана уже в четвертом–пятом поколении. Следующая волна миграции относится к советскому периоду и связана с процессом индустриализации. В страну прибывают татары, имеющие рабочие специальности, и интеллигенция. После развала советского государства основная их часть выехала из страны, но те, кто остались, продолжают жить в Кыргызстане во втором, третьем поколении. Полуторавековая история внесла свои коррективы в их языковое поведение. В данной статье будут рассмотрены динамика и сфера применения родного языка татар Кыргызстана.

Прежде чем приступить к анализу проблемы, мы обсудим, какое содержание вкладывается нами в понятие *родной язык*. Как известно, существуют разные подходы к определению и толкованию этого явления. Некоторые ученые считают, родной язык – это «язык нации, язык предков, который связывает человека с его народом, с предыдущими поколениями, их духовным миром» [Иванишин, Радевич-Винницкий: 1994: 23, 121]. Как показали наши исследования, многие представители татарской диаспоры, проживающие на территории Кыргызстана, родным языком (независимо от степени владения им) считают язык своего этноса (татарский).

Но есть и другие татары, которые родились вдали от основного этнического ядра, от компактно проживающих носителей языка. В таком случае родным языком для них становится другой язык, а не материнский. Именно с помощью этого языка ребенок приобретает трудовые и речевые навыки, с помощью языка другого народа формируется его языковая компетентность. Именно такой язык следует считать родным языком независимо от того, к какой нации по крови принадлежит человек [Багироков, Блягоз, 2014: 8–12]. В этой ситуации четко прослеживается, что язык – явление не биологическое, он не наследуется от родителей, а относится к явлениям общественным, социальным, и будет зависеть от окружающих социально-исторических условий жизнедеятельности человека [Ибрагимов, Зачесов, 1990: 8–12]. В данной статье рассматривается языковое поведение татар, живущих в другой этнической среде, где доминируют кыргызы, русские, узбеки и др. В подобной ситуации татары первой миграционной волны (носители татарского языка) в процессе социализации хорошо осваивают языки этих народов. Но их дети, выросшие в ином этническом окружении, во втором, третьем поколении с помощью языка кыргызов, русских, узбеков и других народов могут считать язык этих народов своим родным языком. Они «владеют этими языками с максимальной глубиной

и полнотой, на котором им легче, быстрее и проще мыслится, который является для них наиболее привычной и удобной формой выражения мысли и языкового общения» [Ибрагимов, 1990: 8–12].

Таким образом, несмотря на множество интерпретаций понятия *родной язык*, в данной статье мы его рассматриваем, во-первых, как язык нации, предков, связывающий человека со своим народом. Большинство татар, живущих в Кыргызстане, родным языком (независимо от степени владения) считают татарский язык, язык предков, нации, к которой они себя относят.

Во-вторых, из-за исторически сложившихся обстоятельств татары Кыргызстана на данный момент расселены по территории страны дисперсно и живут в полиэтническом окружении, которое состоит из кыргызов, русских, узбеков и других этносов. В данном случае у представителей второго, третьего поколения татар наблюдается процесс приобретения другого языка как родного.

За годы проживания в Кыргызстане языковое поведение татар претерпело существенные изменения под воздействием различных факторов, которые нуждаются в глубоком научном анализе, так как способны раскрыть многие процессы, происходящие внутри данной этнической группы. Результаты исследования могут повлиять на дальнейшее развитие татарской диаспоры в стране, на ее сохранность.

2 | Историография

В постсоветский период в связи с кардинальными политическими переменами в Кыргызстане, связанными с деидеологизацией, исчезновением «запретных» тем, открылся широкий доступ к архивным документам и материалам, расширился диапазон изучаемых тем. В этот период появляются работы, посвященные языковому поведению татар Кыргызстана. Авторы С.Н. Абдуллаев [Абдуллаев, 1995: 54–60] и Ж.А. Мамашева [Мамашева, 2015]. затронули проблемы языка у татарского населения г. Каракол. Изучение положения татарского этноса указанного города относительно языка весьма актуально и вызывает определенный интерес, так как в г. Каракол татары проживают со второй половины XIX века, т.е. с времен вхождения данной территории в состав Российской Империи. Это татары первой волны переселения, которые отличались хорошим знанием родного (татарского) языка. На сохранение родного языка повлияло и их относительно компактное проживание в досоветский период. Авторы в своих работах отмечают общие тенденции, присущие языковому поведению татар данного города, подчеркивая при этом их хорошее владение татарским, а также местным кыргызским языками. В своих исследованиях авторы применили метод анкетирования,

наблюдения и анализ статистических материалов. В результате они отмечают переход татарского в статус языка внутрисемейного, бытового общения, что особенно важно в условиях многоязычия и особой роли культурных центров в поддержании этнической идентичности.

В опубликованных нами ранее работах [Бикбулатова, 2012: 52–58.; Бикбулатова, 2014: 43–47; Бикбулатова, 2020: 89–93] на основе проведенных этносоциологических исследований и данных Статистического комитета Кыргызской Республики проанализировано языковое поведение татар в целом по стране. Автор отмечает растущее влияние русского языка, влияние кыргызского и узбекского языков на язык татар. Также она в своих исследованиях выявляет среду функционирования татарского языка, указывает причины, приводящие к сокращению владения родным языком, а также прогнозирует перспективу языкового поведения татар этой страны.

Работа С. Н. Абдуллаева, Г. С. Абдуллаевой «Татарский язык в новых условиях многоязычия в Кыргызстане» [Абдуллаев, и др., 2021: 63–67] посвящена концепции плюрилингвального подхода к преподаванию родного языка. Авторы рассматривают плюрилингвальную методику обучения татарскому языку в изменившихся условиях многоязычия в Средней Азии. Предлагаемый подход апеллирует к пропозициям как содержанию моделей коммуникативных единиц, что помогает использовать взаимодействие языков в учебном процессе.

Диссертационная работа Фатих Башкапан [Башкапан, 2025:] по направлению «Социолингвистика» посвящена изучению сферы применения татарами Кыргызстана татарского, кыргызского и русского языков. На основе результатов социологического опроса автор анализирует влияние пола, возраста, социального положения, гражданства на языковое поведение. В теоретической составляющей работы раскрывается взаимосвязь языка и социума.

Таким образом, в историографии изучения языкового поведения татар Кыргызстана имеется ряд работ, посвященных данной проблеме. В основном авторы данных публикаций отмечают сокращение доли татар, владеющих родным татарским языком, и сообщают о росте татар, считающих родным языком русский. Также в данных работах говорится о наличии у татар двуязычия, о степени владения татарами кыргызским и узбекским языками.

3 | Источники и метод исследования

Источниками работы являются Итоги Всесоюзной переписи населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 гг., а также материалы национальной переписи населения Кыргызской Республики 1999, 2009, 2016, 2022 гг. Основным источником работы являются материалы полевых этносоциологических исследований, собранные в 2019, 2022 гг., результаты экспертного опроса, а также полевые исследования, проведенные автором в эти годы с использованием методов интервью и наблюдения во всех регионах Кыргызстана.

Этносоциологические исследования татар были проведены по программе «Татары Кыргызстана» (автор А.Р. Бикбулатова) в форме многоступенчатой выборки. Основными принципами, положенными в основу выборки, являлись компактность проживания татар, этническое окружение, время заселения, степень урбанизированности. Объем выборки составил 1540 человек. Опрос проводился в городах Бишкек, Каракол, Ош, Джалал-Абад, Кызыл-Кия.

Так как 78,5% татар являлись городскими жителями и лишь 21,5% проживали в сельской местности, соответственно 78,5% респондентов было опрошено в городской среде и 21,5% из числа сельских жителей страны следующих районов Чуйской области: Аламудунский (с. Лебединовка), Ыссык-Атинский (С. Чон-Далы), Сокулукский (с. Кунтуу.); Джалал-Абадской области: Ноокенский (с. Массы); Иссык-Кульской области: Ак-Суйский (с. Ак-Суу). В двух мононациональных областях опрос не производился, было принято решение проводить исследование в выбранных фокус-группах с применением методов неформализованных интервью и включенного наблюдения.

Был проведен экспертный опрос руководителей татаро-башкирских общественных организаций, представителей здравоохранения, народного образования, предпринимателей, бизнесменов, журналистского корпуса, научной и творческой интеллигенции (56 человек) методом специально разработанного полужформализованного интервью. Материалы, полученные в результате экспертного опроса, подверглись количественному и корреляционному анализу и способствовали более глубокому изучению данной темы.

Результаты этносоциологического опроса считаются ценным историческим источником, позволяющим охарактеризовать языковое поведение татар Кыргызстана.

4 | Динамика родного языка у татар Кыргызстана

В период Советской власти языковое поведение татар страны претерпело ряд существенных изменений. Основные причины, повлиявшие на язык татар:

- отдаленность от основного ядра татарского этноса,
- полиэтническое окружение, состоящее из русских, кыргызов, узбеков и других этносов,
- отсутствие школ с обучением на родном (татарском) языке,
- ведение делопроизводства на русском языке,
- доминирование русского языка в СМИ,
- языковая политика советского государства в целом и т.д.

Рассмотрим дифференциацию татар по родному языку в советский период.

Таблица 1. Дифференциация татар по родному языку в советский период

Итоги переписи населения	Всего человек	Считают родным языком %		
		татарский	русский	другие языки
1926 г.	4902	94,3	5%	0,7
1939 г.	20017	90,5	7,4	2,1
1959 г.	56209	89,7	8,4	1,7
1970 г.	68827	86,6	11,9	1,3
1979 г.	72018	80	18	1,5
1989 г.	70068	75,5	21,5	3

Составлено по материалам: ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 21. Д. 33. 265 л., Д. 34, 259 л.; ЦГА КР. Ф. 105. Оп.12. Д.572, 145 л.; ЦГА КР. Ф. 105. Оп.31.Ч.II. Д.4206, 696.; ЦГА КР. Ф. 105. Оп.33.Ч.VII. Д.4010, 253Л.; ЦГА КР. Ф. 105. Оп.32.ДСП.Д. 35. 123 л.

Как показано в таблице 1, между переписями населения с 1926 по 1989 гг. количество татар, считающих родным языком татарский, сократилось с 94,3% до 75,5%, т.е. на 18,8%. За это же время число татар, считающих русский язык родным, выросло в целом на 16,5% (с 5% до 21,5%). Данная тенденция показывает, что татарский язык теряет свои позиции как этнический язык в пользу русского языка. В данном случае речь идет о признании татарами в качестве родных разных языков (татарского, русского и других) при отнесении себя к татарскому этносу.

Данная тенденция является непосредственным результатом языковой политики Советского Союза. В последние годы существования СССР (1989 г.) в столице Киргизской ССР, в г. Фрунзе (ныне г. Бишкек), сложился довольно своеобразный полиэтнический состав с доминированием русскоязычного населения. Более половины населения (55,7%) составляли русские, 5,5% украинцы, татары по численности занимали четвертое место в столице, составив соответственно 2,7% населения города. В целом в столице основным языком общения стал русский язык. Кыргызы составляли 22,8% населения столицы. Данная этническая картина была свойственна большинству городов Кыргызстана. Если учесть, что к 1989 г. 82,8% татар жили в городах страны (Итоги Первой национальной переписи..., 2001), то влияние данного полиэтнического состава с доминированием русскоязычного населения на языковое поведение татар является очевидным. В городе Бишкек в то время функционировала единственная общеобразовательная средняя школа №5 с кыргызским языком обучения, во всех остальных школах обучение велось на русском языке.

Таким образом, довольно длительное время в столице страны основным языком общения и обучения был русский язык. Разговор на родном кыргызском или татарском языке воспринимался окружающими неодобрительно, порой с осуждением. Сложившаяся ситуация отрицательно повлияло на языковое поведение татар и их знание родного языка. В результате татарский язык переходит в состояние языка внутрисемейного, бытового общения. В постсоветский период данная тенденция усиливается, в целом татарский язык продолжает терять свои позиции в качестве родного языка, уступая место русскому, а в сельской местности кыргызскому языку.

Таблица 2. Дифференциация татар по родному языку в постсоветский период³⁹

Итоги переписи населения	Всего человек	Считают родным языком (%)			
		татарский	кыргызский	русский	другие языки
1999 г.	45438	71,7	2,4	24,8	4
2009 г.	31424	66,5	3,5	28,6	4,8
2019 г.	26992	52	9	31	8
2022 г.	29079	41	12,6	39	20

Составлено по материалам: Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики на 1999 г. Население Кыргызстана. – Бишкек, 2000. – С.71.; Кыргыз Республикасында 2009-жылы эл жана турак жай фондун каттоо. II китеп (биринчи бөлүм) Кыргызстандын калкы. Бишкек, 2010. 95-б.; Численность постоянного населения Кыргызской Республики по отдельным национальностям в 2009–2019 гг. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/>; Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года: Книга II в таблицах: Население Кыргызской Республики. Б.: 2023. 432 с.

Несмотря на то, что в постсоветский период в республике изменилась языковая политика, кыргызский язык приобрел статус государственного и более 30 лет государство придает большое значение расширению сферы применения кыргызского языка, влияние русского языка остается значительным. Менее половины татар (41%) своим родным считают язык своей национальности, 39% считают родным русский язык. Растет доля татар, считающих родным кыргызский язык. В основном это количество увеличивается за счет сокращения числа городских татар и увеличения доли сельских в общей численности. В сельской среде численность татар, считающих кыргызский язык родным, значительно выше. Это объясняется тем, что в селах страны доминирует кыргызский этнос. Соответственно, основным языком общения, учебы, обслуживания и т.д. становится кыргызский язык.

В ходе исследования было выяснено, что не все представители татарского этноса, называя татарский родным языком, в достаточной мере владеют им. Признание родным языком татарского языка далеко не всегда означает, что респондент использует данный язык в повседневной жизни. Как показали наши опросы, из числа респондентов, считающих родным

³⁹ Составлено по Итогам Всесоюзной переписи населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989 годов.

языком татарский, лишь 40% думают на этом языке, могут свободно разговаривать, писать, 37% могут лишь общаться и около четверти понимают смысл разговора, но не говорят на нем. При анализе категорий респондентов, которые думают, могут разговаривать и писать на татарском языке, было выявлено, что 90% из них – это представители старшего поколения в возрасте 60 лет и старше. Также среди них преобладают татары, живущие в Кыргызстане в первом поколении. Из числа тех, кто может общаться на татарском, две трети (77%) родились в Кыргызстане, это люди старше 45 лет, но среди молодежи наблюдается тенденция роста умеющих разговаривать на татарском языке (5–10%). Таким образом, из числа татар, считающих своим родным татарский язык, не все в полной мере владеют этим языком, их речевое поведение находится в прямой зависимости от многих факторов, в том числе от возраста.

Таблица 3. Дифференциация татар по родному языку в зависимости от возраста (%)

возраст Ваш родной язык?	16–20	21–25	26–29	30–39	40–49	50–59	60 и более
татарский	38	35	30	34	62	65	70
русский	52	55	60	55	30	28	26
кыргызский	7	6	6	3	3	4	2
узбекский	3	3	3	1	2	2	1

Как видно из таблицы 3, более трети из числа представителей молодого поколения считают своим родным языком татарский. Представители старшего поколения отмечают возрастание интереса среди молодежи к родному татарскому языку. Необходимо признать, что демократизация общества, начавшаяся в 90-х годах прошлого века, усилила национальное чувство, побудила у народа интерес к духовным ценностям своего этноса, в том числе и к родному языку [Асанканов, 1997: 68]. Как мы наблюдаем, это привело к бурному росту этнического самосознания. Молодежь с большим интересом стала изучать историю своего народа, а также свой родной язык.

Несмотря на то, что 38% молодежи в возрасте 16–20 лет, 35% в возрасте 21–25 лет своим родным языком назвали татарский, уровень владения этим языком оставляет желать лучшего. Среди молодежи от 16 до 25 лет менее 10% могут свободно разговаривать, писать и думать на татарском языке, около 30% могут разговаривать на нем, около четверти признались, что могут понять смысл разговора. Тем не менее, при таком уровне знаний татарского языка молодые люди все же отметили его как родной, так как они воспринимают язык как главный признак этноса.

Молодежь стремится учить родной язык, но в республике не созданы для этого условия. В регионах отсутствуют курсы по изучению этого языка, не говоря о школах с татарским языком обучения. Единственное место, где собираются желающие изучать татарский язык, находится в Ассамблее народа Кыргызстана, при татарско-башкирском культурном центре «Туган тел» в г. Бишкек. Очевидно, что одного курса для татар всей республики недостаточно.

Представители старшего поколения, т.е. те, кому 60 лет и больше, гораздо лучше знают свой родной язык. Среди них 70% отметили, что могут свободно разговаривать, писать и читать по-татарски, а по мере снижения возраста уровень знания родного языка также падает. В основном среди представителей старшего поколения достаточно хорошо владеют языком те, кто прибыл в Кыргызстан в годы советской власти из России, из мест компактного проживания татар. Они не только владеют родным языком, но и отличаются хорошим знанием культуры татарского народа. Татары, живущие в Кыргызстане во втором, третьем поколении, относительно плохо знают родной язык.

По нашим наблюдениям, еще одна категория татар, которые достаточно хорошо владели родным языком, были мигранты из КНР. Они с гордостью говорили, что в КНР созданы все условия для сохранения и развития татарского языка. Благодаря проводимой национальной политике Китая, им удалось сохранить свой родной язык лучше, чем тем татарам, которые жили в Советском Союзе (Полевая тетрадь №2 г. Бишкек).

Рассмотрим проблему владения родным языком в разных регионах Кыргызстана. Можно заметить, что среди татар, считающих своим родным языком татарский, большое количество сосредоточено на юге страны. В данном случае немаловажную роль играет языковая среда, особенно в период социализации личности:

1. Север страны является местом массового проживания татар, здесь в Чуйской области, включая г. Бишкек, проживает 61% кыргызских татар от их общего количества. Но в данном регионе в полиэтническом окружении доминирует русскоязычное население.

2. Южный регион занимает второе место по численности татар. Данный регион тоже полиэтнический, где проживает 30,7% татар, но с доминированием кыргызского и узбекского языков.

В основном в этом регионе количество татарросло с 1926 по 1939 годы, их численность между этими переписями выросла на 75%. Они стали пополнять население промышленных городов юга страны. За это десятилетие в городах количество татарросло: в г. Кызыл-Кия – в 10, в г. Сулукта – в 12, в Ош – в 11, в Джалал-Абад – в 6, в г. Кок-Янгак – в 7 раз, тогда как в городах севера Кыргызстана такого роста не наблюдалось (ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 12. Д. 572, 145 л.). Число татар, считающих своим родным языком татарский, больше именно в городах Джалал-Абад (79%) и Ош (73%), т.е. большинство из них – это татары, которые прибыли в страну в предвоенные и послевоенные годы с хорошими знаниями татарского языка.

В городах Ош, Джалал-Абади Баткен более половины (53%) при встрече с представителями своей национальности общаются на родном (татарском) языке, около 40% предпочитают русский или смешанный русско-татарский язык, 8% в таких случаях ведут разговор на кыргызском языке. В Чуйской области 39% опрошенных при встрече общаются на татарском, а более 50% говорят на русском и смешанном русско-татарском языке.

Необходимо также отметить, что женщины при встрече больше общаются на татарском (3–5%), нежели мужчины.

При проведении исследований мы интересовались тем, где наши респонденты получили свои знания татарского языка. Ответы распределились следующим образом: в основном (58% респондентов) назвали родным языком татарский и получили свои знания в школах (РФ), еще до прибытия в Кыргызстан. Треть (32%) научились татарскому языку в семье, около 5% на работе, 3% – общаясь с друзьями. Таким образом, в Кыргызстане знания родного татарского языка передаются в процессе общения, в семье. В основном респонденты отмечали заслугу бабушек и дедушек.

Далее, мы ставили задачу выявить перспективы использования татарского языка будущими поколениями. С этой целью был задан вопрос: «Должны ли дети знать татарский язык?» В итоге были получены следующие результаты: 79% отметили, что дети должны знать татарский язык, 7% опрошенных отрицательно ответили на этот вопрос, около 10% не видят в этом необходимости. Среди тех, кто не видит необходимости в изучении родного языка, большинство сами не знали свой родной язык. Но этого нельзя сказать обо всех, так как среди не знающих свой язык много тех, кто сожалеет о своем незнании. Многие из них обвиняют в

этом советскую систему образования и политику советской власти, направленную на вытеснение из обихода неславянских языков. Они, наоборот, хотели бы, чтобы их дети изучили свой родной язык.

Из респондентов более половины (51,4%) готовы оплачивать обучение родному языку своим детям. В то же время, 22% опрошенных готовы обучать своих детей родному языку, если оно будет бесплатным, 12% согласны обучать своих детей татарскому языку при умеренной оплате. Из респондентов 14% не желают оплачивать обучение своих детей татарскому языку. Мы интересовались у респондентов, не желающих обучать своих детей родному языку, почему они так считают. В интервью они пояснили, что, во-первых, у татарского языка в Кыргызстане нет будущего, во-вторых, для работы и общения достаточно знания русского языка, в-третьих, если их дети останутся жить в Кыргызстане, необходимо учить кыргызский язык.

Рассмотрим положение татарского языка в областях с доминированием сельских жителей. По данным переписи 2022 г, из общего количества татар 21, 5% (6901 чел.) живут в сельской местности, из них 67% сосредоточены в Чуйской области. Среди татар Нарынской области 77%, Таласской 71% живут в сельской местности.

Таблица 4. Дифференциация татар сельской местности по родному языку

Область	Всего человек	Считают родным языком (%)		
		татарский	русский	кыргызский
Чуйская		52%	16%	27%
Нарынская		32%	6%	56%
Таласская	213	42%	8%	44%

Как видно таблицы 4, в сельской местности растет количество татар, считающих своим родным языком кыргызский язык. Села Чуйской области отличаются полиэтническим составом. Соответственно, в селах Чуйской области с полиэтническим составом языком межнационального общения выступает русский. Широкое применение русского языка в данном регионе повлияло на язык татар: 16% опрошенных родным языком считают русский. В других областях татар, считающих родным язык своей национальности, остается тоже

высоким (52%). Это можно объяснить следующим образом. Численности сельских татар в данной области увеличилось между Всесоюзными переписями населения 1959 и 1970 гг., соответственно, это были татары, прибывшие из России с хорошим знанием татарского языка. На момент опроса респонденты были мигрантами первого или второго поколения, что имеет прямое влияние на уровень знания родного татарского языка [Бикбулатова, 2020: 89–93].

Таласская и Нарынская являются мононациональными областями, где на момент опроса доля кыргызов составляло соответственно 91% и 98,5%. В этих областях татар, считающих родным языком русский, существенно ниже (6%–8%). Более половины татар, проживающих в Нарынской области, и 44% жителей Таласской области считают родным языком кыргызский. Также значительная часть татар считают родным язык своей национальности. Данную ситуацию мы можем объяснить следующим образом: во-первых, малочисленностью и дисперсным расселением татар в селах указанных выше областей. Во-вторых, доминированием кыргызского языка во всех сферах жизни. Языковая среда, в которой они оказались, является фактором, определяющим их языковое поведение. Как показали наши наблюдения, несмотря на то, какой бы язык они ни назвали родным, татары, живущие в данных областях, все без исключения владеют кыргызским языком, соблюдают кыргызские культурно-бытовые обычаи и обряды, но идентифицируют себя как татар, у них сохраняется историческая память. Исходя из этих данных, мы можем констатировать утрату родного языка сельскими татарами, живущими в моноэтнических областях страны и постепенно переходящими на кыргызский язык.

5 | Сфера применения

Одной из целей наших исследований было выявление среды функционирования татарского языка. На вопрос: «На каком языке Вы общаетесь дома?» 26% респондентов ответили, что разговаривают на татарском языке, тогда как на русском общаются 37% опрошенных, а более четверти респондентов разговаривают дома на смеси татарского и русского языков. Здесь необходимо отметить, что на татарском языке дома общаются между собой представители старшего поколения. Они это объясняют тем, что хотят сохранить свой язык и передать его знание своим детям. Пожилые люди также отмечают, что им нравится общаться на родном языке. Но в общении с молодым поколением, т.е. с детьми, всего 19% татар используют родной язык, 40% из них переходят для этой цели на русский язык и чуть более четверти респондентов разговаривают на смешанном русско-татарском языке. Из

вышеизложенного мы можем сделать вывод, что татарский в большей степени функционирует как семейно-бытовой язык в домашней среде.

Татары республики Кыргызстан в общественных местах используют русский язык (71,4% участников опроса). Татарским языком в общественных местах пользовались 16% респондентов. Необходимо также отметить, что 11% опрошенных татар в общественных местах разговаривают на кыргызском языке. Видимо, в общении с местным населением использование кыргызского языка намного облегчает взаимопонимание, поэтому татары используют именно его, так как это родственные языки и можно без особых усилий понять друг друга.

9% от общего количества опрошенных татар на работе пользовались татарским языком. Когда мы поинтересовались тем, в каких сферах татарский язык более применим в нашей республике, то выяснилось, что самое большое количество татар используют свой родной язык на работе – в сфере обслуживания населения. Около четверти говорят на кыргызском и 66% респондентов на работе разговаривают на русском языке. Также мы попытались выявить влияние уровня образования на язык общения на работе.

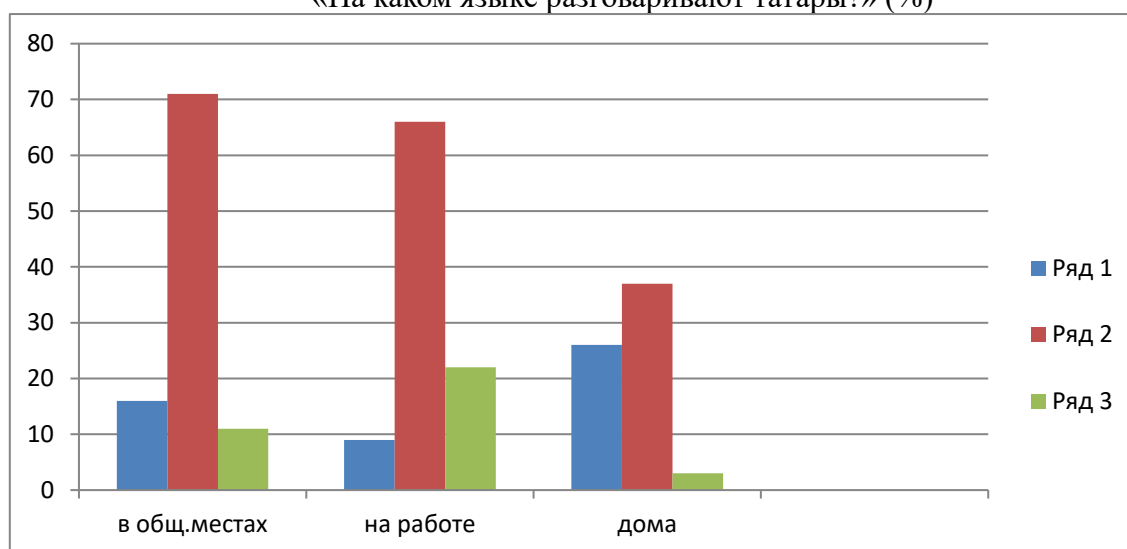
Таблица 5. Функционирование языков на работе (%)

Пользуюсь на работе	высшее	среднее специальное	среднее	незаконченное среднее
татарским	8	9	8	13
кыргызским	28	20	25	18
русским	63	69	66	68
узбекским	1	1	1	1

Как видно из таблицы 5, основным языком общения татар на работе является русский язык, что объясняется его социальной значимостью. Как мы уже отмечали выше, татары в основном живут в городах, где главным языком межнационального общения является русский язык. Из числа респондентов с высшим образованием около трети общаются на работе на кыргызском языке. По всей видимости, это связано с тем, что представители интеллигенции вынуждены общаться с большим контингентом людей, среди них также немалое число занятых

в государственных структурах и сфере услуг, где люди общаются на государственном языке, чтобы их речь была понятна основной массе сотрудников, являющихся представителями кыргызского этноса.

Диаграмма 1. Ответы респондентов на вопрос
«На каком языке разговаривают татары?» (%)

1 ряд – татарский язык, 2 ряд – русский, 3 ряд – кыргызский

По данным наших исследований, при личных встречах около половины татар (45%) между собой стараются разговаривать на татарском языке. Желających разговаривать на своем языке среди татар намного больше, но не все владеют этим языком в достаточной степени, чтобы поддерживать разговор. Они часто прибегают к русско-татарской смешанной речи. На русском общаются чуть более трети (35%) респондентов и лишь 3% опрошенных при встрече ведут разговор на кыргызском языке.

В сфере средств массовой информации татары в большей степени ориентированы на русский язык. Так, 75% опрошенных смотрели телепередачи на русском языке. При этом 79% респондентов читали материалы периодической печати на русском, а 71% — слушали радиопередачи на этом же языке. Это обусловлено не только недостатком языковой компетенции или большим объемом информации на русском языке, но, очевидно, и тем, что она является более социально значимой.

Однако сегодня из-за расширения сети телеканалов, доступности интернет-связи во многих семьях гг. Бишкек, Каракол, Ош люди смотрят фильмы и телепередачи на родном языке по телеканалам Татарстана (Полевая тетрадь №3, Бишкек; Полевая тетрадь №4, Каракол).

6 | Роль родного языка среди татар

Результаты социологических опросов показали, что язык – практически основной этнический индикатор, которые респонденты называют, когда относят себя к тому или иному этносу. Для выяснения компонентов, составляющих самоидентификацию татар, задавался вопрос: «Что роднит Вас с людьми Вашей национальности?».

Таблица 6. Факторы, объединяющие татар

№	Факторы, объединяющие татар	%
1	Генеалогические корни	13
2	Внешний облик	4
3	Язык	24
4	Религия	7
5	Культура	19
6	Черты характера, психология	2.5
7	Все вышеуказанное	20
8	Ничего не роднит	4,6
9	Этническое самосознание	4
10	Исторические судьбы, прошлое	3

Как показывают результаты опроса, татары Кыргызстана первым по значимости компонентом этнической идентификации и главным признаком этноса считают родной язык.

7 | Выводы

Таким образом, проведенные исследования показали, что в Кыргызстане за полутравековой период наблюдается динамика восприятия татарского языка как родного, а именно: численность татар, считающих родным язык своей национальности, снизилась на 53,3%. Количество татар, считающих родным русский язык выросло на треть (34%), также в сельской местности растет численность татар с родным кыргызским языком.

Татары, переселившиеся в советское время, отличаются хорошим знанием родного татарского языка, но уже увеличивается не только численность владеющих русским языком, но и количество татар, считающих русский язык родным. Также растет билингвизм татар, они становятся двуязычными.

Как показывает история, уровень владения современных татар родным татарским языком находится в прямой зависимости от времени их пребывания в Кыргызстане, от этнической среды, в которой они оказались.

Называя татарский язык родным, не все в достаточной мере им владеют. Уровень владения татарским языком остается достаточно низким. Из числа считающих родным языком татарский 40% думают на этом языке, могут свободно разговаривать и писать, 37% могут общаться и около четверти понимают смысл разговора, но не говорят на нем.

Татарский язык теряет многие свои социальные функции и переходит в статус языка внутрисемейного, бытового общения. В постсоветский период данная тенденция усиливается, в целом татарский язык продолжает терять свои позиции в качестве родного языка, уступая место русскому, а в сельской местности кыргызскому языку.

Среди молодежи наблюдается рост интереса к татарскому языку, что связано с ростом этнического самосознания среди этой возрастной категории татар.

В региональном разрезе татар, считающих родным язык своей национальности, больше на юге страны, где их окружают кыргызы и узбеки.

Из-за социальной значимости русского языка и его статуса как важного инструмента межнационального общения основным языком общения татар на работе является русский язык. Растет число представителей интеллигенции, общающихся на работе на государственном языке. При встрече друг с другом татары прибегают к русско-татарской смешанной речи, демонстрируя двуязычие.

В общественных местах 71,4% татар используют русский язык. Татарским языком пользуются 16% респондентов, растет число говорящих на кыргызском языке (11%). Дома 26% опрошенных разговаривают на татарском языке, 37% на русском, более четверти на смешанном татарско-русском языке. Эти цифры говорят о сокращении социальных функций татарского языка среди татар Кыргызстана и тенденции вытеснения его в сферу семейно-бытового общения в форме смешанной русско-татарской речи.

Независимо от того, считают ли татары Кыргызстана родным татарский, русский или кыргызский, а также независимо от уровня владения языком своего этноса (татарским), первым по значимости компонентом этнической идентификации, главным признаком этничности считают татарский язык.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллаев С. Н. (1995) Вопросы языковой жизни татар города Каракол // Тезисы и материалы международной научно-теоретической конференции по филологическим наукам, посвящённой 1000-летию эпоса «Манас» и памяти проф. К. Тыныстанова, 16–17 октября, г. Каракол. Каракол. С. 54–60.
- Абдуллаев С. Н., Абдуллаева Г. С. (2021) Татарский язык в новых условиях многоязычия в Кыргызстане // Татароведение в ситуации смены парадигм: теория, методология, практика. Казань: ИЯЛИ. С. 63–67.
- Асанканов А. А. (1997) Кыргыз: рост национального самосознания. Бишкек: Мурас. С. 68.
- Багироков Х. З., Блягоз З. У. (2014) К вопросу о понятиях «родной язык» и «неродной язык» // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. Майкоп. 318 с.
- Бикбулатова А. Р. (2012) Этноязыковое поведение татар Кыргызстана (по материалам этносоциологического исследования 2009 г.) // Вестник КНУ им. Ж. Баласагына. Вып. 1. С. 52–58.
- Бикбулатова А. Р. (2014) Лингвокультурное поведение современного татарского населения Кыргызстана (по материалам этносоциологических исследований 2009, 2011 гг.) // Вестник КГУ им. И. Арабаева. Бишкек. С. 43–47.
- Бикбулатова А. Р. (2020) Татары Кыргызстана. Казань: Татар. кн. изд-во. С. 89–93.
- Ибрагимов Г. Х., Зачесов К. Я. (1990) О понятии «родной язык» // Русский язык в национальной школе. № 8. С. 8–12.
- Итоги Первой национальной переписи населения Кыргызской Республики на 1999 г. (2000) // Население Кыргызстана. Бишкек. С. 71.
- Итоговые таблицы о распределении населения по национальности и языку и второму языку народов СССР, которым свободно владеет население по г. Фрунзе и его районам, по РРП за 1970 год (1970). Т. 1. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 33. Ч. VII. Д. 4010. 253 л.
- Мамашева Ж. А. (2015) Языковое положение татарского этноса в городе Каракол // Вестник Иссык-Кульского университета. № 39. Режим доступа: http://nbisu.moy.su/_id/32/3212_ISUMAMASHEVA201.pdf Дата обращения: 12.11.2025.
- Полевая тетрадь № 2. Бишкек. 110 с.
- Полевая тетрадь № 3. Бишкек. 124 с.
- Полевая тетрадь № 4. Каракол. 134 с.
- Сведения о распределении населения по общественным группам, возрасту, грамотности, национальности, отраслям производства по переписи населения Киргизской ССР 1939 года (1939). ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 12. Д. 572. 145 л.
- Сведения Всесоюзной переписи населения по народности, полу, возрасту, грамотности и родному языку в Кирг. АССР. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 21. Д. 33. 265 л.; Д. 34. 259 л.
- Сводные итоги переписи населения 1959 года по Киргизской ССР. ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 31. Ч. II. Д. 4206. 696 л.
- Распределение населения по полу, возрасту, национальности, языку, образованию, состоянию в браке и источнику средств существования по данным ВНП 1979 года по РРП Киргизской ССР (в новых границах) (1979). ЦГА КР. Ф. 105. Оп. 32. ДСП. Д. 35. 123 л.
- Перепись населения и жилищного фонда Кыргызской Республики 2022 года. Книга II в таблицах (2023) // Население Кыргызской Республики. Бишкек. 432 с.
- Численность постоянного населения Кыргызской Республики по отдельным национальностям в 2009–2019 гг. Режим доступа: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> Дата обращения: 12.11.2025.

- Шахнарович А. М. (1991) Родной язык: онтогенетический подход // Русский язык в СССР. № 7. С. 16–18.
- Кыргыз Республикасында 2009-жылы эл жана турак жай фондун каттоо. II китеп (биринчи бөлүм) (2010) // Кыргызстандын калкы. Бишкек. 95-б.
- Іванишин В., Радевич-Винницький Я. (1994) Мова і нація. Дрогобич: Видавнича фірма «Відродження». 218 с.
- Fatih Başkapan (2025) Kirgizistan'da yaşayan Tatar Türklerinin dil tercihleri, sürdürümleri, tutumları ve etnik dilsel canlılıkları: doktora tezi. 209 s.

REFERENCES

- Abdullaev, S.N. (1995) Voprosy yazykovoy zhizni tatar goroda Karakol [Issues of the linguistic life of the Tatars of Karakol]. In: *Tezisy i materialy mezhdunarodnoy nauchno-teoreticheskoy konferentsii po filologicheskim naukam, posvyashchennoy 1000-letiyu eposa «Manas» i pamyati prof. K. Tynystanova, 16–17 oktyabrya, g. Karakol* [Abstracts and proceedings of the International Scientific and Theoretical Conference on Philological Sciences dedicated to the 1000th anniversary of the Manas epic and the memory of Prof. K. Tynystanov, 16–17 October, Karakol]. Karakol, pp. 54–60. (In Russian).
- Abdullaev, S.N. and Abdullaeva, G.S. (2021) Tatarskiy yazyk v novykh usloviyakh mnogoyazychiya v Kyrgyzstane [The Tatar language in the new conditions of multilingualism in Kyrgyzstan]. In: *Tatarovedenie v situatsii smeny paradigm: teoriya, metodologiya, praktika* [Tatar studies in the context of paradigm change: Theory, methodology, practice]. Proceedings of the First International Scientific and Practical Seminar. Kazan: IYaLI, pp. 63–67. (In Russian).
- Asankanov, A.A. (1997) *Kyrgyzy: rost natsional'nogo samosoznaniya* [The Kyrgyz: The growth of national self-consciousness]. Bishkek: Muras. (In Russian).
- Bagirokov, Kh.Z. and Blyagoz, Z.U. (2014) K voprosu o ponyatiyakh «rodnoy yazyk» i «nerodnoy yazyk» [On the concepts of “native language” and “non-native language”], *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Filologiya i iskusstvovedenie* [Bulletin of Adyghe State University. Series 2: Philology and Art History]. Maykop. (In Russian).
- Bikbulatova, A.R. (2014) Lingvokul'turnoe povedenie sovremennogo tatarskogo naseleniya Kyrgyzstana (po materialam etnosotsiologicheskikh issledovaniy 2009, 2011 gg.) [Linguocultural behavior of the modern Tatar population of Kyrgyzstan (based on ethnosociological studies of 2009 and 2011)], *Vestnik KGU im. I. Arabaeva* [Bulletin of I. Arabaev Kyrgyz State University], pp. 43–47. (In Russian).
- Bikbulatova, A.R. (2020) *Tatary Kyrgyzstana* [Tatars of Kyrgyzstan]. Kazan: Tatar Book Publishing House. (In Russian).
- Bikbulatova, A.R. (2012) Etnozyazykovoe povedenie tatar Kyrgyzstana (po materialam etnosotsiologicheskogo issledovaniya 2009 g.) [Ethnolinguistic behavior of the Tatars of Kyrgyzstan (based on the 2009 ethnosociological study)], *Vestnik KNU im. Zh. Balasagyna* [Bulletin of Zhusup Balasagyn Kyrgyz National University], issue 1, pp. 52–58. (In Russian).
- Ibragimov, G.Kh. and Zachesov, K.Ya. (1990) O ponyatii «rodnoy yazyk» [On the concept of “native language”], *Russkiy yazyk v natsional'noy shkole* [Russian Language in the National School], no. 8, pp. 8–12. (In Russian).
- Itogi Pervoy natsional'noy perepisi naseleniya Kyrgyzskoy Respubliki 1999 g. Naselenie Kyrgyzstana* [Results of the First National Population Census of the Kyrgyz Republic of 1999. Population of Kyrgyzstan]. (2000). Bishkek. (In Russian).
- Itogovyte tablitsy o raspredelenii naseleniya po natsional'nosti i yazyku i vtoromu yazyku narodov SSSR, kotorym svobodno vladeet naselenie po g. Frunze i ego rayonam, po RRP za 1970 god*

- [Summary tables on the distribution of the population by nationality, language and second language of the peoples of the USSR spoken fluently by the population of Frunze and its districts, according to the 1970 census]. (1970). Vol. 1. TsGA KR. F. 105. Op. 33. Ch. VII. D. 4010. 253 l. (In Russian).
- Mamasheva, Zh.A. (2015) Yazykovoe polozhenie tatarskogo etnosa v gorode Karakol [The language situation of the Tatar ethnic group in Karakol], *Vestnik Issyk-Kul'skogo universiteta* [Bulletin of Issyk-Kul State University], no. 39. Available at: http://nbisu.moy.su/_ld/32/3212_ISUMAMASHEVA201.pdf (Accessed: 12 November 2025). (In Russian).
- Polevaya tetrad' № 2 – g. Bishkek* [Field notebook No. 2 – Bishkek]. (n.d.). 110 p. (In Russian).
- Polevaya tetrad' № 3, Bishkek* [Field notebook No. 3, Bishkek]. (n.d.). 124 p. (In Russian).
- Polevaya tetrad' № 4, Karakol* [Field notebook No. 4, Karakol]. (n.d.). 134 p. (In Russian).
- Svedeniya o raspredelenii naseleniya po obshchestvennym gruppam, vozrastu, gramotnosti, natsional'nosti, otraslyam proizvodstva po perepisi naseleniya Kirgizskoy SSR 1939 goda* [Information on the distribution of the population by social groups, age, literacy, nationality and branches of production according to the 1939 census of the Kirghiz SSR]. (1939). TsGA KR. F. 105. Op. 12. D. 572. 145 l. (In Russian).
- Svedeniya Vsesoyuznoy perepisi naseleniya po narodnosti, polu, vozrastu, gramotnosti i rodnomu yazyku v Kirg. ASSR* [Information from the All-Union Population Census by nationality, sex, age, literacy and native language in the Kirghiz ASSR]. (n.d.). TsGA KR. F. 105. Op. 21. D. 33. 265 l.; D. 34. 259 l. (In Russian).
- Svodnye itogi perepisi naseleniya 1959 goda po Kirgizskoy SSR* [Summary results of the 1959 population census for the Kirghiz SSR]. (1959). TsGA KR. F. 105. Op. 31. Ch. II. D. 4206. 696 l. (In Russian).
- Raspredelenie naseleniya po polu, vozrastu, natsional'nosti, yazyku, obrazovaniyu, sostoyaniyu v brake i istochniku sredstv sushchestvovaniya po dannym VNP 1979 goda po RRP Kirgizskoy SSR (v novykh granitsakh)* [Distribution of the population by sex, age, nationality, language, education, marital status and source of livelihood according to the 1979 All-Union Population Census for the Kirghiz SSR (within the new boundaries)]. (1979). TsGA KR. F. 105. Op. 32. DSP. D. 35. 123 l. (In Russian).
- Perepis' naseleniya i zhilishchnogo fonda Kyrgyzskoy Respubliki 2022 goda: Kniga II v tablitsakh. Naselenie Kyrgyzskoy Respubliki* [Population and Housing Census of the Kyrgyz Republic 2022: Book II in tables. Population of the Kyrgyz Republic]. (2023). Bishkek. 432 p. (In Russian).
- Chislennost' postoyannogo naseleniya Kyrgyzskoy Respubliki po otdel'nym natsional'nostyam v 2009–2019 gg.* [Permanent population of the Kyrgyz Republic by selected nationalities in 2009–2019]. Available at: <http://www.stat.kg/ru/statistics/naselenie/> (Accessed: 12 November 2025). (In Russian).
- Shakhnarovich, A.M. (1991) Rodnoy yazyk: ontogeneticheskiy podkhod [Native language: An ontogenetic approach], *Russkiy yazyk v SSSR* [Russian Language in the USSR], no. 7, pp. 16–18. (In Russian).
- Kyrgyz Respublikasynda 2009-zhylgy el zhana turay zhai fondun kattoo. II kitep (birinchi bölüm). Kyrgyzstandyn kalky* [Population and Housing Census of the Kyrgyz Republic 2009. Book II (Part One). Population of Kyrgyzstan]. (2010). Bishkek, p. 95. (In Kyrgyz).
- Ivanishyn, V. and Radevych-Vynnyts'kyi, Ya. (1994) *Mova i natsiya* [Language and nation]. Drohobych: Vydavnycha firma «Vidrodzhennya». 218 p. (In Ukrainian).
- Başkapan, F. (2025) *Kirgizistan'da yaşayan Tatar Türklerinin dil tercihleri, sürdürümleri, tutumları ve etnik dilsel canlılıkları* [Language preferences, maintenance, attitudes and ethnolinguistic vitality of Tatar Turks living in Kyrgyzstan]. Doctoral dissertation. 209 p. (In Turkish).

Аниса Р. Бикбулатова

Доктор исторических наук, профессор,
Кыргызский национальный университет им.
Ж. Баласагына,
Бишкек, Кыргызская Республика.

Адрес для корреспонденции:

720077 Кыргызская Республика,
г. Бишкек, ул. Тыналиева, д. 36/9.

Эл. адрес: tataroved.anisa@yandex.com
<https://orcid.org/0009-0003-4638-9541>

Anisa R. Bikbulatova

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Kyrgyz National University named after
J. Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyz Republic.

Correspondence address:

36/9 Tynaliev Street,
Bishkek 720077,
Kyrgyz Republic.

Email address: tataroved.anisa@yandex.com
<https://orcid.org/0009-0003-4638-9541>

Для цитирования: *Бикбулатова А.Р.* Татарский язык в Кыргызстане: динамика функционального развития и сферы применения // Социолингвистика. 2026. № 2. С.116–137. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-06

For citation: *Bikbulatova A.R.* The Tatar language in Kyrgyzstan: dynamics of functional development and domains of use // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 116–137. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-06

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.09.2025;
approved after reviewing 17.06.2026;
accepted for publication 26.08.2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-07>

МНОГОЯЗЫЧИЕ ПИСЬМЕННОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛОРУССКИХ ТАТАР

УДК 811.161.3, 811.162.1,
811.512.161, 811.411.21

Ирина А. Сынькова

Центр исследований
белорусской культуры,
языка и литературы
Национальной академии
наук Беларуси,

Минск,
Республика Беларусь

Михаил В. Тарелко

Центр исследований
белорусской культуры,
языка и литературы
Национальной академии
наук Беларуси,

Минск,
Республика Беларусь

Аннотация

Белорусские татары вместе с польскими и литовскими составляют одну этноконфессиональную общность. Их предки – татары Великого княжества Литовского (ВКЛ) – оформились в единую этноконфессиональную группу из разрозненных групп тюркских мигрантов на территории княжества в период к. XIV–XVI вв. В результате культурной и языковой ассимиляции появились литовские татары – славяноязычные мусульмане ВКЛ тюркского происхождения. Своеобразный синкретизм культуры белорусских татар наиболее полно зафиксирован в их арабографическом письменном наследии.

Языковое многообразие, представленное в рукописях белорусских татар, отражает конфессиональную принадлежность и сложный путь их историко-культурного развития. Значимыми являются арабские тексты, важные для религиозной деятельности. Большинство тюркских текстов написано на османско-турецком языке, однако есть и тексты, содержащие кыпчакские элементы, а также тексты, вероятно, среднеазиатского происхождения. Тексты на славянских (белорусском, польском и русском) языках в основном представляют собой переводные произведения или короткие комментарии к молитвам на восточных языках, в редких случаях это оригинальные сочинения. В виде отдельных лексических вкраплений в текстах присутствуют персидский, литовский и церковно-славянский языки. Рукописное наследие белорусских татар составляет значительный массив источников XVII–XX вв., исследованных пока в незначительной степени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: белорусские татары, арабографическая письменность, тюркские языки, славянские языки, мультилингвизм

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-07>

MULTILINGUALISM OF THE WRITTEN HERITAGE OF THE BELARUSIAN TATARS

УДК 811.161.3, 811.162.1,
811.512.161, 811.411.21

Irina A. Synkova

The Center for the
Belarusian Culture,
Language and Literature
researches of the National
Academy of Sciences of
Belarus,

Minsk, Republic of Belarus

Michail V. Tarelko

The Center for the
Belarusian Culture,
Language and Literature
researches of the National
Academy of Sciences of
Belarus,

Minsk, Republic of Belarus

Abstract

Belarusian Tatars, together with Polish and Lithuanian Tatars, constitute a single ethnoconfessional community. Their ancestors, the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania (GDL), emerged as a distinct ethnoconfessional group from disparate groups of Turkic migrants who settled in the territory of the Grand Duchy between the late fourteenth and sixteenth centuries. As a result of cultural and linguistic assimilation, the Lithuanian Tatars developed into a Slavic-speaking Muslim community of Turkic origin within the GDL. The distinctive cultural syncretism of the Belarusian Tatars is most fully documented in their Arabic-script manuscript heritage.

The linguistic diversity represented in the manuscripts of the Belarusian Tatars reflects both their religious affiliation and the complex trajectory of their historical and cultural development. Arabic texts occupy an important place in this heritage because of their role in religious practice. Most Turkic texts are written in Ottoman Turkish; however, there are also texts containing Kipchak elements, as well as texts that are likely to be of Central Asian origin. Texts in Slavic languages, Belarusian, Polish, and Russian, are mainly translations or brief commentaries on prayers composed in Eastern languages; only rarely do they represent original works. Persian, Lithuanian, and Church Slavonic also occur in the form of isolated lexical elements. The manuscript heritage of the Belarusian Tatars constitutes a substantial corpus of sources dating from the seventeenth to the twentieth centuries, which has so far been studied only to a limited extent.

KEYWORDS: Belarusian Tatars, Arabic script, Turkic languages, Slavic languages, multilingualism

1 | Введение

Белорусские татары представляют собой часть этноконфессиональной общности, которую в научной литературе с XIX в. называли *литовскими татарами*, понимая под *Литвой* бывшее Великое княжество Литовское (ВКЛ). В геополитических реалиях XX века термин «литовские татары» уже становится не вполне корректным. Территория, на которой проживали татары и которая до этого времени на протяжении веков находилась внутри одного государства – будь то ВКЛ, Речь Посполитая или Российская империя – оказалась разделенной границами разных стран: Польши, Литвы, Беларуси. В соответствии с этим разделением возникли обозначения: литовские (уже в более узком национальном значении) татары, белорусские татары и польские татары. Родственные связи, общее историческое прошлое и сегодня еще поддерживают внутри этих ветвей чувство принадлежности к единой этноконфессиональной группе, но сохранению этой уникальной общности угрожают разные внешние процессы. С одной стороны, в сфере общественного сознания и повседневной культуры постепенно накапливаются различия между белорусскими, литовскими и польскими татарами в силу их естественной вовлеченности в социокультурные процессы своих стран. С другой стороны, происходит постепенная утрата культурной уникальности данной этноконфессиональной группы вследствие растворения ее в более широком, полиэтническом мусульманском сообществе в результате увеличения количества мигрантов из других мусульманских регионов, смешанных браков и усиления универсализирующего влияния религиозных правил.

Описывая татарские манускрипты, приходится использовать разные термины для обозначения создателей этих книг: «татары ВКЛ» (для периода до конца XVIII в.) или «татары бывшего ВКЛ» (преимущественно для XIX – начала XX вв.), понимая, что это общее культурное наследие сегодняшних белорусских, литовских и польских татар. Однако при рассмотрении исторических и культурных процессов более позднего времени (начиная с периода после Первой мировой войны) уже возникает необходимость конкретизировать, о каких группах татар идет речь, так как социально-политические и культурные условия в странах их проживания существенно отличались. Вариативность напрямую затрагивала и сферу разговорного языка; в настоящее время это польский язык у польских татар, литовский (и отчасти русский) – у литовских, белорусский и русский – у белорусских татар⁴⁰.

⁴⁰ Белорусские татары старшего возраста, которые до Второй мировой войны обучались в польской школе, как правило, сохранили знание польского языка.

Возвращаясь к названию «литовские татары» как синониму «татары ВКЛ», следует отметить, что в XIX и начале XX вв. этот термин для научных публикаций был максимально релевантен. Прежде всего, он отделял в общественном сознании татар бывшего ВКЛ от других тюркских народов с таким же названием, проживавших в разных регионах Российской империи – в Сибири, Поволжье, Крыму и на Северном Кавказе. На тот момент определение «литовские» являлось корректным идентификационным маркером, напрямую коррелирующим с социокультурными особенностями рассматриваемой этноконфессиональной группы, которая формировалась на территории ВКЛ и – что более важно – в условиях специфического социально-политического уклада. На протяжении длительного периода (от конца XIV и до начала XVII в.) разрозненные группы мигрантов или военнопленных из разных тюркоязычных регионов Восточной Европы оседали в Литовском государстве. Существовавший в ВКЛ де-факто режим религиозной толерантности позволял переселенцам сохранять свое вероисповедание и препятствовал существенным конфликтам и преследованиям на религиозной почве практически до конца XVI в. В рамках единого общества каждая конфессия формировала свой вариант культуры с некоторыми отличиями в сфере ритуальной практики⁴¹.

2 | Языковая ситуация в процессе формирования этноконфессиональной общности татар Великого княжества Литовского (ВКЛ)

Первые два столетия существования татарско-мусульманских общин на землях ВКЛ слабо освещены в исторических материалах. На основе ограниченного числа скудных и фрагментарных сообщений из нарративных источников, к тому же в большинстве случаев значительно более поздних, чем описываемые события, можно приблизительно обозначить период формирования этноконфессиональной группы татар ВКЛ от конца XIV до середины XVII вв. На протяжении этого периода в княжество прибывали отдельные группы переселенцев из разных регионов⁴². Эти группы, видимо, были более или менее крупные, что

⁴¹ Подавляющая часть населения ВКЛ были христиане различных конфессий. Значительные по численности этноконфессиональные меньшинства составляли иудеи (евреи), мусульмане (татары) и караимы.

⁴² Начало татарским поселениям, согласно польско-литовским хроникам, положила миграция большой группы татар, приведенных великим князем Витовтом из Поволжья. Польский автор Ян Длугош в своей хронике описывает это событие в 1397 г. [Tyszkiewicz, 1989: 148]. После сражения под Клецком в 1506 г. пленные крымские татары были поселены в Клецке, Минске и других местах. Известно также про несколько случаев добровольной иммиграции. В середине XVI в. в ВКЛ прибыли две группы переселенцев после завоевания Иваном Грозным Казани и Астрахани [Tyszkiewicz, 1989: 168]. Последняя значительная группа мигрантов прибыла в 1637 г. из Буджака. А. Зайончковский обратил внимание на схожесть названий татарских воинских подразделений (*хоронгв*) – найманская, ялаирская, кондратская – и названий некоторых тюркских племен –

позволяло их компактно размещать в небольших поселениях или в отдельных районах городов, чаще на окраинах. Тюркское происхождение и, возможно, в большей степени общее вероисповедание способствовали установлению связей, в т. ч. брачных, между отдельными общинами и, в конечном счете, слиянию их в единое целое. На протяжении веков исходные этнокультурные (племенные) различия сглаживались. Одновременно переселенцы усваивали формы существования в новом для них социально-политическом устройстве, а также особенности быта и культурные традиции местного населения. Два параллельно развивающихся социокультурных процесса: консолидация внутри татарско-мусульманской общины и интеграция татар в общество ВКЛ – в результате создали достаточно однородную по характеру культуры этноконфессиональную группу *литовских татар*, или татар ВКЛ.

Культурная и языковая ассимиляция с доминирующим славяноязычным окружением, с одной стороны, сделала их частью социального организма ВКЛ, с другой – привела к разрыву с языком и традициями предков, которые некогда переселились на эти земли. Для потомков тюркских мигрантов родным языком становился язык местного населения – сначала белорусский, который доминировал в Великом княжестве практически до конца XVI в., в дальнейшем для некоторых татарских общин также и польский, по мере усиления позиций польского языка в общественной жизни ВКЛ.

Процесс языковой ассимиляции татар практически не задокументирован. Все высказывавшиеся по этому поводу мнения представляют собой предположения в большей или меньшей степени вероятные – от мифов, возникших еще в XIX в. из-за недостаточности исторических источников⁴³, до более серьезных и взвешенных гипотез, опирающихся не только на чисто лингвистические подходы к пониманию языковых процессов, но и учитывающих различные социокультурные факторы, а также известные исторические факты. Среди причин утраты татарами ВКЛ тюркского (кыпчакского) языка в качестве разговорного назывались военная служба, стремление к равенству с местной шляхтой, политическое и религиозное давление, а также тот факт, что именно арабский, а не тюркский язык был языком Священного Писания (Корана) [Woronowicz, 1935: 352]. Главной же причиной, видимо, стала

найман, конграт, ялаир и др. [Zajęczkowski, 1935: 207]. При этом конграт и джалаир были по происхождению тюркизованными монгольскими племенами [Греков и др., 1950: 297–289]. Название рода *найман* встречается среди ногайцев [Баскаков, 1940: 138, 141–142] и других тюркских народов. Кроме того, позднее в этногенезе татар ВКЛ могли принять участие и турки [Zajęczkowski, 1935: 210–211].

⁴³ Автор историко-культурного очерка о *литовских татарах* А. О. Мухлинский объяснял утрату тюркского языка смешанными браками мигрантов с местными женщинами [Мухлинский, 1857: 29]. Вероятно, под влиянием Мухлинского ту же причину перехода татар ВКЛ на славянский язык называли С.М. Шапшал [Szapszał, 1932: 40], А. Зайончковский [Zajęczkowski, 1935: 211] и другие исследователи.

упомянутая выше этническая неоднородность мигрантов и изначального отсутствия у них единого языка [Łapicz, 1986: 52–54]. В сложившейся ситуации белорусский язык использовался не только при общении с местным населением, но и для контактов между представителями разных групп внутри татарско-мусульманского сообщества [Zakrzewski, 2005: 208].

Однако и тюркский язык вышел из употребления у татар не так быстро, как представлялось это А. Мухлинскому, согласно «брачной теории» которого потомки мигрантов уже в первом поколении должны были перейти на родной язык своих славянских матерей. Однако есть основания полагать, что татары ВКЛ продолжали пользоваться разными тюркскими диалектами в качестве разговорного языка внутри отдельных общин достаточно долго. Польский автор Матвей Меховский в начале XVI в. отмечал, что татары, живущие около Вильно (Вильнюса), разговаривают по-татарски [Меховский, 1936: 109]. Вполне возможно, что какое-то знание своего тюркского языка, сохранявшееся даже в XVII в., помогало понимать и турецкий язык. Сегодня известно о двух манускриптах татар ВКЛ XVII в., содержащих перевод Корана на турецкий язык⁴⁴. Изучая письменное наследие татар ВКЛ, С. М. Шапшал еще в 30-е гг. XX в. пришел к выводу, что тюркский (кыпчакский) язык продержался среди потомков мигрантов до конца XVII в. [Szapszał, 1932: 38]. Также высказывалось мнение, что знание арабского, турецкого (а, значит, и татарского) языков могло поддерживаться среди образованной части татар бывшего ВКЛ даже в XIX в. [Klucz do raju, 2000: 26].

Однако, какова бы ни была реальная ситуация с тюркскими языками внутри татарско-мусульманского сообщества ВКЛ, можно с уверенностью утверждать, что не позднее XVII в. славянский (белорусский и/или польский) язык стал для них основным разговорным и литературным языком. К этому столетию восходят самые ранние из сохранившихся до настоящего времени памятники татарской письменности, которые включают тексты на белорусском и польском языках. Существование славяноязычной литературы в более ранний период – на сегодня вопрос дискуссионный, хотя некоторые исследователи-слависты предполагают, что она возникла еще в XVI в. [Антонович, 1968: 12; Łapicz, 1991: 155]. К этому также можно добавить замечание Ш. Акинер о том, что татары пользовались белорусским языком «с легкостью и уверенностью природных носителей» [Akiner, 2009: 356–360].

По причине недостаточности внешних свидетельств именно письменные памятники татар ВКЛ являются основным источником информации об их языке начиная с XVII в. При

⁴⁴ Более подробно об этом ниже.

этом изучение письменного наследия татар ВКЛ и их потомков – белорусских татар – позволяет представить языковые процессы, происходившие не только в среде татар, но и в окружающем их обществе, так как их разговорный язык в значительной степени определялся общей языковой ситуацией. Белорусско-польская диглоссия, установившаяся в княжестве, при неуклонном усилении позиций польского языка на протяжении XVII–XIX вв. по-разному проявлялась в различных социальных группах. Проживание в городе или сельской местности, сословная и конфессиональная принадлежность, социальный статус, уровень образования определяли доминирование белорусского или польского языка в каждой конкретной группе. При этом оба языка, взаимно влияя друг на друга, претерпевали изменения. Белорусский язык вобрал много полонизмов, многие из которых сохранились до настоящего времени. Польский язык в ВКЛ отличался от того, который существовал в Польском королевстве.

3 | Языки письменных памятников белорусских татар

Белорусские татары получили от своих предков – татар ВКЛ – обширный фонд рукописных книг и продолжили традицию религиозной письменности вплоть до начала XXI века. В рукописных книгах XVII–XXI вв. можно встретить тексты на арабском языке, нескольких тюркских и нескольких славянских языках. Многоязычие белорусско-татарской письменности отражает социокультурные реалии, в которых оформлялась и разворачивалась история рассматриваемой этноконфессиональной группы.

3.1 Арабский язык

Конфессиональная принадлежность обусловила присутствие в рукописном наследии белорусских татар арабоязычных текстов. Прежде всего, это манускрипты, содержащие источник вероучения – Коран, а также различные тексты, связанные с ритуальной практикой (*дуа*, *ниеты* и др.). Татарская школа, какой она описана в XX в. и какой, вероятно, была также ранее, знакомила не только с основами вероучения и религиозной морали, но и с арабской письменностью и вырабатывала навыки чтения и письма арабографического текста, независимо от языка, на котором он был написан. Изучение арабского языка в программу не входило, и для подавляющего большинства белорусских татар как в прошлом, так и в настоящее время этот язык был непонятен. Необходимые для намаза молитвы выучивались наизусть. В других случаях, в рамках того или иного ритуала, соответствующие тексты просто зачитывались вслух с листа из своеобразных молитвенников – *хамашлов*. Для знакомства с содержанием Корана создавались переводы. Этого было достаточно для основной массы верующих, которые свою исламскую идентичность актуализировали преимущественно

посредством участия в ритуальной практике и поддержания культурных традиций, сопровождающих религиозный календарь.

Тем не менее среди татар ВКЛ, несомненно, были и знатоки арабского языка, например, те, кто переводили с арабского языка Коран и литургические тексты [Suter, 2004: 35]. Современные исследователи не исключают, что татары могли быть авторами некоторых произведений компилятивного характера на классическом арабском языке [Drozd, 1999: 47, 70; Drozd, 2000: 19].

3.2 Тюркские языки

Принимая во внимание историю становления белорусско-татарской этноконфессиональной группы, можно было бы ожидать, что письменное наследие белорусских татар сохранило тексты на языках их предков. Однако реальная ситуация с тюркскими языками в белорусско-татарских рукописях намного сложнее и проблематичнее.

3.2.1 Проблема языка тюркских мигрантов в ВКЛ

Предки белорусских татар начали прибывать в XIV в. на земли Великого княжества Литовского с территории обширного полиэтнического государства Золотая Орда. Среди переселенцев могли быть представители различных этносов⁴⁵, населявших просторы этой державы, включая носителей монгольского языка. Но большинство мигрантов говорило, предположительно, на диалектах кыпчакской группы тюркских языков. Такое мнение высказывалось достаточно давно [Александрович-Насыфи, 1927: 150], и эта точка зрения вполне согласуется с историческими реалиями: известно, что кыпчаки составляли основную часть тюркского населения Золотой Орды. В подтверждение этой гипотезы исследователи ссылались на кыпчакский характер некоторых тюркизмов, сохранившихся в языке татар бывшего ВКЛ [Zajęzkowski, 1935: 204–205, 214; Дубинский, 1972: 85, 88]. Однако высказывались и критические замечания относительно возможности связать эти тюркизмы с конкретным тюркским языком [Woronowicz, 1935: 352]. Тем не менее, сегодня гипотеза о кыпчакском происхождении большей части предков современных белорусско-литовско-

⁴⁵ О финском элементе в этногенезе татар ВКЛ упоминал Талько-Грынцевич [Talko-Hryniewicz, 1924: 61, 94, 96]. Кроме того, в конце XIX в. сообщалось о дагестанском происхождении некоторых татарских родов ВКЛ [Tuhan-Baranowski, 1896: 47, 60]. Несмотря на отсутствие подтверждений, это положение было принято некоторыми позднейшими исследователями [Talko-Hryniewicz, 1924: 22, 44, 59, 60, 94; Stankiewicz, 1933–1934: 357; Черенков, 1983: 67]; см. также [Думин, 1991: 41].

польских татар остается основной как наиболее логичная⁴⁶. В качестве разговорного языка эти диалекты, как было отмечено выше, могли достаточно долго сохраняться внутри татарских общин, чему способствовали условия компактного проживания татар на землях ВКЛ. Можно предположить, что до конца XVI в. у них существовала славянско-тюркская диглоссия – тюркский язык или диалект внутри общины, белорусский или польский для бытовой коммуникации с населением княжества или на официальном уровне. И, видимо, только в XVII в. происходит окончательный переход на славянский язык, когда большинству татар ВКЛ становятся непонятны тюркские языки, включая религиозные тексты, важные для сохранения религиозной идентичности. Это неизбежно должно было дать стимул к развитию переводческой деятельности, и в результате у татар начала складываться славяноязычная литература.

3.2.2 Вопрос о присутствии крымскотатарского и казанскотатарского языков в письменном наследии белорусских татар

Исходя из упомянутых исторических фактов относительно этногенеза белорусских татар, близость языка их предков к казанскотатарскому и крымскотатарскому кажется изначально само собой разумеющейся настолько, что эта тема ожидаемо затрагивалась в научных публикациях. Известный российский тюрколог Н. А. Баскаков писал, что «генетически связаны с диалектами крымскотатарского языка также диалекты татар белорусских и литовских», имея в виду под последними, видимо, разговорный язык первых поколений тюркских мигрантов до того, как они полностью славянизировались в языковом отношении [Баскаков, 1969: 282]. Польский исследователь А. Дубинский считал, что казанскотатарский и крымскотатарский языки не могли не повлиять на язык татар ВКЛ [Дубинский, 1972: 86]. О том, что татары ВКЛ знали крымскотатарский язык, писал и другой польский ученый А. Дрозд [Drozd, 1997: 5]. Безусловным доказательством этих предположений могли бы стать тексты на упомянутых языках в манускриптах татар ВКЛ, но такие свидетельства практически отсутствуют. В свое время российский тюрколог А. Н. Самойлович счел крымскотатарскими тюркские молитвы-*нийеты*, обнаруженные им на одном из листов литовскотатарского тафсира 1857 г. из библиотеки Восточного факультета Ленинградского (ныне Санкт-Петербургского) университета (шифр 867) [Самойлович, 1926:

⁴⁶ Например, Ч. Лапич называет языком тюркских мигрантов в ВКЛ “совокупность кыпчакских диалектов” [Łapicz, 1986: 33–39].

4]. Однако с такой интерпретацией трудно согласиться ввиду краткости этих текстов и из-за отсутствия в них черт, характерных только для крымскотатарского языка.

В целом можно констатировать, что в составе известных на данный момент науке рукописных материалов белорусских татар ни один тюркоязычный текст не верифицируется однозначно как крымскотатарский или казанскотатарский.

3.2.3 Чагатайский, древнеуйгурский и хорезмийско-тюркский языки

Я. Шинкевич в одной из публикаций описал *хамаил*, с которым познакомился в Слониме. Он отметил, что в этом манускрипте комментарии были написаны не на белорусском или польском языке, как это часто бывает в такого рода книгах, а на тюркском языке, который исследователь определил как чагатайский или восточно-турецкий [Szyrkiewicz, 1935: 141–142]. К величайшему сожалению, дальнейшая судьба этой уникальной рукописи, которую С. Шинкевич назвал «предком всех хамаилов», неизвестна.

Польский тюрколог А. Зайончковский в своей статье, посвященной хамаилу начала XIX в. из фондов библиотеки Варшавского университета, написал, что тюркские тексты в татарских рукописях образуют два пласта: ранний – старобуйгурского или восточнотурецкого происхождения (он считал термин «чагатайский» некорректным для этого языка) и поздний – османско-турецкого. Он объяснял наличие раннего пласта влиянием Туркестана (т.е. Средней Азии) и Золотой Орды в XIV–XV вв., а позднего – влиянием Османской империи в XVI–XVIII вв.⁴⁷ А. Зайончковский привел фрагмент текста на старобуйгурском языке из исследованного им хамаила [Zajaczkowski, 1951: 311]. Позднее этот фрагмент был переиздан российским тюркологом Э. Р. Тенишевым, который определил язык этого фрагмента как хорезмийско-тюркский [Тенишев, 1997: 3]. Однако в польской научной литературе продолжает использоваться термин «чагатайский» [Drozd, 1993: 48], в том числе, по отношению к названному фрагменту. К древнему пласту текстов принадлежат также нийеты к 36-й суре, которые датируются XIV–XV вв. А. Дрозд считает, что корректно все эти тексты называть кыпчакскими, а не чагатайскими или старобуйгурскими [Drozd et al., 2000: 19].

Среди немногочисленных лексем тюркского происхождения, которые сохранились в языке белорусских татар, как минимум одно слово имеет, по терминологии А. Зайончковского, «старобуйгурское» происхождение, – *аджик* («чтение арабографичного текста по слогам») [Zajaczkowski, 1951: 312].

⁴⁷ О турецко-османском влиянии, которое с XVI в. пришло на смену золотоордынскому, писал еще С. Крычинский [Kryczyński, 1938: 230].

3.2.4 Османско-турецкий язык

Османско-турецкие тексты составляют, как уже было отмечено ранее, более поздний пласт тюркских текстов в рукописях белорусских татар. В хамаилах встречаются молитвы на этом языке. В некоторых *китабах*⁴⁸ можно найти поэму Мирад-намэ на турецком языке с подстрочным переводом на белорусский [Антонович, 1968: 12; Несцяровіч, 2025]. Тюркский язык этой поэмы отмечен некоторыми архаизмами, которые, по мнению А. Дрозда, присущи османско-турецкому языку до XVI в. [Drozd et al., 2000: 19]⁴⁹.

Известны также два манускрипта, содержащие подстрочный перевод Корана на турецкий язык. Один (к. XVI – нач. XVII вв.) с полным переводом всех сур находится в частном собрании [Drozd et al., 2000: 48]. Второй – Минский тафсир⁵⁰ 1686 г., хранящийся в Центральной научной библиотеке НАН Беларуси (шифр Р214) – содержит турецкий перевод только со 2-й⁵¹ по 18-ю суру (начиная с 19-й суры идет перевод на польский язык)⁵².

Таким образом, можно констатировать, что тексты на тюркских языках в белорусско-татарском рукописном наследии отражают не столько разговорный язык предков белорусских татар, сколько некоторые литературные тюркские языки. При этом подавляющее большинство тюркских текстов написаны на османско-турецком языке. Из него же пришло наибольшее количество специфической лексики в разговорный славянский язык белорусских татар. Британская исследовательница Ширин Акинер, изучавшая религиозную лексику китаба первой половины XIX в., пришла к заключению, что тюркизмы в белорусских текстах этого сборника имеют османско-турецкое происхождение [Akiner, 2009: 345]. Александрович-Насыфи в начале XX в. отмечал, что немногочисленные тюркизмы, сохранившиеся в разговорном языке белорусско-литовско-польских татар, имеют южнотюркскую (т. е. огузскую), а не западнотюркскую (т. е. кыпчакскую) окраску [Александрович-Насыфи, 1927: 5].

После всего сказанного можно считать курьезом обозначение тюркского языка в рукописях татар ВКЛ термином *литовско-татарский* [Дмитриева, 1978: 299]⁵³.

⁴⁸ Китабами (от арабского *kitab* – «книга») в традиционной книжности татар ВКЛ называлась категория манускриптов, содержащих различные произведения, преимущественно религиозно-дидактического характера.

⁴⁹ Об этом произведении см. также [Durgut, 2015].

⁵⁰ В переводе с арабского «комментарий», но в религиозной литературе татар ВКЛ это прежде всего перевод (Корана).

⁵¹ Рукопись повреждена, отсутствуют первые листы.

⁵² Об особенностях турецкого перевода в Минском тафсире см. [Jankowski, 2015: 153–158].

⁵³ Ср. [Иванов, 2003: 174–275], где понятие «литовско-татарский (кыпчакский)» язык включает также армяно-кыпчакский язык. На с. 283 их язык назван «польско-литовско-татарским тюркским (кыпчакским)».

Тюркское языковое наследие в специфической форме сохранилось в ритуальной практике белорусских татар. Еще в 30-е гг. XX в. исследователи обратили внимание на «тюркский способ произношения» арабских слов, который сохранился, несмотря на сотни лет славянского (белорусского и польского) влияния [Woronowicz, 1935: 352]. Своеобразная фонетическая окраска при чтении арабских текстов, в том числе и Корана, сохранилась до настоящего времени у белорусских татар пожилого возраста, тех, кто прошел обучение в традиционных татарских школах.

3.3 Славянские языки

В основном славяноязычные тексты в рукописном наследии белорусских татар представлены в двух видах: переводные произведения с турецкого или арабского языков⁵⁴ и разного рода пояснения и комментарии (к молитвам, ритуалам, знахарским практикам и пр.) в хамаилах. В редких случаях можно предполагать оригинальное творчество белорусско-татарских авторов. Кроме того, исследования выявили проникновение в памятники белорусско-татарской письменности целого ряда текстов славянского происхождения, в частности, переводов Библии на польский язык (Симона Будного 1572 г., Брестской Библии 1563 г., Гданьской Библии 1632 г., Псалтыря Яна Кохановского 1579 г. [Тарэлка и др., 2009], а также других произведений религиозного [Drozd, 1997] или фольклорного [Сынкова, 2012] характера.

Славяноязычные тексты написаны преимущественно на белорусском и польском языках, в очень небольшом объеме – на русском (только в некоторых рукописях конца XIX–XX вв.)⁵⁵. Дискуссионным остается вопрос о присутствии в рукописном наследии татар ВКЛ

⁵⁴ Можно отметить определенное влияние восточных языков на переводные славяноязычные произведения. В переводах с турецкого языка сохраняется в определенной мере структура турецкого предложения. В польскоязычном тафсире (переводе Корана) П. Сутер отметил следование арабскому порядку слов (перевод по принципу “слово-за-словом”) [Suter, 2004: 43].

⁵⁵ После разделов Речи Посполитой и включения белорусских земель в состав Российской империи русский язык начинает проникать в повседневную речь населения бывшего ВКЛ. Это нашло свое отражение в белорусско-татарских рукописях как в виде отдельных русизмов, так и целых текстов. В фондах государственных книгохранилищ Беларуси хранятся два документа, которые содержат арабографические тексты на русском языке: хамаил (к. XIX в., библиотека Белорусского государственного университета культуры и искусства, шифр 329987) и рукописная таблица (к. XIX–нач. XX вв., Гродненский государственный музей истории религии, шифр КП 4736). Известно также о наличии русскоязычных арабографических текстов в некоторых рукописях, преимущественно XX в., из частных собраний.

украинского языка⁵⁶. В составе белорусских текстов изредка встречаются выражения церковнославянского происхождения⁵⁷.

Соотношение белорусского и польского языков в рукописях татар ВКЛ отражает с некоторым запаздыванием общую динамику языковой ситуации в ВКЛ после объединения с Королевством Польским в государство Речь Посполитая (1569 г.). Не смотря на то, что в XVII в. в официальной сфере объединенного государства польский язык уже доминирует, в татарских манускриптах XVII в. еще продолжают превалировать белорусские тексты. На протяжении XVIII–XIX вв. в татарской письменности увеличивается количество польских текстов и становится заметней их влияние на язык белорусских текстов. При этом, как считал А. К. Антонович [Антонович, 1968: 22–23], некоторые польскоязычные тексты представляли собой переводы с белорусского. К тому же заключению пришел Д. Севрук, исследуя памятник османско-турецкой литературы «Джавагиру-ль-ислам» в переводах на белорусский и польский языки [Сеўрук, 2024: 108].

3.3.1 Белорусский язык

Белорусский язык в рукописях белорусских татар представлен преимущественно в диалектной форме. А. К. Антонович выявил в изученных им рукописях тексты на различных говорах юго-западного диалекта белорусского языка, а также на среднебелорусских говорах и полоцких говорах северо-восточного диалекта [Антонович, 1968: 354–355]. Эти выводы и наблюдения можно отнести и к другим рукописным памятникам, открытым и исследованным уже после А.К.Антоновича. Однако в некоторых белорусскоязычных текстах ощущается значительное влияние орфографии старобелорусских кириллических текстов. Наиболее ярким примером является китаб конца XVIII – начала XIX вв. из частного собрания (Тафсіры... 2020, с. 27–30) [Тарэлка, 2011: 33–40].

⁵⁶ История вопроса восходит к А. О. Мухлинскому, который в своем очерке назвал язык одного из опубликованных им фрагментов как “волынско-украинское наречие” [Мухлинский, 1857: 68]. Многие авторы, писавшие после него об украинском языке в рукописном наследии татар ВКЛ, скорее повторяли его мнение [Карский, 1962: 462; Talko-Nrupsewicz, 1924: 56; Самойлович, 1926: 5]. Однако А.К.Антонович своим детальным лингвистическим анализом не только этого фрагмента, но целого ряда манускриптов XVII–XIX вв. доказал, что украинский язык не представлен в рукописях татар былого ВКЛ [Антонович, 1968: 28]. После этой публикации, тем не менее, продолжают звучать заявления об использовании татарами украинского языка в качестве разговорного наряду с белорусским и польским [Wexler, 1973: 43; Векслер, 2004: 51; Danylenko, 2006.], высказывается смелое, но малообоснованное мнение о «волинском происхождении» польского перевода Корана [Темчин, 2020] (критический разбор этой гипотезы см. [Несцяровіч, 2023]).

⁵⁷ Например, с использованием церковнославянского деепричастия настоящего времени, не свойственного белорусскому языку: **w cequščiḥ wādāḥ** “в текущих водах”; **pri cequščiḥ reqāḥ** “при текущих реках”. Ср. также [Akiner, 2009: 99; Несцяровіч, 2025: 188].

Отчетливая диалектная принадлежность (случко-мозырские говорки) белорусских текстов в самых ранних рукописях (XVII в.) (Лейпцигском хамаиле, Казанском китабе, рукописи (шифр 893) из библиотеки Восточного факультета Санкт-Петербургского университета) позволяет локализовать ту часть Беларуси, где, видимо, ранее всего оформилась арабографическая письменность на белорусском языке. Это территория современных Глусского района Могилевской области, Любанского и Слуцкого районов Минской, а также Калинковичского района Гомельской области [Антонович, 1968: 117, 129, 171].

Высказывалось мнение о существовании особого татарского конфессионального диалекта белорусского языка [Wexler, 1973: 44–45]. Однако Ш. Акинер пришла к выводу, что татары не создали отдельного языка или диалекта креольского или пиджин типа, а пользовались стандартным белорусским и польским языками. По ее мнению, религиозный язык белорусских татар может быть охарактеризован как «социолект», развившийся в виде дополнения к стандартному языку, а не в качестве альтернативы. Татары ввели некоторое количество ориентализмов (преимущественно исламская терминология) в свой вариант белорусского языка.. В отдельных славянских лексемах произошли семантические сдвиги (например, «спáсенне» в значении «награда», «пець» в значении «декламировать») [Akiner, 2009: 352; Несцяровіч, 2025: 211–214]. Иногда встречаются славянские лексемы, не зафиксированные в других источниках [Akiner, 2009: 356–360] (например, *судзицель* – «судья» [Akiner, 2009: 188], *адпосьнікацца* – «закончить пост» [Akiner, 2009: 286].

Белорусский язык в настоящее время сохраняется в качестве разговорного у части татарского населения преимущественно в сельской местности.

3.3.2 Польский язык

Польский язык в рукописях белорусских татар представлен в форме территориального варианта, получившего распространение на белорусских землях ВКЛ, так называемой *польщизне крэсовой* (*polszczyzna kresowa*). Польские тексты, как и белорусские, встречаются уже в таких манускриптах XVII в., как Минский тафсир 1686 г. (P214), Лейпцигский хамаил (первый аллигат, состоящий из девяти листов), Псковский Коран (глоссы⁵⁸). Минский тафсир интересен еще и тем, что в нем содержится самый ранний список польского перевода Корана. Этот перевод, судя по колофону в манускрипте, был сделан во второй половине XVII в. имамом мусульманской общины города Минска Урьяшем ибн Исмаилом [Drozd, 2004; Тарэлка, 2006;

⁵⁸ О глоссах в Псковском Коране см. [Тарэлка, 2013].

Сеўрук, 2015]. Нельзя также исключить (с учетом косвенных данных), что польскоязычные тексты могли быть у татар ВКЛ уже в XVI в. [Łapicz, 1986: 62–64; Тарэлка и др., 2009: 22].

Язык изученных и опубликованных арабографических польских текстов содержит ряд фонетических, морфологических и синтаксических особенностей, характерных для польских сельских говоров Вильнюсского края, возникших в результате адаптации регионального варианта польского литературного языка Великого княжества Литовского. Таким образом, польский язык в рукописях татар ВКЛ можно определить как устную форму регионального варианта польского литературного языка, получившего вторичную (арабографическую) фиксацию.

3.4 Другие языки

3.4.1 Литовский язык

Несмотря на название – *литовские* татары – и исторические свидетельства⁵⁹ об использовании татарами литовского разговорного языка, в их рукописном наследии литовский язык практически отсутствует. В настоящее время известен только один небольшой текст на этом языке – заклинание от укуса змеи [Tarelka et al., 2014]. В остальном – это отдельные случаи возможного влияния литовской фонетической системы (например, **qce** [kse] вместо [hse] «хочет» по причине отсутствия в литовском языке звука [h]).

3.4.2 Персидский язык

Указание на связи письменного наследия татар ВКЛ с персидской литературой можно найти уже среди самых ранних рукописей. В Казанском китабе (XVII в.) можно прочесть, что один из текстов является переводом «с фарсийского и турецкого языков» (Мәжмуга, 1645, с. 41). О спорадически встречающихся персидских текстах писал польский исследователь А. Дрозд [Drozdz, 1993: 48]. В хамаилах действительно можно встретить молитвенные тексты, которые могут быть охарактеризованы как персидские⁶⁰. В некоторых рукописях встречается текст с числами на персидском языке, хотя в самом тексте они называются «индийскими» (*liġbā mesončnā 'arābšqā tūrecqā 'ihindijsqā* «счет месяцев по-арабски, по-турецки и **по-индийски**» (л. 237a) (Тафсіры...2020, с. 82); *liġbā 'arāpsqā tūrecqā 'ihindišqā* «счет по-арабски, по-турецки и **по-индийски**» (л. 433b) (Тафсіры...2020, с. 123): *jek, du, se, čahor* и т.д.

⁵⁹ Иезуит Павел Бокша в 1611 г. утверждал, что татары знают три языка: польский, «русский» (т.е. белорусский) и литовский [Zakrzewski, 2005: 208]. Про это упоминалось также у Туган-Барановского [Tuhan-Baranowski, 1896: 67].

⁶⁰ См., например, в хамаилах, опубликованных на сайте philology.by под номерами 11 (с. 55a), 15 (с. 59b) и др.

4 | Заключение

Многоязычие рукописного наследия белорусских татар является закономерным результатом их этнокультурогенеза и различных культурных влияний как мусульманского мира, так и со стороны немусульманского населения, с которым татары взаимодействовали в рамках одного общественного устройства (со времен ВКЛ до современной Беларуси).

Присутствие арабоязычных текстов было обусловлено потребностями вероисповедания, но их использование могло и выходить за рамки собственно религиозного культа (например, применяться в знахарских практиках в качестве источников целительной силы). Тюркские тексты представлены преимущественно османско-турецкими и в незначительном количестве кыпчакскими. В связи с этим возникают вопросы:

1) Была ли у мигрантов, прибывавших в ВКЛ в XIV–XVII вв., собственная тюркоязычная письменность на их родных языках?

2) Каким образом к татарам ВКЛ попал столь значительный массив османской литературы, присутствие которой и в виде оригинальных текстов на турецком языке, и в форме переводных произведений отмечается уже в самых ранних манускриптах?

Арабографические тексты на славянских (белорусском и польском) языках представляют собой характерную особенность рукописного наследия белорусских татар. Эти материалы обладают особой ценностью в силу своей языковой уникальности; они значительно лучше зафиксировали разговорный белорусский язык, чем современные им кириллические и латинографические тексты XVII–XVIII вв., объем которых существенно уступает арабографическим рукописным материалам на том же языке. Несмотря на более чем столетнюю историю их изучения, манускрипты белорусских татар еще не исчерпали своего значения как уникальных источников для специалистов различных направлений (тюркологов, славистов, культурологов, религиоведов, этнологов).

ЛИТЕРАТУРА

- Александрович-Насыфи Дж.* (1927) Литовские татары как часть тюркского Востока // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 4. Баку. С. 185–189.
- Антонович А. К.* (1968) Белорусские тексты, писанные арабским письмом, и их графико-орфографическая система. Вильнюс. 418 с.
- Баскаков Н. А.* (1940) Ногайский язык и его диалекты. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 270 с.
- Баскаков Н. А.* (1969) Введение в изучение тюркских языков. М.: Высшая школа. 383 с.
- Баскаков Н. А.* (1981) Об унификации названий древних и средневековых письменных тюркских языков // Тюркологический сборник 1977. М. С. 21–26.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.* (1950) Золотая Орда и её падение. М.; Л. 473 с.

- Дубинский А. И. (1972) Заметки о языке литовских татар // Вопросы языкознания. № 1. С. 82–88.
- Думин С. В. (1991) Татарские князья в Великом княжестве Литовском // Acta Baltico-Slavica. Vol. XX. P. 7–49.
- Дургут Х. (2015) О некоторых особенностях турецкой версии Мирадж-наме в китабе Ивана Луцкевича // Slavistica Vilnensis. Vol. 60. С. 133–145.
- Исхаков Д. М. (1983) Динамика численности татар в России в XVIII – начале XX вв. // География и культура этнографических групп татар в СССР. М. С. 43–64.
- Карский Е. Ф. (1962) Культурные завоевания русского языка в старину на западной окраине его области // Труды по белорусскому и другим славянским языкам. М. С. 448–463.
- Мухлинский А. (1857) Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб.: Типография Э. Веймара. 70 с.
- Несцяровіч В. І. (2015) «Мірадж-наме» з кітаба Абрагіма Хасяневіча (1832). Віцебск: ВДУ імя П. М. Машэрава. 325 с.
- Несцяровіч В. І. (2023) Сергей Темчин. О волынском происхождении рукописного перевода Корана на польский язык по рукописям литовских татар XVII–XX веков: рэц. // Беларуская лінгвістыка. Вып. 89. С. 118–122.
- Самойлович А. Н. (1926) Литовские татары и арабский алфавит // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. № 3. Баку. С. 1–7.
- Сеўрук Дз. (2015) Прыпіскі рэлігійнага зместу на старонках мінскага тэфсіра 1686 г. (Р 214): спроба моўнага і рэлігійнаўчага аналізу // Беларусь і цюркскі-ісламскі свет. 3 нагоды 615-годдзя ўзнікнення татарска-мусульманскай супольні на землях ВКЛ. Мінск: Беларуская навука. С. 116–125.
- Сеўрук Дз. (2024) «Джаўагіру-ль-іслам» (Сутнасці ісламу) – помнік асманскай рэлігійнай літаратуры XVII ст. у перакладах беларуска-польска-літоўскіх татараў // Пісьмовая спадчына татараў Вялікага Княства Літоўскага і яе гісторыка-культурны кантэкст. Мінск: Беларуская навука. С. 40–113.
- Сынкова І. (2012) Хрысціянскія матывы ў знахарскіх замовах беларускіх мусульман // Dialog chrześcijański-muzułmański. Klucz do wspólnej przyszłości / pod red. M. Lewickiej i Cz. Łapicza. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika. S. 249–257.
- Тарэлка М. (2006) Калафоны Мінскага тафсіра 1098 / 1686 г. // Здабыткі. Вып. 8. Мінск. С. 34–43.
- Тарэлка М. (2011) Мова аднаго кітаба і старабеларуская кірылічная пісьмовая традыцыя // Беларуская лінгвістыка. Вып. 66. С. 33–40.
- Тарэлка М. У. (2013) Пскоўскі Каран 1093 / 1682 г. Новыя звесткі // Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze. Toruń. С. 291–306.
- Тарэлка М. У. (2024) Рукапісы Аляксандра (Алі) Адамовіча – імама мядзельскай мячэці: праблемы каталагізацыі і навуковага апісання // Пісьмовая спадчына татараў Вялікага Княства Літоўскага і яе гісторыка-культурны кантэкст. Мінск: Беларуская навука. С. 123–202.
- Темчин С. Ю. (2020) О волынском происхождении рукописного перевода Корана на польский язык по рукописям литовских татар XVII–XX веков // Острозька давнина. Вип. 7. Острог. С. 152–158.
- Тенишев Э. Р. (1997) Разговорный язык литовско-польско-белорусских татар XV–XVI вв. // Известия Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 56, № 6. С. 3–8.
- Черенков Л. Н. (1983) Из этнической истории литовских татар // География и культура этнографических групп татар в СССР. М. С. 65–74.
- Akiner Sh. (2009) Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. XXVII, 457 p.

- Drozd A.* (1993) Chamaïl Sobolewskiego // *Rocznik Tatarów Polskich*. S. 48–62.
- Drozd A.* (1997) Wpływy chrześcijańskie na literaturę Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej // *Pamiętnik Literacki*. Rocz. 88, zesz. 3. S. 3–34.
- Drozd A.* (1999) Arabskie teksty liturgiczne w przekładzie na język polski XVII wieku. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 199 s.
- Drozd A.* (2004) Koran staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku // *Rocznik Biblioteki Narodowej*. T. XXXVI. Warszawa. S. 237–250.
- Drozd A., Dziekan M. M., Majda T.* (2000) Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich. Warszawa: Res Publica Multiethnica. 84 s.
- Jankowski H.* (2015) Cechy graficzne i językowe tekstów turkijskich w zapisie kopistów polsko-tatarskich // *Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Teoria i praktyka badawcza* / red. J. Kulwicka-Kamińska, Cz. Łapicz. Toruń. S. 139–172.
- Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku* (2000) / w przekładzie i opracowaniu H. Jankowskiego i Cz. Łapicza. Warszawa: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 256 s.
- Kryczyński S.* (1938) Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej // *Rocznik Tatarski*. T. 3. S. 1–318.
- Łapicz Cz.* (1986) Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język). Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 236 s.
- Łapicz Cz.* (1991) Trzy redakcje językowe muzułmańskiej legendy w piśmiennictwie Tatarów litewsko-polskich // *Acta Baltico-Slavica*. Vol. XX. S. 155–167.
- Stankiewicz J.* (1933–1934) Příspěvky k dějinám běloruského jazyka na základě rukopisu „Al-Kitab” // *Slavia*. Roč. XII. S. 357–390.
- Suter P.* (2004) Alfurkan Tatarski. Der litauisch-tatarisch Koran-Tefsir. Köln; Weimar; Wien: Böhlau Verlag. 555 p.
- Szapszał H. S.* (1932) O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce // *Rocznik Tatarski*. № 1. S. 34–47.
- Talko-Hryniewicz J.* (1924) Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy. Kraków. 126 s.
- Tarelka M., Temčinas S.* (2014) Lithuanian incantation in Arabic script from a Tatar manuscript // *Acta Linguistica Lithuanica*. Vol. LXXI. P. 11–22.
- Tuhan-Baranowski M.* (1896) O muślimach litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tatarza (wydanie pośmiertne Antoniego Krumana). Warszawa. 72 s.
- Tyszkiewicz J.* (1989) Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. Warszawa: PWN. 343 s.
- Wexler P.* (1973) Jewish, Tatar and Karaite communal dialects and their importance for Byelorussian historical linguistics // *The Journal of Byelorussian Studies*. Vol. III, No. 1. London. P. 41–54.
- Woronowicz A.* (1935) Szczątki językowe Tatarów litewskich // *Rocznik Tatarski*. № 2. S. 351–366.
- Zajączkowski A.* (1935) Elementy tureckie na ziemiach polskich // *Rocznik Tatarski*. № 2. S. 199–227.
- Zajączkowski A.* (1951) Tak zwany chamaïl tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie // *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności*. T. LII, nr 4. S. 307–313.
- Zakrzewski A. B.* (2005) Islam między Wschodem a Zachodem: Tatarzy w Wielkim Księstwie Litewskim, XVI–XVIII w. // *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku* / pod red. K. Mikulskiego i A. Zielińskiej-Nowickiej. Toruń: Wydawnictwo MADO. S. 203–215.

ИСТОЧНИКИ

- Матвей Меховский (1936) Трактат о двух Сарматиях. М. –Л. : АН СССР. XI, 288 с.
[Мэжмуга] (1645) Режим доступа: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15715> Дата обращения: 25.02.2026.
Тафсіры кітабы і хамаілы з прыватных кнігазбораў Беларусі. Каталог (2020); укл. М.Тарэлка. Мінск : Беларуская навука. 203 с.

REFERENCES

- Alexandrovich-Nasyfi, J. (1927) Litovskiye tatory kak chasc turkского Vostoka [Lithuanian Tatars as part of the Turkic East], *Izvestiya obshchestva obsledovaniya i izucheniya Azerbajdzhana* [News of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan], no. 4, pp. 185–189. (In Russian).
- Antonovich, A.K. (1968) *Beloruskije teksty, pisannyje arabskim pismom, i ich grafiko-ortfograficheskaja sistema* [Belarusian texts written in Arabic script and their graphic and orthographic system]. Vilnius. 418 p. (In Russian).
- Baskakov, N.A. (1940) *Nogajskij jazyk i jego dialekty* [Nogai language and its dialects]. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 270 p. (In Russian).
- Baskakov, N.A. (1969) *Vvedeniye v izuczeniya turkskich jazykov* [Introduction to the study of Turkic languages]. Moscow: Vysshaya shkola. 383 p. (In Russian).
- Baskakov, N.A. (1981) Ob unifikacii nazvanij drevnih i srednevekovych pismennykh turkskich jazykov [On the unification of the names of ancient and medieval written Turkic languages]. In: *Turkologicheskij sbornik 1977* [Turkological Collection 1977]. Moscow, pp. 21–26. (In Russian).
- Grekov, B.D. and Jakubovskij, A.Y. (1950) *Zolotaja Orda i jeho padeniye* [The Golden Horde and its fall]. Moscow–Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. 473 p. (In Russian).
- Dubinskij, A.I. (1972) Zametki o jazyke litovskich tatar [Notes on the language of the Lithuanian Tatars], *Voprosy jazykoznanija* [Issues in Linguistics], no. 1, pp. 82–88. (In Russian).
- Dumin, S.V. (1991) Tatarskije knazja v Velikom knazestve Litovskom [Tatar princes in the Grand Duchy of Lithuania], *Acta Baltico-Slavica*, vol. 20, pp. 7–49. (In Russian).
- Durgut, Ch. (2015) O nekotorych osobennostach tureckoj versii Miraj-name v kitabe Ivana Lickevicha [On some features of the Turkish version of the Miraj-name in Ivan Lutskevich's kitab], *Slavistica Vilnensis*, vol. 60, pp. 133–145. (In Russian).
- Ischakov, D.M. (1983) Dinamika chislennosti tatar v Rosii v XVIII – nachale XX vv. [Dynamics of the Tatar population in Russia in the 18th – early 20th centuries]. In: *Geografija i kultura etnograficheskich grupp tatar v SSSR* [Geography and culture of ethnographic groups of Tatars in the USSR]. Moscow, pp. 43–64. (In Russian).
- Karskij, E.F. (1962) Kulturnije zavojevanija russkogo jazyka v starinu na zapadnoj okraine jego oblasti [Cultural conquests of the Russian language in ancient times on the western outskirts of its region]. In: *Trudy po belorusskomu i drugim slavanskim jazykam* [Works on Belarusian and other Slavic languages]. Moscow, pp. 448–463. (In Russian).
- Muchlinskij, A. (1857) *Issledovanie o proischozhenii i sostojanii litovskich tatar* [A study on the origin and status of the Lithuanian Tatars]. St. Petersburg: Tipografija E. Vejmara. 70 p. (In Russian).
- Nescarovich, V.I. (2015) “Miraj-name” z kitaba Abrahima Chasanevicha (1832) [“Miraj-name” from the kitab of Abraham Chasanevich (1832)]. Vicebsk: VDU ima P.M. Masherava. 325 p. (In Belarusian).
- Nescarovich, V.I. (2023) Review of: Sergej Temchin. *O volynskom proischozhenii rukopisnogo perevoda Korana na polskij jazyk po rukopisam litovskich tatar XVII–XX vekov* [Sergej

- Temchin. On the Volynian origin of the handwritten translation of the Koran into Polish based on the manuscripts of Lithuanian Tatars of the 17th–20th centuries], *Belaruskaja linhvistyka* [Belarusian Linguistics], issue 89, pp. 118–122. (In Belarusian).
- Samojlovich, A.N. (1926) Litovskije tatary i arabskij alfavit [Lithuanian Tatars and the Arabic alphabet], *Izvestija obshchestva obsledovaniya i izuchenija Azerbajdzhana* [News of the Society for the Survey and Study of Azerbaijan], no. 3, pp. 1–7. (In Russian).
- Sewruk, Dz. (2024) “Jawahiru-l-islam” (Sutnasci islamu) – pomnik asmanskaj relihijnaj litaratury XVII st. u perakladach belarуска-polska-litowskich tataraw [“Jawahiru-l-Islam” (The Essence of Islam) – a monument of Ottoman religious literature of the 17th century in translations by Belarusian-Polish-Lithuanian Tatars]. In: *Pismovaja spadchyna tatarau Valikaha Knastva Litouskaha i jaje historyka-kulturny kantekest* [The written heritage of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania and its historical and cultural context]. Minsk: Belaruskaja navuka, pp. 40–113. (In Belarusian).
- Sewruk, Dz. (2015) Prypiski relihijnaha zместu na staronkach minskaha tefsir 1686 h. (P 214): sproba mounaha i relihijaznauchaha analizu [Religious notes on the pages of the Minsk Tafsir of 1686 (P 214): An attempt at linguistic and religious studies analysis]. In: *Belarus i curkska-islamski svet. Z nahody 615-hoddza uzniknenna tatarska-musulmanskaj supolnasci na zemlach VKL* [Belarus and the Turkic-Islamic world. On the occasion of the 615th anniversary of the emergence of the Tatar-Muslim community on the lands of the Grand Duchy of Lithuania]. Minsk: Belaruskaja navuka, pp. 116–125. (In Belarusian).
- Synkova, I. (2012) Chryscijanskija matyvy u znacharskich zamovach belaruskich musulman [Christian motifs in the witchcraft spells of Belarusian Muslims]. In: *Dialog chrześcijańsko-muzułmański. Klucz do wspólnej przyszłości*. Edited by M. Lewicka and Cz. Łapicz. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, pp. 249–257. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2006) Kalafony Minskaha tafsira 1098/1686 h. [Colophons of the Minsk Tafsir 1098/1686], *Zdabytki*, issue 8, pp. 34–43. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2011) Mova adnaho kitaba i starabelaruskaja kirylichnaja pismovaja tradycyja [The language of one kitab and the Old Belarusian Cyrillic written tradition], *Belaruskaja linhvistyka* [Belarusian Linguistics], issue 66, pp. 33–40. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2013) Pskouski Karan 1093/1682 h. Novyja zvestki [Pskov Koran 1093/1682. New information]. In: *Tatarzy Wielkiego Księstwa Litewskiego w historii, języku i kulturze*. Toruń, pp. 291–306. (In Belarusian).
- Tarelka, M. (2024) Rukapisy Alaksandra (Ali) Adamovicha – imama madzelskaj macheci: prablemy katalahizaciji i navukovaha apisanna [Manuscripts of Alexander (Ali) Adamovich – Imam of the Myadel Mosque: Problems of cataloguing and scientific description]. In: *Pismovaja spadchyna tatarau Valikaha Knastva Litouskaha i jaje historyka-kulturny kantekest* [The written heritage of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania and its historical and cultural context]. Minsk: Belaruskaja navuka, pp. 123–202. (In Belarusian).
- Temchin, S.Y. (2020) O volynskom proischozdenii rukopisnogo perevoda Korana na polskij jazyk po rukopisam litovskich tatar XVII–XX vekov [On the Volynian origin of the handwritten translation of the Koran into Polish based on the manuscripts of Lithuanian Tatars of the 17th–20th centuries], *Ostrozka davnina*, issue 7, pp. 152–158. (In Russian).
- Tenishev, E.R. (1997) Razgovornyj jazyk litovsko-polsko-belorusskich tatar XV–XVI v. [Spoken language of the Lithuanian-Polish-Belarusian Tatars of the 15th–16th centuries], *Izvestija Akademii nauk. Serija literatury i jazyka* [Bulletin of the Academy of Sciences. Literature and Language Series], vol. 56, no. 6, pp. 3–8. (In Russian).
- Cherenkov, L.N. (1983) Iz etnicheskoi istorii litovskich tatar [From the ethnic history of the Lithuanian Tatars]. In: *Geografija i kultura etnograficheskich grupp tatar v SSSR* [Geography and culture of ethnographic groups of Tatars in the USSR]. Moscow, pp. 65–74. (In Russian).

- Akiner, Sh. (2009) *Religious Language of a Belarusian Tatar Kitab. A Cultural Monument of Islam in Europe*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag. XXVII, 457 p.
- Drozd, A. (1993) Chamail Sobolewskiego [Chamail of Sobolewski], *Rocznik Tatarów Polskich* [Yearbook of Polish Tatars], pp. 48–62. (In Polish).
- Drozd, A. (1997) Wpływy chrześcijańskie na literaturę Tatarów w dawnej Rzeczypospolitej [Christian influences on Tatar literature in the former Polish-Lithuanian Commonwealth], *Pamiętnik Literacki* [Literary Diary], vol. 88, no. 3, pp. 3–34. (In Polish).
- Drozd, A. (1999) *Arabskie teksty liturgiczne w przekładzie na język polski XVII wieku* [Arabic liturgical texts translated into 17th-century Polish]. Warsaw: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 199 p. (In Polish).
- Drozd, A. (2004) Koran staropolski. Rozważania w związku z odkryciem tefsiru mińskiego z 1686 roku [The Old Polish Quran. Reflections on the discovery of the Minsk Tafsir of 1686], *Rocznik Biblioteki Narodowej* [Yearbook of the National Library], vol. 36, pp. 237–250. (In Polish).
- Drozd, A., Dziekan, M.M. and Majda, T. (2000) *Piśmiennictwo i muhiry Tatarów polsko-litewskich* [Literature and muhirs of the Polish-Lithuanian Tatars]. Warsaw: Res Publica Multiethnica. 84 p. (In Polish).
- Jankowski, H. (2015) Cechy graficzne i językowe tekstów turkijskich w zapisie kopistów polsko-tatarskich [Graphic and linguistic features of Turkic texts as written by Polish-Tatar copyists]. In: J. Kulwicka-Kamińska and Cz. Łapicz (eds.), *Tefsir Tatarów Wielkiego Księstwa Litewskiego. Teoria i praktyka badawcza* [Tafsir of the Tatars of the Grand Duchy of Lithuania. Research theory and practice]. Toruń, pp. 139–172. (In Polish).
- Klucz do raju. Księga Tatarów litewsko-polskich z XVIII wieku* [The Key to Paradise: A book of the 18th-century Lithuanian-Polish Tatars]. (2000). Translated and edited by H. Jankowski and Cz. Łapicz. Warsaw: Wydawnictwo Akademickie DIALOG. 256 p. (In Polish).
- Kryczyński, S. (1938) Tatarzy litewscy. Próba monografii historyczno-etnograficznej [Lithuanian Tatars: An attempt at a historical-ethnographic monograph], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], vol. 3, pp. 1–318. (In Polish).
- Łapicz, Cz. (1986) *Kitab Tatarów litewsko-polskich (paleografia, grafia, język)* [Kitab of the Lithuanian-Polish Tatars (paleography, writing system, language)]. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika. 236 p. (In Polish).
- Łapicz, Cz. (1991) Trzy redakcje językowe muzułmańskiej legendy w piśmiennictwie Tatarów litewsko-polskich [Three linguistic versions of a Muslim legend in the writings of the Lithuanian-Polish Tatars], *Acta Baltico-Slavica*, vol. 20, pp. 155–167. (In Polish).
- Stankiewicz, J. (1933–1934) Příspěvky k dějinám běloruského jazyka na základě rukopisu „Al-Kitab” [Contributions to the history of the Belarusian language based on the manuscript “Al-Kitab”], *Slavia*, vol. 12, pp. 357–390. (In Czech).
- Suter, P. (2004) *Alfurkan Tatarski. Der litauisch-tatarisch Koran-Tefsir* [The Lithuanian-Tatar Quran Tafsir]. Köln–Weimar–Wien: Böhlau Verlag. 555 p. (In German).
- Szapszał, H.S. (1932) O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce [On the loss of their native language by the Tatars in Poland], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], no. 1, pp. 34–47. (In Polish).
- Talko-Hryniewicz, J. (1924) *Muślimowie czyli tak zwani Tatarzy litewscy* [The Muslims, or the so-called Lithuanian Tatars]. Kraków. 126 p. (In Polish).
- Tarelka, M. and Temčinas, S. (2014) Lithuanian incantation in Arabic script from a Tatar manuscript, *Acta Linguistica Lithuanica*, vol. 71, pp. 11–22.
- Tuhan-Baranowski, M. (1896) *O muślimach Litewskich. Z notat i przekładów litewskiego Tatara (wydanie pośmiertne Antoniego Krumana)* [On Lithuanian Muslims. From notes and

- translations of a Lithuanian Tatar (posthumous edition by Antoni Kruman)]. Warsaw. 72 p. (In Polish).
- Tyszkiewicz, J. (1989) *Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w.* [Tatars in Lithuania and Poland. Studies in the history of the 13th–18th centuries]. Warsaw: PWN. 343 p. (In Polish).
- Wexler, P. (1973) Jewish, Tatar and Karaite communal dialects and their importance for Byelorussian historical linguistics, *The Journal of Byelorussian Studies*, vol. 3, no. 1, pp. 41–54.
- Woronowicz, A. (1935) Szczątki językowe Tatarów litewskich [Linguistic remains of the Lithuanian Tatars], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], no. 2, pp. 351–366. (In Polish).
- Zajączkowski, A. (1935) Elementy tureckie na ziemiach polskich [Turkish elements in Polish lands], *Rocznik Tatarski* [Tatar Yearbook], no. 2, pp. 199–227. (In Polish).
- Zajączkowski, A. (1951) Tak zwany chamail tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie [The so-called Tatar chamail from the manuscript collection in Warsaw], *Sprawozdania z czynności i posiedzeń Polskiej Akademii Umiejętności* [Reports on the activities and meetings of the Polish Academy of Arts and Sciences], vol. 52, no. 4, pp. 307–313. (In Polish).
- Zakrzewski, A.B. (2005) Islam między Wschodem a Zachodem: Tatarzy w Wielkim Księstwie Litewskim, XVI–XVIII w. [Islam between East and West: Tatars in the Grand Duchy of Lithuania, 16th–18th centuries]. In: K. Mikulski and A. Zielińska-Nowicka (eds.), *Między Zachodem a Wschodem. Etniczne, kulturowe i religijne pogranicza Rzeczypospolitej w XVI–XVIII wieku* [Between West and East: The ethnic, cultural, and religious borderlands of the Polish-Lithuanian Commonwealth in the 16th–18th centuries]. Toruń: Wydawnictwo MADO, pp. 203–215. (In Polish).

SOURCES

- Matvej Mechovskij (1936) *Traktat o dwóch Sarmatijach* [Treatise on the Two Sarmatias]. – M.-L. : AN CCCP. XI, 288 p.
- Мэжмуга (1645). Available at: <https://repo.kpfu.ru/jspui/handle/net/15715> (Accessed: 25 February 2026).
- Tafsiry, kitaby i chamaily z pryvatnych knihazborav Belarusi. Kataloh; ukl. M.Tarelka* [Tafsirs, Kitabs and Khamails from Private Book Collections in Belarus. Catalogue; compiled by M.Tarelka] (2020) Minsk : Belaruskaja navuka. 203 p.

Ирина А. Сынькова

Кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь.

Адрес для корреспонденции:
220072 Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Эл. адрес: isynkova@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-3657-9435>

Irina A. Synkova

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher,
Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus.

Correspondence address:
1/2 Surganova Street,
Minsk 220072,
Republic of Belarus.

Email address: isynkova@yahoo.com
<https://orcid.org/0000-0002-3657-9435>

Михаил В. Тарелко

Кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник,
Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси,
Минск, Республика Беларусь.

Адрес для корреспонденции:
220072 Республика Беларусь,
г. Минск, ул. Сурганова, д. 1, корп. 2.

Эл. адрес: tarelko_michael@yahoo.com
<https://orcid.org/0009-0003-3881-3007>

Michail V. Tarelko

Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher,
Center for the Belarusian Culture, Language and Literature Researches of the National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Republic of Belarus.

Correspondence address:
1/2 Surganova Street,
Minsk 220072,
Republic of Belarus.

Email address: tarelko_michael@yahoo.com
<https://orcid.org/0009-0003-3881-3007>

Для цитирования: *Сынкова И.А., Тарелко М. В.* Многоязычие письменного наследия белорусских татар // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.138–160. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-07

For citation: *Synkova I.A., Tarelko M.V.* Multilingualism of the written heritage of the Belarusian Tatars // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 138–160. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-07

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.10.2025;
approved after reviewing 10.06.2026;
accepted for publication 30.08.2026.

ЯЗЫК И ОБРАЗОВАНИЕ

LANGUAGE AND EDUCATION

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-08>

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ЯЗЫКОВОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ОБУЧЕНИЯ РОДНОМУ (ТАТАРСКОМУ) ЯЗЫКУ

УДК 811.512.15

Гульназ Н. Мухарлямова
Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики
Татарстан,

Казань, Российская Федерация

Лилия М. Гиниятуллина
Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики
Татарстан,

Казань, Российская Федерация

Олег Р. Хисамов
Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики
Татарстан,

Казань, Российская Федерация

Аннотация

В условиях поликультурного общества и активной цифровизации всех сфер коммуникации процесс языковой социализации приобретает ключевое значение для гармоничного личностного развития и формирования этнокультурной идентичности подрастающего поколения. Особенно актуально и остро данная проблема стоит в регионах с билингвальным образованием, где на практике нередко наблюдается устойчивый дисбаланс в реальном функционировании двух государственных языков, что приводит к сужению сфер использования одного из них.

Настоящая статья посвящена комплексному анализу особенностей языковой социализации обучающихся в процессе преподавания родного (татарского) языка в общеобразовательных организациях Республики Татарстан. В статье систематизированы результаты эмпирического исследования, проведённого авторами в 2024 году. Работа базируется на данных разового социолингвистического среза, отражающего актуальное состояние функционирования русского и татарского языков в образовательной среде и повседневном общении. Полученные результаты свидетельствуют о сохраняющемся недостаточном уровне владения татарским языком, необходимом для его полноценного функционирования в статусе государственного языка. Трудности в использовании татарского языка испытывают не только обучающиеся, но и их родители, что указывает на необходимость разработки новых методических подходов к преподаванию родного (татарского) языка в общеобразовательных организациях Республики Татарстан.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: языковая социализация, языковая ситуация, родной (татарский) язык, социологический опрос, билингвальная среда

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Гульназ Н. Мухарлямова, Лилия М. Гиниятуллина, Олег Р. Хисамов, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-08>

SOCIOLINGUISTIC FACTORS OF LANGUAGE SOCIALIZATION IN THE PROCESS OF TEACHING THE NATIVE (TATAR) LANGUAGE

UDC 811.512.15

Gulnaz N. Mukharlyamova

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and Art of
the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Liliya M. Giniyatullina

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and Art of
the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Oleg R. Khisamov

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and Art of
the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Abstract

In a multicultural society characterized by the rapid digitalization of all spheres of communication, language socialization plays a key role in the harmonious personal development of younger generations and in the formation of their ethnocultural identity. This issue is particularly acute in regions with bilingual education, where a persistent imbalance in the actual functioning of the two state languages is often observed, resulting in the narrowing of the domains of use of one of them.

The article provides a comprehensive analysis of the specific features of students' language socialization in the teaching of their native (Tatar) language in general education institutions of the Republic of Tatarstan. It systematizes the results of an empirical study conducted by the authors in 2024. The study is based on data from a one-time sociolinguistic cross-sectional survey reflecting the current functioning of Russian and Tatar in the educational environment and in everyday communication. The findings indicate that proficiency in Tatar remains insufficient for its full-fledged functioning as a state language. Difficulties in using Tatar are experienced not only by students but also by their parents, which points to the need to develop new methodological approaches to the teaching of the native (Tatar) language in general education institutions of the Republic of Tatarstan.

KEYWORDS: language socialization, language situation, native (Tatar) language, sociological survey

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Gulnaz N. Mukharlyamova, Liliya M. Giniyatullina, Oleg R. Khisamov, 2026

1 | Введение

Языковая социализация представляет собой комплексный макропроцесс, в ходе которого человек осваивает язык как инструмент познания окружающей действительности и интегрируется в социокультурное пространство. Однако для анализа повседневности целесообразнее использовать понятие языковых практик – регулярных речевых действий индивидов в конкретных социальных контекстах. Именно анализ практик позволяет увидеть разрыв между декларируемым статусом языка и его реальной функциональностью. Как отмечал А.Н. Леонтьев, человек усваивает накопленный обществом исторический опыт через деятельность [Леонтьев, 1972: 408]. Выбор языковых средств становится способом демонстрации своей принадлежности к определенным социальным группам. Без овладения этими практиками социализация индивида будет затруднена.

Цель статьи – выявление особенностей повседневных языковых практик школьников в условиях билингвального образования Республики Татарстан и оценка реального уровня владения татарским языком как средством коммуникации.

Языковая социализация – «овладение языком как коммуникативным средством, обуславливающим социальное взаимодействие в обществе. Выражается в усвоении не только элементов и структуры языка, но и речевых норм данной социальной среды, стереотипов речевого поведения» [Словарь социолингвистических терминов, 2006]. В процессе языковых практик индивид не просто усваивает структуру языка, но и реализует коммуникативную компетенцию в конкретной социальной среде. Язык выступает как неотъемлемая часть процесса социализации, являясь одновременно и ее активным средством.

Языковая ситуация включает такие компоненты, как «социальные условия функционирования языка сферы и среды их употребления; формы существования языка» [Аврорин, 1975: 254]. Под языковой ситуацией мы понимаем совокупность повседневных языковых практик и распределение функциональных ролей языков на определенной территории (Республика Татарстан). Ключевым элементом здесь выступают сферы применения: если русский язык доминирует в диджитальной и досуговой сферах, то татарский часто ограничивается сферой организованного обучения. Среди множества таких сфер (включая экономическую, политическую, повседневную, образовательную, художественную, медийную, фольклорную, научную и религиозную), особую значимость приобретает сфера организованного обучения, то есть система образования.

В основе исследования лежит изучение языка как средства развития социокультурных знаний. Учитывая утверждение психологов о существовании трех этапов языковой социализации, которые имеют прямое отношение к усвоению языка: первичная (языковая социализация ребенка), промежуточная, псевдоустойчивая (языковая социализация подростка), вторичная, устойчивая, целостная социализация (языковая социализация взрослого индивидуума) – остановимся в своей работе на первых двух этапах, которые формируются у человека в процессе развития и обучения в детском саду и в школе.

Известно, что в семье происходит подготовительный этап усвоения речевых моделей. «Освоение языка является базовым компонентом социализации ребенка» [Антропова, 2016], именно в общении со взрослыми внутри семьи и вне ее ребенок усваивает языковые нормы, коммуникативные навыки и нормы поведения в обществе, поэтому можно говорить о «важнейшей роли семьи и ближайшего окружения ребенка в развитии его речевой деятельности. Семья является источником и опосредующим звеном передачи ребенку социально-исторического опыта, и, прежде всего, эмоционального и коммуникативного опыта взаимоотношений между людьми» [Антропова, 2016]. Здесь следует учитывать, что дети приходят в дошкольное образовательное учреждение или в начальную школу из разных в социальном и культурном отношении семей. Это значит, что при их первичной социализации обнаруживается неодинаковое владение языком, неравная способность к речевому общению. Различия очевидны в активном словарном запасе, который использует ребенок, умении связно говорить, умении адаптировать речь к условиям общения. Эти различия могут сохраняться и на этапе промежуточной социализации, вместе с тем здесь отмечается тенденция выравнивания речи, сокращения различий в уровне владения языком.

Следует отметить, что местом, где формируется личность, отражая структуру большого общества, является школьная среда. Именно здесь через активное общение, коммуникацию закладываются фундаментальные основы социализации. В процессе дискуссий на уроках обучающиеся вовлекаются в учебный диалог, где они учатся слушать чужую точку зрения, аргументированно отстаивать свою, а также находить взаимоприемлемые решения, что формирует демократический стиль общения.

В то же время в последние годы педагоги все чаще сталкиваются с проблемой недостаточного развития у детей навыков эффективной коммуникации. Обучающиеся испытывают сложности с логичным изложением своих мыслей, подведением итогов и свободным общением, что особенно наглядно проявляется в изучении родного языка. У части современных школьников наблюдается низкая мотивация к изучению родного языка, который

в то же время обладает огромным потенциалом для обогащения речи, создания живой атмосферы на уроках и стимулирования интереса к коммуникации. В федеральной образовательной программе по родному (татарскому) языку в числе целей и задач по данному учебному предмету отмечается «развитие коммуникативных умений, способности и готовности использовать речевые средства для выражения своих чувств, мыслей и потребностей на татарском языке; развитие речевой и мыслительной деятельности, коммуникативных умений и навыков, обеспечивающих владение татарским языком в разных ситуациях, готовности и способности к практическому речевому взаимодействию и взаимопониманию, потребности в речевом самосовершенствовании» [Федеральная образовательная программа, 2023: 1630]. Однако реальность такова, что на уроках родного языка педагоги зачастую сталкиваются с низкой мотивацией к его изучению, что может привести к общей пассивности и нежеланию воспринимать новую информацию, коммуницировать на родном языке и, как следствие, взаимодействовать с членами социума.

2 | Результаты социологического среза

Социологические опросы среди школьников о функционировании русского и татарского языков как государственных в системе образования и социальной коммуникации свидетельствуют о некотором дисбалансе в использовании татарского языка в системе образования. Данные исследования проводились с целью оценивания реальной языковой ситуации в условиях билингвизма на двух государственных языках Республики Татарстан (русском и татарском), что обусловлено потребностью в формировании поколения татарстанцев, способных осуществлять социальную коммуникацию на этих языках.

Основная рабочая гипотеза исследования: языковая ситуация в системе образования РТ характеризуется недостаточным использованием татарского языка.

Также были учтены и вспомогательные гипотезы:

- 1) Уровень языковой компетенции учащихся образовательных организаций РТ в отношении татарского языка недостаточен для его функционирования как государственного.
- 2) Русский и татарский языки обучения в образовательных организациях РТ распространены непропорционально, значительная часть татар выбирает в качестве языка обучения своих детей русский.
- 3) Охват обучения татарскому языку в образовательных организациях РТ является неполным.

Основными задачами исследования явились следующие:

- определение самооценки уровня владения русским и татарским языком учащихся в образовательных организациях РТ (уровень языковой компетенции);
- определение объемов преподавания татарского и русского языков в образовательных организациях РТ;
- выявление степени распространения русского и татарского языков обучения в образовательных организациях РТ;
- исследование реального охвата обучения татарскому языку как родному в образовательных организациях РТ;
- выявление мнений, оценок, точек зрения в отношении перспектив развития русского и татарского языков как государственных.

В ходе исследования учитывались следующие параметры:

- социально-демографические характеристики (пол, возраст, этническая принадлежность и др.);
- условия культурно-языковой социализации (язык воспитания в родительской семье, в дошкольном учреждении, язык школьного образования, объем преподавания государственных языков РТ, методическая обеспеченность занятий по русскому и татарскому языкам и литературе, язык дополнительного образования);
- уровень языковой компетенции (уровень владения государственными языками РТ на основе самооценки, школьной успеваемости, по косвенным данным);
- степень вовлеченности в билингвальную языковую среду (язык межличностного общения, общественной коммуникации, культуры и досуга);
- мнения и оценки в отношении перспектив развития русского и татарского языков как государственных (важность овладения государственными языками, распределение языков по степени их значимости, отношение к возможной перспективе высшего образования на татарском языке, категории населения, для которых необходимо знание обоих государственных языков).

В 2024 г. было опрошено 487 учащихся и 493 родителей (n=980) из школ (из них две – с татарским языком обучения и воспитания и две – с русским или с преподаванием отдельных предметов на татарском языке), расположенных в столице (Казани), в Чистопольском и Тюлячинском районах Республики Татарстан. Опрос состоялся в середине декабря. Доля жителей городов составляет 70%.

Чтобы определить, насколько система образования в РТ способствует формированию гармоничной билингвальной языковой среды, было исследовано отношение респондентов к государственным языкам, уровень владения ими и его зависимость от характера этноязыковой социализации. Как видно из диаграмм 1–4, респонденты в большинстве своем понимают важность владения обоими государственными языками, в то же время их отношение во многом зависит от этнической принадлежности. Те, кто не согласен с необходимостью владения татарским языком, аргументируют свою позицию следующим образом:

- русским детям татарский язык просто не нужен;
- в РФ должен быть только один государственный язык – русский, а РТ – это не государство, а субъект РФ;
- татарский язык является государственным только в РТ, не все дети будут здесь жить;
- многие татары сами не знают и не хотят знать родной язык;
- двуязычие – это хорошо, но вторым языком должен быть английский язык.

Диаграмма 1

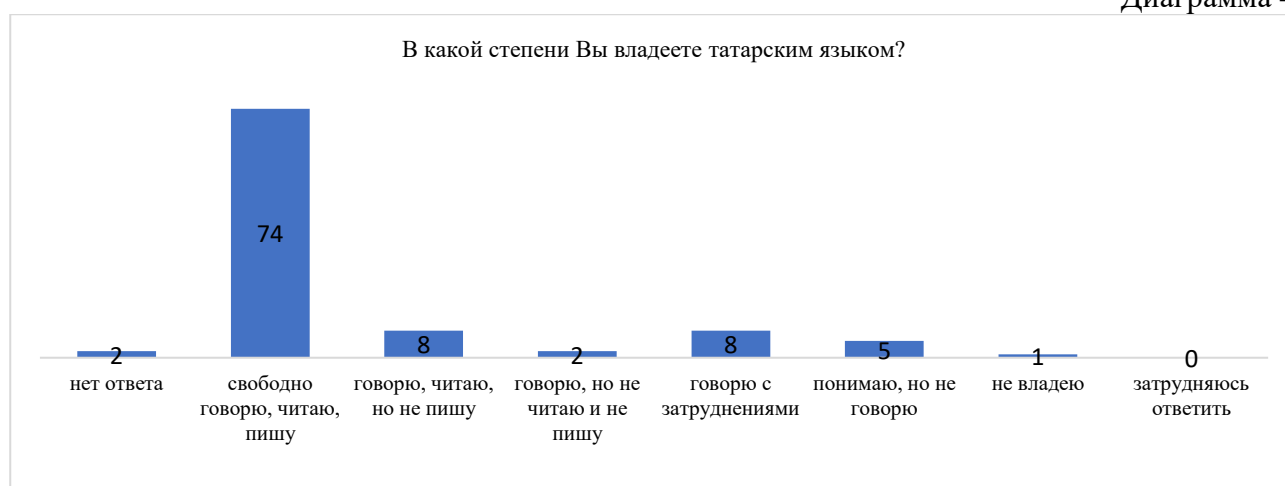
Диаграмма 2

Диаграмма 3

Диаграмма 4

Из сравнения степени владения русским и татарским языками следует, что, несмотря на признание значительным большинством опрошенных важности татарского языка, русским языком владеют в совершенстве на 20% больше респондентов, чем татарским языком, хотя основной контингент опрошенных составляют дети-татары.

Распределение различных языков по степени их важности для школьников и их родителей представлено в диаграммах 5–9.

Диаграмма 5

Расположите следующие языки по степени важности: русский язык

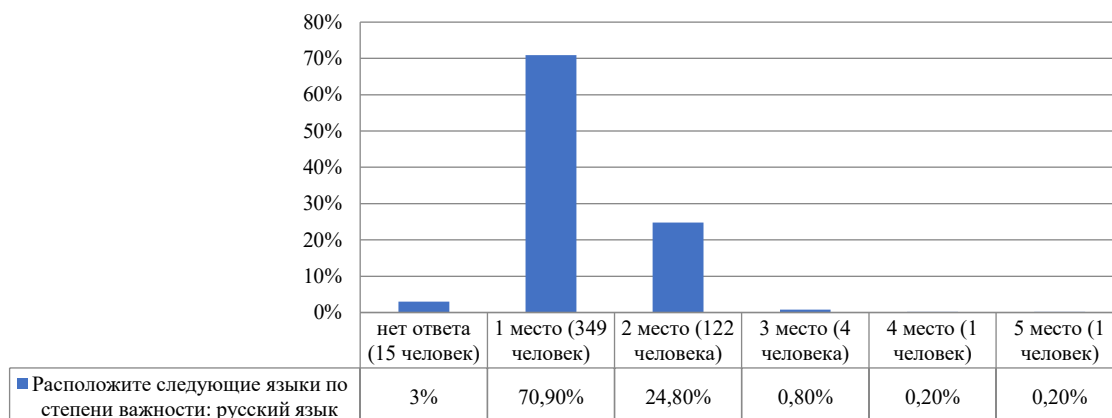

Диаграмма 6

Расположите следующие языки по степени важности: татарский язык

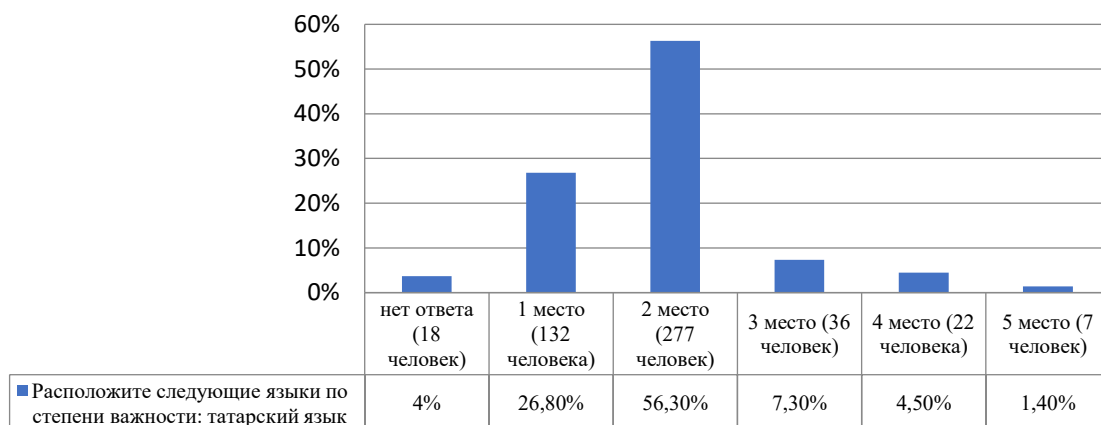

Диаграмма 7

Расположите следующие языки по степени важности: западноевропейские языки

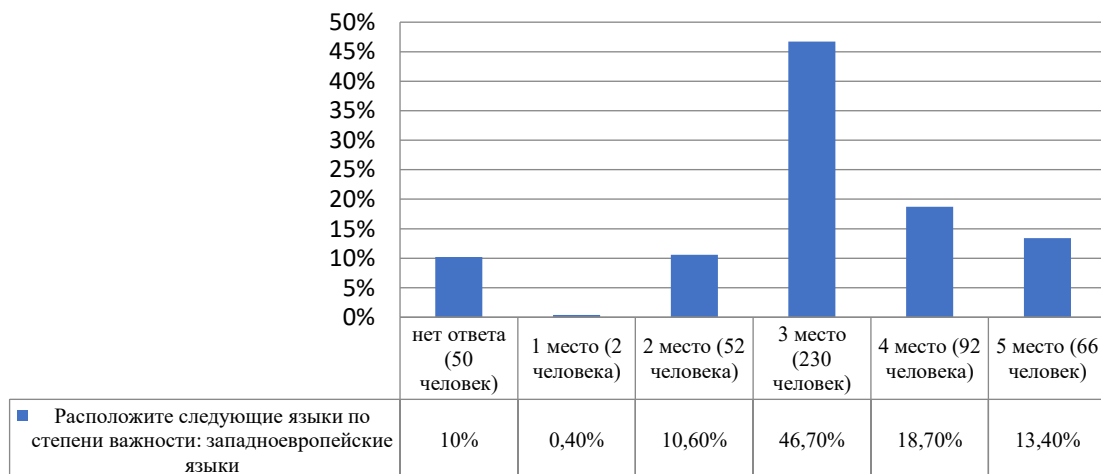

Диаграмма 8

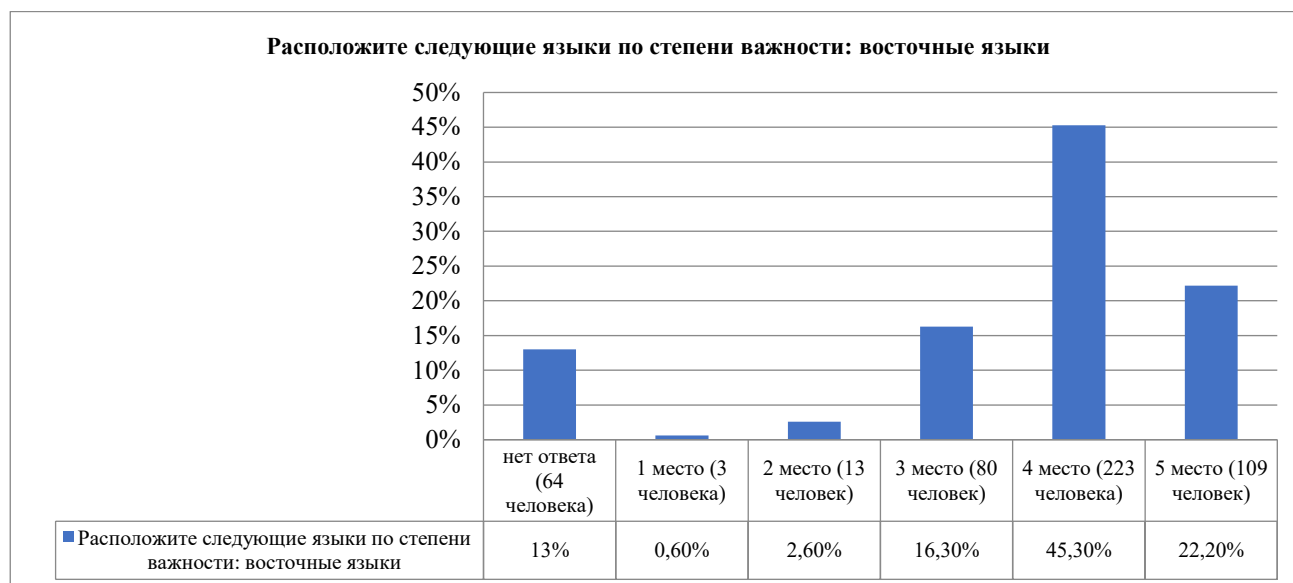
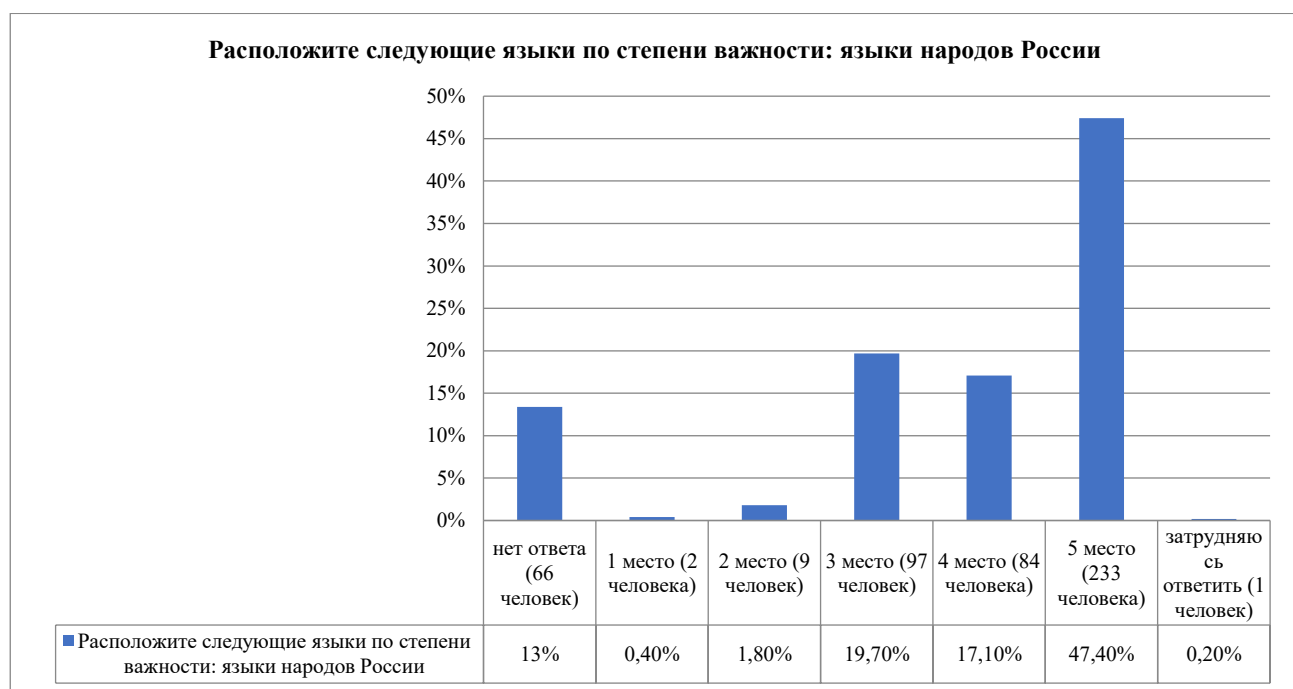

Диаграмма 9

Как видим, лидером выступает русский язык, что понятно, поскольку по русскому языку проводится обязательная государственная итоговая аттестация, результаты которой учитываются при поступлении в вузы. Второе место ожидаемо занимает татарский язык, причем 35% (все татары) даже отдают ему предпочтение как родному языку. Третье место занимают западноевропейские языки (преимущественно английский).

Результаты освоения татарского языка обучающимися снизились после языкового кризиса 2017 года и внесения изменений в 2018 году в статьи 14, 15 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации». Результаты опроса представлены в следующей диаграмме.

Диаграмма 10

При этом следует учесть, что самооценки владения языком бывают, как правило, завышены, поэтому даже такие скромные показатели владения татарским государственным языком в той или иной степени вызывают сомнение. В этом смысле показательно что, только менее 10% претендующих на свободное владение татарским языком используют его в реальном общении (табл.1).

Таблица 1

На каком языке Вы общаетесь дома в семье? * национальность								
			национальность					Всего
			нет ответа	русский	татарин	другой этнос	Наполовину	
На каком языке Вы общаетесь дома в семье?	нет ответа	Количество	0	1	2	0	0	3
		% национальность	0	1,2	0,5	0	0	0,6
	только на русском	Количество	1	70	52	7	2	132
		% национальность	33,3	84,3	13,6	46,7	40,0	27,1
	Преимущественно на русском	Количество	1	5	35	1	1	43
		% национальность	33,3	6	9,2	6,7	20,0	8,8
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	1	6	169	2	2	180
		% национальность	33,9	7,2	44,4	13,3	40,0	37,0

	Преимущество на татарском	Количество	0	1	55	0	0	56	
		% национальность	0	1,2	14,4	0	0	11,5	
	только на татарском	Количество	0	0	67	0	0	67	
		% национальность	0	0	17,6	0	0	13,8	
	другой язык	Количество	0	0	1	5	0	6	
		% национальность	0	0	0,3	33,3	0	1,2	
	затрудняюсь ответить	Количество	0	0	0	0	0	0	
		% национальность	0	0	0	0	0	0	
	Всего		Количество	3	83	381	15	5	487
			% национальность	100	100	100	100	100	100

Таблица 2

На каком языке Вы общаетесь с соседями? * национальность								
			национальность					Всего
			нет ответа	русски й	татарин	другой этнос	наполо- вину	
На каком языке Вы общае- тесь с соседа- ми?	нет ответа	Количество	0	0	3	0	0	3
		% национальность	0	0	0,8	0	0	0,6
	только на русском	Количество	1	68	103	9	3	184
		% национальность	100	83	26,9	50,0	75,0	37,8
	преимущест- венно на русском	Количество	0	8	50	4	1	63
		% национальность	0	9,8	13,0	22,2	25,0	13,0
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	0	5	134	5	0	144
		% национальность	0	6,0	35,0	27,8	0	29,6
	преимущест- венно на татарском	Количество	0	0	37	0	0	37
		% национальность	0	0	9,7	0	0	7,6
	только на татарском	Количество	0	1	53	0	0	54
		% национальность	0	1,2	13,9	0	0	11,0
	другой язык	Количество	0	0	1	0	0	1
		% национальность	0	0	0,3	0	0	0,2
	затрудняюсь ответить	Количество	0	0	1	0	0	1
		% национальность	0	0	0,3	0	0	0,2
Всего		Количество	1	82	382	18	4	487
		% национальность	100	100	100	100	100	100

Языковые установки, особенности этноязыковой социализации, объемы и уровень преподавания языков влияют не только на уровень их освоения, но и на характер языкового поведения. Для русского и русскоязычного населения республики в наименьшей степени характерны как реальный билингвизм, так и стремление к нему. Как показывают результаты исследования, стремление к билингвизму с использованием татарского языка в реальной жизни демонстрирует не более половины опрошенных (даже среди татар).

Таблица 3

На каком языке Вы читаете художественную литературу? * национальность								
			национальность					Всего
			нет ответа	русский	татарин	другой этнос	наполо- вину	
На каком языке Вы читаете художественную литературу?	нет ответа	Количество	0	0	3	0	0	3
		% национальность	0	0	0,8	0	0	0,6
	только на русском	Количество	2	68	113	10	3	196
		% национальность	100	82,9	29,6	62,5	60,0	40,2
	преимущественно на русском	Количество	0	8	68	2	1	79
		% национальность	0	9,8	17,8	12,5	20,0	16,2
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	0	5	178	3	0	186
		% национальность	0	6,0	46,6	18,8	0	38,2
	преимущественно на татарском	Количество	0	0	9	0	0	9
		% национальность	0	0	2,3	0	0	1,8
	только на татарском	Количество	0	0	10	0	0	10
		% национальность	0	0	2,6	0	0	2,1
	другой язык	Количество	0	1	1	1	1	4
		% национальность	0	1,2	0,3	6,2	20,0	0,8
Всего		Количество	2	82	382	16	5	487
		% национальность	100	100	100	100	100	100

Таблица 4

На каком языке Вы слушаете радио, смотрите ТВ? * национальность								
			национальность					Всего
			нет ответа	русский	татарин	другой этнос	наполо- вину	
На каком языке Вы слуша- ете радио, смотри- те ТВ?	нет ответа	Количество	0	1	4	0	0	5
		% национальность	0	1,3	1,0	0	0	1,0
	только на русском	Количество	2	67	125	10	2	206
		% национальность	50,0	84,8	32,7	55,5	50,0	42,3
	преимущест- венно на русском	Количество	0	7	64	3	0	74
		% национальность	0	8,9	16,7	16,7	0	15,2
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	1	2	160	4	2	169
		% национальность	25,0	2,5	41,8	22,2	50,0	34,7
	преимущест- венно на татарском	Количество	1	0	14	0	0	15
		% национальность	25,0	0	3,7	0	0	3,0
	только на татарском	Количество	0	0	14	0	0	14
		% национальность	0	0	3,7	0	0	2,9
	другой язык	Количество	0	2	1	1	0	4
		% национальность	0	2,5	0,3	5,6	0	0,8
Всего		Количество	4	79	382	18	4	487
		% национальность	100	100	100	100	100	100

Таблица 5

На каком языке Вы ведете поиск в интернете? * национальность								
			национальность					Всего
			нет ответа	русский	татарин	другой этнос	напо лови ну	
На каком языке Вы ведете поиск в интер- нете?	нет ответа	Количество	0	1	4	0	0	5
		% национальность	0	1,2	1,0	0	0	1
	только на русском	Количество	0	72	207	13	3	295
		% национальность	0	86,7	54,2	76,5	75,0	60,7
	преимущест венно на русском	Количество	0	7	79	4	0	90
		% национальность	0	8,4	20,7	23,5	0	18,4
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	1	1	84	0	0	86
		% национальность	100	1,2	21,9	0	0	17,6
	преимущест венно на татарском	Количество	0	0	4	0	0	4
		% национальность	0	0	1,0	0	0	0,8
	только на татарском	Количество	0	0	2	0	0	2
		% национальность	0	0	0,5	0	0	0,5
	другой язык	Количество	0	2	2	0	1	5
		% национальность	0	2,4	0,5	0	25,0	1,1
Всего		Количество	1	83	382	17	4	487
		% национальность	100	100	100	100	100	100

Таблица 6

На каком языке Вы ведете переписку? * национальность								
			национальность					Всего
			нет ответа	русский	татарин	другой этнос	наполо- вину	
На каком языке Вы ведете перепис- ку?	нет ответа	Количество	0	0	6	0	1	7
		% национальность	0	0	1,6	0	25,0	1,4
	только на русском	Количество	2	73	145	12	3	235
		% национальность	66,7	89,0	37,9	75,0	75,0	48,3
	преимущест- венно на русском	Количество	0	6	65	2	0	73
		% национальность	0	7,3	17	12,5	0	15,0
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	0	2	145	2	0	149
		% национальность	0	2,4	37,9	12,5	0	30,6
	преимущест- венно на татарском	Количество	1	0	12	0	0	13
		% национальность	33,3	0	3,1	0	0	2,7
	только на татарском	Количество	0	0	7	0	0	7
		% национальность	0	0	1,8	0	0	1,4
	другой язык	Количество	0	1	1	0	0	2
		% национальность	0	1,2	0,3	0	0	0,4
	затрудняюсь ответить	Количество	0	0	1	0	0	1
		% национальность	0	0	0,3	0	0	0,2
Всего		Количество	3	82	382	16	4	487
		% национальность	100	100	100	100	100	100

На формирование этноязыковых установок значительное влияние оказывает культурно-языковая среда, сформировавшаяся в стенах учебного заведения. Одним из показателей может выступать язык школьных мероприятий (Таб. 7). Как видим, реальное двуязычие имеет место только в школах с татарским языком обучения и воспитания. 35% русскоязычных школ проводят свои мероприятия только на русском языке. Необходимо усилить национально-региональное содержание воспитательной работы и организовать повышение квалификации русскоязычных преподавателей по освоению национально-регионального содержания образования.

Таблица 7

На каком языке у вас проводятся школьные мероприятия? * школа						
			школа			Всего
			Русско-язычная	Татаро-язычная	Полилингвальная	
На каком языке у вас проводятся школьные мероприятия?	нет ответа	Количество	4	1	1	6
		% школа	1,6	0,5	3,0	1,2
	только на русском	Количество	88	5	9	102
		% школа	35,3	2,4	27,3	20,9
	преимущественно на русском	Количество	50	18	7	75
		% школа	20,1	8,8	21,2	15,4
	в одинаковой степени на татарском и русском	Количество	103	99	14	216
		% школа	41,4	48,3	42,4	44,4
	преимущественно на татарском	Количество	2	40	0	42
		% школа	0,8	19,5	0	8,6
	только на татарском	Количество	1	42	0	43
		% школа	0,4	20,5	0	8,8
	другой язык	Количество	1	0	2	3
		% школа	0,4	0	6,0	0,6
Всего		Количество	249	205	33	487
		% школа	100	100	100	100

Таблица демонстрирует не простое разделение, а сложную экосистему, где двуязычие является нормой, а моноязычные практики служат для поддержания языковой и культурной идентичности конкретных типов учебных заведений.

На основании проведенного исследования можно выделить следующие тенденции и перспективы функционирования государственных языков в системе образования РТ.

1. Функциональная асимметрия государственных языков ведет к снижению сбалансированности языковой ситуации в региональной системе образования.
2. Отношение обучающихся и их родителей к государственным языкам РТ во многом зависит от их этнической принадлежности.
3. Имеющийся языковой потенциал обучающихся требует дальнейшего развития для обеспечения паритетного использования обоих государственных языков.

4. В настоящее время реальной практической задачей может выступать повышение распространенности двуязычия у татарского населения, так как значительная часть обучающихся-татар в крупных городах выбирает русский в качестве языка обучения и повседневного общения.

5. Дополнительным негативным фактором выступает нехватка обучающих компьютерных программ и интернет-ресурсов на татарском языке.

3 | Заключение

Итак, в процессе языковой социализации личности происходит усвоение ею языковых норм и социальных ролей, принятых в определенном обществе. Такая личность эффективно взаимодействует с представителями различных социальных групп, демонстрирует развитое критическое мышление и успешно реализует свой потенциал как в профессиональной, так и в личной жизни.

Уровень языковой компетенции обучающихся по татарскому языку недостаточен для его полноценного функционирования в качестве равноправного государственного инструмента коммуникации за пределами учебного класса. Это свидетельствует о наличии функциональной асимметрии между русским и татарским языками. Особенно остро проблема интерференции и отсутствия базы проявляется при освоении татарского языка детьми из русскоязычных семей, где он не является языком первичной социализации. Вызывает тревогу тенденция лингвокультурного сдвига: значительная часть обучающихся-татар в крупных городах добровольно выбирает русский язык в качестве основного средства обучения и повседневного общения, что ведет к ослаблению внутрисемейной передачи языка (проблема неполной трансмиссии).

Пути решения данной проблемы должны быть нацелены на изменение баланса коммуникативных функций языков.

Смена парадигмы: переход от восприятия второго государственного языка как учебной дисциплины к восприятию его как ресурса социальной мобильности. Ключевым направлением выступает формирование функционального двуязычия как естественной нормы городской среды, а не маркера этнической идентичности.

Институциональное расширение доменов: необходимо активно просвещать широкие слои населения о сути билингвального образования через дискуссии в родительских клубах. Для смешанных семей следует транслировать преимущества доступа к двум информационным полям, демонстрируя успешные кейсы карьерной реализации выпускников-билингвов.

Трансформация методики преподавания: усиление практической направленности за счет внедрения форматов, имитирующих реальную коммуникацию (разговорные клубы, проектная деятельность, дебаты). Реализация уровневого обучения снимет опасность торможения общего когнитивного развития учащихся с разным уровнем входа.

Повышение индекса престижности: формирование интереса к татарской речи должно вестись через обновление содержания уроков под запросы цифровой эпохи (создание медиаконтента), поддержку внеурочных форм (кружки журналистики, блогинга, анимации) и геймификацию (квизы). Эффективны летние лагеря с погружением и создание молодежных субкультурных пространств, где владение татарским языком будет выступать статусным маркером («модный», «престижный»).

Системный мониторинг: к числу мер относятся ежегодный замер не только уровня владения, но и реального объема использования языков в различных социальных полях (школа, семья, досуг), оказание адресной помощи школам-лидерам функционального билингвизма, а также проведение информационных кампаний в СМИ, иллюстрирующих примеры успешной профессиональной самореализации через знание обоих государственных языков республики.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллина Ч. З., Сагдеева Ф. К. (2021) Языковая ситуация в Республике Татарстан: сферы применения татарского языка. Казань: Школа. 136 с.
- Аврорин В. А. (1975) Проблемы изучения функциональной стороны языка: к вопросу о предмете социолингвистики. Л.: Наука. 276 с.
- Антропова Ю. Ю. (2016) Языковая социализация детей как отражение изменений в обществе: социолингвистический подход // Социодинамика. № 5. С. 25–33. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.5.18486. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18486. Дата обращения: 02.02.2026.
- Архарова Д. И., Долинина Т. А. (2013) Создание условий для воспитания и социализации обучающихся на уроках русского языка и на внеурочных занятиях: учебно-методические материалы для занятий в 5–9 классах. Екатеринбург: ИРО. 117 с.
- Габдрахманова Г. Ф. (2024) Языковые установки «отцов и детей» из национальных школ в условиях большого многоязычного города // Филологические науки. Доклады высшей школы. Т. 33, № 8–9. С. 123–139. DOI: <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2024-33-8-9-123-139>
- Габдрахманова Г. Ф., Макарова Г. И. (2025) Татарский язык в межличностной коммуникации и в общественных пространствах городов Татарстана // Историческая этнология. Т. 10, № 3. С. 472–490. DOI: <https://doi.org/10.22378/he.2025-10-3.472-490>
- Габдулхаков В. Ф. (1999) Современная языковая коммуникация и технология развития речевой деятельности в условиях билингвизма / под ред. Л. З. Шакировой. Казань. 207 с.
- Леонтьев А. Н. (1972) Проблемы развития психики. 3-е изд. М.: Издательство Московского университета. 576 с.

- Михайлова Т. А., Полосина А. А., Шилина И. Б., Шилин А. Ю. (2023) Концептуальные основы становления языковой социализации за рубежом // Язык и текст. Т. 10, № 1. С. 21–31.
- Сенур Э. (1993) Избранные труды по языкознанию и культурологии / пер. с англ.; общ. ред. и вступ. ст. А. Е. Кибрика. М.: Прогресс; Универс. 656 с.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) / отв. ред. В. Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Режим доступа: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=505840&ysclid=mppf5a5fb1708222197>. Дата обращения: 02.02.2026.
- Федеральная рабочая программа основного общего образования (2023). М. 5682 с.

REFERENCES

- Abdullina, Ch.Z. and Sagdeeva, F.K. (2021) *Yazykovaya situatsiya v Respublike Tatarstan: sfery primeneniya tatarskogo yazyka* [The language situation in the Republic of Tatarstan: areas of use of the Tatar language]. Kazan: Shkola. 136 p. (In Russian).
- Avrorin, V.A. (1975) *Problemy izucheniya funktsionalnoy storony yazyka* [Problems of studying the functional aspect of language: on the subject of sociolinguistics]. Leningrad: Nauka. 276 p. (In Russian).
- Antropova, Yu.Yu. (2016) Yazykovaya socializatsiya detej kak otrazhenie izmenenij v obshchestve: socio-lingvisticheskiy podhod [Children's language socialization as a reflection of changes in society: a sociolinguistic approach], *Sociodynamics*, no. 5, pp. 25–33. DOI: 10.7256/2409-7144.2016.5.18486. Available at: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=18486 (Accessed: 2 February 2026). (In Russian).
- Arkharova, D.I. and Dolina, T.A. (2013) *Sozdanie uslovij dlya vospitaniya i socializatsii obuchayushchih na urokah russkogo yazyka i na vneurochnykh zanyatiyakh: uchebno-metodicheskie materialy dlya zanyatij v 5–9 klassah* [Creating conditions for the education and socialization of students in Russian language lessons and extracurricular activities: educational and methodological materials for classes in grades 5–9]. Yekaterinburg: IRO. 117 p. (In Russian).
- Gabdulkhakov, V.F. (1999) *Sovremennaya yazykovaya kommunikatsiya i tehnologiya razvitiya rechevoj deyatel'nosti v usloviyakh bilingvizma* [Modern language communication and technology for the development of speech activity in bilingual conditions]. Edited by L.Z. Shakirova. Kazan. 207 p. (In Russian).
- Leontiev, A.N. (1972) *Problemy razvitiya psihiki* [Problems of mental development]. 3rd ed. Moscow: Moscow University Press. 576 p. (In Russian).
- Mikhailova, T.A., Polosina, A.A., Shilina, I.B. and Shilin, A.Yu. (2023) Konceptual'nye osnovy stanovleniya yazykovoy socializatsii za rubezhom [Conceptual foundations of the formation of linguistic socialization abroad], *Language and Text*, vol. 10, no. 1, pp. 21–31. (In Russian).
- Sapir, E. (1993) *Izbrannyye trudy po yazykoznaniiu i kul'turologii* [Selected works on linguistics and cultural studies]. Edited and introduced by A.E. Kibrik. Moscow: Progress Publishing House. 656 p. (In Russian).
- Slovar sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. (2006). Edited by V.Yu. Mikhalkchenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 312 p. (In Russian).
- Federal'nyj zakon ob obrazovanii* [Federal Law on Education]. Available at: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=505840&ysclid=mppf5a5fb1708222197> (Accessed: 2 February 2026). (In Russian).
- Federal'naya obrazovatel'naya programma osnovnogo obshchego obrazovaniya* [Federal Educational Program of Basic General Education]. (2023). Moscow. 5682 p. (In Russian).

Гульназ Н. Мухарлямова

Кандидат филологических наук, заведующий
отделом национального образования,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111 Российская Федерация,
г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12.

Эл. адрес: mukharlamgul@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-0584-3683>

Лилия М. Гиниятуллина

Доктор филологических наук, доцент,
заместитель директора по инновационной
деятельности и внешним связям,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420037 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Мариупольская, д. 54.

Эл. адрес: gin_liluk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0910-1476>

Олег Р. Хисамов

Доктор филологических наук, заместитель
директора по научной работе,
Институт языка, литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова Академии наук
Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420100 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Новоселья, д. 6, кв. 229.

Эл. адрес: ohisamov75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3776-8035>

Gulnaz N. Mukharlyamova

Candidate of Philological Sciences, Head of the
Department of National Education,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 K. Marx Street,
Kazan 420111,
Russian Federation.

Email address: mukharlamgul@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0002-0584-3683>

Liliya M. Giniyatullina

Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor, Deputy Director for Innovative
Activities and External Relations,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
54 Mariupolskaya Street,
Kazan 420037,
Russian Federation.

Email address: gin_liluk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0910-1476>

Oleg R. Khisamov

Doctor of Philological Sciences, Deputy
Director for Research,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
Apt. 229, 6 Novoselya Street,
Kazan 420100,
Russian Federation.

Email address: ohisamov75@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-3776-8035>

Для цитирования: Мухарлямова Г.Н., Гиниятуллина Л.М., Хисамов О.Р. Социолингвистические факторы языковой социализации в процессе обучения родному (татарскому) языку // Социолингвистика. 2026. № 2. С.161–180. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-08

For citation: Mukharlyamova G.N., Giniyatullina L.M., Khisamov O.R. Sociolinguistic factors of language socialization in the process of teaching the native (Tatar) language // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 161–180. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-08

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 10.05.2026;
accepted for publication 30.06. 2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-09>

ЯЗЫКОВОЙ ПРОФИЛЬ ДЕТЕЙ-БИЛИНГВОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН: ПО МАТЕРИАЛАМ ДЕТСКОЙ ВЕРСИИ ОПРОСНИКА LEAP-Q

УДК 811.512.145

Айгуль Ф. Ханова

Казанский (Приволжский)
федеральный университет,
Казань, Российская Федерация

Ильгиз И. Халиков

Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики
Татарстан,
Казань, Российская Федерация

Алия И. Идиятуллина

Институт языка, литературы и
искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики
Татарстан,
Казань, Российская Федерация

Примечание

Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ)

Аннотация

В статье анализируются результаты исследования языкового профиля учащихся Татарской гимназии №2 г. Казани и полилингвального комплекса «Адымнар» г. Набережные Челны Республики Татарстан в 2024-2025 гг. Данные получены на основе анализа субъективного метода оценки уровня языковой компетенции – детской версии опросника LEAP-Q. Цель исследования заключается в изучении подвижности билингвального конструкта в зависимости от языковой среды, возраста усвоения и уровня владения языками. Несмотря на более раннее освоение татарского языка, его уровень владения в исследуемых группах уступает русскому, что обусловлено влиянием мажоритарного языка. Результаты исследования указывают на дисбаланс сфер функционирования татарского и русского языков. Татарский язык является преимущественно языком семейного общения и культурно-образовательной сферы. Для расчета индекса билингвизма был впервые применен метод математического моделирования по методологии [Chen & Blanco-Elorrieta, 2025]. Полученные данные показывают сдвиг индекса билингвизма в сторону русского языка, при этом татарский язык обучения способствует поддержанию баланса языковых компетенций. Результаты проведенного анализа указывают на то, что в текущей социолингвистической ситуации языкового сдвига полилингвальный комплекс «Адымнар» выступает ключевым центром, препятствующим полной утрате миноритарного языка.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: билингвизм, детский билингвизм, язык обучения, LEAP-Q, татарский язык, полилингвальное образование, языковой профиль, родной язык, самооценка владения языком

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-09>

LINGUISTIC PROFILE OF BILINGUAL CHILDREN IN THE REPUBLIC OF TATARSTAN: BASED ON THE CHILD VERSION OF THE LEAP-Q QUESTIONNAIRE

UDC 811.512.145

Aigul F. Khanova

Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation

Ilgiz I. Khalikov

G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art of the Academy of
Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation

Aliya I. Idiyatullina

G. Ibragimov Institute of Language,
Literature and Art of the Academy of
Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation

Acknowledgments

This research was funded by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan provided to higher education institutions, scientific and other organizations to support human resource development plans in terms of encouraging their research and academic staff to defend doctoral dissertations and conduct research activities (Agreement No. 12/2025-PD-KFU dated December 22, 2025)

Abstract

The article analyzes the results of a study of the language profiles of students at Tatar Gymnasium No. 2 in Kazan and the multilingual educational complex Adymnar in Naberezhnye Chelny, Republic of Tatarstan, conducted in 2024–2025. The data were obtained using a subjective method for assessing language proficiency, namely the child version of the LEAP-Q questionnaire.

The aim of the study is to examine the dynamic nature of the bilingual construct in relation to the linguistic environment, age of acquisition, and level of proficiency in the languages involved. Despite the earlier acquisition of Tatar, proficiency in Tatar among the groups studied is lower than proficiency in Russian, which reflects the influence of the majority language. The findings indicate an imbalance in the domains of use of Tatar and Russian. Tatar functions primarily as a language of family communication and in cultural and educational contexts.

For the first time, the bilingualism index was calculated using a mathematical modelling method based on the methodology proposed by Chen and Blanco-Elorrieta (2025). The results show a shift in the bilingualism index toward Russian, while education through the medium of Tatar contributes to maintaining a more balanced level of proficiency in the two languages. The analysis suggests that, in the current sociolinguistic context of language shift, the Adymnar multilingual educational complex serves as a key institution helping to prevent the complete loss of the minority language.

KEYWORDS: bilingualism, childhood bilingualism, language of instruction, LEAP-Q, Tatar, polylingual education, language profile, native language, self-reported language abilities

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Aigul F. Khanova, Ilgiz I. Khalikov, Aliya I. Idiyatullina, 2026

1 | Введение

Исследование языкового профиля билингвов проводится, как правило, для определения доминантного языка, которое в сфере образования необходимо в первую очередь для выбора релевантного языка оценки академических достижений ребенка [Gertken et al., 2014: 208]. При этом доминантность определяется как субъективными, так и объективными методами оценки языковой компетенции. К субъективным методам относятся стандартизированные опросники: Опросник языкового опыта и уровня владения языком (LEAP-Q) [Marian et al., 2007], Профиль двуязычия (BLP) [Birdsong et al., 2012], Опросник истории изучения и использования языков (LHQ) [Li et al., 2014] и т.д. Данные анкеты включают информацию о порядке и возрасте освоения языков, уровне их владения, языковой экспозиции и сферах их использования.

Целью настоящего исследования языкового профиля детей-билингвов является не столько определение доминантного языка, сколько выявление актуальных тенденций функционирования татарского языка в современной социолингвистической ситуации. Для достижения данной цели в качестве эмпирической базы были выбраны татарская гимназия с национальным языком обучения и полилингвальный образовательный комплекс Республики Татарстан, представляющие собой модели сбалансированной языковой среды в условиях высокой институциональной поддержки. Татарский язык является основным языком обучения начальной школы Татарской гимназии №2 им. Шигабутдина Марджани г. Казань, которая получила статус центра национального образования в 2014 г. и стала ресурсной базой Министерства образования и науки Республики Татарстан, Всемирного конгресса татар и Казанского Федерального университета по изучению, сохранению и распространению языка, культуры и истории татарского народа.

Проект по созданию полилингвальных образовательных комплексов «Адымнар» реализуется в Республике Татарстан с 2020 г. по инициативе первого Президента Республики Татарстан М.Ш. Шаймиева. Концепция полилингвальной школы «Адымнар» [Концепция, 2019] разработана с учетом современных тенденций развития мультиязычного образования в мире и представляет собой единство организации целенаправленного процесса обучения и воспитания, личностного развития и социализации школьников как минимум на трех языках [Фатхуллова, Денмухаметова, 2021: 220]. Образовательная модель многоязычной школы, которая реализуется в государственном автономном общеобразовательном учреждении «Полилингвальный комплекс «Адымнар – путь к знаниям и согласию», разработана с учетом многонационального состава населения Республики Татарстан и охватывает не только учебную, но и внеурочную, воспитательную, проектно-исследовательскую деятельность

обучающихся в процессе со-изучения родных (русского, татарского) и иностранных языков [Шамсутдинов, 2025: 148]. Всего в Республике Татарстан было построено шесть полилингвальных комплексов, два из которых работают в Казани, по одному — в Набережных Челнах, Альметьевске, Нижнекамске и Елабуге. Многоязычные комплексы Татарстана, расположенные в разных городах, работают в рамках республиканского кластера по единой концепции.

Следует особо отметить, что полилингвальное образование — это один из эффективных способов решения вопроса сохранения языкового и культурного разнообразия прежде всего для миноритарных народов в условиях многонациональных государств [Шамсутдинов, 2025: 150]. Ключевой принцип полилингвального обучения — применение в образовании как минимум трех языков: родного языка, регионального или общенационального языка и международного языка [Ялалов, 2021: 38] заложен в полилингвальной парадигме образовательного комплекса «Адымнар», включающая изучение предметов на русском, татарском и английском языках [Шигабутдинова, 2024: 44]. Как отмечают Т.В. Тимофеева и О.В. Шатунова, полилингвальная образовательная инициатива Татарстана направлена на формирование будущего национальных республик, Российской Федерации в целом, сохранение языкового разнообразия, обеспечение межэтнического согласия между народами, воспитание человека национальной, общероссийской и мировой культуры [Тимофеева, Шатунова, 2024: 70].

Главным результатом проведенных в республике образовательных реформ стало развитие языковой грамотности и формирование позитивного отношения к проблеме двуязычия в многонациональном сообществе республики [Аппакова-Шогина, Гут, 2023: 26]. Важную роль в формировании позитивного отношения к проблеме двуязычия выполняет и «положительный имидж полилингвального комплекса «Адымнар» в республике» [Агапова, 2025: 14]. При этом результаты глубинного интервью в социологическом исследовании Э.И. Агаповой и коллег показали, что «педагоги, говоря о создании полилингвальных комплексов в Татарстане, отдельно подчеркивали роль республиканского руководства в решении вопроса популяризации татарского языка, выражая полное понимание и поддержку современной языковой политики» [Агапова и др., 2025: 9], что, на наш взгляд, особенно важно в условиях «определённой деинституционализации татарского языка в образовании» [Хилханова, 2022: 90]. Кроме этого государственная поддержка подобного типа приобретает принципиальное значение в контексте лингвистических идеологий, которые по мнению Э.В. Хилхановой определяют будущее миноритарных языков России и определяют отношение к ним, «влияя на

принимаемые людьми решения на сознательном и неосознанном уровнях: говорить или не говорить на языке, учить или не учить, передавать его детям и внукам или нет» [Хилханова, 2021: 541].

Выбор данных образовательных учреждений г. Казани и Набережных Челнов обусловлен тем, что данные города являются центрами двух крупнейших агломераций Татарстана – Казанской и Камской. Широкий территориальный охват позволяет рассматривать полученные результаты как типичные для современной городской языковой ситуации республики, при этом следует учитывать, что упомянутые выше образовательные учреждения отличаются языком обучения и вследствие этого образуют социалингвистический континуум. Таким образом, учащиеся татарской гимназии и полилингвальной школы «Адымнар» представляют собой репрезентативную выборку, чей языковой профиль сформирован, с одной стороны, в рамках городской языковой среды, с другой стороны, в контексте полилингвальной образовательной модели. Цель настоящего исследования заключается не в формальном сравнении профилей учащихся двух школ, а в попытке анализа билингвального конструкта, на который влияют такие факторы как язык обучения, возраст освоения и использование языка.

2 | Опросник языкового опыта и уровня владения языком

В настоящей работе мы использовали детскую версию анкеты LEAP-Q (Language Experience and Proficiency Questionnaire) — опросника, предназначенного для сбора данных о языковом опыте и уровне владения языками у билингвов [Marian et al., 2007]. Опросник позволяет получить информацию об истории изучения языков, частоте их использования, самооценке уровня владения языком в различных модальностях — чтении, письме, аудировании, говорении. Его структура состоит из нескольких разделов: демографические данные испытуемых, языковая биография, использование языков в различных сферах жизни, самооценка уровня владения языками. Все данные детской версии анкеты LEAP-Q заполняют родители. Преимуществом LEAP-Q является его краткость в сравнении с другими опросниками [Dass et al., 2024: 750] и включение информации по языкам, а не формальное определение доминантности [Gertken et al., 2014: 214].

Анкета LEAP-Q широко используется в педагогике, нейронауках, социо- и психолингвистике [Kaushanskaya et al., 2020], в частности, в исследованиях исполнительных функций [Anderson et al., 2018; Revniuk, 2024]. Важно понимать, что билингвизм — это сложный конструкт, поэтому исследовать необходимо как влияние отдельных параметров, так

и их совокупность. Например, исследование [Freeman, 2026] показало, что самоотчет родителей о языковом развитии детей коррелировал с результатами стандартизированных тестов на владение словарным запасом и развитием морфосинтаксиса. Таким образом, М. Фриман предполагает, что анкета LEAP-Q является надежным инструментом для оценки языковых способностей детей, особенно в ситуации отсутствия стандартизированных тестов на миноритарных языках и диалектах.

Несмотря на то, что во многих билингвальных исследованиях анализируются данные опросников (LEAP-Q, LHQ, BLP и т.д.), до сих пор не существует четкого стандартизированного метода обобщения полученных результатов [Chen & Blanco-Elorrieta, 2025]. Сложность заключается в определении параметров языкового опыта, которые необходимо учитывать при анализе данных самоотчета, что, в свою очередь, объясняет отсутствие на сегодняшний день разработанной методологии оценки билингвизма [Anderson et al., 2018]. Исследователи [Chen & Blanco-Elorrieta, 2025] предлагают для определения доминантности языка учитывать две ключевые переменные — возраст усвоения (Age of Acquisition) и языковую компетенцию (Ability). При этом важно, что предложенный метод не сравнивает средние баллы детей между собой, а переводит показатели в относительную шкалу, где точкой отсчета служит персональный максимум конкретного ребенка. Кроме этого, авторы рассматривают билингвизм в динамике речевого онтогенеза с учетом гипотезы критического периода [Hartshorne et al., 2018]. Рассчитанный итоговый индекс билингвизма принимает значение в диапазоне от -1 до 1, где 0 указывает на сбалансированность двуязычия. Однако следует отметить, что предложенный метод не учитывает один из важнейших параметров двуязычия — использование языка (language use), который определяется также как один из ключевых в исследованиях билингвизма [Marian et al., 2007; Luk & Bialystok, 2013; Kałamała et al., 2021].

2.1 Методы

2.1.1 Участники

Исследование проводилось в 2024–2025 гг. в Республике Татарстан, в котором приняли участие 314 учащихся 2–4 классов, из них 138 школьников полилингвальной школы «Адымнар» г. Набережные Челны и 176 обучающихся Татарской гимназии №2 г. Казань. Возраст детей от 7 до 11 лет. Демографические данные по участникам исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Демографические сведения участников исследования

Образовательное учреждение	Количество, чел.	Пол		Возраст, лет*	Родной язык татарский, %
		девочки	мальчики		
Татарская гимназия	176	93	83	8,98 (0,86)	93,8
Полилингвальная школа	138	85	53	9,25 (1,08)	66,7

*В скобках указано стандартное отклонение

Распределение учащихся по классам в разрезе двух образовательных учреждений изображено на рис.1

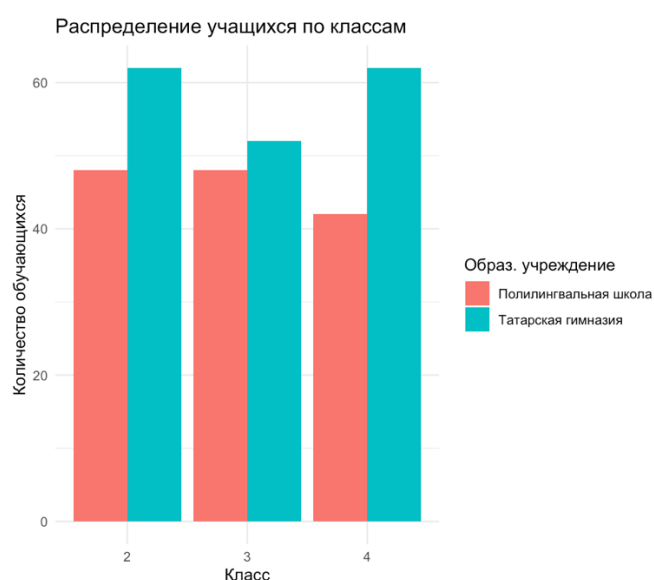

Рисунок 1. Распределение учащихся по классам.

2.1.2 Результаты

Языковой профиль школьников основывается на данных опросника LEAP-Q по родному языку, освоенному первому и второму языку, возрасту освоения языков, возрасту начала говорения, коммуникативным ситуациям использования языков, шкале самооценки владения татарским и русским языками и языками семьи.

Первым вопросом языкового блока опросника является определение родного языка. В детской версии анкеты LEAP-Q вопрос о родном языке ребенка фактически отождествляется с порядком его освоения: «Пожалуйста, укажите все языки, которые знает ваш ребенок, в порядке их освоения: родной (первый) язык, второй язык, третий язык и т.д.». Подобная

формулировка предполагает двоякую интерпретацию вопроса родителями: как освоенный первый язык в языковом опыте ребенка, или как язык, связанный с его этнической принадлежностью, вне зависимости от начала освоения. Как справедливо отмечает А.Н. Биткеева, «для большинства этносов Российской Федерации по данным полевых исследований понятие «родной язык» неразрывно связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности [Биткеева, 2016: 150]. Эмотивная значимость термина «родной язык» [Ханова и др., 2024] допускает, на наш взгляд, выбор языка этнической принадлежности в качестве «первого», даже в случае его более позднего освоения.

По результатам опроса, татарский язык в качестве родного для своих детей указали 82% родителей, один родитель оставил вопрос без ответа, русский является родным для 18% учащихся. При этом в татарской гимназии доля учащихся с родным русским языком составляет 6,25%, в полилингвальной школе — 33,3%, что, на наш взгляд, связано, прежде всего, с языком обучения — в Татарской гимназии №2 обучение в начальной школе ведется на татарском языке. Распределение ответов по родному языку и образовательным учреждениям показано на рис.2.

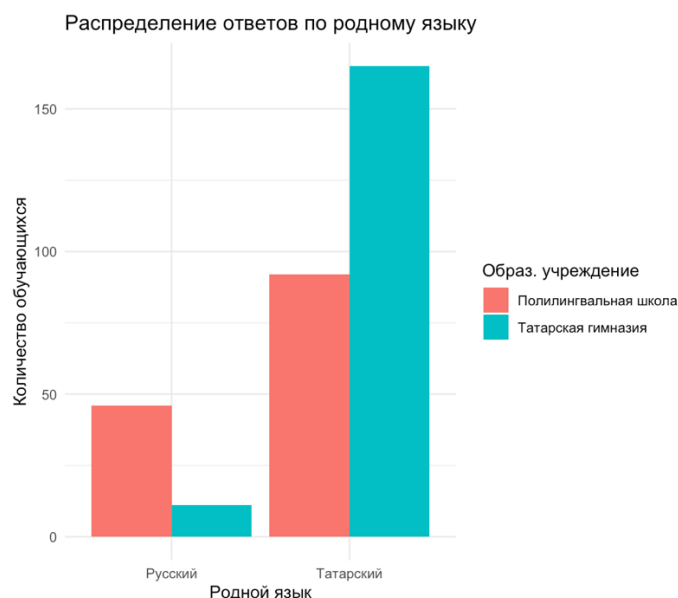

Рисунок 2. Распределение ответов по родному языку

Порядок освоения языков по данным опросника показывает, что 93% учащихся татарской гимназии и 67% школьников полилингвальной школы начали осваивать сначала татарский, а затем русский языки. Результаты представлены в таблице 2 и показывают специфику раннего речевого развития детей–билингвов республики.

Таблица 2. Возраст освоения языка и появления экспрессивной речи.

Образовательное учреждение	Язык	Освоение языка, мес.	Появление первых слов, мес.	Фразовая речь, лет
Татарская гимназия	татарский	1,3 (5,0)	15,2 (8,7)	2,4 (1,28)
	русский	9,1 (14,7)	23,2 (14,6)	2,9 (1,3)
Полилингвальная школа	татарский	2,5 (8,4)	15,9 (14,1)	2,9 (1,95)
	русский	4,3 (11,9)	17,3 (9,0)	2,2 (0,91)

**В скобках указано стандартное отклонение*

В обоих исследуемых образовательных учреждениях освоение татарского языка родителями отмечается в среднем раньше, чем русского: в татарской гимназии $M_{\text{татарский}} = 1,3$ мес., $M_{\text{русский}} = 9,1$ мес., в полилингвальной школе — $M_{\text{татарский}} = 2,5$ мес., $M_{\text{русский}} = 4,3$ мес. Сходная тенденция наблюдается и в отношении появления первых слов на татарском языке: в гимназии этот показатель составляет 15,2 мес., в «Адымнар» — 15,9 мес., что существенно опережает сроки появления первых слов на русском языке. При этом следует отметить, что сравнение речевого онтогенеза демонстрирует значимые различия на этапе формирования фразовой речи. Учащиеся татарской гимназии быстрее перешли к фразовой речи на татарском языке ($M = 2,4$ года), в то время как русскоязычная фразовая речь сформировалась позже ($M = 2,9$ года). У школьников полилингвальной школы, наоборот, несмотря на более ранний старт в освоении татарских слов, полноценная фразовая речь на русском языке формируется значительно быстрее ($M_{\text{русский}} = 2,2$ года, $M_{\text{татарский}} = 2,9$ года). Это может свидетельствовать о более сильном влиянии русскоязычной среды на этапе социализации ребенка, например, посещение дошкольных образовательных учреждений с русским языком обучения. Следует отметить, что высокие значения стандартного отклонения в возрасте освоения русского языка в татарской гимназии и татарского языка в полилингвальной школе указывают на значительную индивидуальную вариативность учащихся. На наш взгляд, это говорит о том, что формирование траектории билингвизма на ранних этапах носит глубоко индивидуальный характер и подвержено сильному влиянию языковой среды семьи и социального окружения.

Следует отметить, что в ряде случаев при заполнении родителями опросников нами зафиксированы незаполненные поля ответов, которые мы маркировали как «нет ответа» (NA), при этом доля пропущенных ответов во всем массиве данных не превышает 10%. Наибольшее количество отсутствующих ответов зафиксировано в вопросах возраста освоения и говорения. При этом как указывают многие исследователи, проблема отсутствующих данных в социальных науках требует особого внимания, так как она может быть обусловлена, в том числе, политической и социальной чувствительностью [Rose and Fraser, 2008] и на нее во многом оказывает влияние целевая выборка участников исследования, территориальный охват и сам метод сбора данных [Porter & Ecklund, 2012: 467]. Таким образом, отсутствующие данные, в частности в социолингвистике, могут быть обусловлены чувствительностью тематики вопроса и эффектом социальной нежелательности.

Отсутствующие данные в зависимости от уровня случайности классифицируют на три типа. При полной случайности (Missing Completely at Random, MCAR) пропуски независимы от любых данных в выборке. В случае если вероятность отсутствия значения объясняется другой наблюдаемой переменной, такие данные называют случайными (Missing at Random, MAR). Наибольшую сложность для анализа представляют неслучайные отсутствующие данные (Missing Not at Random, MNAR), так как причины скрыты в самих значениях переменной или в неучтенных внешних факторах [цит. по Lee et. al., 2023]

Для проверки типа пропусков мы построили модели логистической регрессии, где зависимой переменной был бинарный индикатор пропуска данных возраста освоения и формирования речевых навыков, а независимой переменной — родной язык респондента. Родной язык был выбран в качестве предиктора модели с целью проверки гипотезы влияния языковой идентичности на систематический отказ от ответов по данным вопросам опросника. Статистический анализ проводился в статистической среде программирования R (версия 4.4.1) с использованием пакета tidyverse [R Core Team, 2024].

Анализ моделей не выявил статистически значимого влияния родного языка на вероятность отсутствия ответов в зависимости от возраста освоения языка (татарский: $\beta = -0,25$, $p = 0,47$; русский: $\beta = 0,58$, $p = 0,12$) и возраста формирования экспрессивной речи (татарский: $\beta = -0,34$, $p = 0,31$; русский: $\beta = 0,59$, $p = 0,13$). Таким образом, во всех построенных моделях логистической регрессии фактор родного языка как этнической принадлежности не продемонстрировал статистически значимого влияния на вероятность отсутствия данных ($p > 0.05$). Следовательно гипотеза о связи пропусков с языковой идентичностью не подтвердилась, что позволяет рассматривать данные пропуски как случайные. Мы

предполагаем, что вероятность пропуска может быть связана в данном случае с естественным забыванием родителями точных сроков ранних этапов языкового онтогенеза детей, а не чувствительным влиянием языковой идентичности.

Опросник LEAP-Q включает также информацию по языковому окружению ребенка. На вопрос «Сколько процентов времени члены семьи используют дома разные языки» родители распределяли время использования различных языков дома в процентном соотношении так, чтобы их совокупное значение было равно 100%. Данные по распределению представлены в таблице 3.

Таблица 3. Использование языка родителями, %

Родитель	Язык	Татарская гимназия	Полилингвальная школа
мать	татарский	76,5 (22,5)	53,4 (27,6)
	русский	25,2 (22,2)	46,6 (27,4)
отец	татарский	67,1 (32,1)	44,6 (32,6)
	русский	36,1 (32,0)	55,6 (32,4)

**В скобках указано стандартное отклонение*

Сравнительный анализ языков семейного общения показывает существенные различия между двумя группами. Родители учащихся татарской гимназии чаще используют татарский язык в семье: матери в среднем 76,5%, отцы — 67,1%. В семье учащихся полилингвальной школы татарский язык не всегда выступает средством общения родителей, особенно отцов — на русском языке говорят 55,6%. Таким образом, межпоколенная передача языка определяется преимущественно речевым поведением матери. При этом следует отметить, что высокие значения стандартного отклонения в обеих группах показывают неоднородность использования языка в семье.

Коммуникативные ситуации использования языков учащимися татарской гимназии представлены в таблице 4 и полилингвальной школы — в таблице 5.

Таблица 4. Коммуникативные ситуации использования языков учащихся татарской гимназии, %

Языки	Общение с друзьями	Общение с семьей	Просмотр телевизора и видео	Прослушивание музыки	Чтение	Переписка в мессенджерах
только татарский	0	26	0	2	0	0
в основном татарский	9	25	3	7	5	5
татарский и русский в равной степени	46	34	25	59	75	34
в основном русский	39	14	53	22	15	43
только русский	6	1	16	8	2	11

Представленные данные указывают на существенные различия использования татарского языка, который доминирует в сфере семейного общения учащихся татарской гимназии, в то время как для обучающихся полилингвальной школы языком семьи наряду с татарским является и русский, что согласуется с результатами использования языка родителями.

Таблица 5. Коммуникативные ситуации использования языков учащихся полилингвальной школы, %

Языки	Общение с друзьями	Общение с семьей	Просмотр телевизора и видео	Прослушивание музыки	Чтение	Переписка в мессенджерах
только татарский	0	2	1	0	0	0
в основном татарский	1	17	0	1	0	0
татарский и русский в равной степени	20	41	8	43	31	11
в основном русский	57	33	51	38	49	51
только русский	21	5	37	17	19	36

Однако в сфере цифровых технологий наблюдается выраженная тенденция к переходу на русский язык у обеих групп учащихся. Сбалансированное использование языков в культурно-образовательной сфере — прослушивание музыки и чтение характерно для учащихся татарской гимназии, что позволяет предположить влияние языка обучения.

Самооценка уровня понимания, говорения и чтения предполагает оценивание родителями экспрессивных и рецептивных речевых навыков ребенка на татарском и русском языках по шкале от 0 до 10. Среднее значение и стандартное отклонение представлены в табл.5.

Таблица 5. Самооценка речевых навыков, от 0 до 10

Образовательное учреждение	Языки	Понимание устной речи *	Говорение*	Чтение
Татарская гимназия	татарский	7,67 (2,11)	6,69 (2,29)	7,02 (2,03)
	русский	8,66 (1,15)	8,36 (1,2)	8,12 (1,31)
Полилингвальная школа	татарский	6,56 (2,44)	5,27 (2,61)	5,82 (2,32)
	русский	9,10 (1,06)	8,79 (1,27)	8,56 (1,44)

**В скобках указано стандартное отклонение*

Полученные данные показывают более высокие показатели владения татарским языком и навыками чтения учащихся татарской гимназии с татарским языком обучения. При этом разрыв экспрессивных и рецептивных навыков на татарском языке, на наш взгляд, указывает на тенденцию формирования пассивного билингвизма у школьников. Более высокие значения стандартного отклонения для татарского языка говорят о высокой дисперсии — языковые компетенции учащихся варьируются сильнее, чем аналогичные на мажоритарном русском языке.

Далее для определения степени доминантности в языковом профиле учащихся был рассчитан интегральный индекс билингвизма (bilingual index), предложенный в исследовании [Chen & Blanco-Elorrieta, 2025]. Процедура данного расчета включала в себя три последовательных этапа:

1. Расчет и нормализация композитного балла владения языком. На данном этапе для каждого участника и для каждого языка вычислялось среднее арифметическое значение самооценок по трем ключевым параметрам: понимание устной речи, говорение и чтение.

Полученные композитные баллы подвергались индивидуальной нормализации. Для каждого учащегося определялся его персональный максимум среди двух языков, затем средний балл каждого языка делился на данный индивидуальный максимум. Таким образом доминантный язык каждого конкретного ребенка автоматически получал эталонное значение 1, а компетенции во втором языке оценивались относительно данного персонального максимума.

2. Логистическая трансформация возраста освоения языка. Параметры функции были получены на основе данных [Hartshorne et al., 2018], в связи с этим уровень владения языком взвешивался через показатель возраста начала его активного освоения. Авторы предполагают, что раннее овладение языком до 10 лет способствует достижению высокого уровня владения родным языком. Таким образом, математически рассчитывается постепенное снижение пластичности мозга и способности к нативному освоению языка: при начале усвоения с рождения весовой коэффициент стремится к максимальному значению 1, а при приближении к возрасту 10 лет и старше — начинает накладывать весовой штраф на итоговый показатель.

3. Расчет финального индекса доминантности. Полученный после нормализации показатель уровня владения языком умножался на весовой коэффициент возраста освоения. Итоговый коэффициент вычислялся как разность полученных значений для татарского и русского языков и варьировался от -1 до 1 , где 0 указывает на сбалансированность билингвизма, положительное значение свидетельствует о доминировании русского языка, отрицательное значение — доминирование татарского языка.

Статистический анализ проводился в статистической среде программирования R, версия 4.4.1 [R Core Team, 2024]. Полученные значения для учащихся гимназии с татарским языком обучения и полилингвальной школы, рассчитанные по методологии [Chen & Blanco-Elorrieta, 2025], представлены в таблице 6.

Таблица 6. Индекс билингвизма учащихся образовательных учреждений
Республики Татарстан

Образовательное учреждение	Количество учащихся, чел.	Объем валидных данных (без пропусков)	Среднее значение	Минимальное значение	Максимальное значение
Татарская гимназия	176	127	0,16 (0,24)*	-0,30	0,78
Полилингвальная школа	138	93	0,33 (0,26)*	-0,27	0,88

*В скобках указано стандартное отклонение

Результаты анализа показали, что учащихся татарской гимназии отличает преимущественно сбалансированный тип билингвизма. Среднее значение 0,16 ($SD = 0,24$) указывает на высокую степень симметрии уровня языковой компетенции с незначительным сдвигом в сторону русского языка. Обучающихся полилингвальной школы характеризует асимметричный тип двуязычия с доминированием русского языка со средним значением 0,33 ($SD = 0,26$). Минимальные и максимальные значения индекса билингвизма показывают диапазон сформированности языковых навыков внутри каждой группы участников с характерным сдвигом в сторону русского языка. Языковой сдвиг связан с влиянием мажоритарного языка, при этом, следует особо отметить, что язык обучения способствует поддержанию баланса языковых компетенций. На рисунке 3 представлены результаты распределения индекса билингвизма.

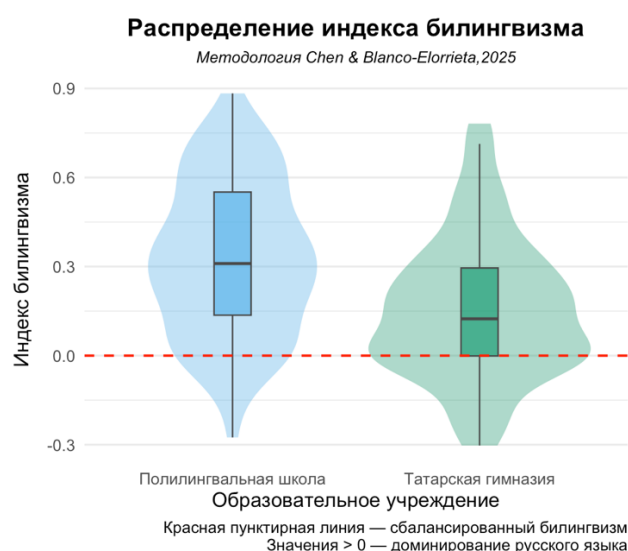

Рисунок 3. Распределение индекса билингвизма

3 | Заключение

В настоящем исследовании представлены результаты анализа языковых профилей обучающихся начальной школы с татарским языком обучения и полилингвальной школы Республики Татарстан. Языковой профиль включает в себя такие ключевые параметры как возраст освоения, сфера использования и уровень владения языками. Следует отметить, что несмотря на более раннее освоение татарского языка, актуальный уровень языковой компетенции в исследуемых группах уступает русскому языку, что обусловлено влиянием мажоритарного языка. Полученные результаты показывают влияние модели образовательной

системы на подвижность билингвального конструкта. Обучение на татарском языке в начальной школе удерживает языковой баланс, при этом более характерный сдвиг билингвизма в сторону русского языка в полилингвальной школе не следует интерпретировать как неэффективность полилингвальной образовательной модели. Напротив, в условиях существующего языкового сдвига полилингвальный комплекс «Адымнар» выступает ключевым центром, препятствующим полной утрате миноритарного языка. С целью верификации гипотезы о снижении языковых компетенций вне полилингвальной модели необходимо провести сравнительный анализ результатов исследования с контрольной группой учащихся общеобразовательных школ республики.

В заключении следует отметить, что материал исследования составили данные субъективных методов оценки языкового профиля. При анализе результатов необходимо принимать во внимание склонность родителей к завышению или занижению реального уровня языковой компетенции детей. Тем не менее, использование в настоящем исследовании расчета индекса билингвизма по методологии [Chen & Blanco-Elorrieta, 2025] позволило минимизировать влияние указанных субъективных факторов за счет процедуры индивидуальной нормализации относительно персонального максимума каждого участника. Следует отметить, что, будучи новым подходом, данная методология может обладать определенными ограничениями, поэтому необходима валидация предложенного подхода на широкой и лингвистически разнообразной группе участников. Кроме этого, существенным ограничением предложенного метода, на наш взгляд, является игнорирование такого ключевого параметра как использование языка, который оказывает значительное влияние на уровень владения языком.

Благодарность

Авторы выражают благодарность директору Татарской гимназии №2 им. Шигабутдина Марджани г. Казани Гайнуллину Рамилю Рашитовичу, директору Полилингвального комплекса «Адымнар – путь к знаниям и согласию» г. Набережные Челны Галиеву Азату Тахировичу, заместителю директора по учебно-воспитательной работе Хикматуллиной Лене Мадехатовне, а также родителям учащихся за содействие в проведении исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Агапова Э.И., Шамсутдинова Р.Р., Шамсутдинова И.И. (2025) К вопросу о реализации полилингвального образования в Республике Татарстан (по результатам социологического исследования). Казанский социально-гуманитарный вестник. (2(69)). С. 4–18
- Аппакова-Шогина Н. З., Гут А. В. (2023) Система образования как регулятор полиэтнического общества // Проблемы современного педагогического образования. № 80 (4). С. 25–27.
- Биткеева А.Н. (2016) Родной язык в контексте многонационального государства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т.9 №5(27). С.146–162.
- Концепция полилингвального образовательного комплекса «Адымнар — путь к знанию и согласию» под-852/19 от 24 мая 2019. Режим доступа: https://edu.tatar.ru/upload/storage/org2242/files/img20250722_11385751.pdf. Дата обращения: 12.04.2026.
- Татарская гимназия №2 имени Шигабутдина Марджани г. Казань. Режим доступа: <https://edu.tatar.ru/moskow/page2284.htm> Дата обращения: 12.04.2026.
- Тимофеева Т.В., О.В. Шатунова (2024) Развитие полилингвальных комплексов в Республике Татарстан // Экономические и гуманитарные исследования регионов. № 5. С. 67–70.
- Фатхуллова К.С., Денмухаметова Д.Н. (2021) Полилингвальные комплексы как новая модель современной школы // Труды и материалы Международной конференции. В 2-х томах. Том 2. Под общей редакцией Р.Р. Замалетдинова, Е.А. Горобец, Э.А. Исламовой. Казань. С.220–226.
- Ханова А.Ф., Больгина Т.А., Драгой О.В. (2024) Коэффициент эмотивности «родной язык» в контексте измерения символической мощности миноритарных языков Российской Федерации (на материале Всероссийской переписи населения 2010 и 2020) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. № 2 (44). С. 58–69.
- Хилханова Э.В. (2021) Лингвистические идеологии в контексте сохранения миноритарных языков в современной России // Тезисы и материалы симпозиума «Языковая и этнокультурная ситуация в России и зарубежье» XIV Конгресса антропологов и этнологов России (отв. ред. Старченко Р.А., Степанов В.В.). М.: ИЭА РАН, 2021. С. 541. ISBN: 978-5-4211-0272-4.
- Хилханова Э.В. (2022). Татарский язык в сфере образования Республики Татарстан после 2018 г. в зеркале общественного мнения // Социоллингвистика. 2022. № 4 (12). С. 90–107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107.
- Шамсутдинов А.И. К диалогу культур через полилингвальное образование (на примере ГАОУ «Адымнар-Казань») // Научно-методический журнал «Вестник института родных языков». 2025. № 2. С. 146–161.
- Шигабутдинова Э.Р. (2024) Социокультурные аспекты билингвального образования в многонациональных регионах: опыт Республики Татарстан. Казанский вестник молодых ученых. Т. 8 №3. С.41–47.
- Ялалов Ф.Г. (2021) Основы полилингвального образования: монография. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ. 192 с.
- Anderson, J.A.E., Mak, L., Keyvani Chahi, A. (2018) The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population. Behavior Research Methods 50, P. 250–263. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0867-9>
- Birdsong, D., Gertken, L., & Amengual, M. (2012). Bilingual Language Profile: An instrument for assessing bilingual dominance. Bilingualism: Language and Cognition, 15(4). P. 679–690.
- Chen XJ, Blanco-Elorrieta E. (2025) A theoretically driven calculation for language dominance and degree of multilingualism. bioRxiv [Preprint]. Jun 13:2025.06.13.659417. doi: 10.1101/2025.06.13.659417. PMID: 40661554; PMCID: PMC12259156.

- Dass R., Smirnova-Godoy I., McColl, O., Grundy J.G., Luk, G., & Anderson J.A.E. (2024). A Content Overlap Analysis of bilingualism questionnaires: Considering diversity. *Bilingualism: Language and Cognition*, 27. P. 744–750. <https://doi.org/10.1017/S1366728923000767>
- Hartshorne J.K., Tenenbaum J.B., Pinker S. (2018) A critical period for second language acquisition: Evidence from 2/3 million English speakers. *Cognition*, Volume 177. P. 263–277. ISSN 0010-0277, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.04.007>
- Freeman M. (2026) Parent Report of Bilingual Children's English Proficiency and Exposure Predicts English Vocabulary and Morphosyntax. *American Journal of Speech-Language Pathology*. Vol. 35 (1). P. 371–377. https://doi.org/10.1044/2025_AJSLP-25-002
- Gertken L.M., Amengual M., Birdsong D. (2014.) Accessing Language Dominance with the Bilingual language profile. *Measuring L2 Proficiency*. P.208-225 DOI:10.2307/jj.26932009.16
- Kalamala P, Senderecka M, Wodniecka Z. (2022). On the multidimensionality of bilingualism and the unique role of language use. *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 25(3). P. 471–483. <https://doi.org/10.1017/S1366728921001073>
- Kaushanskaya M., Blumenfeld H.K, Marian V, (2020). The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 23(5). P. 945–950. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000038>
- Lee K. J., Carlin J. B., Simpson J. A., Moreno-Betancur M. (2023) Assumptions and analysis planning in studies with missing data in multiple variables: moving beyond the MCAR/MAR/MNAR classification, *International Journal of Epidemiology*, Volume 52, Issue 4. P. 1268–1275, <https://doi.org/10.1093/ije/dyad008>
- Li P., Zhang F., Tsai E. & Puls, B. (2014). Language History Questionnaire (LHQ 3.0): Enhancing validity and reliability. *Bilingualism: Language and Cognition*, 17(3). P. 673–680.
- Luk G., & Bialystok E. (2013). Bilingualism is not a categorical variable: Interaction between language proficiency and usage. *Journal of Cognitive Psychology*. Vol. 25(5). P. 605–621. <https://doi.org/10.1080/20445911.2013.795574>
- Marian, V., Blumenfeld, H. K., & Kaushanskaya, M. (2007). The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50(4). P. 940–967.
- Porter, J.R., Ecklund, E.H. (2012) Missing Data in Sociological Research: An Overview of Recent Trends and an Illustration for Controversial Questions, Active Nonrespondents and Targeted Samples. *Am Soc* 43. P. 448–468 <https://doi.org/10.1007/s12108-012-9161-6>
- Revniuk V. (2024) The operationalization of bilingual linguistic experience and its relationship with executive function. *Acta Academiae Beregsasiensis Philologica*. III(2). P. 109–127 DOI:10.58423/2786-6726/2024-2-109-127
- Rose R. A., Fraser M. W. (2008) A Simplified Framework for Using Multiple Imputation in Social Work Research, *Social Work Research*, Volume 32, Issue 3. P. 171–178, <https://doi.org/10.1093/swr/32.3.171>
- R Core Team (2024). *R: A Language and Environment for Statistical Computing*. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. <https://www.R-project.org/>.

REFERENCES

- Agapova E.I., Shamsutdinova R.R., Shamsutdinova I.I. (2025) K voprosu o realizacii polilingval'nogo obrazovaniya v Respublike Tatarstan (po rezul'tatam sociologicheskogo issledovaniya) [On the Implementation of Multilingual Education in the Republic of Tatarstan (based on the results of a sociological study)]. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin* (2(69)). P. 4–18. (In Russian).

- Appacova-Shogina N.Z., Gut A.V.* (2023). Sistema obrazovaniya kak regulyator polietnichnogo obshchestva [The System of Education as a Regulator of a Multi-Ethnic Society] Problems of Modern Pedagogical Education. P. 25–27. (In Russian).
- Bitkeeva A.N.* (2016) Rodnoj yazyk v kontekste mnogonacional'nogo gosudarstva [Mother Tongue in the Context of a Polyethnic Country] Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences V.9 No 5(27). P.146–162. (in Russian).
- Koncepciya polilingval'nogo obrazovatel'nogo kompleksa «Adymnar - put' k znaniyu i soglasiyu» [The Concept of the “Adymnar — the Way to Knowledge and Harmony” Multilingual Educational Complex] No. pod-852/19, dated May 24, 2019. Available at: https://edu.tatar.ru/upload/storage/org2242/files/img20250722_11385751.pdf. Accessed: 12 April 2026. (in Russian).
- Tatarskaya gimnaziya №2 imeni SHigabutdina Mardzhani g. Kazan' [Tatar Gymnasium No. 2 Named after Shigabutdin Mardzhani, Kazan] Available at: <https://edu.tatar.ru/moskow/page2284.htm> Accessed: 12 April 2026. (in Russian).
- Timofeeva T. V., Shatunova O. V.* Razvitie polilingval'nykh kompleksov v respublike Tatarstan [Development of Multilingual Complexes in the Republic of Tatarstan]. Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov [Economic and Humanitarian Studies of Regions]. 2024, no. 5. P. 67–70 (in Russian).
- Fatkhulova K.S., Denmukhametova D.N.* (2021) Polilingval'nye komplekсы kak novaya model' sovremennoj shkoly [Multilingual Complexes as a New Model for the Modern School] Proceedings and Materials of the International Conference. In 2 volumes. Vol. 2. Under the general editorship of R.R. Zamaletdinov, E.A. Gorobets, E.A. Islamova. Kazan. P. 220–226. (in Russian).
- Khanova A.F., Bolgina T.A., Dragoy O.V.* (2024) Koefficient emotivnosti «rodnoj yazyk» v kontekste izmereniya simvolicheskoy moshchnosti minoritarnykh yazykov Rossijskoj Federacii (na materiale Vserossijskoj perepisi naseleniya 2010 i 2020) [The coefficient of emotiveness of «mother tongue» in the context of measuring the symbolic power of minority languages in the Russian Federation (based on the Russian Census data from 2010 to 2020)] Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology. No. 2 (44). P. 58–69. (in Russian).
- Khilkhanova E.V.* (2021) Lingvisticheskie ideologii v kontekste sohraneniya minoritarnykh yazykov v sovremennoj Rossii [Linguistic Ideologies in the Context of Minority Language Preservation in Modern Russia] // Abstracts and Materials of the Symposium “Language and Ethnocultural Situation in Russia and Abroad” of the XIV Congress of Anthropologists and Ethnologists of Russia (Exec. Eds. R.A. Starchenko, V.V. Stepanov). Moscow: IEA RAS. P. 541. ISBN: 978-5-4211-0272-4. (in Russian).
- Khilkhanova, E.V.* (2022) Tatarskij yazyk v sfere obrazovaniya Respubliki Tatarstan posle 2018 g. v zerkale obshchestvennogo mneniya [The Tatar language in the field of education of the Republic of Tatarstan after 2018 in the mirror of public opinion]. Sociolinguistics. No. 4 (12). Pp. 90–107. DOI: 10.37892/2713-2951-4-12-90-107. (in Russian).
- Shamsutdinov A.I.* (2025) K dialogu kul'tur cherez polilingval'noe obrazovanie (na primere GAOU «Adymnar-Kazan'») [Towards a Dialogue of Cultures Through Multilingual Education (The Case of the "Adymnar-Kazan" State Autonomous Educational Institution)] Scientific and Methodological Journal "Vestnik Instituta Rodnykh Yazykov" [Bulletin of the Institute of Native Languages]. No. 2. P. 146–161. (in Russian).
- Shigabutdinova E.R.* (2024) Sociokul'turnye aspekty bilingval'nogo obrazovaniya v mnogonacional'nykh regionah: opyt Respubliki Tatarstan [Sociocultural Aspects of Bilingual Education in Multiethnic Regions: The Experience of the Republic of Tatarstan]. Kazan Bulletin of Young Scientists. Vol. 8, No. 3. P.41–47. (in Russian).

- Yalalov F.G. (2021) Osnovy polilingval'nogo obrazovaniya: monografiya. Kazan': Institut tatarskoj enciklopedii i regionovedeniya AN RT. [Fundamentals of Multilingual Education: a monograph] Kazan: Institute of the Tatar Encyclopedia and Regional Studies of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. 192 p. (in Russian).
- Anderson, J.A.E., Mak, L., Keyvani Chahi, A. (2018) The language and social background questionnaire: Assessing degree of bilingualism in a diverse population. *Behavior Research Methods* 50, P. 250–263. <https://doi.org/10.3758/s13428-017-0867-9>
- Birdsong, D., Gertken, L., & Amengual, M. (2012). Bilingual Language Profile: An instrument for assessing bilingual dominance. *Bilingualism: Language and Cognition*, 15(4). P. 679–690.
- Chen XJ, Blanco-Elorrieta E. (2025) A theoretically driven calculation for language dominance and degree of multilingualism. *bioRxiv* [Preprint]. Jun 13:2025.06.13.659417. doi: 10.1101/2025.06.13.659417. PMID: 40661554; PMCID: PMC12259156.
- Dass, R., Smirnova-Godoy, I., McColl, O., Grundy, J.G., Luk, G., & Anderson, J.A.E. (2024). A Content Overlap Analysis of bilingualism questionnaires: Considering diversity. *Bilingualism: Language and Cognition*, 27. P. 744–750. <https://doi.org/10.1017/S1366728923000767>
- Hartshorne J.K., Tenenbaum J.B., Pinker S. (2018) A critical period for second language acquisition: Evidence from 2/3 million English speakers. *Cognition*, Volume 177. P. 263–277. ISSN 0010-0277, <https://doi.org/10.1016/j.cognition.2018.04.007>
- Freeman M. (2026) Parent Report of Bilingual Children's English Proficiency and Exposure Predicts English Vocabulary and Morphosyntax. *American Journal of Speech-Language Pathology*. Vol. 35 (1). P. 371–377. https://doi.org/10.1044/2025_AJSLP-25-002
- Gertken L.M., Amengual M., Birdsong D. (2014.) Accessing Language Dominance with the Bilingual language profile. *Measuring L2 Proficiency*. P.208-225 DOI:[10.2307/jj.26932009.16](https://doi.org/10.2307/jj.26932009.16)
- Kalamala P, Senderecka M, Wodniecka Z. (2022). On the multidimensionality of bilingualism and the unique role of language use. *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 25(3). P. 471–483. <https://doi.org/10.1017/S1366728921001073>
- Kaushanskaya M., Blumenfeld H.K, Marian V, (2020). The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Ten years later. *Bilingualism: Language and Cognition*. Vol. 23(5). P. 945–950. <https://doi.org/10.1017/S1366728919000038>
- Lee K. J., Carlin J. B., Simpson J. A., Moreno-Betancur M. (2023) Assumptions and analysis planning in studies with missing data in multiple variables: moving beyond the MCAR/MAR/MNAR classification, *International Journal of Epidemiology*, Volume 52, Issue 4. P. 1268–1275, <https://doi.org/10.1093/ije/dyad008>
- Li P., Zhang F., Tsai E. & Puls, B. (2014). Language History Questionnaire (LHQ 3.0): Enhancing validity and reliability. *Bilingualism: Language and Cognition*, 17(3). P. 673–680.
- Luk G., & Bialystok E. (2013). Bilingualism is not a categorical variable: Interaction between language proficiency and usage. *Journal of Cognitive Psychology*. Vol. 25(5). P. 605–621. <https://doi.org/10.1080/20445911.2013.795574>
- Marian, V., Blumenfeld, H. K., & Kaushanskaya, M. (2007). The Language Experience and Proficiency Questionnaire (LEAP-Q): Assessing language profiles in bilinguals and multilinguals. *Journal of Speech, Language, and Hearing Research*, 50(4). P. 940–967.
- Porter, J.R., Ecklund, E.H. (2012) Missing Data in Sociological Research: An Overview of Recent Trends and an Illustration for Controversial Questions, Active Nonrespondents and Targeted Samples. *Am Soc* 43. P. 448–468 <https://doi.org/10.1007/s12108-012-9161-6>
- Revniuk V. (2024) The operationalization of bilingual linguistic experience and its relationship with executive function. *Acta Academiae Beregsasiensis Philologica*. III (2). P. 109–127 DOI:[10.58423/2786-6726/2024-2-109-127](https://doi.org/10.58423/2786-6726/2024-2-109-127)

Rose R. A., Fraser M. W. (2008) A Simplified Framework for Using Multiple Imputation in Social Work Research, *Social Work Research*, Volume 32, Issue 3. P. 171–178, <https://doi.org/10.1093/swr/32.3.171>

R Core Team (2024). R: A Language and Environment for Statistical Computing. R Foundation for Statistical Computing, Vienna, Austria. <https://www.R-project.org/>.

Айгуль Ф. Ханова

Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры филологии,
Казанский (Приволжский) федеральный
университет,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420008, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Кремлевская, 18.

Эл. адрес: AjFHanova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1450-7067>

Ильгиз И. Халиков

Кандидат филологических наук, директор,
Институт языка, литературы и искусства им.
Г. Ибрагимова Академии наук Республики
Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Карла Маркса, 12.

Эл. адрес: ilgizxalikov@list.ru
<http://orcid.org/0009-0001-2341-0964>

Алия И. Идиятуллина

Младший научный сотрудник,
Институт языка, литературы и искусства им.
Г. Ибрагимова Академии наук Республики
Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Карла Маркса, 12.

Эл. адрес: aliya1311@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-2181-0105>

Aigul F. Khanova

Candidate of Philological Sciences, Associate
Professor, Associate Professor of the
Department of Philology,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
18 Kremlevskaya St.,
Kazan, Republic of Tatarstan,
420008, Russian Federation.

Email address: AjFHanova@kpfu.ru
<http://orcid.org/0000-0003-1450-7067>

Ilgiz I. Khalikov

Candidate of Philological Sciences, Director,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 Karla Marksa St.,
Kazan, Republic of Tatarstan,
420111, Russian Federation.

Email address: ilgizxalikov@list.ru
<http://orcid.org/0009-0001-2341-0964>

Aliya I. Idiyatullina

Junior Researcher,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature
and Art of the Academy of Sciences of the
Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 Karla Marksa St.,
Kazan, Republic of Tatarstan,
420111, Russian Federation.

Email address: aliya1311@mail.ru
<https://orcid.org/0009-0008-2181-0105>

Для цитирования: Ханова А.Ф., Халиков И.И., Идиятуллина А.И. Языковой профиль детей-билингвов Республики Татарстан: по материалам детской версии опросника LEAP-Q // Социолингвистика. 2026. № 2. С.181–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-09

For citation: *Khanova A.F., Khalikov I.I., Idiyatullina A.I.* Linguistic profile of bilingual children in the Republic of Tatarstan: based on the child version of the LEAP-Q questionnaire // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 181–202. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-09

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 03.03.2026;
approved after reviewing 11.09.2026;
accepted for publication 20.09.2026.

ЯЗЫКОВАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ

LANGUAGE VARIATIONS

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-10>ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ДИСТРИБУЦИЯ ДИАЛЕКТНОЙ И ЛИТЕРАТУРНОЙ
ФОРМ ТАТАРСКОГО ЯЗЫКА

УДК 811.512.145

Альфия К. Булатова

Институт языка,
литературы и искусства
им. Г.Ибрагимова
Академии наук
Республики Татарстан,

Казань,
Российская Федерация

Аннотация

В статье рассматривается функциональная дистрибуция литературной и диалектной форм современного татарского языка. Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между процессами урбанизации и глобализации, с одной стороны, и задачей сохранения языкового многообразия — с другой. Цель работы состоит в определении современных сфер функционирования этих форм и выявлении тенденций их взаимодействия. Материалом для анализа послужили полевые наблюдения автора, полученные в ходе диалектологических экспедиций 2018–2025 гг., а также фундаментальные труды по татарскому языкознанию и диалектологии.

Особое внимание уделяется анализу языковой ситуации в Татарстане и за его пределами. Автор приходит к выводу, что в республике отношения между диалектами и литературным языком утратили характер строгой диглоссии и трансформировались в динамичную систему, функционирующую в условиях массового билингвизма. В статье отмечается тенденция к сужению функциональной сферы диалектов, которые вытесняются из семейно-бытового общения литературной нормой или русским языком. На материале западного и среднего диалектов демонстрируются процессы интерференции и нивелирования диалектных черт, особенно в речи молодого поколения. За пределами Татарстана диалекты, преимущественно западный и восточный, сохраняются более устойчиво, однако и здесь наблюдается интерференция на всех уровнях языка. В заключение подчёркивается важность дальнейшей полевой работы для фиксации исчезающих языковых явлений и сохранения культурной самобытности этноса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарский язык, диалект, литературный язык, функциональная дистрибуция, социолингвистика, языковая ситуация, диглоссия, языковая политика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Альфия К. Булатова, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-10>

FUNCTIONAL DISTRIBUTION OF THE DIALECTAL AND LITERARY FORMS OF THE TATAR LANGUAGE

UDC 81'26, 81'272

Alfiya K. Bulatova

G.Ibragimov Institute of
Language, Literature and
Art of the Academy of
Sciences of the Republic of
Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Abstract

The article examines the functional distribution of the literary and dialectal forms of contemporary Tatar. The relevance of the study is determined by the need to strike a balance between the processes of urbanization and globalization, on the one hand, and the preservation of linguistic diversity, on the other. The aim of the study is to identify the contemporary domains of use of these forms and to reveal current tendencies in their interaction. The analysis is based on the author's field observations collected during dialectological expeditions conducted between 2018 and 2025, as well as on fundamental works in Tatar linguistics and dialectology.

Particular attention is paid to the language situation in Tatarstan and beyond its borders. The author concludes that, within the republic, the relationship between dialects and the literary language has lost the characteristics of strict diglossia and has developed into a dynamic system functioning under conditions of widespread bilingualism. The study identifies a tendency toward a narrowing of the functional domains of dialects, which are increasingly being displaced from family and everyday communication by the literary norm or by Russian. Evidence from the Western and Middle dialects demonstrates processes of interference and the levelling of dialectal features, especially in the speech of younger generations. Outside Tatarstan, dialects, primarily the Western and Eastern varieties, show greater stability; however, interference is also observed there at all levels of the language system. The article concludes by emphasizing the importance of continued fieldwork for documenting disappearing linguistic phenomena and preserving the cultural distinctiveness of the ethnic community.

KEYWORDS: Tatar language, dialect, literary language, functional distribution, sociolinguistics, language situation, diglossia, language policy

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Alfiya K. Bulatova, 2026

1 | Введение

Основными составляющими национального татарского языка являются его литературная форма и территориальные варианты. Существование литературного языка и нелитературных форм (социальных и территориальных диалектов, просторечия) представляет собой объективную реальность, сформировавшуюся в ходе сложного исторического пути и социально-культурной эволюции языковой системы народа. Невозможно исключить тот или иной пласт, поскольку каждый из них имеет большое значение. Некодифицированные формы питают и обогащают литературный язык, позволяют передавать тонкие стилистические оттенки и, прежде всего, являются хранителями культурной самобытности и исторической памяти этноса.

Языковая норма служит основным принципом существования литературного языка на разных уровнях: в словообразовании, фонетике, лексике, грамматике, орфографии и функциональных стилях. Происходит строгая кодификация языка. Территориальные формы являются первичной разновидностью национального языка, характерной для жителей определённых регионов. Формирование диалектов представляет собой длительный исторический процесс. Вследствие ряда экстралингвистических факторов (географического расселения, разобщения этнических групп и др.) в каждой диалектной группе закрепляются уникальные черты на всех уровнях языка: в произношении, грамматических формах, построении предложений и словарном составе. Крайне важно подчеркнуть, что диалекты являются не отклонением от языковой нормы, а наглядным проявлением естественных эволюционных процессов в языке, в частности, при сохранении устаревших языковых элементов.

Одним из важнейших вызовов для современного общества остается поиск оптимального баланса между урбанизацией, индустриализацией и модернизацией, с одной стороны, и необходимостью сохранения культурного и языкового многообразия — с другой.

Целью данной статьи является определение современных сфер функционирования диалектной и литературной форм татарского языка и выявление тенденций их взаимодействия.

Структурные аспекты татарского языка получили достаточно полное освещение в научной литературе. Основные результаты обобщены в фундаментальных трудах, таких как «Татарская грамматика» [Татар грамматикасы, 2015; 2016; 2017], «Татарская лексикология» [Татар лексикологиясе, 2015; 2016; 2017; 2018] и «История татарского литературного языка» [Татар теленең тарихы, 2015; 2017; 2019; 2020]. Что касается диалектной системы, то она

подробно описана в работах Д.Б. Рамазановой, Ф.С. Баязитовой, Т.Х. Хайрутдиновой [Атлас татарских народных говоров, 2015] и др.

В качестве материала для исследования послужили наблюдения автора над татарскими народными говорами среднего и западного диалектов в ходе диалектологических экспедиций 2018–2025 гг., научные труды по татарскому языкознанию и диалектологии.

2 | Результаты и обсуждение

В современной социолингвистике дистрибуция языков определяется как «распределение функциональной нагрузки языков в социально-коммуникативной системе в многонациональном языковом коллективе» [Словарь социолингвистических терминов, 2006: 62].

2.1 Формирование и развитие татарских диалектов: от народной речи к современной диалектологической системе

Исторически сложилось так, что основная масса татар сосредоточена в Поволжско-Приуральском регионе. Остальная часть народа проживает в областях Сибири, республиках Средней Азии, крупных городах (Москва, Санкт-Петербург и др.) Такая география обусловлена как сохранением исконных территорий проживания групп, прилегающих к современному Татарстану, так и активными миграционными процессами в прошлом. С одной стороны, это была государственная колонизация (служебное землевладение, строительство засечных черт), с другой — народная (стремление на свободные земли, уход от религиозного давления, развитие рыночных связей и др.).

Формирование современного литературного языка, происходившее в конце XIX — начале XX века, шло по пути демократизации старотатарского языка, сближения письменной нормы с народной речью на основе среднего (казанского) и западного диалектов. Значительный сдвиг в татарском языке происходил в советское время: язык старались унифицировать, стандартизировать. Происходило «влияние нормативной традиции на “окультуривание” демократических масс, коренное изменение норм их разговорной речи» [Чапаева, 2013: 120]. В тоже время функции литературного языка как государственного языка автономии намного расширяются, происходит попытка вытеснения диалектов за пределы коммуникации.

Современные татарские народные говоры формировались на протяжении нескольких столетий и стали основой для становления современного литературного языка.

Е.О. Опарина справедливо отмечает: «территориальные варианты, будучи частью общенародного языка, не являются изолированными. Они испытывают на себе воздействие других вариантов языка, в том числе других диалектов и говоров, и сами оказывают на них влияние. Они также не являются строго статичными. Диалектам свойственны динамические процессы, обусловленные структурными факторами, а также внеязыковыми условиями их существования. Внеязыковые факторы, включая историю и культуру ареала, происхождение диалекта и самосознание его носителей, особенно ярко проявляются в диалектной лексике и лексике говора» [Опарина, 2024: 88].

Л.П. Крысин выделяет следующие отличительные черты диалектов: «1) социальная, возрастная и отчасти половая ограниченность круга носителей диалекта (это главным образом сельские жительницы старшего поколения); 2) ограничение сферы использования диалекта семейными и бытовыми ситуациями; 3) образование полудиалектов как результат взаимодействия и взаимовлияния различных говоров и связанная с этим перестройка отношений между элементами диалектных систем; 4) нивелирование своеобразия диалектной речи под влиянием литературного языка (через средства массовой информации, книги, систему образования и т. п.)» [Крысин, 2021: 35–36].

Современная татарская диалектологическая система включает несколько диалектов: средний, западный и группу восточных. Данные диалекты подразделяются в свою очередь на говоры⁶¹.

⁶¹ В средний диалект входят следующие говоры: дубязский, мамадышский, лаишевский, балтасинский (Заказанье), параньгинский (Марий Эл), нурлатский, камско-устиньский, тарханский (Нагорная сторона Татарстана), заказанский говор крещённых татар, нижекамский говор крещённых татар (Татарстан, Башкортостан); нагайбакский говор (Челябинская обл.), мензелинский (Татарстан, Башкортостан), бирский (Башкортостан), касимовский (Рязанская обл.), бастанский (Рязанская обл.), нукратский (Удмуртия, Кировская обл.), пермский (Пермский край), златоустовский (Башкортостан), красноуфимский (Свердловская обл.), ичкинский (Курганская обл.), каргалинский, бугурусланский (Оренбургская обл.), камышлинский (Самарская обл.), астраханский (Астраханская, Волгоградская обл., Ставропольский край), татарско-каракалпакский (Волгоградская, Саратовская обл.), турбаслинский, тепекеевский, учалинский, курмантауский (Башкортостан), сафакульский (Курганская и Челябинская области) говоры. Говоры западного (мишарского) диалекта: азеевский (Рязанская обл.), темниковский (Мордовия, Пензенская обл.), лямбирский (Мордовия), кузнецкий (Пензенская обл.), хвалынский (Ульяновская обл.), карсунский (Ульяновская обл.), мелекесский (Ульяновская и Самарская области), мордва-каратаевский (Татарстан), чистопольский (Татарстан), чистопольско-кряшенский (Татарстан), подберезинский (Татарстан), стерлитамакский (Башкортостан), шарлыкский (Оренбургская обл.), костромской (Костромская обл.), волгоградский (Волгоградская и Астраханская области), сергачский (Нижегородская обл.), дрожжановский (Татарстан, Чувашия), сургодьский (Мордовия), куршинский (Тамбовская обл.), байкибашевский (Башкортостан). Тоболо-иртышский диалект состоит из тюменского (Тюменская обл.), тобольского (Тюменская обл.), заболотного (Тюменская обл.), тарского (Омская обл.), тевризского (Омская и Тюменская области) говоров. Томский диалект делится на эуштинско-чатский (Томская обл.), калмакский (Кемеровская обл.) говоры [Татар халык сөйләшләре, 2008, Т.1: 21].

2.2 Функциональная мощьность диалектов и факторы её сужения

Диалекты обладают собственной функциональной мощьностью, которая в современных условиях сужается, что обусловлено несколькими факторами. Прежде всего, это лингвистический фактор: на современные территориальные диалекты сильнейшее влияние оказывает литературный язык.

В татарском языке мы можем наблюдать интерференцию при взаимодействии литературной и диалектной форм на всех уровнях языковой системы. Вследствие регулярного влияния кодифицированного литературного языка диалектная система претерпевает структурные изменения, что выражается в появлении промежуточных форм (полудиалектов), занимающих положение между исконным говором и просторечием. Необходимо отметить, что взаимодействие идёт по-разному в зависимости от ареала распространения говоров и диалектов. При рассмотрении бытования диалектных идиом, в частности, среднего диалекта и части западного на территории Республики Татарстан картина отличается от интерференции литературного языка с западным диалектом за пределами республики.

Языковая ситуация в Татарстане характеризуется сложным переплетением билингвизма и отношений между формами существования самого татарского языка [Байрамова, 2021: 6]. С одной стороны, республика является классическим регионом массового национально-русского билингвизма⁶². Это означает, что значительная часть татарского населения владеет двумя разноструктурными языками — татарским (родным) и русским (федеральным) — и использует их в разных сферах: русский язык доминирует в официально-деловой, научной и части массмедийной сферы, в то время как татарский активно функционирует в образовании, культуре и бытовом общении.

С другой стороны, внутри самого татарского языка существуют отношения между литературной нормой и территориальными диалектами. Именно здесь встаёт вопрос о возможности применения модели сосуществования разных языковых форм. Однако в Татарстане наблюдается отсутствие строгой диглоссии⁶³ в отношениях «диалект — литературный язык».

⁶² Под билингвизмом понимается регулярное чередование двух языковых систем в речевой практике индивида или сообщества [Вайнрайх, 1979: 22; Верещагин, 2009: 134; Коновалова, 2011: 264; Зиянченко и др. 2019: 177].

⁶³ Диглоссия рассматривается как особая ситуация функциональной иерархии, при которой один вариант (H) закреплён за формальными, престижными сферами, а другой (L) — за повседневным общением [Харитонова, 2011: 247; Коровушкин, 2012: 100, Шиян, 2025: 166]. Эти феномены не исключают друг друга: диглоссия фиксирует социальную стратификацию кодов, а билингвизм — индивидуальное владение ими.

Нельзя не согласиться с мнением С.В. Пискуновой и Н.А. Кирьяновой, которые отмечают: «Всё более суживающийся состав носителей территориальных диалектов сказался на характере их функционирования. В настоящее время наиболее типичными сферами их употребления являются семья и разного рода ситуации непринуждённого общения односельчан друг с другом. Во всех иных коммуникативных ситуациях можно наблюдать смешанные формы диалектной речи с переходом в просторечие» [Пискунова и др., 2022: 9]. Это полностью относится и к функционированию татарских диалектов.

В Татарстане, особенно в городах (Казань, Набережные Челны, Альметьевск), сформировался многочисленный слой населения, для которого литературный татарский язык является родным или, по крайней мере, основным разговорным средством общения. Эти люди не осваивают диалектную форму в семье, а затем литературный язык в школе; они с детства говорят на варианте, близком к литературной норме.

В реальной речевой практике жителей Татарстана наблюдается не жёсткое разделение функций, а скорее континуум. В речи городских татар диалектные элементы могут появляться как маркеры идентичности, а литературные формы проникают в речь сельских жителей под влиянием образования и средств массовой информации. Происходит активное взаимодействие и взаимовлияние, а не строгое функциональное разграничение данных форм языковой системы.

Полевых исследования показывают, что на территории современного Татарстана наблюдается тенденция к сужению функциональной мощности диалектов. Анализ материалов диалектологических экспедиций татарских учёных 50–70-х годов⁶⁴ прошлого века показывает, что в то время жители обследованных сёл являлись носителями диалектной речи. Даже люди с высшим и средним образованием, составлявшие небольшую часть населения, продолжали использовать диалект в повседневном общении, переходя на литературный язык лишь в отдельных официальных ситуациях, например, при публичных выступлениях, докладах или в процессе преподавания в школе. Для сельских жителей того времени противопоставления «диалект – литературный язык» практически не существовало. Однако в 80–90-е годы XX века ситуация начала постепенно меняться. Повышение доступности и престижа среднего профессионального и высшего образования, а также развитие радио- и телевидения на селе заметно повлияли на функционирование диалектной речи. В этот период уже начинала

⁶⁴ Дневники диалектологических экспедиций 1960–2000 годов хранятся в Центре письменного наследия Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан.

проследиваться диглоссия, тем не менее диалект по-прежнему оставался основным средством повседневного общения в деревне. Современная обстановка иная: диалектная речь всё чаще вытесняется даже из семейно-бытовой сферы, уступая место либо литературной норме, либо русскому языку. Обязательное общее образование, популярность радио и телевидения на татарском языке в сельской местности способствуют тому, что литературный язык оказывает на диалекты сильное влияние, которое приводит к их постепенной нивелировке. По этой причине диалектные черты лучше всего сохраняются в языке старшего поколения, так как идиом является их «материнским» языком. У подавляющего большинства жителей среднего возраста мы наблюдаем сосуществование литературного языка и диалектов, так как в раннем детстве они переняли локальный вариант у своих родителей, а также семейно-бытовое общение шло с преобладанием местного говора. Молодёжь и дети, как правило, не перенимают диалектную форму, отдавая предпочтение варианту, в котором соединены черты литературного языка и просторечия. Межпоколенческая передача диалектной формы языка является весьма нестабильной.

Результаты, полученные в ходе исследования, показывают, что некоторые говоры через несколько десятилетий, а возможно и за более короткий срок, могут полностью нивелироваться. Так, группа говоров заказанья утратила свои характерные черты, которые были зафиксированы в 50–60-х годах XX века. К таким особенностям можно отнести использование интердентального /ð/: *baðar* — литературная форма *базар* ‘рынок’; *bað* — литературная форма *баз* ‘погреб’, *ðängär* — литературная форма *зәңгәр* ‘синий’. В настоящее время данный звук в речи носителей диалекта этого ареала не фиксируется и является для указанной территории архаичным. Проявления нивелировки диалектных особенностей можно проследить и на уровне лексической системы говора. Так, например, в ходе экспедиций прошлых лет у носителей мензелинского говора в Азнакаевском районе фиксировались определённые лексемы: *шыган* ‘дерево’, *рауда* ‘сирень’, *калкун* ‘качели’, *чөгөрмәк* ‘ров’ и др. Однако при опросах 2019–2022 годов ни один из респондентов не смог их воспроизвести: эти слова либо исчезли, либо были заменены другими.

Немаловажную роль во взаимодействии литературного языка и диалекта играют и политические факторы. Языковая политика региона, законодательное регулирование статуса языков приводит к постепенному вытеснению диалектных разновидностей. Также возрастает роль социально-культурных факторов, к которым мы можем отнести мотивацию изучения и использования языка, его социальный престиж, роль в формировании идентичности. Так, молодое поколение сельских жителей, переезжая в город, часто переходит на литературный

стандарт, чтобы избежать формирования негативного отношения окружающих, связанного с «деревенским» говором.

За пределами Татарстана, в основном у представителей западного и восточного диалектов, ситуация несколько иная. Полевые исследования в местах компактного проживания татар показывают, что диглоссия выражена более строго. Например, при интервьюировании диалектоносителей они, как правило, стараются переходить на литературную форму языка, однако автоматического переключения кодов не происходит, требуется более продолжительное время для построения коммуникации, нередко люди испытывают дискомфорт при опросе, считая, что их речь хуже и они не могут правильно выражаться на языке «казанских» татар (имеется в виду литературная форма). Даже если переход на литературную форму происходит, сохраняются определённые особенности говора, как правило, в фонетической и грамматической системах. К таким особенностям, например, у представителей западного диалекта мы можем отнести отсутствие увулярных /q/, /ğ/ и их замену на заднеязычные /k/, /g/. Даже у людей с филологическим образованием, например, у учителей татарского языка данная особенность устойчиво сохраняется.

2.3 Функциональная дистрибуция литературного и диалектного языка

Исходя из наблюдений, мы можем представить следующую функциональную дистрибуцию татарского языка между его литературной и диалектной формами.

Татарский литературный язык является языком обучения и объектом изучения в школах, среднеспециальных и высших учебных заведениях. Также он используется в СМИ и официально-деловой сфере: это язык газет, телевидения, радио, делопроизводства и официальных мероприятий. Наряду с русским языком он функционирует в научной и культурной сферах, является основным средством общения интеллигенции.

Сфера бытования диалектов намного уже. Они, прежде всего, используются в бытовом общении на селе и в локальных сообществах. Диалект является основным средством общения в моноэтнических деревнях, в семьях, ведущих традиционный образ жизни. Диалектные особенности сохраняются в фольклоре народа, например, в песнях, частушках, обрядовой поэзии. Нередко для создания колорита в прозе и поэзии писатели прибегают к использованию диалектизмов. У некоторых представителей татарского народа диалект продолжает оставаться признаком принадлежности к малой родине (например, в этнографических группах мишар или этноконфессиональной группе татар-кряшен).

По мнению Т.Н. Плешковой, «нередко носители языка не оценивают свою речь как не соответствующую нормам литературного языка, если не сталкиваются с затруднением коммуникации, что, как правило, не является характерным для локального социума» [Плешкова, 2012: 69]. Так, в условиях внутриязыковой интерференции в речи некоторых носителей татарского языка, в том числе с высшим образованием, присутствует значительное количество диалектных языковых единиц, «которые сочетаются с литературными, несмотря на частое использование переключения кода в соответствии с коммуникативной ситуацией, при котором литературная речь далеко не всегда освобождается от местных диалектных черт» [Плешкова, 2012: 69]. Это мы наблюдаем и у учителей родного татарского языка и литературы, преподавателей вузов, и у наших коллег-филологов. Причина видится в том, что носители языка в условиях интерференции литературной формы и говора не во всех случаях могут дифференцировать единицы литературного языка и диалекта. Вместе с тем, это обстоятельство создаёт условия для дальнейшего развития таких промежуточных форм языка.

3 | Заключение

Таким образом, мы наблюдаем, что современная функциональная дистрибуция характеризуется чётким разделением: литературный язык выполняет престижные социальные функции, в то время как диалекты сохраняются преимущественно в бытовой сфере и в качестве культурного маркера, демонстрируя тенденцию к постепенному сокращению.

Изменение функциональной нагрузки диалектов в современном Татарстане проявляется в тенденции к сужению функциональной мощности диалектов. Под влиянием урбанизации и глобализации диалектная речь всё чаще вытесняется даже из семейно-бытовой сферы, уступая место либо литературной норме, либо русскому языку.

Таким образом, современную языковую ситуацию в Татарстане точнее описывать не как диглоссию, а как сосуществование литературного языка и диалектов в условиях массового билингвизма с элементами переключения кодов и активного влияния русского языка как второго основного коммуникативного средства. Отношения между диалектом и литературным языком утратили жёсткий диглоссный характер и представляют собой более подвижную и сложную систему, что требует дальнейшего изучения с применением понятий функциональной мощности и функциональной дистрибуции.

На данный момент в татарском мире отмечается снижение роли диалектов ввиду развития современной инфраструктуры, урбанизации и доступности массового образования. В городской среде носители диалектов чаще переходят на общенациональный стандарт, однако

многие элементы живой диалектной речи продолжают сохраняться, обогащая национальный языковой фонд.

Ранее плановые социалингвистические исследования, направленные на детальное изучение взаимодействия литературного языка и диалектных форм татарского языка, не проводились. В связи с этим перед исследователями ставится задача восполнить данный пробел с применением понятий функциональной мощности и функциональной дистрибуции указанных форм.

Многие лексические единицы, обозначающие обряды, обычаи, понятия, предметы быта традиционного деревенского уклада выходят из употребления, попросту исчезая. По этой причине встаёт вопрос о необходимости дальнейших полевых исследований для фиксации уходящих диалектных черт, а также мер по сохранению лингвистического разнообразия.

ЛИТЕРАТУРА

- Андреева С.В. (2009) Билингвизм и его аспекты // Учёные записки ЗабГУ. Серия: Филология, история, востоковедение. №3. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-ego-aspekty>. Дата обращения: 07.05.2026.
- Атлас татарских народных говоров (2015) / под ред. Д.Б. Рамазановой, Т.Х. Хайрутдиновой. Казань: ИЯЛИ. 632 с.
- Байрамова Л.К. (2001) Татарстан: Языковая симметрия и асимметрия. Казань: Изд-во Казанского ун-та. 266 с.
- Биткеева А.Н., Горячева М.А., Кириленко С. В. (2024) Функциональная дистрибуция чеченского языка в Чеченской Республике (материалы полевого исследования 2022–2023 годов) // Научный диалог. Т. 13. № 9. С. 29–55. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55
- Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. (2025) Оценка жизнеспособности языка и культуры в Северном городе: опыт города Мирный республика саха (Якутия) // Лингвокультурные аспекты глобализационных процессов: язык как индикатор социокультурной и национальной идентичности, Москва, 23 октября 2025 года. Москва: Дипломатическая академия МИД РФ, С. 21–24.
- Вайнрайх У. (1979) Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев: Вища школа, 263 с.
- Верещагин Е.М. (2009) Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М. 336 с.
- Зинченко, Ю.П., Шайгерова, Л.А., Долгих, А.Г., Савельева О.А. (2019). Методологические проблемы исследования влияния двуязычия на когнитивные процессы и этнокультурную идентичность. Вестник Московского университета. Серия 14. Психология, (1), С. 174–194. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.174>
- Коновалова Е. А. (2011) Проблема определения билингвизма // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. №1-1. С. 263–271. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-bilingvizma>. Дата обращения: 07.05.2026.
- Коровушкин В.П. (2012) Билингвизм и диглоссия как проявления социально-языковой ситуации // Вестник Череповецкого государственного университета. №2 (39). С. 98–

102. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-diglossiya-kak-proyavleniya-sotsialno-yazykovoy-situatsii>. Дата обращения: 07.05.2026.
- Крысин Л.П. (2021) Очерки по социолингвистике. Москва: ФЛИНТА. 360 с.
- Опарина Е.О. (2024) Диалектная лексика русского языка: Современные исследования российских лингвистов // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6. Языкознание. № 3. С. 87–100. DOI: 10.31249/ling/2024.03.07
- Пискунова С.В., Кирьянова Н.А. (2022) Диалектная подсистема русского языка в современном Тамбовском регионе // Современные русские говоры в системе языковой культуры и текстовой коммуникации: материалы круглого стола (18-19 марта 2022 г.), посвященного 75-летию со дня рождения тамбовского диалектолога, лексикографа и текстолога С.В. Пискуновой / отв. ред. А.С. Щербак. Тамбов: Изд. дом «Державинский». С. 8–17.
- Плешкова Т.Н. (2012) Процессы интерференции диалекта и литературного языка // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. №4. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-interferentsii-dialekta-i-literaturnogo-yazyka>. Дата обращения: 26.02.2026.
- Словарь социолингвистических терминов (2006) / отв. ред.: В.Ю. Михальченко. М.: Институт языкознания РАН. 312 с.
- Харитонова Е. В. (2015) Диглоссия как особый вариант билингвизма: полисоциолектальность русского языка // Полилингвистичность и транскультурные практики. №5. С. 247–252. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/diglossiya-kak-osobyi-variant-bilingvizma-polisotsiolektalnost-russkogo-yazyka>. Дата обращения: 07.05.2026.
- Хорошилова С.П. (2010) Социолингвистический подход к вопросу о региональных диалектах // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. № 11. С. 17–19. Режим доступа: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=1123>. Дата обращения: 27.02.2026.
- Чапаева Л. Г. (2013) Демократизация литературного языка: исторические параллели // МНИЖ. 2013. №12–2 (19). Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratizatsiya-literaturnogo-yazyka-istoricheskie-paralleli>. Дата обращения: 10.02.2026.
- Черенкова А.Д. (2024) Развитие диалекта в условиях диглоссии // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 122–128. DOI: 10.17308/lic/1680-5755/2024/1/122-128
- Шиян М.В. (2025) Проблема билингвизма и диглоссии в отечественном и зарубежном языкознании // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. 2025. №2. С. 158–164. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bilingvizma-i-diglossii-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii>. Дата обращения: 07.05.2026.
- Татар грамматикасы (2015) / ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ИЯЛИ, Т. 1. 512 б.
- Татар грамматикасы (2016) / ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ИЯЛИ, Т. 2. 432 б.
- Татар грамматикасы (2017) / М.З. Зәкиев. Казан: ТӘҺСИ, III. т. 536 б.
- Татар әдәби теле тарихы (2015) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадилова; ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ИЯЛИ, Т. 1. 696 с.
- Татар әдәби теле тарихы (2019) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Г.Ф. Гайнуллина, Х.Х. Кузьмина; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. Казан: ТӘҺСИ, III т. Беренче кисәк. 528 б.
- Татар әдәби теле тарихы (2020) / И.Б. Бәширова, М.З. Вәлиева, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.С. Баязитова. Казан: ТӘҺСИ, III т.: Икенче кис. 588 б.
- Татар әдәби теле тарихы (2017) / И.Б. Бәширова, Ф.Ш. Нуриева, Э.Х. Кадыйрова, Р.Ф. Мирхәев; фәнни ред. Ф.М. Хисамова. Казан: ТӘҺСИ, 2017. II т. 888 б.

- Татар лексикологиясе* (2015) / ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ИЯЛИ, Т. 1. 352 б.
- Татар лексикологиясе* (2017) / М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, Т. III. 1 кис. 536 б.
- Татар лексикологиясе* (2018) / М.З. Зәкиев; ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ, Т. III. 2 кис. 464 б.
- Татар лексикологиясе* (2016) / ред. Г.Р. Галиуллина. Казан: ИЯЛИ, Т. 2. 392 б.
- Татар халык сөйләшләре* (2008) / Ф.С. Баязитова, Д.Б. Рамазанова, Т.Х. Хайретдинова һ.б. Казан.: Мәгариф. Т. 1. 463 с.

REFERENCES

- Andreeva, S.V. (2009) Bilingvizm i ego aspekty [Bilingualism and its aspects], *Uchenye zapiski ZabGU. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie* [Scholarly Notes of Transbaikal State University. Series: Philology, History, Oriental Studies], no. 3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-ego-aspekty> (Accessed: 7 May 2026). (In Russian).
- Atlas tatarskikh narodnykh govorov* [Atlas of Tatar folk dialects]. (2015). Edited by D.B. Ramazanova and T.Kh. Khayrutdinova. Kazan: IYaLI. 632 p. (In Russian).
- Bayramova, L.K. (2001) *Tatarstan: yazykovaya simmetriya i asimmetriya* [Tatarstan: language symmetry and asymmetry]. Kazan: Kazan University Press. 266 p. (In Russian).
- Bitkeeva, A.N., Goryacheva, M.A. and Kirilenko, S.V. (2024) Funktsional'naya distributsiya chechenskogo yazyka v Chechenskoy Respublike (materialy polevogo issledovaniya 2022–2023 godov) [Functional distribution of the Chechen language in the Chechen Republic (based on field research conducted in 2022–2023)], *Nauchnyy dialog* [Scientific Dialogue], vol. 13, no. 9, pp. 29–55. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2024-13-9-29-55>. (In Russian).
- Bitkeeva, A.N., Khokholova, I.S. and Filippova, V.V. (2025) Otsenka zhiznesposobnosti yazyka i kul'tury v Severnom gorode: opyt goroda Mirnyy, Respublika Sakha (Yakutiya) [Assessment of language and culture vitality in a northern city: the case of Mirny, Republic of Sakha (Yakutia)]. In: *Lingvokul'turnye aspekty globalizatsionnykh protsessov: yazyk kak indikator sotsiokul'turnoy i natsional'noy identichnosti* [Linguocultural aspects of globalization processes: language as an indicator of sociocultural and national identity]. Moscow, 23 October 2025. Moscow: Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, pp. 21–24. (In Russian).
- Vaynraykh, U. (1979) *Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya* [Language contacts: state and problems of research]. Kyiv: Vyshcha shkola. 263 p. (In Russian).
- Vereshchagin, E.M. (2009) *Psikhologicheskaya i metodicheskaya kharakteristika dvuyazychiya (bilingvizma)* [Psychological and methodological characteristics of bilingualism]. Moscow. 336 p. (In Russian).
- Zinchenko, Yu.P., Shaygerova, L.A., Dolgikh, A.G. and Savel'eva, O.A. (2019) Metodologicheskie problemy issledovaniya vliyaniya dvuyazychiya na kognitivnye protsessy i etnokul'turnuyu identichnost' [Methodological problems in studying the influence of bilingualism on cognitive processes and ethnocultural identity], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], no. 1, pp. 174–194. <https://doi.org/10.11621/vsp.2019.01.174>. (In Russian).
- Konovalova, E.A. (2011) Problema opredeleniya bilingvizma [The problem of defining bilingualism], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], no. 1-1, pp. 263–271. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-opredeleniya-bilingvizma> (Accessed: 7 May 2026). (In Russian).

- Korovushkin, V.P. (2012) Bilingvizm i diglossiya kak proyavleniya sotsial'no-yazykovoy situatsii [Bilingualism and diglossia as manifestations of the sociolinguistic situation], *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], no. 2(39), pp. 98–102. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/bilingvizm-i-diglossiya-kak-proyavleniya-sotsialno-yazykovoy-situatsii> (Accessed: 7 May 2026). (In Russian).
- Krysin, L.P. (2021) *Ocherki po sotsiolingvistike* [Essays on sociolinguistics]. Moscow: FLINTA. 360 p. (In Russian).
- Oparina, E.O. (2024) Dialektnaya leksika russkogo yazyka: sovremennye issledovaniya rossiyskikh lingvistov [Dialect vocabulary of the Russian language: contemporary research by Russian linguists], *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 6. Yazykoznanie* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 6. Linguistics], no. 3, pp. 87–100. <https://doi.org/10.31249/ling/2024.03.07>. (In Russian).
- Piskunova, S.V. and Kir'yanova, N.A. (2022) Dialektnaya podсистема russkogo yazyka v sovremennom Tambovskom regione [The dialect subsystem of the Russian language in the modern Tambov region]. In: *Sovremennye russkie govory v sisteme yazykovoy kul'tury i tekstovoy kommunikatsii* [Modern Russian dialects in the system of language culture and textual communication]. Proceedings of the round table, 18–19 March 2022, dedicated to the 75th anniversary of Tambov dialectologist, lexicographer and textual scholar S.V. Piskunova. Edited by A.S. Shcherbak. Tambov: Derzhavinskiy Publishing House, pp. 8–17. (In Russian).
- Pleshkova, T.N. (2012) Protsessy interferentsii dialekta i literaturnogo yazyka [Processes of interference between dialect and literary language], *Gumanitarnyy vektor. Seriya: Filologiya, vostokovedenie* [Humanitarian Vector. Series: Philology, Oriental Studies], no. 4. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protsessy-interferentsii-dialekta-i-literaturnogo-yazyka> (Accessed: 26 February 2026). (In Russian).
- Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov* [Dictionary of Sociolinguistic Terms]. (2006). Edited by V.Yu. Mikhalechenko. Moscow: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences. 312 p. (In Russian).
- Kharitonova, E.V. (2015) Diglossiya kak osoby variant bilingvizma: polisotsiolektal'nost' russkogo yazyka [Diglossia as a special type of bilingualism: polysociolectality of the Russian language], *Polilingvial'nost' i transkul'turnye praktiki* [Polylinguality and Transcultural Practices], no. 5, pp. 247–252. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/diglossiya-kak-osoby-variant-bilingvizma-polisotsiolektalnost-russkogo-yazyka> (Accessed: 7 May 2026). (In Russian).
- Khoroshilova, S.P. (2010) Sotsiolingvisticheskiy podkhod k voprosu o regional'nykh dialektakh [A sociolinguistic approach to the issue of regional dialects], *Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy* [International Journal of Applied and Fundamental Research], no. 11, pp. 17–19. Available at: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=1123> (Accessed: 27 February 2026). (In Russian).
- Chapaeva, L.G. (2013) Demokratizatsiya literaturnogo yazyka: istoricheskie paralleli [Democratization of the literary language: historical parallels], *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal* [International Research Journal], no. 12-2(19). Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/demokratizatsiya-literaturnogo-yazyka-istoricheskie-paralleli> (Accessed: 10 February 2026). (In Russian).
- Cherenkova, A.D. (2024) Razvitie dialekta v usloviyakh diglossii [Development of a dialect under conditions of diglossia], *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 122–128. <https://doi.org/10.17308/lic/1680-5755/2024/1/122-128>. (In Russian).

- Shiyan, M.V. (2025) Problema bilingvizma i diglossii v otechestvennom i zarubezhnom yazykoznanii [The problem of bilingualism and diglossia in Russian and foreign linguistics], *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki* [Scientific Notes of V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Philological Sciences], no. 2, pp. 158–164. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-bilingvizma-i-diglossii-v-otechestvennom-i-zarubezhnom-yazykoznanii> (Accessed: 7 May 2026). (In Russian).
- Tatar grammatikasy* [Tatar grammar]. (2015). Edited by F.M. Khisamova. Kazan: IYaLI. Vol. 1. 512 p. (In Tatar).
- Tatar grammatikasy* [Tatar grammar]. (2016). Edited by F.M. Khisamova. Kazan: IYaLI. Vol. 2. 432 p. (In Tatar).
- Tatar grammatikasy* [Tatar grammar]. (2017). M.Z. Zäkiev. Kazan: TƏhSI. Vol. III. 536 p. (In Tatar).
- Tatar ädäbi tele tarikhy* [History of the Tatar literary language]. (2015). I.B. Bäshirova, F.Sh. Nurieva and E.Kh. Kadirova. Edited by F.M. Khisamova. Kazan: IYaLI. Vol. 1. 696 p. (In Tatar).
- Tatar ädäbi tele tarikhy* [History of the Tatar literary language]. (2019). I.B. Bäshirova, M.Z. Välieva, G.F. Gaynullina and Kh.Kh. Kuz'mina. Scientific editor F.S. Bayazitova. Kazan: TƏhSI. Vol. III, part 1. 528 p. (In Tatar).
- Tatar ädäbi tele tarikhy* [History of the Tatar literary language]. (2020). I.B. Bäshirova, M.Z. Välieva and R.F. Mirkhaev. Scientific editor F.S. Bayazitova. Kazan: TƏhSI. Vol. III, part 2. 588 p. (In Tatar).
- Tatar ädäbi tele tarikhy* [History of the Tatar literary language]. (2017). I.B. Bäshirova, F.Sh. Nurieva, E.Kh. Kadyrova and R.F. Mirkhaev. Scientific editor F.M. Khisamova. Kazan: TƏhSI. Vol. II. 888 p. (In Tatar).
- Tatar leksikologiyase* [Tatar lexicology]. (2015). Edited by G.R. Galiullina. Kazan: IYaLI. Vol. 1. 352 p. (In Tatar).
- Tatar leksikologiyase* [Tatar lexicology]. (2017). M.Z. Zäkiev. Edited by G.R. Galiullina. Kazan: TƏhSI. Vol. III, part 1. 536 p. (In Tatar).
- Tatar leksikologiyase* [Tatar lexicology]. (2018). M.Z. Zäkiev. Edited by G.R. Galiullina. Kazan: TƏhSI. Vol. III, part 2. 464 p. (In Tatar).
- Tatar leksikologiyase* [Tatar lexicology]. (2016). Edited by G.R. Galiullina. Kazan: IYaLI. Vol. 2. 392 p. (In Tatar).
- Tatar khalyk söyläshläre* [Tatar folk dialects]. (2008). F.S. Bayazitova, D.B. Ramazanova, T.Kh. Khayretdinova et al. Kazan: Mägarif. Vol. 1. 463 p. (In Tatar).

Альфия К. Булатова

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111 Российская Федерация,
г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12.

Эл. адрес: alf_0082.82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9225-0853>

Alfiya K. Bulatova

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Department of Areal Linguistics,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 K. Marx Street,
Kazan 420111,
Russian Federation.

Email address: alf_0082.82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9225-0853>

Для цитирования: Булатова А.К. Функциональная дистрибуция диалектной и литературной форм татарского языка // Социолингвистика. 2026. № 2. С.203–218. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-10

For citation: *Bulatova A.K.* Functional distribution of the dialectal and literary forms of the Tatar language // *Sociolinguistika*. 2026. No. 2. Pp. 203–218. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-10

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.12.2025;
approved after reviewing 10.04.2026;
accepted for publication 23.08.2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-11>

ФОРМИРОВАНИЕ ТАТАРСКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКИХ ГОВОРОВ СИБИРИ: СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

УДК 81'26, 81'272

Алина Я. Хусаинова

Институт языка,
литературы и искусства
им. Г. Ибрагимова
Академии наук
Республики Татарстан,

Казань,
Российская Федерация

Примечание

Исследование выполнено при финансовой поддержке за счёт гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного Академией наук Республики Татарстан научным и научно-педагогическим работникам обособленных структурных подразделений Академии наук Республики Татарстан с целью стимулирования их к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ.

Аннотация

В статье представлен сравнительный анализ диалектной вариативности татарских переселенческих говоров на территориях позднего заселения Сибири – в Новосибирской, Кемеровской, Томской областях и Республике Бурятия. Материалом исследования послужили полевые записи автора, сделанные в 2023 г. в Кемеровской области, в 2024 г. в Республике Бурятия, а также материалы экспедиций предыдущих лет в Новосибирскую и Томскую области.

Выявлены общие типологические черты, характерные для вторичных говоров: сохранение архаичных элементов исходных диалектов, смешение черт среднего и западного диалектов татарского языка, а также активное взаимодействие с русским языком. В то же время установлены существенные различия между двумя ареалами, обусловленные характером иноязычного окружения и наличием или отсутствием контактов с коренным тюркским населением. В Западной Сибири переселенческие говоры развивались в условиях взаимодействия с сибирско-татарскими диалектами, что привело к формированию гибридных систем. В Бурятии, напротив, сформировались анклавные говоры консервативного типа, сохранившие целостный комплекс поволжских диалектных черт. Особое внимание уделяется социолингвистическим факторам – языковым установкам, межпоколенческой передаче, а также роли образования и религии в сохранении диалекта.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарская диалектология, говоры позднего формирования, тюркские языки Сибири, языковые диаспоры, языковые контакты, социолингвистика

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Алина Я. Хусаинова, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-11>

FORMATION OF TATAR MIGRANT DIALECTS OF SIBERIA: SOCIOLINGUISTIC ASPECT

UDC 81'26, 81'272

Alina Y. Khusainova

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and
Art of the Tatarstan
Academy of Sciences,

Kazan, Russian Federation

Acknowledgments

The reported study was funded out with financial support from a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided by the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan to researchers and scientific and pedagogical staff of separate structural divisions of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan in order to encourage them to defend doctoral theses and carry out research.

Abstract

The article presents a comparative analysis of dialectal variation in Tatar migrant dialects spoken in areas of relatively late settlement in Siberia, namely the Novosibirsk, Kemerovo, and Tomsk regions and the Republic of Buryatia. The study is based on the author's field recordings made in the Kemerovo Region in 2023 and in the Republic of Buryatia in 2024, as well as on data collected during earlier expeditions to the Novosibirsk and Tomsk regions.

The analysis reveals a number of common typological features characteristic of secondary dialects, including the preservation of archaic elements inherited from the source dialects, the mixing of features of the Middle and Western dialects of Tatar, and intensive contact with Russian. At the same time, significant differences between the two areas are identified, resulting from the nature of the surrounding linguistic environment and the presence or absence of contact with indigenous Turkic populations. In Western Siberia, the migrant dialects developed through interaction with Siberian Tatar dialects, which led to the emergence of hybrid systems. In Buryatia, by contrast, conservative enclave dialects developed, preserving an integrated set of Volga-region dialectal features. Particular attention is paid to sociolinguistic factors, including language attitudes, intergenerational transmission, and the role of education and religion in dialect maintenance.

KEYWORDS: Tatar dialectology, dialects of late formation, Turkic languages of Siberia, linguistic diasporas, linguistic contacts, sociolinguistics

1 | Введение

Изучение говоров татарского языка – одна из актуальных задач современной диалектологии. Это особенно важно, когда речь идёт о переселенческих говорах. На данный момент накоплен значительный материал исследований по говорам, распространённым на разных территориях, а также посвящённый результатам межъязыковых контактов отдельных говоров, но очень мало исследований об изменении говоров под влиянием окружения и сравнительном анализе с материнскими говорами. Значимость этих исследований велика, поскольку некоторым переселенческим говорам угрожает полная нивелировка.

Татарские народные говоры распространены на очень больших территориях (татары расселены примерно в 20 регионах России, а также в странах СНГ и дальнего зарубежья, при этом лишь около 25% всех татар проживает на территории Республики Татарстан). Татары переселялись на эти земли в разное время и разными путями (основные волны миграции охватывают период с XIV по начало XX в., включая добровольное освоение земель, служилое переселение на засечные линии, бегство от насильственной христианизации, столыпинские реформы и др. [Татар лексикологиясе, 2016: 139]; это были выходцы из разных мест и из различных субэтнотетосов: казанские татары, мишари, крещённые татары – и условия на новых территориях также были неодинаковыми (относительная изоляция в иноязычном окружении, тесное соседство с другими тюркскими или финно-угорскими народами, влияние городского просторечия и литературного языка). Всё это привело к многообразию в развитии говоров, сформировавшихся на новых территориях. В то же время в возникновении и развитии говоров наблюдаются единые закономерности.

Во-первых, это говоры вторичного образования, более поздние по происхождению по сравнению с говорами исконных (первичных) территорий формирования татарского языка, то есть переселенческие говоры, которые разворачиваются на базе уже сложившихся диалектных типов. Во-вторых, исходная основа говоров, сформировавшихся на новом месте, существенно отличается от основы первичных говоров. Это либо разнодиалектная основа, либо монодиалектная основа, но изолированная от родственных диалектных систем и находящаяся в окружении других говоров (иных татарских говоров или иноязычного окружения). В-третьих, развитие диалектов, сформировавшихся позднее завершения процессов формирования языка татарской народности, а в ряде случаев и национального татарского языка, происходит в условиях интенсивных междиалектных, а часто и межъязыковых контактов. В-четвертых, вторичные говоры формируются в сравнительно поздний исторический период (по отношению к этапам развития общенародного татарского языка –

донациональному или национальному), следовательно, влияние литературного татарского языка на них оказывается более значительным [Баранникова, 1975: 22].

На сегодняшний день не существует ни обоснованной классификации татарских говоров на территориях позднего заселения, ни их полного научного описания, основанного на единых принципах.

Сибирь представляет собой уникальный ареал для изучения татарских говоров позднего формирования. Татарское население региона делится на две различные по времени проживания группы: аборигенное население (сибирские татары: тоболо-иртышские, томские, барабинские), которое проживает на данной территории с домонгольского периода, а его этническое ядро складывается к XV–XVI, и потомки переселенцев из Поволжья и Приуралья, миграция которых началась после падения Казанского ханства (1552 г.) и усилилась в XVIII – начале XX вв. [История и культура татар, 2015: 343].

Цель данной работы – сопоставить диалектные системы двух удалённых ареалов позднего заселения татар: Западная Сибирь (Томская, Новосибирская области) и Восточная Сибирь (Бурятия) – и выявить факторы, влияющие на сохранение/нивелировку диалектных черт в иноэтничном и иноязычном окружении.

Источниковая база данного исследования формировалась в несколько этапов. Основу составили материалы, собранные автором в ходе экспедиций 2023–2024 гг. В 2023 году были проведены полевые исследования в четырёх районах Кемеровской области (Юргинский, Яшкинский, Ижморский, Тисульский), где опрошено 29 информантов. Большинство респондентов относятся к старшей и средней возрастным группам (преимущественно в возрасте от 55 до 82 лет, лишь 2 человека моложе 35 лет). Это объясняется прямой зависимостью степени владения родным языком от возраста носителя: информанты младшего поколения демонстрируют значительно более низкий уровень владения языком и, как следствие, оказались менее вовлечены в опрос. В 2024 году экспедиция охватила ряд районов Республики Бурятия (Заиграевский, Селенгинский, Хоринский, Джидинский, Мухоршибирский, Кяхтинский, Баргузинский), а также город Улан-Удэ, где было записано 20 интервью (средний возраст информантов – 62 года, возрастной диапазон – от 51 года до 85 лет). Опрошены потомки переселенцев первого и второго поколений (информанты 1930–1960-х годов рождения), а также представители третьего поколения. Зафиксированные данные позволяют дифференцировать респондентов в соответствии с хронологией миграционных волн: 1) переселения первой половины XX века (1930–1940-е годы), связанные с раскулачиванием; 2) послевоенный период (1950-е годы), в частности, переселение кряшен из

Мамадышского района; 3) миграция 1970–1980-х годов, обусловленная строительством Байкало-Амурской магистрали. Помимо интервью со старожилами использовались методы аудио- и видеофиксация речи, фотофиксация предметов материальной культуры, анализ рукописных и архивных источников, а также изучение топонимики региона.

Для сравнительного анализа и выявления языковых изменений были привлечены материалы предшествующих экспедиций, организованных ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова АН РТ (включая данные, полученные от потомков разных волн миграций) в Новосибирскую область, где опрошено 10 информантов (средний возраст – 72 года, все респонденты старше 65 лет), а также в Томскую область, предоставившие данные 11 информантов (средний возраст – 68 лет, младший из опрошенных – 55 лет) [Татары Новосибирской области, 2021; Татары Томской области, 2021].

Комплексный анализ проведён с привлечением лексикографических источников, в первую очередь, «Большого диалектологического словаря татарского языка» [Татар теленеч зур диалектологик сүзлеге, 2009], «Атласа татарских народных говоров» [Атлас татарских народных говоров, 1989], а также материалов из сборников под общим названием «Национально-культурное наследие» (серия «Из сокровищницы научных экспедиций»). На сегодняшний день опубликовано 4 книги серии, относящихся к Западной Сибири [Татары Новосибирской области, 2021; Татары Томской области, 2021; Татары Омской области, 2021, Татары Тюменской области, 2023]. Такой подход позволил не только зафиксировать текущее состояние говоров, но и проследить внутреннюю дифференциацию между сёлами: выявить различия в интенсивности взаимодействия с аборигенными сибирско-татарскими говорами, степень сохранности архаичных черт в автохтонных говорах разных сёл, а также особенности языкового поведения потомков разных миграционных волн. Унификация представления материала достигнута за счёт использования транскрипции МФА (международного фонетического алфавита). Примеры, полученные из источников, отмечены ссылками, примеры из полевых материалов автора не имеют ссылок.

2 | Формирование и языковые особенности татарских говоров исследуемых ареалов

2.1 История формирования ареалов

Татарские говоры рассматриваемых регионов относятся к говорам позднего формирования. Данное понятие характеризует переселенческие говоры, складывавшиеся на территориях нового заселения в результате миграций, а не в ходе автохтонного развития. Формирование татарских говоров в обоих ареалах происходило под определяющим

воздействием переселенческого компонента, при этом среди переселенцев были носители как среднего диалекта, в основном выходцы из Казанской, Уфимской, Самарской губерний, так и представители западного (мишарского), переселявшиеся преимущественно из Нижегородской, Пензенской и Симбирской губерний. Миграционные процессы имели сложную, многослойную структуру и осуществлялись в несколько исторических волн.

Начальный этап составило добровольное переселение, активизировавшееся во второй половине XVI века после падения Казанского ханства и продолжавшееся в XVII–XVIII веках. Новый мощный импульс пришёлся на конец XIX – начало XX века и был связан со строительством Транссибирской железной дороги и общим переселенческим движением. Следующая волна носила принудительный характер: это были массовые репрессии и раскулачивание 1930–1950-х годов, когда в Сибирь направляли спецпереселенцев, в том числе татарских крестьян. В поздний период (1970–1980-е годы) миграция дополнилась добровольной индустриальной составляющей, связанной со всесоюзными стройками (БАМ) и развитием промышленности в сибирских городах [Хисамов, 2021: 42–43; Волков, 2021: 67–73; полевые материалы, 2015–2021].

Таким образом, при общности миграционных истоков (преимущественно Волго-Уральский регион) между ареалами наблюдаются различия по времени и характеру переселения: в западносибирские сёла мигранты прибывали почти непрерывными волнами вплоть до конца XX века, тогда как переселение в Бурятию было привязано к конкретным историческим периодам (в XVII–XVIII веках – служилые и ясачные татары, в 1930–1950-е годы – спецпереселенцы). Тем не менее, сопоставимый состав переселенцев и частично сходная хронология создают основу для корректного сопоставительного изучения говоров.

Кардинальные различия в моделях расселения предопределили неодинаковые пути формирования диалектных систем. В Западной Сибири миграция носила интегрирующий характер: переселенцы селились в уже существующих деревнях коренных сибирских татар (томских, барабинцев, тоболо-иртышских, калмаков), вступая с ними в интенсивные контакты. В результате длительного взаимодействия сформировались гибридные говоры, в которых черты поволжских диалектов наложились на местную кыпчакскую основу. Западносибирский ареал демонстрирует модель интеграции и синтеза с варьированием диалектных признаков даже в пределах одного населённого пункта.

Иная картина сложилась в Бурятии. Переселенцы оказались в изоляции от основного массива сибирско-татарского населения и селились компактными группами, нередко основывая новые деревни «на пустом месте» (Татарский Ключ, Старый Онохой, Ангир и др.)

[Хисамов, 2025: 55–56] в окружении бурят и русских. Контакты с коренными тюрками практически отсутствовали, что исключило гибридизацию. Изолированное проживание в иноэтничной среде способствовало консервации исходных диалектных черт: аффрикатизация **j- > ʒ-/ʒʹ-*, делабиализация гласных, архаичные грамматические формы, большой пласт специфической лексики. Таким образом, в Бурятии представлена модель консервации и архаизации, при которой говоры сохранили состояние, близкое к исходному на момент переселения.

2.2 Фонетическая вариативность

Значительные различия между двумя ареалами обнаруживаются в рефлексации пратюркского начального /j/, что является одним из наиболее ярких признаков, маркирующих как диалектную принадлежность носителей, так и характер междиалектного взаимодействия. В западносибирском регионе сосуществуют две разнонаправленные тенденции. По данным опросов, у потомков казанских татар, сохраняющих черты среднего диалекта, последовательно фиксируется переход /j-/(/й) > /ʒ-/(/ж): *zoqlasun* (тат. литер. *joklasun*) ‘пусть спит’, *ʒuraq* (тат. литер. *juraq*) ‘далеко’, *ʒaʒurʒa* (тат. литер. *jaʒurʒa*) ‘жечь’, и т.п. Однако у коренных сибирских татар исконный /j-/ устойчиво сохраняется: *jaŋʒur* ‘дождь’, *joklau* ‘спать’, *juraq* ‘далеко’. У переселенцев, носителей западного говора, также отмечается частое употребление характерного /j-/ (например, из 93 словоупотреблений в анлауте лексем на /ʒ/ зафиксировано 21, на /j/ – 65). В условиях совместного проживания и постоянных языковых контактов возникает ситуация диалектной вариативности, при которой /j-/ и /ʒ-/ варианты сосуществуют даже в пределах одного населённого пункта, в речи одного носителя, например: *jelʒu ʒaqqɑ baralar tætvælæɛ belæn* – *елы ʒакка баралар тәтәүләре белән* – ‘в тёплые края ездят вместе с сёстарми’ (д. Нижегородка Ижморского района Кемеровской области). Ещё более отчётливо данное противостояние проявляется в реализации аффрикатизированного варианта /ʒʹ/ (*дж*), который фиксируется у мишарских переселенцев из Нижегородской и Пензенской губерний (*ʒuʒabuʒ* ‘собираем’, *ʒil* ‘ветер’, *ʒide* ‘семь’), всего встречается в 7 лексемах, однако случаи данного явления крайне редки, оно не проявляется ни у сибирских татар, ни у потомков казанских переселенцев. Отличие ситуации с /ʒʹ/ от ситуации с /ʒ/ заключается в том, что /ʒ/ (ж) всё же частично проникает в речь носителей и восточного диалекта и татар-переселенцев – носителей западного диалекта (как показано выше, возможна вариативность /j/ ~ /ʒ/ у одного носителя), тогда как /ʒʹ/ остаётся чуждым даже для потомков казанских татар, не говоря о сибирских аборигенах. В Западной Сибири именно наличие аборигенного тюркского

населения, сохраняющего архаичную /j/ норму, выступает мощным сдерживающим фактором, тормозящим полную и бескомпромиссную победу /з/ и тем более /ж/.

Принципиально иная ситуация сложилась в Бурятии. В условиях полного отсутствия сибирско-татарского влияния и, соответственно, конкурирующей /j/ нормы, переход /j/ > /з/ здесь сохранился. Данное явление носит в бурятских говорах преобладающий характер (например, из 81 словоупотреблений в анлауте лексем на /з/ зафиксировано 61, на /j/ – 14). Также в наименьшем количестве (5 лексем) /з/ последовательно реализуется как аффриката /ж/: *židæv* (татарский литературный язык *zidæv*) – ‘семеро’, *žomurka* (татарский литературный язык *jomurka*) – ‘яйцо’ и др. Зафиксированы случаи варьирования в речи одного носителя: *žort žireæ totalar ide inte* – *жорт джирендә тоталар иде инде* – держали в усадьбе обычно (с. Харошибирь Мухоршибирский район); *juq quznı kyreş žuvıjıu* – *юк, кызны күреш жуғыйы* – нет, не видели девушку (до свадьбы) (д. Селендума Селенгинский район). Аффрикатизация в бурятском ареале не является спорадической или факультативной чертой, она представляет собой устойчивую системную норму, позволяющую выявлять основу западного диалекта татарского языка для данных говоров. Таким образом, если в Западной Сибири /з/ и /ж/ сосуществуют с /j/ в качестве равноправных или стилистически маркированных вариантов, то в Бурятии /j/ употребляется реже аффрикатизированной формы /з/.

Схожая картина наблюдается с интердентальными d^{δ} на месте литературного z (так называемое «сакау» произношение, характерное для среднего диалекта): в Бурятии эта черта фиксируется как спорадическая, но всё ещё живая (*bed^δ* (татарский литературный язык *bez*) – ‘мы’, *ad^δer* (татарский литературный язык *æzer*) – ‘готовый’, *kyræsed^δ* (татарский литературный язык *kyræsez*) – ‘видите’), а в Западной Сибири в собранных нами материалах данное явление не зафиксировано. Наличие интердентального согласного в татарских говорах Бурятии указывает на сохранение архаичной черты, которая могла поддерживаться местной диалектной средой без влияния сибирско-татарского компонента. В Западной Сибири, где диалект сибирских татар и мишарский компонент оказывали воздействие на местные говоры, данная черта полностью отсутствует.

В отношении лабиализации и делабиализации гласных оба региона демонстрируют принципиальное сходство при различии в степени интенсивности процесса. Переход $o/\ø > u/\epsilon$ (*quɫaq* (татарский литературный язык *qolaq*) – ‘ухо’ *quɫ* (татарский литературный язык *qoɫ*) – ‘птица’, *buɾuɲ* (татарский литературный язык *boron*) – ‘нос’, *juɲuɫʂka* (татарский литературный язык *jotuɫʂka*) – ‘щепка’ и др.) является ярким признаком западного диалекта и

фиксируется в обоих ареалах. Однако в Бурятии данное явление носит последовательный характер. В Западной Сибири, напротив, делабиализация представлена спорадически, с высокой степенью вариативности даже в речи одного информанта *jumʃaq sölge belæn genæ sɛrtæbɛ* – *йумшаак сөлге белән генә сөртәбез* (тат.литер. йомишак сөлге белән генә сөртәбез) – вытираем только мягким полотенцем (д. Серебряково Тисульский район Кемеровская область). Эта непоследовательность объясняется интерференцией со стороны говоров сибирских татар и поволжских татар, для которых характерно сохранение губной артикуляции *o/ø* и даже её чрезмерное развитие. Так в западносибирских татарских переселенческих говорах проявляется пёстрая, неустойчивая картина, где лабиализованные и делабиализованные формы могут свободно чередоваться в пределах одного высказывания.

Сходная закономерность прослеживается и в судьбе дифтонгов. Переход *əj > i(j)/ej* (*sijæk// sɛjæk* (татарский литературный язык *səjæk*) – ‘кость’, *kijæntæ // kejæntæ* (татарский литературный язык *kəjæntæ*) – ‘кормысло’, *timæ// tijmæ* (татарский литературный язык *təjmæ*) – ‘пуговица’) отмечен в обоих регионах как характерная черта поволжских переселенческих говоров. Однако в Бурятии этот процесс получил своё логическое завершение в последовательной монофтонгизации более широкого круга дифтонгических сочетаний: *kibat* (татарский литературный язык *kuijbat*) – ‘дорогой’, *yrætte/yræte* (татарский литературный язык *əjrætte*) – ‘научил’, и др. Западносибирские же говоры, находясь под постоянным влиянием сибирско-татарской фонетики с её богатой и устойчивой системой дифтонгов, демонстрируют конкурентное сосуществование монофтонгизированных поволжских форм с традиционными сибирскими дифтонгическими вариантами *kilgæε karʲilar: kɫɛ bar, kuuruɟlarunda urman* – Килгэч кар’илар: күле бар, кырыларында урман – Пришли и смотрят: озеро есть на берегу леса (д. Кирек) [Булатова, 2021: 284].

Что касается фонетических черт западного диалекта, то они в том или ином объёме присутствуют в обоих рассматриваемых ареалах, однако степень их сохранности и регулярности использования существенно различаются. Один из самых ярких признаков западного диалекта татарского языка – цоканье/чоканье, т.е. произношение спиранта *ε* как шумной глухой однофокусной аффрикаты *t̪s* или шумной глухой однофокусной аффрикаты *t̪ɕ* – фиксируется в Бурятии у выходцев из Пензенской и Нижегородской губерний (*t̪ɕamasu* (татарский литературный язык *εamasu*) – ‘приблизительно’, *t̪ɕalɫu* (татарский литературный язык *εalɫu*) – ‘коса’, *sujert̪ɕuq* (татарский литературный язык *sujert̪ɕuq*) – ‘скворец’). В Западной Сибири, в частности в деревне Березовая речка Томской области, основанной

сергачскими мишарями, данная черта также отчётливо проявляется в речи старшего поколения, однако находится на грани исчезновения и может быть квалифицирована как реликтовая. Велярное произношение заднеязычных *k*, *g* в соседстве с гласными заднего ряда, свойственное западному диалекту в целом, напротив, довольно устойчиво удерживается в обоих регионах (*tugan* (татарский литературный язык *tıvan*) – ‘родной’, *kajtıur* (татарский литературный язык *qajtıur*) – ‘возвратившись’, *kunakka* (татарский литературный язык *qunaqqa*) – ‘в гости’).

Таким образом, можно заключить, что западный диалектный компонент в Бурятии сохранился в более полном объёме. Согласно архивным данным и материалам экспедиции 2024 года, переселение носителей западных говоров в Бурятию из Пензенской, Нижегородской, Симбирской губерний было достаточно интенсивным, особенно в 1930–1950-е годы в рамках государственной переселенческой политики; при этом потомки носителей западного и среднего говоров жили в одних сёлах (например, Харашибирь, Старый Онохой, Селендума), что способствовало частичной нивелировке, но не полной утрате западных черт. В Западной Сибири западный татарский диалект подвергся интенсивному изменению под влиянием как казанско-татарского, так и сибирско-татарского окружения.

2.3 Лексические особенности

В области лексики исследуемые говоры в основном сохраняют пласт лексем, совпадающих с татарским литературным языком. Вместе с тем наблюдается и некоторая специфика использования лексем как материнских, так и исходных говоров. Говоры татар Бурятии и Западной Сибири объединяет ряд лексико-тематических групп, показывающих параллели, в основном в номинации предметов быта.

В сфере наименований жилища сопоставим лексемы со значением ‘дом’. В бурятских говорах фиксируются лексемы *zba*, *ij*, (татарский литературный язык *øj*). В западносибирских говорах также представлены *zba*, *izbuş*, *ij*, *jort*, *øj*. Таким образом, противопоставление по линии «бурятские и западносибирские» в данном случае не является строгим: лексема ‘дом’ имеет много общих вариантов на всей исследуемой территории. Общими являются *zba*, *ij* (с вариантом *øj* в Западной Сибири), тогда как различия касаются лексем *jort* и *izbuş*. Наличие варианта *izbuş* наряду с *zba*, является результатом влияния говоров сибирских татар, в которых бытуют варианты *isprıskæ* [рус. избаушка], *jespeşka* ‘домик, избаушка’ [ТТЗДС: 276]. Также отметим, что в бурятском варианте зафиксированы лишь те лексемы, которые характерны для западного диалекта.

В обоих ареалах наблюдается активное использование русских заимствований, адаптированных к фонетической системе непосредственно самих говоров, разница между говорами проявляется в степени фонетического освоения и в наборе заимствованных лексем: в Бурятии это *laen* (татарский литературный язык *ziten*) – ‘лён’, где гласная *jo* (ё), произносится как звук *æ*; *uſtantſa* (татарский литературный язык *ſtantſija*) – ‘станция’, здесь наблюдается вставка гласных (эпентеза) для устранения стечения согласных, нехарактерного для тюркской фонетики и др.; в Западной Сибири – *siparat* (татарский литературный язык *separat*) – ‘сепаратор’, в данном случае действует принцип морфологической редукции: отсекаются русские флексии, воспринимаемые как избыточные, и принимается форма, близкая к тюркской основе; *kaluſ* (татарский литературный язык *galuſ*) – ‘галоши’, здесь есть оглушение начального *g*, отражающее влияние восточного диалекта [Тумашева, 1977: 23]. Данные заимствования относятся к сфере быта, сельского хозяйства и социальной организации, что отражает реалии жизни переселенцев.

В области терминологии родства общим для всех говоров является целый ряд терминов, например, терминов кровного родства. Сопоставление данных из Бурятии и Западной Сибири показывает, что основная часть терминов в татарских говорах Бурятии и западносибирских переселенческих говорах совпадает с татарским литературным языком, что свидетельствует об общем генетическом фундаменте и сохранении ядерной лексики: ‘бабушка’: *abi* (*æbi*, *æbi*) / *nænæ* (татарские говоры Бурятии) – *abi* (*abʲi*, *æbi*) / *kartinæy* (татарские говоры Западной Сибири); ‘дедушка’ *babaj*; ‘мама’: *ana/anʲa/ana/ænnaæ/æni* – *inæy/ænæy/ænʲikæy/inæj/æni/inʲ*; ‘папа’: *ættæ/ætʲijem/ætæj* – *ætæy/ætʲikæy*; ‘брат’: *abuʲj* – *ækæy/abʲi*; ‘сестра’: *tættæ* – *tættæy/tættæ/tættæj* и др. Однако наряду с этим фиксируются и лексические различия, которые имеют диалектную природу. Термин *ækæy* в ареале Западной Сибири, вероятно, является результатом влияния сибирско-татарских диалектов, в которых он повсеместно распространён. В свою очередь, лексема *kartinæy* в западносибирских говорах сохранилась как вариант термина *kartinæj*, распространённого в стерлитамакском, байкибашевском и шарлыкском говорах западного диалекта татарского языка. Что касается бурятского ареала, то термин *nænæ* сохраняет здесь своё значение ‘бабушка’, как в исходных бирском говоре среднего диалекта и стерлитамакском, байкибашевском говорах западного диалекта. Иными словами, различия между говорами обусловлены не столько противопоставлением ареалов, сколько разной степенью сохранности исходных диалектных черт и неодинаковым характером контактов с окружающими идиомами — сибирско-татарскими диалектами на западе и изолированным развитием в восточном ареале.

В лексике, относящейся к категории культурных реалий, также прослеживаются как параллели, так и различия между говорами. Рассмотрим это на примере мучных изделий. В татарских говорах Бурятии и западносибирских переселенческих говорах фиксируется ряд общих лексем. Так, в обоих ареалах представлена лексема *kuɟmak* в значении ‘блины на масле’. Фонетический вариант *kimak* в бурятских говорах имеет два значения — ‘блины на масле’ и ‘лепёшки с маслом’. Общим корнем обладают также *quɟstubaj* / *uɟstabaj* (Бурятия) и *quɟstubɯ* / *quɟstubi* (Западная Сибирь), что подтверждает распространённость этого блюда на всей исследуемой территории. Кроме того, в западносибирских говорах, как и в говорах Нагорной стороны и Заказанья, повсеместно используется слово *кутæс*, обозначающее, как и в татарском литературном языке, «белый хлеб, испечённый из пшеничной муки высшего сорта». Это слово восходит к *кут* «зарыть» + *æс* «еда»; номинация происходит от способа приготовления: хлеб печётся, зарываясь в уголь. В бурятских говорах также фиксируется лексема *кутæс*, однако уже с изменённой семантикой. Лексические различия касаются прежде всего единиц, характерных только для западносибирских говоров: здесь встречаются *kalaf* ‘белый хлеб’, *zæjma* / *bæter* ‘лепёшки’, отсутствующие в бурятском ареале. В свою очередь, в говорах Бурятии фиксируются лексемы, не отмеченные в западносибирских переселенческих говорах: *bykkaen* / *bytkæn* ‘пирог’. Семантические различия наиболее показательны на примере двух лексем. Во-первых, *кутæс* в бурятских говорах означает ‘пресные лепёшки’, тогда как в западносибирском ареале *кутæс* сохраняет литературное значение ‘белый хлеб высшего сорта’. Во-вторых, в говорах Бурятии дополнительно зафиксирована лексема *kimak* с другим значением ‘лепёшки с маслом’. Таким образом, параллели свидетельствуют об общем наследии, а различия (как лексические, так и семантические) — о последующей дивергенции говоров.

Обращает на себя внимание лексема *paŋgu* (татарский литературный язык *gombæ* — ‘гриб’ зафиксированная в западном диалекте (темниковский, дрожжановский, сергачский говоры). Данное слово представляет особый интерес как возможное заимствование из мордовских языков < мордов., мар. пánга, пánго, понго ~ манс., хант. paŋx, pínko «гриб, мухомор» > рус. Панга [Ахметьянов, 2015 :101]. В западносибирских переселенческих говорах зафиксирована аналогичная лексема *panga*, что свидетельствует о контактах татар-переселенцев с финно-угорским населением в регионах выхода. На территории Бурятии нами была зафиксирована лексема *mælaəs* (татарский литературный язык *milæš* — ‘рябина’) финно-угорское заимствование от фин. *pihlaji* < **pislaja* рябина [Насипов, 2009: 59]. Данная лексема распространена во всех говорах западного диалекта.

В переселенческих говорах татар, проживающих как в Западной Сибири, так и в Бурятии, фиксируется устойчивая языковая оппозиция «*Рәсәй – Сибир*», отражающая особенности исторического самосознания мигрантов и их потомков. Данное противопоставление представляет собой лингвогеографическую и культурно-историческую маркированность территорий в восприятии носителей диалектов.

Как показывают полевые наблюдения, под топонимом *Pæsaɛj* (Россия) в этих говорах понимается не вся Российская Федерация в современном административно-политическом смысле, а исключительно европейская часть страны – территории, откуда осуществлялось переселение. В частности, в записях зафиксировано показательное свидетельство: «*nizɛgorodskij tɔbækne ræsaɛj dilær*» ‘Нижегородскую область называют Россией’ [Булатова, 2021: 285]. Это указывает на то, что конкретный регион, откуда переселились носители (в данном случае – Нижегородская губерния), выступает в языковом сознании представителем всей «большой земли».

Данная оппозиция восходит к исторической специфике заселения Сибири: для переселенцев XIX – начала XX века, прибывавших из центральных губерний (Казанской, Уфимской, Нижегородской и др.), Сибирь долгое время оставалась «другой» территорией, противопоставленной «России» как к исходному пункту. В говорах это противопоставление сохранилось.

Таким образом, проведённый сравнительный анализ позволяет заключить, что лексические системы переселенческих говоров татар Бурятии и Западной Сибири развивались по сходной модели, характерной для островных говоров вторичного образования. В их основе лежат материнские говоры, которые в новых условиях в большей степени консервируют архаичные черты, вместе с тем наблюдается и развитие инноваций под влиянием иноязычного окружения. При этом в западносибирских говорах наблюдается дополнительный пласт взаимодействия с восточным диалектом татарского языка (языком сибирских татар). Лексема *rangɯ* в западном диалекте и её соответствие *ranga* в западносибирских говорах демонстрируют сохранение в переселенческих говорах элементов, восходящих к контактам с финно-угорскими языками в регионах ареала распространения материнских говоров.

2.4 Социолингвистические показатели

Сравнительный анализ социолингвистической ситуации в переселенческих говорах татар Западной Сибири и Бурятии выявляет принципиально различные модели языкового поведения и этнической идентификации. В Западной Сибири наблюдается процесс постепенного размывания субэтнических границ: носители говоров, осознавая свои

диалектные особенности, идентифицируют себя обобщённо как «татары», а местные языковые различия воспринимают не как преграду, а как положительные признаки «своего», «деревенского», противопоставленного литературной норме. В Бурятии, напротив, анклавное проживание и отсутствие контактов с сибирскими татарами способствовали сохранению субэтнического самосознания: информанты чётко определяют свою принадлежность к конкретным группам переселенцев («сергач мишэрларе», «казанскийлар»), а диалектные черты осознанно воспроизводятся ими как элементы семейной истории. Как отмечают исследователи, «существующая взаимосвязь между языком и этнической идентичностью неоднозначна» [Биткеева, 2016: 145], что особенно ярко проявляется в вариациях самонаименований среди татар-переселенцев ареала Сибири.

Ключевым фактором отличий в развитии говоров стала судьба татарского образования и роль ислама. В обоих регионах до середины XX века функционировали татарские школы, что сформировало активное двуязычие: говор в быту, литературный язык – в образовании и религии. Закрытие национальных школ в Западной Сибири при интенсивных контактах с русским окружением привело к возникновению проблем с владением литературной нормой. В Бурятии же утрата доступа к литературному стандарту при сохранении бытового общения на говоре законсервировала именно диалектные формы, которые стали восприниматься как единственный «родной язык». Религиозная практика в Западной Сибири, более институционализированная, поддерживала двуязычие, но не препятствовала утрате диалектных черт, тогда как в Бурятии домашние, закрытые формы ислама с использованием местного говора способствовали сохранению диалекта.

Также различия фиксируются в сфере межпоколенческой передачи языка. В Западной Сибири, несмотря на общее угасание языка, ещё сохраняются остаточные признаки естественной передачи: среднее поколение демонстрирует редуцированную, но живую речь, а у молодёжи старше 20 лет наблюдается пассивное понимание татарского языка. Это обусловлено не только внутрисемейной коммуникацией, но и наличием у переселенческих говоров Западной Сибири контактов с местными диалектами сибирских татар, в которых в различной степени продолжается функционирование родного языка среди молодёжи. Данное языковое окружение, даже будучи редуцированным, обеспечивает определённый уровень функциональности языка и поддерживает остаточные навыки понимания у подрастающего поколения. В Бурятии же картина иная: татарские переселенческие говоры полностью изолированы от какой-либо тюркоязычной среды. Даже в наиболее отдалённых татарских селениях, где старшее поколение сохранило архаичные черты материнского говора, цепочка

языковой передачи детям оказалась полностью разорвана. Дети и подростки либо совсем не понимают татарскую речь, либо, в лучшем случае, демонстрируют крайне фрагментарное пассивное владение, которое, в отличие от западносибирских случаев, не подкрепляется внешней языковой средой и не имеет перспектив поддержания. Таким образом, западносибирская модель демонстрирует путь интеграции и постепенной ассимиляции при сохранении отдельных очагов остаточной витальности (в том числе за счёт контактов с сибирско-татарскими говорами), тогда как бурятская модель, обеспечив высокую степень консервации архаичных черт у старшего поколения, привела к полной утрате языковой традиции молодёжью из-за отсутствия внешней языковой поддержки, что ставит под вопрос само существование этих говоров в будущем.

3 | Заключение

Проведённый сравнительный анализ татарских переселенческих говоров на территории Западной Сибири (Новосибирская, Томская, Кемеровская области) и Восточной Сибири (Республика Бурятия) позволяет с высокой степенью достоверности выделить две принципиально разные модели формирования и последующего развития вторичных говоров в условиях иноэтничного и иноязычного окружения. Выделенные нами западносибирская и бурятская модели – это не просто местные разновидности одного и того же процесса приспособления говоров переселенцев к новой среде. Это качественно разные пути развития языка, которые сложились под влиянием целого ряда причин: языковых особенностей, географического положения, состава населения и культурных условий.

Модель Западной Сибири реализовалась в условиях интенсивного и длительного контактирования двух типологически близких, но генетически различных тюркских языковых традиций – принесённой переселенцами из Поволжья и Приуралья и аборигенной сибирско-татарской, представленной томскими, барабинскими, тоболо-иртышскими татарами, а также калмаками (потомками телеутов). Определяющей характеристикой данной модели выступает формирование комбинированных диалектных систем, в которых исходные черты поволжских говоров (как среднего, так и западного диалектов) подверглись значительной трансформации под воздействием диалекта сибирских татар. Фонетические системы утратили последовательность в реализации таких диагностических признаков, как переход $j- > ʒ-$, делабиализация гласных, монофтонгизация. Возникла вариативность, свободное чередование поволжских и сибирских вариантов в пределах даже одного высказывания. С точки зрения социолингвистики, смешение идиомов привело к тому, что татары в Западной Сибири

перестали делить себя на «сибирских», «казанских» или других переселенцев. Сегодня они называют себя просто «татары». Западносибирская модель представляет собой пример длительного и плавного функционирования языка в условиях интенсивного междиалектного контакта. Несмотря на мощное влияние русского языка и давно начавшееся двуязычие, в ряде сельских районов сохраняется преемственность: элементы родной речи, пассивное владение и языковая память наблюдаются даже у молодого поколения. Это свидетельствует о трансформации языкового явления, при которой говор переходит в иные формы бытования, сохраняя связь с этническими корнями.

Модель Бурятии сформировалась совсем в других этнолингвистических условиях. Татарские переселенцы, живущие на территории Бурятии в окружении неродственных языков (бурятского и русского) при полном отсутствии контактов с каким-либо иным тюркским населением, оказались в ситуации классического языкового анклава (островного говора). Отсутствие родственного идиома, способного изменить переселенческие говоры, обозначило направление их развития не в сторону смешивания, а в сторону сохранения и архаизации. Фонетические системы бурятских говоров демонстрируют последовательную системную реализацию тех диалектных черт, которые в Западной Сибири сохранились лишь фрагментарно: переход *j* -> *ʒ*-, вплоть до аффрикатизации /*ʒʲ*-, делабиализация гласных заднего и переднего рядов, монофтонгизация, широкое распространение фонетических признаков западного диалекта (цоканье/чоканье, велярное произношение заднеязычных). Лексическая система, не испытывая давления со стороны родственного идиома, с одной стороны, законсервировала значительный пласт поволжских лексем (*күмәк* 'лепешки', *æpi* 'хлеб', *күрәк* 'подушка' и др.), с другой стороны, активно адаптировала русизмы, а также, хотя и в ограниченном количестве, включила отдельные заимствования из бурятского языка, например, слово *taraq* в татарских говорах Бурятии со значением 'напиток, похожий на айран'. Тарак – густой варенец, делаемый из сметаны и сливок; одно из любимых молочных кушаний сибирских народов. Ср. таратқы в балтасинском говоре «катык со свеклой» [Татар теленен зур..., 2009: 608].

Потомки переселенцев из разных регионов Поволжья сохраняют память о происхождении, осознают диалектные особенности как маркеры родовой идентичности и демонстрируют устойчивую положительную оценку «своего» говора. Бурятская модель демонстрирует уникальный для Сибири пример высокой степени консервации языка в условиях изоляции. Отсутствие смешения с родственными диалектами позволило говорам сохранить архаичные черты и субэтническую идентичность.

Важно отметить, что описанные модели не являются строгими и допускают исключения. В Западной Сибири встречаются отдельные говоры (например, в деревне Березовая речка (Кирек) Томской области), которые сохраняют яркие черты западного диалекта и напоминают бурятскую модель. В Бурятии тоже есть отдельные новшества, вызванные как внутренним развитием языка, так и внешними влияниями. Однако общая тенденция очевидна: наличие или отсутствие контактов с родственными татарскими говорами определяет путь развития переселенческих говоров.

Обе модели объединяет общая черта всех говоров позднего формирования (как и всех языков современной России, за исключением русского) – постепенное стирание диалектных особенностей под влиянием современных факторов: школьного образования на русском языке, СМИ, урбанизации и миграций, но скорость и механизмы этого процесса в двух регионах различаются. В Западной Сибири говоры активно взаимодействуют с сибирско-татарскими диалектами, что делает их более гибкими и способными к изменениям. Здесь формируется динамичная языковая среда, где говоры трансформируются, но продолжают выполнять коммуникативную функцию. В Бурятии, напротив, говоры развиваются в условиях изоляции. Отсутствие контактов с родственными диалектами помогает сохранять архаичные черты и поддерживать память о происхождении. Язык старшего поколения здесь сохранился наиболее полно, что создаёт основу для сбережения диалектного наследия. Таким образом, мы видим два разных пути развития языка в иноязычном окружении: западносибирский вариант – гибкая адаптация, бурятский – сохранение через изоляцию.

Для дальнейшего изучения этих говоров недостаточно только диалектологических описаний – нужен комплексный междисциплинарный подход. Перспективно использовать методы лингвистической географии для составления карт распространения диалектных явлений и границ между разными типами говоров. Важно также проводить социалингвистические исследования для оценки того, как разные поколения владеют языком и как относятся к нему. Необходимо записывать устные истории, чтобы понять не только языковые, но и жизненные обстоятельства формирования говоров: историю семей, пути переселения, особенности адаптации на новом месте, межэтнические контакты. Лишь комплексный подход позволит в полной мере постичь прошлое и настоящее татарских переселенческих говоров Сибири, каждый из которых – не просто совокупность диалектных черт, а живое свидетельство освоения сибирских земель татарским народом.

ЛИТЕРАТУРА

- Атлас татарских народных говоров Среднего Поволжья и Приуралья (1989): в 2 т. / под ред. Н. Б. Бургановой, Л. Т. Махмутовой, Ф. С. Баязитовой, Д. Б. Рамазановой, З. Р. Садыковой, Т. Х. Хайрутдиновой. Казань: Татпрокаттехприбор. 240 с.
- Ахметьянов Р. Г. (2015) Этимологический словарь татарского языка: в 2 т. Казань: Мәгариф – Вакыт. Т. II. 567 с.
- Баранникова Л. И. (1975) Говоры территорий позднего заселения и проблема их классификации // Вопросы языкознания. № 2. С. 22–31.
- Биткеева А. Н. (2016) Родной язык в контексте многонационального государства // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Т. 9, № 5 (27). С. 146–162.
- История и культура татар Западной Сибири (2015) / отв. ред. Г. Ф. Габрахманова. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ; Артифакт. 728 с.
- Кондратьева В. В., Батуева И. Б. (2013) Численность и расселение татар на территории Бурятии // Вестник ЧГАКИ. № 3 (35). С. 194.
- Насипов И. С. (2009) Опыт систематизации финно-угорских заимствований в татарском языке. Казань. 236 с.
- Томилов Н. А. (1992) Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XIX – начале XX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та. 270 с.
- Тумашева Д. Г. (1977) Диалекты сибирских татар. Опыт сравнительного исследования. Казань: Изд-во КГУ. 294 с.
- Хисамов О. Р. (2025) Между присутствием и следом: тюркский компонент в географических названиях Бурятии // Милли-мәдәни мирасыбыз: Бурятия татарлары. Казан. Б. 288.
- Булатова М. Р. (2021) Томск татарларының тел үзенчәлекләре һәм рухи мәдәнияте // Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары. Казан. Б. 225–293.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Новосибирск өлкәсе татарлары (2021). 2 нче басма. Казан. 572 б.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Омск өлкәсе татарлары (2021). 2 нче басма. Казан. 476 б.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Томск өлкәсе татарлары (2021). Казан. 448 б.
- Милли-мәдәни мирасыбыз: Төмән өлкәсе татарлары (2021). Казан. 540 б.
- Рамазанова Д. Б. (2001) Себер диалектларыннан материаллар. Казан: Фикер. 139 б.
- Татар лексикологиясе: өч томда (2016) / проект жит. М. З. Зәкиев; ред. Г. Р. Галиуллина. Казан: ТӘҺСИ. Т. II. 392 б.
- Татар теленең зур диалектологик сүзлеге (2009) / төз.: Ф. С. Баязитова, Д. Б. Рамазанова, З. Р. Садыкова, Т. Х. Хәйретдинова. Казан: Татар. кит. нәшр. 839 б.

REFERENCES

- Atlas tatarskikh narodnykh govorov Srednego Povolzh'ya i Priural'ya* [Atlas of Tatar folk dialects of the Middle Volga Region and the Cis-Urals]. (1989). In 2 vols. Edited by N.B. Burganova, L.T. Makhmutova, F.S. Bayazitova, D.B. Ramazanova, Z.R. Sadykova and T.Kh. Khayrutdinova. Kazan: Tatprokattekhpribor. 240 p. (In Russian).
- Akhmet'yanov, R.G. (2015) *Etimologicheskii slovar' tatarskogo yazyka* [Etymological dictionary of the Tatar language]. In 2 vols. Kazan: Magarif – Vaqyt. Vol. II. 567 p. (In Russian).
- Barannikova, L.I. (1975) Govory territoriy pozdnego zaseleniya i problema ikh klassifikatsii [Dialects of territories of late settlement and the problem of their classification], *Voprosy yazykoznaniiya* [Issues in Linguistics], no. 2, pp. 22–31. (In Russian).
- Bitkeeva, A.N. (2016) Rodnoy yazyk v kontekste mnogonatsional'nogo gosudarstva [Native language in the context of a multinational state], *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences], vol. 9, no. 5(27), pp. 146–162. (In Russian).

- Istoriya i kul'tura tatar Zapadnoy Sibiri* [History and culture of the Tatars of Western Siberia]. (2015). Edited by G.F. Gabrakhmanova. Kazan: Sh. Marjani Institute of History, Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan; Artifact. 728 p. (In Russian).
- Kondrat'eva, V.V. and Batueva, I.B. (2013) Chislennost' i rasselenie tatar na territorii Buryatii [Number and settlement of Tatars in the territory of Buryatia], *Vestnik ChGAKI*, no. 3(35), p. 194. (In Russian).
- Nasipov, I.S. (2009) *Opyt sistematizatsii finno-ugorskikh zaimstvovaniy v tatarskom yazyke* [An attempt to systematize Finno-Ugric borrowings in the Tatar language]. Kazan. 236 p. (In Russian).
- Tomilov, N.A. (1992) *Etnicheskaya istoriya tyurkoyazychnogo naseleniya Zapadno-Sibirskoy ravniny v kontse XIX – nachale XX v.* [Ethnic history of the Turkic-speaking population of the West Siberian Plain in the late 19th – early 20th centuries]. Novosibirsk: Novosibirsk University Press. 270 p. (In Russian).
- Tumasheva, D.G. (1977) *Dialekty sibirskikh tatar. Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Dialects of the Siberian Tatars. An attempt at a comparative study]. Kazan: Kazan State University Press. 294 p. (In Russian).
- Khisamov, O.R. (2025) Mezhdru prisutstviem i sledom: tyurkskiy komponent v geograficheskikh nazvaniyakh Buryatii [Between presence and trace: the Turkic component in the geographical names of Buryatia]. In: *Milli-mädäni mirasybyz: Buryatiya tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Buryatia]. Kazan, p. 288. (In Russian).
- Bulatova, M.R. (2021) Tomsk tatarlarynyñ tel üzenchäleklärä häm rukhi mädäniyate [Language features and spiritual culture of the Tatars of Tomsk]. In: *Milli-mädäni mirasybyz: Tomsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Tomsk Region]. Kazan, pp. 225–293. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Novosibirsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Novosibirsk Region]. (2021). 2nd ed. Kazan. 572 p. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Omsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Omsk Region]. (2021). 2nd ed. Kazan. 476 p. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Tomsk ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Tomsk Region]. (2021). Kazan. 448 p. (In Tatar).
- Milli-mädäni mirasybyz: Tömänn ölkäse tatarlary* [Our national and cultural heritage: Tatars of Tyumen Region]. (2021). Kazan. 540 p. (In Tatar).
- Ramazanov, D.B. (2001) *Seber dialektlarynnan materiallar* [Materials from Siberian dialects]. Kazan: Fiker. 139 p. (In Tatar).
- Tatar leksikologiyase: öch tomda* [Tatar lexicology: in three volumes]. (2016). Project supervisor M.Z. Zäkiev; edited by G.R. Galiullina. Kazan: TƏhSI. Vol. II. 392 p. (In Tatar).
- Tatar teleneñ zur dialektologik süzlege* [Comprehensive dialectological dictionary of the Tatar language]. (2009). Compiled by F.S. Bayazitova, D.B. Ramazanov, Z.R. Sadyykova and T.Kh. Khäyretdinova. Kazan: Tatar Book Publishing House. 839 p. (In Tatar).

Алина Я. Хусаинова

Кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела ареальной лингвистики,
Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420111 Российская Федерация,
г. Казань, ул. К. Маркса, д. 12.

Эл. адрес: husainova_alina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6241-4848>

Alina Ya. Khusainova

Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher at the Department of Areal Linguistics,
G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
12 K. Marx Street,
Kazan 420111,
Russian Federation.

Email address: husainova_alina@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6241-4848>

Для цитирования: *Хусаинова А.Я.* Формирование татарских переселенческих говоров Сибири: социолингвистический аспект // Социолингвистика. 2026. № 2. С.219–238. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-11

For citation: *Khusainova A.Y.* Formation of Tatar migrant dialects of Siberia: sociolinguistic aspect // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 219–238. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-11

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 12.11.2025;
approved after reviewing 27.07.2026;
accepted for publication 30.08.2026.

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ

LANGUAGE PROCESSES

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-12>РЕГИОНАЛЬНАЯ АНТРОПОНИМИЯ В УСЛОВИЯХ
МЕЖКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН)

УДК 811.512.145

Гульшат Р. Галиуллина Казанский федеральный
университет, Академия наук
Республики Татарстан,Казань,
Российская Федерация**Аннотация**

Цель исследования — выявить особенности становления и функционирования региональной антропонимии в условиях межкультурного диалога на примере Республики Татарстан. Материалом для анализа послужили архивные источники, метрические книги, списки имён новорождённых, а также данные открытых информационных ресурсов. В работе рассматриваются особенности формирования и современное состояние региональной антропонимии, определяются экстралингвистические факторы, обусловившие трансформацию татарского и русского именников в условиях языкового контакта.

Установлено, что в зонах активного межэтнического взаимодействия региональная антропонимия выполняет двойную функцию: с одной стороны, она выступает транслятором традиционных этнокультурных ценностей, с другой — служит маркером социокультурного контекста региона. Период наиболее активного взаимодействия антропонимикона приходится на 1920–1930-е годы, что позволяет рассматривать его как начальный этап формирования общего антропонимического фонда, представленного, в частности, личными именами, отражающими реалии советской эпохи.

В ходе исследования установлено, что современная антропонимическая система Республики Татарстан характеризуется универсальными направлениями развития. К ним относятся актуализация исторического антропонимикона, интеграция ранее не фиксировавшихся европейских и восточных имён, искусственная номинация, а также появление новых лингвистических явлений в структуре национальных именников.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: региональная антропонимия, поликультурный диалог, межкультурные контакты, Республика Татарстан, татарский язык, русский язык, антропонимическая система

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Гульшат Р. Галиуллина, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-12>

REGIONAL ANTHROPNYMY IN THE CONTEXT OF INTERCULTURAL DIALOGUE: THE CASE OF THE REPUBLIC OF TATARSTAN

UDC 811.512.145

Gulshat R. Galiullina

Kazan Federal University,
Tatarstan Academy of
Sciences,

Kazan, Russian Federation

Abstract

The aim of the study is to identify the specific features of the formation and functioning of regional anthroponymy in the context of intercultural dialogue, using the Republic of Tatarstan as a case study. The analysis is based on archival sources, parish registers, lists of names given to newborns, and data from open-access information resources. The article examines the formation and current state of regional anthroponymy and identifies the extralinguistic factors that shaped the transformation of the Tatar and Russian naming systems under conditions of language contact.

The study shows that in areas of intensive interethnic interaction, regional anthroponymy performs a dual function: on the one hand, it serves as a transmitter of traditional ethnocultural values; on the other, it acts as a marker of the region's sociocultural context. The most intensive interaction between the two anthroponymic systems occurred in the 1920s and 1930s, which makes it possible to regard this period as the initial stage in the formation of a shared anthroponymic repertoire, represented, among other things, by personal names reflecting the realities of the Soviet period.

The study also demonstrates that the contemporary anthroponymic system of the Republic of Tatarstan is characterized by several broader developmental trends. These include the revival of historical naming traditions, the incorporation of previously unattested European and Eastern names, artificial naming practices, and the emergence of new linguistic phenomena within national naming systems.

KEYWORDS: regional anthroponymy, multicultural dialogue, intercultural contacts, Republic of Tatarstan, Tatar language, Russian language, anthroponymic system

1 | Введение

Антропонимия представляет собой синтетическую модель языка, культуры и социума, отражающую историческое развитие и современную жизнедеятельность народа во всем его многообразии. Как отмечает известный ониматолог Н.В. Подольская, «основная функция имени собственного номинативно-идентификационно-дифференцирующая. Информационная и экспрессивная функции – факультативны (активные функции), познавательная и аккумулирующая (пассивные)» [Подольская, 1988: 145]. Антропонимы как основной разряд имен собственных объединяют в себе все перечисленные функции и являются культурно маркированным знаком, фиксирующим не только сведения о состоянии языка, но и общую культурную ориентацию социума. Система личных имен любого народа представляет собой результат межкультурного обмена и взаимодействия с антропонимическими системами других этносов. В силу этого антропонимия становится значимым компонентом семиотического пространства отдельного этноса или региона.

Под региональной антропонимией понимается совокупность личных имен, бытующих на территории отдельного региона. Исследования в данной области предоставляют обширный материал для понимания специфики функционирования языков и межкультурного взаимодействия в границах определенной территории. Региональная антропонимическая система сочетает в себе универсальные и специфические черты, демонстрируя их сложное взаимодействие. В поликультурных регионах, где на протяжении длительного времени сосуществуют различные этносы, антропонимия становится не только системой именования, но и своеобразным отражением межкультурного диалога, а также маркером региональной идентичности.

Информативность региональной антропонимической системы, ее способность служить историческим источником неизмеримо выявляется при социолингвистическом изучении антропонимии определенной географической зоны [Барахоева, 2020: 266].

Заложивший фундамент исследования антропонимии в социолингвистическом аспекте В.Д. Бондалетов указал, что «самый обильный материал для социолингвистического изучения содержит антропонимия (личные имена, отчества, фамилии, прозвища и т.п.), так как она теснее всего связана с людьми и теми социальными отношениями, которые существуют в человеческом обществе» [Бондалетов, 1970: 18].

Начало изучения региональной антропонимии с применением статистических методов связано с работами В.А. Никонова, в которых подчеркивается важность массового материала для выявления географических и социальных закономерностей [Никонов, 1970; 1971]. Его

труды заложили основу социолингвистического и статистического исследований в отечественной антропонимике и получили развитие в работах современных исследователей в различных аспектах.

В настоящем исследовании рассматривается антропонимикон Республики Татарстан. Данный регион представляет собой уникальный пример территории, где татарский и русский языки находятся в состоянии длительного и интенсивного контактирования. На территории республики функционирует активный билингвизм, широкое распространение получили межэтнические семьи, созданные представителями коренных этносов данного региона. Указанные факторы обуславливают актуальность изучения антропонимикона Республики Татарстан, позволяющего проследить, как межкультурные контакты отражаются в системе личных имен, как формируется общее антропонимическое пространство при сохранении этнической специфики.

Целью нашей работы является выявление особенностей формирования и функционирования региональной антропонимии в контексте межкультурного диалога. В рамках статьи предполагается представить историю формирования антропонимикона региона под влиянием социальных факторов; определить типы и формы личных имен, представленных в виде заимствований, прошедших этап адаптации и процесс гибридизации; охарактеризовать современные тенденции развития региональной антропонимии в условиях поликультурного диалога с применением приемов статистического метода.

2 | Материалы исследования

Материалом исследования послужили личная картотека автора, состоящая из 68 360 актовых записей по городу Казани и Республике Татарстан за 1900-2026 гг., собранная на основе материалов метрических книг, извлеченных методом сплошной выборки из фондов Национального архива Республики Татарстан, а также списки имен новорожденных, полученные из Управления ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан. В них приводится полный перечень имен, которые давались новорожденным в муниципальных районах и в городе Казани Республики Татарстан. Также автором использованы материалы открытых информационных источников.

Методологический аппарат включает описательный, сопоставительный и статистический методы. Как справедливо указывает В.Д. Бондалетов, содержание статистического метода «разнообразно – от простейших подсчетов количества имен и выделения наиболее употребительных из них до описания статистической организации целого

ономастического разряда и закономерностей его развития» [Бондалетов, 1983:72]. В работе использовался также прием количественно-качественного метода сравнения именников, разработанный В.А. Никоновым [Никонов, 1971: 120], усовершенствованный В.Д. Бондалетовым [Бондалетов, 1973; 1983 и др.].

Метод сбора социолингвистических данных применялся при анализе информации из метрических записей, из личной картотеки автора и других источников. В дальнейшем данные были интерпретированы в социолингвистическом аспекте. Такой подход дает возможность представления общей картины частотности употребления антропонимов, а также проведения сопоставительного анализа и выявления зависимости частотности употребления определенных антропонимов от социальных изменений, произошедших в общественной жизни. В рамках исследования также стало возможным проследить, как эти изменения отражаются на росте популярности одних имен и угасании других.

3 | Результаты

3.1 Обзор истории формирования регионального антропонимикона

В поликультурной среде антропонимические единицы претерпевают значительные изменения, а антропонимическая картина мира приобретает сложный, многослойный характер, включающий элементы разных культур. Традиционный именник, являясь основой антропонимической системы, постепенно обогащается новыми единицами за счет процессов имятворчества и заимствования. В рамках поликультурного диалога возникают новые антропонимические явления, которые, закрепляясь в именнике региона, способны в дальнейшем определить основные векторы развития системы личных имен.

Для представления процесса формирования уникальной региональной антропонимической системы и выявления трансформационных процессов необходимо обратиться к истории ее становления.

На протяжении многих веков в антропонимиконе региона доминировали две культурные традиции – татарская и русская, развивавшиеся параллельно и сохранявшие собственную самобытность. Исключением стал период завоевания Казани и насильственная христианизация, развернувшаяся в Среднем Поволжье, когда в именослов новокрещенных татар начал формироваться по модели русского имяобразования, например, *Васька Иванов*, *сын Кудабердеев*; *Дербышалеев*; *Иван Ебинкозин*; *Ибайгул Енкуватов*; *Иван Исламов*; *Иван Осламов*; *Иван Тянишев*; *Иван Чекенеев*; *Иван Шемерденов*; *Игнатей Исламов*; *Митька*

Офоня Тохтамышев; Онтонко Кильдеяров; Петр Келдышев; Сава Дербышалеев; Степан Сунчалеев; Янка Етмасов; Якунка Тетамышев [Писцовая книга Казанского уезда..., 1978].

Несомненно, проследить этническую принадлежность населения по писцовым книгам достаточно сложно. Как указывает источниковед Д.А. Мустафина, «Речь можно вести об исповедующих христианство (давно и недавно) и мусульманство. Поэтому деление на русских, основываясь на православных именах, и на татар достаточно условно» [Мустафина, 2006: 39]. Однако смешанный состав антропонимической модели вышеперечисленных имен и фамилий указывает на принадлежность к новокрещеному населению.

В целом татарский антропонимикон сохранял тюркские традиции имянаречения, с заметным увеличением доли арабских и персидских имен, что продолжалось до начала XX столетия. В этом немаловажную роль сыграл тот факт, что татарская культура до XIX века преимущественно развивалась под влиянием арабо-мусульманской традиции. Религиозное мировоззрение оказывало сильное воздействие на сознание татарского народа, что препятствовало проникновению русских и западных имен в национальный антропонимикон.

Тенденция сохранения самобытности русской православной культуры наблюдалась и в русском антропонимиконе. Таким образом, антропонимическая система каждой этнической группы развивалась изолированно, следуя ранее сложившимся культурным и религиозным традициям и выполняя функцию этнокультурной идентификации.

Начало XX века стало переломным этапом в развитии антропонимиконов региона. Как известно, массовое появление новых имен характерно для эпох глубоких исторических и конфессиональных трансформаций. После Октябрьской революции 1917 года этот процесс затронул и антропонимикон татар. С установлением советской власти традиционные духовные ценности утратили свое былое значение и были низведены до уровня семейно-бытовых обычаев и обрядов.

Начало данному процессу было положено принятием Декрета Совета Народных Депутатов от 23 января (5 февраля) 1918 года «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Следствием принятия этого документа стала утрата традиций имянаречения, складывавшихся на протяжении столетий. В соответствии с новым законодательством, ведение актов гражданского состояния перешло в исключительное ведение светской власти — отделов записи браков и рождений.

Наиболее существенной трансформации подвергся татарский именник. Имена религиозного происхождения были фактически вытеснены из официального употребления. Поскольку именно данная группа имен составляла ядро традиционного антропонимикона,

образовавшуюся лакуну стали заполнять новообразования, а также заимствования из русского и ряда европейских языков. Вследствие открытости антропонимической системы татар в языке сформировался особый пласт имен, который впоследствии стал неотъемлемой частью современной татарской антропонимии.

Изменения касались и именника русского населения. Отказ от прежней многовековой традиции именования по церковным святым затронул и перечень имен исследуемого региона. В нем начали появляться новые единицы, нехарактерные для традиционного именника, которые в основном отражали новую действительность и идеологию советского государства.

3.2 Формирование общего антропонимического фонда региона

Охарактеризуем наиболее репрезентативные особенности именования в обоих антропонимиконах. Наиболее ярким периодом проникновения новых имен в татарский и русский именники региона является 1923–1949 гг., поскольку этот этап характеризуется стихийным и неконтролируемым имяобразованием, известным в антропонимике как «антропонимическое половодье».

К основным особенностям новых имен относятся: отражение новой советской действительности (*Трактор, Рюрий, Пионерия, Тельман, Радик, Ленарис, Энгель, Фридрих, Альберт, Эдгар, Рафаэль, Клара, Луиза, Роза*⁶⁵ и т.д.); возникновение имен-аббревиатур (*Ким, Рэм, Мэлс, Марклен, Лемар, Ленарис, Лесталь, Вилен, Ревнер*); отсутствие в именах национального характера (*Изил, Тамара, Нинель, Рим, Римма, Идеал, Марат, Земфира, Роберт* и др.); взаимопроникновение именников, обусловленное распространением межэтнических браков [Галиуллина, 2012: 33]. В татарском именнике в незначительном количестве фиксируются имена из традиционного русского именника: *Лена, Вера, Людмила, Оксана, Светлана, Борис, Валерий, Валериан, Виктор, Леонид, Олег*.

Рассмотрим подробнее особенности, получившие наибольшее распространение в антропонимиконах региона. В обоих именниках наиболее ярко проявляется новая традиция образования имен – аббревиация. Как справедливо отмечает В.А. Ивашко: «Антропонимическое половодье» привело к созданию в большом количестве имен-аббревиатур, составленных из структур антропонимов и элементов апеллятивной лексики» [Ивашко, 1988: 71].

⁶⁵ Здесь и далее примеры приведены из личной картотеки автора.

В региональном антропонимиконе указанного периода встречаются следующие типы аббревиации: буквенная: *Ким, Вил, Рэм, Мэлс, Лерон, Вилор, Рик* и др.; слоговая: *Марлен, Марклен, Лемар, Ленарис, Лесталь* и др.; смешанная: *Вилен, Лениза, Ленар, Ревнер* и др. Имена-аббревиатуры активно употреблялись до начала 40-х гг. XX века, затем частота их использования заметно снизилась. Если в татарском именнике некоторые из них, например, *Ленар, Лениза, Ким, Вил* продолжают функционировать до настоящего времени, участвуя в имятворчестве современного периода (ср. *Ленария, Ленара, Ленизиана, Ленизия, Вильнур, Вильнор* и др.), то в русском именнике на последующих этапах развития они не зафиксированы.

На начальном этапе формирования общего антропонимического фонда в обоих именниках отмечены единицы, образованные от апеллятивной лексики, географических наименований, например, *Уран, Урания, Радий, Идея, Марс, Марсель, Рим, Эльбрус, Казбек, Адлер, Индия, Атлас, Бриллиант, Идеал, Форель, Фикус, Азия* и др.

Таким образом, государственная идеология, направленная на создание единого антропонимического пространства на территории Советского государства, обусловила функционирование общего пласта имен, основу которого составляли аббревиатуры и заимствования из европейских языков. С этого периода в антропонимическом пространстве региона сформировалась новая традиция, нехарактерная ни для татарского, ни для русского именников.

Как показывают фактические материалы, процесс распространения новых имен в антропонимии региона протекал не одинаково. По степени интенсивности и глубине социальных и культурных трансформаций город и деревня, центр и периферия обнаруживают существенные различия. Например, на выбор имен прямое воздействие оказывал социальный статус личности. Новшества, происходящие в жизни общества, быстрее проникли в семьи интеллигенции, которая выступала проводником новых имен в антропонимическую систему. В городе Казани, крупном культурном и промышленном центре, процесс адаптации новаций протекал наиболее интенсивно. Исторически сложившееся влияние столицы на периферию способствовало распространению новых антропонимов в сельской местности, где данный процесс происходил с некоторым запаздыванием по сравнению с городом [Галиуллина, 2008: 197].

На последующих этапах развития антропонимикона региона наблюдается относительная стабильность в выборе имен для новорожденных. Если русский антропонимикон обращается к репертуару традиционного именника, то татарский

антропонимикон постепенно пополняется новыми единицами, нехарактерными для предшествующих этапов, которые, однако, становятся неотъемлемой частью татарского именослова и идентификаторами этнической принадлежности. Это обусловлено тем, что при заимствовании новых имен или в процессе имятворчества основными критериями выступают лингвокультурные традиции, восходящие к доисламскому периоду. Например, использование в качестве личных имен названий небесных тел: *Чулпан* (древнетюркское) – *Зəһрə* (арабское) – *Венера* (латинское); зоонимов: *Арслан* (древнетюркское) – *Хəйдəр* (арабское) – *Руслан* (русифицированный вариант древнетюркского Арслан); многочисленных названий растений: *Чəчəк* / *Чəчкə* (древнетюркское) – *Гəл* (персидский имяобразующий компонент), *Сəмбел*, *Дəлиə*, *Зəйтунə* (арабского происхождения) – *Лəндыш*, *Фиəлкə*, *Лилиə* и другие (заимствования из европейских языков).

Тем не менее, антропонимикон региона в советский период претерпел значительные изменения. В результате интенсивных межкультурных контактов, интернационализации и урбанизации в татарском именнике появляются имена-неологизмы, возрастает доля русских и интернациональных имен, в него начинают проникать имена народов СССР. Русский именник в целом сохраняет свою стабильность, изредка заимствуя европейские имена и включая отдельные удачные, благозвучные имена-аббревиатуры, а также имена, образованные от апеллятивной лексики или других ономастических единиц, например, *Вил*, *Лесталь*, *Нинель*, *Адлер*, *Роза*, *Искра*, *Люция* и др.

3.3 Современные тенденции развития региональной антропонимии

С конца 90-х гг. XX века в региональном антропонимиконе возникают новые тенденции, обусловленные социокультурными факторами, среди которых определяющими являются поликультурная среда, следование массовой моде на имена и религиозный фактор. Под их воздействием в антропонимиконе татар наблюдается возврат к древнетюркским именам (*Айбия*, *Юлгиза*, *Алтынай*, *Ильхан*, *Арслан*, *Алтынхан*, *Тимер*), а также интенсивное распространение религиозных имен (*Ислам*, *Карим*, *Мухаммат*, *Сулейман*, *Усман*, *Амина*, *Хадича* и др.). В русском именнике также усиливается возврат к старым именам (*Анастасий*, *Артемий*, *Гавриил*, *Елисей*, *Фрол*, *Мирон*, *Серафим*, *Прасковья*, *Ефросинья*, *Василиса*, *Устинья* / *Устиния* / *Устина* и др.).

Несмотря на то, что полиэтничность антропонимического пространства региона сложилась еще в начале XX века, новый период характеризуется интенсификацией взаимопроникновения русской и татарской этнокультур. Антропонимия в этом контексте

выступает чувствительным индикатором характера межэтнических отношений. На современном этапе наряду с развитием каждого из именников в русле сложившихся традиций наблюдается формирование общего фонда региональной антропонимии. В обоих именниках фиксируется активизация процессов имятворчества, часть образований употребляется как в русском, так и в татарском антропонимиконах (*Адмир, Альзана, Милада, Радмила, Риналия, Николина, Радаслава, Радислава, Русалина, Руслана, Славяна, Эллари, Адель*), а также имеет место проникновение новых имен из антропонимиконов других этносов (*Арнольд, Дайан, Дамиан, Алиша, Айа, Микелла, Николь, Есения*). Эти процессы наиболее ярко проявляются в крупных городах региона, а также в районах компактного проживания различных этносов, где формируется следование массовой моде [Галиуллина, 2019: 293].

Согласно нашим наблюдениям, основными индикаторами новых процессов, интенсивно проявляющихся с 2010-х гг., являются: заимствование европейских имен, в семантике и фонетическом оформлении которых этническая принадлежность выражена неярко (*Адель, Ариана, Арина, Бэлла, Виолетта, Даяна, Илана, Милена, Элина*); сочетание компонентов русского, европейских и татарского языков в структуре личного имени (так называемые гибридные имена: *Нурфаэль, Радислам, Ранислав, Айжана, Айлиза, Далиана, Радомир, Айлана, Алиана, Агдалия*); ориентация на общерегиональные ценности, проявляющаяся в частичной модификации фонетического облика существующих имен, что особенно характерно для женского именника (*Адэлия, Эмилиана, Радмина, Софина, Лерия, Лерика, Дэлия, Радэлия, Эрика*); появление совершенно новой традиции – употребления двойных имен, преимущественно в смешанных семьях (*Богдан-Умут, Владимир-Рамазан, Карим-Кирилл, Максим-Данияр, Изабелла-Рамиля, Адалия-Зейнеп, Лиана-Мира, Мия-Мадина, Диана-Дефне, Айла-Амани, Амин-Нур, Анна-Агата, Анна-Мария, Асель-Саня, Вирсавия-Юлдаш, Вселенна-Весна, Милана-Алия, Ульяна-Александра, Александра-Мария, Алия-Виктория, Елизавета-Ясмينا, Изабелла-Рамиля, Мия-Мадина* и др.).

Необходимо отметить, что двойные имена относятся к разряду редких, преимущественно они фиксируются в единичных случаях. Так, за 2010–2021 гг. из 145 случаев фиксации двойных имен в женском именнике, только одно имя – *Анна-Мария* – употреблено трижды, остальные зафиксированы однократно.

Общие тенденции выбора имени демонстрируют, что они могут отражать разные уровни идентификации – от подчеркивания этнической принадлежности до ориентации на общерегиональные или общероссийские ценности. В региональном антропонимиконе наблюдаются обе эти тенденции: основной состав татарского именника состоит из

традиционных имен тюрко-татарского и арабо-персидского происхождения, идет активный процесс возврата религиозных имен; в русском антропонимиконе преобладают традиционные имена. Для наглядности приведем несколько наиболее частотных имен новорожденных за последние пять лет по данным информационно-аналитического портала реестр ЗАГС Республики Татарстан [<https://zags.tatar.ru/names.html>] (Таблица 1).

Таблица 1

№	Мужские имена	2021	2022	2023	2024	2025
1.	Амир	582	627	527	597	488
2.	Тимур	453	584	420	438	418
3.	Марк	403	435	405	334	340
4.	Матвей	369	414	379	335	306
5.	Карим	347	406	365	360	-
6.	Мирон	-	-	-	-	335
Женские имена						
1.	Амина	517	548	547	506	486
2.	Софья	436	488	414	354	389
3.	Ева	436	491	427	363	384
4.	Ясмина	455	461	379	371	382
5.	Амелия	353	441	408	-	-
6.	Эмилия	-	-	-	379	384
7.	Айлин	-	-	-	-	404

Как видно из таблицы 1, в число наиболее употребительных мужских имен входит личное имя *Мирон*, отражающее христианскую традицию, которое ранее не отличалось высокой частотностью. В женском же именнике возрастает активность антропонима греческого происхождения *Эмилия*, являющегося неологизмом для регионального антропонимикона, а также имени *Айлин* – искусственного образования, возникшего в результате имятворчества в татарском языке. На начало 2026 года данное имя занимает уже четвертое место по популярности (см. таблицу 2).

Ниже представим десять наиболее популярных мужских и женских имен за январь-февраль 2026 года (Таблица 2).

Таблица 2

№	Мужские имена	Количество	Женские имена	Количество
1	Амир	86	Амина	73
2	Тимур	68	Эмилия	69
3	Михаил	56	София	71
4	Эмир	55	Айлин	68
5	Марк	52	Ева	60
6	Мирон	58	Амелия	54
7	Карим	49	Ясмينا	53
8	Матвей	48	Мирослава	40
9	Александр	40	Арина	37
10	Эмиль	40	Василиса	37

Лингвистическая структура новейшего антропонимикона также подвергается трансформации: усиливается тенденция появления новых моделей имяназвания, в том числе под влиянием общемировых трендов. Наиболее заметна динамика имяобразующего компонента *-ина / -лина*. Начало функционирования данного антропоформанта в качестве индикатора морфологической дифференциации женского рода приходится на 30–40 гг. XX века. На начальном этапе женских имен с данным антропоформантом немного, он зафиксирован в именах *Октябрина, Розалина / Рузалина, Руфина, Энгельсина*. До конца XX столетия антропоформант не выделялся в качестве распространенного имяобразующего компонента. Заметное повышение частотности его употребления характерно для современного антропонимикона. В настоящее время имяобразующий компонент *-ина / -лина* является продуктивным антропоформантом в региональном именнике. Так, за период 2018–2021 гг. он участвует в образовании 213 женских личных имен, наиболее популярными из которых являются *Аделина, Азалина, Адалина, Александрина, Амилина, Виталина, Зарина, Иделина, Рамилина, Сафина, Эмилина / Эмелина* и др.

За последние десятилетия резко возросло употребление фонетических вариантов традиционных имен, особенно в татарском именнике, например, *Ильдар – Эльдар, Амир – Эмир, Ирек – Эрек / Эрик, Анвар – Энвер, Альбина – Альвина, Ильзия – Эльзия, Аделия – Адэлия, Гайшэ – Айша / Аиша, Ильзара – Эльзара* и др.

Качественное изменение регионального антропонимикона на современном этапе свидетельствует об интенсификации межкультурного диалога и создает условия для функционирования личных имен в двуязычной среде, адаптированных к обоим языкам. Еще одной причиной активизации новых типов антропонимических единиц является распространение межэтнических браков, в которых выбор имени ориентирован на сочетание обеих культур.

4 | Заключение

На основе проведенного анализа эволюции антропонимии Республики Татарстан в условиях поликультурного диалога можно сделать следующие выводы.

Исследуемый регион представляет собой сложную систему, сформировавшуюся в результате длительного межкультурного диалога, который затрагивает все сферы жизнедеятельности населяющих его народов и в особенности элементы их духовной культуры. Региональная антропонимия как этнокультурный маркер сохраняет традиционные мотивы имяназвания каждого из народов, а как семиотический знак чутко реагирует на социокультурные процессы и стремится адаптироваться к действительности. Контактное взаимодействие татарского и русского именников региона происходит с начала XX века под влиянием политического фактора. На первом этапе это взаимодействие происходило асимметрично: реципиентом выступал татарский именник, который принимал новые имена в свой состав из русского языка. Затем постепенно начинает формироваться общий антропонимический фонд, состоящий из личных имен, отражающих новую советскую действительность. Выявлено, что современная антропонимическая система Республики Татарстан характеризуется наличием общих тенденций развития и трансформации: обращение к историческому антропонимикону, заимствование ранее не зафиксированных европейских имен, искусственная номинация и появление новых лингвистических явлений в именниках.

Таким образом, антропонимикон исследуемого региона отражает не только историю межэтнических контактов, но и такие современные процессы, как двуязычие, формирование многоуровневой идентичности, поиск баланса между сохранением этнической специфики и интеграцией в общероссийское культурное пространство. Дальнейшее изучение антропонимии данного региона с применением междисциплинарного подхода и расширением эмпирической базы позволит раскрыть механизмы взаимовлияния и взаимопроникновения именников.

ЛИТЕРАТУРА

- Барахоева Н.М., Киева З.Х., Дударова Л.М. (2020) Региональная антропонимия в перспективе социолингвистического метода // Мир науки, культуры, образования. № 5 (84). С. 266–267.
- Бондалетов В.Д. (1970) Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. М.: б.и. С. 17–23.
- Бондалетов В.Д. (1973) Женские личные имена в конце XIX века // Ономастика Поволжья. конференции по ономастике Поволжья. Уфа: б.и. С. 118–125.
- Бондалетов В.Д. (1983) Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. М.: Просвещение. 224 с.
- Галиуллина Г.Р. (2008) Татарские личные имена в контексте лингвокультурных традиций. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 349 с.
- Галиуллина Г.Р. (2012) Диалог культур в ономастическом пространстве современного полиэтнического города // Филология и культура. Philology and Culture. № 2 (28). С. 32–35.
- Галиуллина Г.Р. (2019) Новые имена в антропонимиконе татар // Ономастика Поволжья: материалы XVII Международной научной конференции (Великий Новгород, 17–20 сентября 2019 года) / сост., ред. В.Л. Васильев. Великий Новгород: ТПК «Печатный двор». С. 290–295.
- Ивашко В.А. (1988) Как выбирают имена. Минск: Высшая школа. 71 с.
- Метрические книги по мечетям г. Казани. Центральный государственный архив Республики Татарстан (ЦГА РТ). Ф. 4. Оп. 180. Д. 186, 169, 170, 171.
- Никонов В.А. (1970) Задачи и методы антропонимики // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. М.: б.и. С. 3–10.
- Никонов В.А. (1971) Женские имена в России XVIII века // Этнография имен. М.: Наука. С. 120–141.
- Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов (1978) / сост. Р.Н. Степанов; статьи И.П. Ермолаева, Р.Н. Степанова. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 240 с.
- Писцовое описание Казани и Казанского уезда 1565–1568 годов (2006) / изд. подг. Д.А. Мустафиной. Казань: Фэн. 660 с.
- Подольская Н.В. (1988) Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. А.В. Суперанская. М.: Наука. 192 с.
- Ревизские сказки о купцах, мещанах и цеховых г. Казани русского и татарского сословий (1816–1879). ЦГА РТ. Ф. 3. Оп. 2.
- РЕЕСТР ЗАГС. Информационно-аналитический портал. Режим доступа: <https://zags.nalog.gov.ru/analytics/names>. Дата обращения: 05.03.2026.
- Управление ЗАГС Кабинета Министров Республики Татарстан. Режим доступа: <https://zags.tatarstan.ru/names.html>. Дата обращения: 05.03.2026.

REFERENCES

- Barakhoyeva, N.M., Kiyeva, Z.Kh. and Dudarova, L.M. (2020) 'Regional'naya antroponimiya v perspektive sotsiolingvisticheskogo metoda' [Regional anthroponymy from a sociolinguistic perspective], *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, Issue 5 (84), pp. 266–267. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1970) 'Onomastika i sotsiolingvistika' [Onomastics and sociolinguistics], in *Antroponimika* [Anthroponymy]. Moscow, pp. 17–23. (In Russian).
- Bondaletov, V.D. (1973) 'Zhenskiye lichnyye imena v kontse XIX veka' [Female personal names in the late 19th century], in *Onomastika Povolzh'ya. Materialy 3-y konferentsii po onomastike Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga region. Proceedings of the 3rd conference on onomastics of the Volga region]. Ufa, pp. 118–125. (In Russian).

- Bondaletov, V.D. (1983) *Russkaya onomastika: ucheb. posobiye dlya studentov ped. in-tov* [Russian onomastics: a textbook]. Moscow: Prosveshcheniye. 224 p. (In Russian).
- Galiullina, G.R. (2008) *Tatarskiye lichnyye imena v kontekste lingvokul'turnykh traditsiy* [Tatar personal names in the context of linguistic and cultural traditions]. Kazan: Kazan University Press. 349 p. (In Russian).
- Galiullina, G.R. (2012) 'Dialog kul'tur v onomasticheskom prostranstve sovremennogo polietnicheskogo goroda' [Dialogue of cultures in the onomastic space of a modern multi-ethnic city], *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, Issue 2 (28), pp. 32–35. (In Russian).
- Galiullina, G.R. (2019) 'Novyye imena v antroponimikone tatar' [New names in the Tatar anthroponymicon], in *Onomastika Povolzh'ya: materialy XVII Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Onomastics of the Volga region: proceedings of the 17th international scientific conference]. Veliky Novgorod, pp. 290–295. (In Russian).
- Ivashko, V.A. (1988) *Kak vybirayut imena* [How names are chosen]. Minsk: Vysshaya shkola. 71 p. (In Russian).
- Metricheskiye knigi po mechetam g. Kazani [Metric books of Kazan mosques] (n.d.) Central State Archive of the Republic of Tatarstan (TsGA RT). F. 4. Op. 180. D. 186, 169, 170, 171. (In Russian).
- Nikonov, V.A. (1970) 'Zadachi i metody antroponimiki' [Tasks and methods of anthroponymy], in *Lichnyye imena v proshlom, nastoyashchem i budushchem* [Personal names in the past, present and future]. Moscow, pp. 3–10. (In Russian).
- Nikonov, V.A. (1971) 'Zhenskiye imena v Rossii XVIII veka' [Women's names in 18th-century Russia], in *Etnografiya imen* [Ethnography of names]. Moscow, pp. 120–141. (In Russian).
- Pistsovaya kniga Kazanskogo uyezda 1602–1603 godov [Cadastre book of Kazan district, 1602–1603] (1978) Comp. by R.N. Stepanov. Kazan: Kazan University Press. 240 p. (In Russian).
- Pistsovoye opisaniye Kazani i Kazanskogo uyezda 1565–1568 godov [Cadastre description of Kazan and Kazan district, 1565–1568] (2006) Ed. by D.A. Mustafina. Kazan: Fen. 660 p. (In Russian).
- Podol'skaya, N.V. (1988) *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian onomastic terminology]. 2nd ed. Ed. by A.V. Superanskaya. Moscow: Nauka. 192 p. (In Russian).
- Revizskiy skazki o kuptsakh, meshchanakh i tsekhovykh g. Kazani russkogo i tatarskogo sosloviy (1816–1879) [Revision tales about merchants, burghers and guild members of Kazan of Russian and Tatar estates (1816–1879)] (n.d.) TsGA RT. F. 3. Op. 2. (In Russian).
- REYeSTR ZAGS [REGISTRY OFFICE REGISTER] (n.d.) Available at: <https://zags.nalog.gov.ru/analytics/names> (Accessed: 5 March 2026). (In Russian).
- Upravleniye ZAGS Kabineta Ministrov Respubliki Tatarstan [Registry Office of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan] (n.d.) Available at: <https://zags.tatarstan.ru/names.html> (Accessed: 5 March 2026). (In Russian).

Гульшат Р. Галиуллина

Доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой татарского
языкознания,
Казанский федеральный университет,
Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420056 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Татарстан, д. 2.

Эл. адрес: caliullina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6923-2190>

Gulshat R. Galiullina

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Head of the Department of Tatar Linguistics,
Kazan Federal University,
Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
2 Tatarstan Street,
Kazan 420056,
Russian Federation.

Email address: caliullina@list.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6923-2190>

Для цитирования: *Галиуллина Г.Р.* Региональная антропонимия в условиях межкультурного диалога (на примере Республики Татарстан) // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.239–254. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-12

For citation: *Galiullina G.R.* Regional anthroponymy in the context of intercultural dialogue: the case of the Republic of Tatarstan // Sociolingvistika. 2026. No. 2. Pp. 239–254. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-12

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.01.2026;
approved after reviewing 10.08.2026;
accepted for publication 30.08.2026.

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-13>

ИЗМЕНЕНИЯ СИНТАКСИСА В СОВРЕМЕННОМ ТАТАРСКОМ ЯЗЫКЕ В МЕДИАСФЕРЕ

УДК 811.512.111: 070

Лилия М. Гиниятуллина

Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова
Академии наук Республики Татарстан,

Казань, Российская Федерация

Аннотация

Статья посвящена исследованию процессов изменения татарского языка в условиях современного общественного пространства и стремительного развития цифровых технологий. Исследование находится на пересечении медиалингвистики, изучающей языковые особенности средств массовой информации, и социалингвистики, рассматривающей функционирование языка в обществе. На материале современных медиатекстов анализируются основные тенденции вариативности и изменений в синтаксисе татарского языка.

К числу характерных особенностей татарского синтаксиса в медиатекстах относятся синтаксическая интерференция, изменения в структуре татарских повествовательных предложений и сложных синтаксических конструкций под влиянием русского языка, а также проникновение элементов разговорной речи. Особое внимание уделяется синтаксическим инновациям, обусловленным спецификой медиакommunikации.

Автор подчёркивает ключевую роль современной массовой коммуникации в распространении языка и на примерах татарских медиатекстов демонстрирует динамику трансформации татарского языка под влиянием русского. Основной акцент сделан на изменениях в синтаксическом строе.

Работа направлена на привлечение внимания к проблемам сохранения татарского языка и необходимости дальнейшего изучения происходящих в нём синтаксических изменений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: татарский язык, Республика Татарстан, синтаксис, татароязычные СМИ, медиатекст

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Лилия М. Гиниятуллина, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-13>

SYNTACTIC CHANGES IN CONTEMPORARY TATAR LANGUAGE IN THE MEDIA SPHERE

UDC 81'26, 81'272

Liliya M. Giniyatullina

G. Ibragimov Institute of
Language, Literature and
Art of the Academy of
Sciences of the Republic of
Tatarstan,

Kazan, Russian Federation

Abstract

The article examines changes in the Tatar language in the context of contemporary public communication and the rapid development of digital technologies. The study lies at the intersection of media linguistics, which investigates the linguistic features of mass media discourse, and sociolinguistics, which focuses on the functioning of language in society. Drawing on contemporary media texts, the article analyses major trends in variation and change in Tatar syntax.

The distinctive syntactic features observed in Tatar media texts include syntactic interference, changes in the structure of Tatar declarative sentences and complex syntactic constructions under the influence of Russian, as well as the increasing presence of colloquial elements. Particular attention is paid to syntactic innovations arising from the specific nature of media communication.

The author emphasizes the key role of contemporary mass communication in the dissemination of language and, through the analysis of examples from Tatar media texts, demonstrates the dynamics of changes in Tatar under the influence of Russian. The primary focus is on transformations in syntactic structure.

The study seeks to draw attention to issues related to the preservation of the Tatar language and to the need for further research into ongoing syntactic change.

KEYWORDS: Tatar language, Republic of Tatarstan, syntax, Tatar-language media, media text

1 | Введение

Ситуация с национальными языками в контексте преобладающего использования русского языка в общественном пространстве и стремительного роста цифровых технологий характеризуется ограниченным распространением национального языка в некоторых сферах. Это связано с государственной политикой, ориентированной на русский язык, и тенденциями глобализации.

В Республике Татарстан татарский официально признан государственным языком. В республике прилагаются усилия по сохранению и продвижению как русского, так и татарского языков, которые касаются законодательства, системы образования и средств массовой информации.

В Республике наряду с русскоязычными издаются и татароязычные СМИ. При этом доля контента, производимого на татарском языке, остается низкой по сравнению с русскоязычным. По данным за 2024 г., из 390 печатных СМИ 113 газет и 43 журнала выпускаются на татарском языке [Сагитова, 2025]. Под влиянием развития стремительного прогресса в сфере коммуникаций информационное поле расширяется за счет интернет-платформ и социальных сетей, которые дополняют привычные газеты, журналы и телевидение.

«Основной объем речепользования приходится сегодня именно на сферу массовой коммуникации. Тексты массовой информации, или медиатексты, являются одной из самых распространенных форм современного бытования языка, а их совокупная протяженность намного превышает общий объем речи в прочих сферах человеческой деятельности» [Добросклонская, 2005: 38]. Развитие языков под воздействием лингвистических и социальных факторов, а также особенности медиаязыка были изучены отечественными специалистами в XX веке, в том числе Л.К. Байрамовой [Байрамова, 2001], Н.Б. Вахтиным [Вахтин, 2004], Е.М. Верещагиным [Верещагин, 2005], В.З. Гарифуллиным [Гарифуллин, 2018], Т.Г. Добросклонской [Добросклонская, 2005], С.М. Ибрагимовым [Ибрагимов, 2008], В.Г. Костомаровым [Костомаров, 2005], И.М. Низамовым [Низамов, 2012], Н.Р. Нурутдиновой [Нурутдинова, 2021], Ф.К. Сагдеевой [Сагдеева, 2021], Г.Я. Солгаником [Солганик, 1978], А.Д. Швейцером [Швейцер, 1977] и др. Диахронические исследования внутриязыковых изменений в татарском языке [Исхакова, 2001; Шарыпова, 2004] показывают его структурную неоднородность. Это обусловлено интенсивными заимствованиями из русского и других языков, а также отступлениями от устоявшихся языковых норм.

Актуальность темы обусловлена ограниченностью существующих исследований, затрагивающих влияние медиа на синтаксический уровень татарского языка. В данной статье предпринята попытка в некоторой степени восполнить существующий пробел. Цель исследования – выявить и проанализировать основные тенденции вариативности и изменений в синтаксисе татарского языка на материале современных медиатекстов с точки зрения социолингвистических факторов.

В работе использовались различные взаимодополняющие методы исследования: корпусный анализ, дискурс-анализ, качественный анализ примеров, метод комплексного анализа, метод лингвистического наблюдения и описания конкретных языковых фактов с целью получения обобщенных данных.

Анализ основан на изучении материалов электронных вариантов газет «Шәһри Казан» («Шахри Казан»), «Ватаным Татарстан» («Моя родина Татарстан»), «Интертат», «Алабуга нуры» («Луч Елабуги»), телеграм-каналов журналов «Мәгариф» («Просвещение»), «Гаилә һәм мәктәп» («Семья и школа»), телерадиокомпаний «Новый Век», официальных сайтов организаций, учебных заведений, муниципальных районов. Выбор того или иного текста не случаен, а основан на том, что он максимально подкрепляет конкретный теоретический постулат исследователя. Общий корпус примеров, полученных методом сплошной выборки, составил более 300 единиц. В рассматриваемых примерах сохраняется орфография и пунктуация авторов.

Далее проведен анализ некоторых особенностей татарского синтаксиса, которые могут проявляться в медиатекстах.

2 | Синтаксическая интерференция

Синтаксическая интерференция представляет собой лингвистическое явление, характеризующееся искажением нормативных правил построения предложений в одном языке под влиянием синтаксических структур другого. Данное явление затрагивает как отдельные члены предложения, так и их иерархические связи и порядок следования.

Калькирование русских синтаксических конструкций чаще всего проявляется в нарушении порядка слов в предложении. Приведем конкретные примеры, где наблюдаются подобные изменения.

В результате взаимодействия с русским языком может измениться привычный для татарского языка порядок слов. В современных медиатекстах часто наблюдается ослабление

строгого правила «подлежащее-дополнение-сказуемое» в пользу более свободного порядка, характерного для русского.

Например, встречается расположение глагола в середине или начале предложения для эмпазы:

Казанга эз дэ басмаган К. Маркс, Ф. Энгельс исемнәрен йөртә бугенге үзәк урамнар [Хажиев]. / Имена К. Маркса, Ф. Энгельса, которые никогда не ступали на казанскую землю, носят сегодня центральные улицы (здесь и далее подстрочный перевод автора статьи – Л.Г.).

С целью акцентирования значимости словосочетания *үзәк урамнар* (центральные улицы), где *урамнар* выполняет функцию подлежащего, оно было перемещено в конец предложения.

Для татарского языка характерно, что некоторые виды придаточных предложений (определительные, условия, цели, причины или времени) обычно предшествуют главному предложению. Для текстов современного медиа свойственно нарушение данного расположения компонентов сложного предложения.

*Ул **башка кандидатларны сайлауга кертмәгәч**, автомат рәвештә президент булып билгеләнгән* [Хажиев]. / Он, так как другие кандидаты не были допущены к выборам, автоматически был назначен президентом.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на преобладание синтетического типа в татарском сложном предложении, наблюдается тенденция к более частому использованию аналитических конструкций.

***Шундый** алдавыч, начар тәэссорат туа күңелдә, **әйтерсең лә** бу тарихи шәхесләр Чистайда булган, имеш* [Хажиев]. / Создается такое обманчивое, дурное впечатление, будто эти исторические личности были в Чистополе.

Одним из проявлений влияния русского языка стало калькирование русских конструкций, которое выразилось в замене традиционных татарских способов передачи значения через использование аналогичных конструкций, заимствованных из русского языка. В татарских средствах массовой информации наблюдается тенденция к некорректному использованию послелогов и послеложных слов, таких как *буенча*, *аркасында*, *барышында* и др.

1) *Табиблар бәяләве **буенча**, ел саен йөзләгән мең кеше инфекцияләр **аркасында** үлә, аларны стандарт антибиотиклар белән дэвалап булмый* [Дарулар...]. / По оценкам врачей, сотни тысяч человек ежегодно умирают по причине инфекций, которые невозможно вылечить стандартными антибиотиками.

2) *Гала-концерт барышында актив катнашучылар һәм чараны оештыручылар Бөтендөнья татар конгрессының истәлекле бүләкләре һәм Рәхмәт хатлары белән бүләкләнде [Казахстан...].* / В ходе гала-концерта активные участники и организаторы мероприятия были награждены памятными подарками и благодарственными письмами Всемирного конгресса татар.

Для достижения большей грамматической точности в данных примерах следовало бы применить падежные формы вместо использования послелогов и послеложных слов: *табиблар бәяләвенчә, инфекцияләрдән, гала-концертта.*

Особо следует выделить прямое калькирование русской предложной конструкции «по вопросу о...» (*буенча*) и порядка слов, где обстоятельства времени, места вынесены в начало предложения для эмпазы. Это нарушает привычные для татарского языка модели управления и актуальное членение.

15 августта Арча районы Кырлай авылы янында парк төзү проектларын карау буенча конкурс комиссиясе утырышы булды [Казан...]. / 15 августа состоялось заседание конкурсной комиссии по рассмотрению проектов создания парка у села Кырлай Арского района.

Помещение обстоятельства времени *15 августта* в начало предложения порождает неопределенность, поскольку оно может относиться как к дате планируемого создания парка, так и к дате проведения заседания.

Есть конструкции, которые прочно вошли как в повседневное общение, так и в медиатексты. Одна из таких конструкций – «пользоваться чем-то».

Выражение «пользоваться книгой» часто используется как «китап белән файдаланырга». В русском языке существительное употребляется в творительном падеже. В татарском языке употребляется исходный падеж: *китаптан файдаланырга.*

Некоторые синтаксические кальки очень заметны в речевом потоке. К ним можно отнести и калькирование русских конструкций вместо использования исконных падежных форм. Выражения «кататься на лыжах», «кататься на санях» в медиатекстах часто употребляются с использованием местно-временного падежа: *чаңгыда шуу, чанада шуу*, что также является калькой из русского языка.

1) *Аннан соң 3 тапкыр үземне кулдан теишләде [Хажиев].* / Затем трижды укусил себя за руку. Предлагаемая формулировка предложения выглядит следующим образом: *Аннан соң 3 тапкыр минем кулны теишләде.*

Здесь *үземне* означает *себя*, поэтому правильное будет *минем – мою*. Также допущена ошибка в падеже: вместо исходного следует использовать винительный падеж (*нәрсәне тешләде? – что укусил?*).

2) «Сказка о царе **Султане**» карагач, андагы көйләр рус халык җырларыдыр дип уйладым [Галиуллина]. / Когда смотрела «Сказку о царе Султане», я думал, что это русские народные песни.

В представленном примере опущено окончание винительного падежа: *Сказка о царе Султане*»**ны** карагач, андагы көйләр рус халык җырларыдыр дип уйладым.

Ошибочный выбор слова – часто наблюдаемый вид синтаксической интерференции в текстах средств массовой информации.

Парк төзү буенча башланган эш дәвам итә, спонсорлар һәм авыл активы ярдәмендә паркның төн ягы **тотып алынган**, территориясен тәртипкә салып, яшь үсентеләр утыртканнар [Ахметшин]. / Начатая работа по созданию парка продолжается: благодаря спонсорам и сельскому активу была **огорожена** северная сторона парка, приведена в порядок территория и высажены молодые насаждения.

Сказуемое *тотып алынган* (*поймано, изъято*) самостоятельно не отражает полного значения русского слова *огорожено*. Правильнее будет употребить варианты *коймаланган/коймалап алынган*.

Биредә татар шигърияте классигы Габдулла Тукайның яшь еллары узган [Казан...]. / Здесь прошли молодые годы классика татарской поэзии Габдуллы Тукая.

Хотя слово *яшь* действительно означает *молодой*, его использование в данном контексте представляется не совсем подходящим. Более точным и уместным выражением будет *яшьлек еллары*, так как в татарском языке слова *яшь* и *еллар* не образуют устойчивого словосочетания.

Также часто проявляется плюс-сегментация. Иногда русские и татарские конструкции объединяются, создавая гибридные формы. Например, предложение, построенное с элементами обоих языков, может выглядеть следующим образом:

1) *Татарстанның сәламәтлек саклау министры Альмир Абашев хәбәр итүенчә, 2025 елда бу хезмәттән 14 миллионнан артык **тапкыр** файдаланганбыз* [Шәйхетдинова]. / Как сообщил министр здравоохранения Татарстана Альмир Абашев, в 2025 году услугой воспользовались более 14 миллионов раз.

2) *Бүген, 9 гыйнвар көнне, район авыл хуҗалыгы һәм азык-төлек идарәсендә агрономнар катнашында укулар **гамәлләштерелде*** [Бәхтиева]. / Сегодня, 9 января, в районном управлении сельского хозяйства и продовольствия состоялось обучение агрономов.

Слова *тапкыр* (в значении *раз, раза*), *гамәлләштерелде* (в значении *реализовано*) не несут смысловой нагрузки в данных предложениях. Анализ предложений выявил некорректное использование слов *тапкыр* и *гамәлләштерелде*. В первом примере слово *тапкыр* было ошибочно интегрировано в татарский текст из русского, не выполняя никакой смысловой функции. Во втором случае, слово *гамәлләштерелде* также было заимствовано из русского, поскольку в татарском языке конструкция *укулар гамәлләштерелде* не используется.

3 | Употребление сложных синтаксических конструкций

Одним из ярких примеров взаимовлияния русского и татарского языков являются изменения в структуре сложных синтаксических конструкций. Под воздействием русского языка татарский стал приобретать черты, ранее несвойственные ему, такие как усложнение синтаксических связей, что наблюдается в изменении структуры сложноподчиненных предложений, моделях управления.

Көнкуреш компромиссы әңгәмәгә әзерлектән һәм гади гамәлләрдән туа: белдерүне вакытында чатка җибәрергә, шимбә көнне перфораторны сүндерергә һәм иртәгә ремонт сезнең күршегездә башланьрга мөмкинлеген истә тотарга [Яфизова]. / Бытовой компромисс рождается из готовности к диалогу и простых действий: вовремя отправить сообщение в чат, выключить перфоратор в субботу и помнить, что завтра ремонт может начаться у вашего соседа.

Данный пример демонстрирует явление калькирования. В отношении татарского языка представляется более целесообразным применение отглагольных существительных (имен действия) вместо инфинитивных форм, а также предпочтение синтетического способа выражения грамматических отношений перед аналитическим: *Көнкуреш компромиссы белдерүне вакытында чатка җибәрү, шимбә көнне перфораторны сүндерү һәм иртәгә ремонт сезнең күршегездә башланьрга мөмкинлеген истә тоту кебек гади гамәлләрдән туа.*

Син репортаж ясарга барган: урын, герой белән генә танышып калмыйсың, ә үзең тормышта беркайчан да аяк басмаган җирләргә килеп керәсең, гадәти тормышта беркайчан да күрә алмаячак җирләргә күрәсең, алар белмәгән вакыйгаларга тап буласың [Хажиев]. / Ты пришел делать репортаж: не только знакомишься с местом, героем, но и попадаешь в те места, где сам никогда в жизни не ступал ногами, видишь те места, которые никогда не увидишь в обычной жизни, попадаешь в события, о которых они не знают.

В отличие от русского языка, в татарском глагол демонстрирует согласование не только по числу, но и по лицу с существительным, что иллюстрируется примером *син баргансың*.

Следует также подчеркнуть, что использование глагола в форме неопределенного прошедшего времени в данном контексте является не совсем корректным. В данном случае прослеживается влияние русского языка, который в форме прошедшего времени не располагает соответствующей грамматической категорией.

Поскольку данные конструкции встречаются исключительно в современных медиатекстах, они ранее не были предметом исследования в академических грамматиках татарского языка.

4 | Смешение подсистем

Разговорные формы в письменных медиатекстах приобретают особую значимость благодаря стремительному росту популярности цифровых платформ и быстрому темпу распространения информации. Сегодня медиатексты создаются не только профессиональными журналистами, но и обычными пользователями интернета, что существенно меняет стилистику и структуру материала.

Формы проявления разговорных элементов в медиатекстах:

I. Эмоциональная окраска высказываний. Эмоциональный компонент выражается посредством смайлов, эмодзи, пиктограмм и гиперболизации эмоций.

1) *Алмаз Мирзаянов «партнерские роды»ның нәрсә икәннен аңлатып бирде 😊* [ТНВ татарча, 16.02.2026]. / Алмаз Мирзаянов объяснил, что такое «партнерские роды» 😊.

2) *Бүген каһарман шагыйрь Муса Жәлилнең тууына 120 ел 🗓 Ясалма фәһем ярдамендә ясалган видео тәкъдим итәбез 📺* [ТНВ Татарча, 15.02.2026]. / Сегодня 120 лет со дня рождения поэта-героя Мусы Джалиля. Предлагаем видео, созданное с применением искусственного интеллекта.

II. Синтаксические упрощения. Медиатексты часто характеризуются простым строением предложений, пропусками подлежащих и вспомогательных глаголов, несоблюдением стандартных орфографических и пунктуационных норм.

1) *И сөнәдер инде машина хуҗасы* [ТНВ Татарча, 05.02.2026]. / Радуется, наверное, хозяин машины.

2) *Беренче дәрәҗә җиңүче дипломы – Саба командасында! [Мәгариф...]* / Диплом победителя первой степени – в Сабинской команде!

III. Несоблюдение пунктуационных норм (обособление запятыми вводных слов, знаки препинания в сложных предложениях и т.д.):

Аларны тыңлаганда, һәр кеше үзенең сугышта катнашкан әтисен, бабаларын һәм башка якыннарын искә төшерә мөгаен [Якупова]. / Слушая их, каждый человек, наверное, вспоминает своего воевавшего отца, дедушку и других близких.

В данном примере отсутствует запятая перед вводным словом *мөгаен*.

Шуны аңларга кирәк, антибиотиклар үпкә ялкынсынуын, ангинаны, сидек юллары инфекцияләрен һәм бактерияләр китереп чыгарган башка авыруларны дāvалауда нәтижәле, әмма грипп, коронавирус һәм салкын тию кебек вируслы авырулар очрагында ярдәм итми, дип белдерә Вәлиев [Дарулар...]. / Важно понимать: антибиотики эффективны при лечении воспалений легких, ангины, инфекций мочевыводящих путей и других заболеваний, вызванных бактериями, но не помогают при вирусных заболеваниях, таких как грипп, коронавирус и простуда – заявляет Валеев.

IV. Между двумя частями сложного предложения двоеточие заменено запятым: *Шуны аңларга кирәк: антибиотиклар үпкә ялкынсынуын, ангинаны, сидек юллары инфекцияләрен һәм бактерияләр китереп чыгарган башка авыруларны дāvалауда нәтижәле, әмма грипп, коронавирус һәм салкын тию кебек вируслы авырулар очрагында ярдәм итми, дип белдерә Вәлиев*.

V. Часто автор статьи более свободно общается с читателем. Пользователи ведут диалог с аудиторией, обращаясь к ней напрямую и используя разговорные приветствия и формулы вежливости. Данные примеры наглядно демонстрируют синтаксические упрощения, упомянутые ранее.

1) *Хөрмәтле укучыларым, Чистайга кире кайтыйк әле, сүзем аның турында иде* [Фәттахов]. / Уважаемые мои читатели, вернемся в Чистополь, я говорил о нем.

2) *Сездә ничә градус? Төшереп яки язып җибәрегез әле, кызык* [ТНВ Татарча, 04.02.2026]. / Сколько градусов у вас? Присылайте фото или пишите, интересно.

3) *Барыгыз да кайтып җиттеме? Эшләрегез беттеме? Уйнап алабыз әйдә* [ТНВ Татарча, 03.02.2026]. / Вы все вернулись домой? Закончили свои дела? Давай сыграем.

4) *Без, мөселманнар, дустым, бер Аллаһка гына гыйбадәт кылып яшәргә тиешбез* [Ширектән...]. / Мы, мусульмане, друг мой, должны поклоняться одному Аллаху.

VI. В медиатекстах отмечается несоблюдение профессиональных стандартов. Журналисты все чаще допускают использование разговорных форм, чтобы привлечь аудиторию и создать впечатление живого общения.

Ир кеше Артур исемле икэн, озын, ыспай гәүдәле, кара сакаллы. «Нигә миңа ярдәм итәргә булдың?» – мәйтәм [Шәйхетдинова]. / Мужчину звали Артур, высокий, элегантный, с черной бородой. «Почему решил мне помочь?» – спрашиваю.

Мәйтәм – разговорная форма вводного слова. В рамках этого контекста корректно применить слово *дим*.

Ә Мөхәммәтгарифнең чардуганын ни өчен аклы-каралы итеп буйыйлармы? Мулла-ишаннар чардуганнары ул елларда гел аклы-каралыга буялып, гади катлам мөселманнар кабереннән шул рәвешле аерылып торган [Шәрәфиева]. / А почему ограду Мухаммедгарифа красят в черно-белое? Ограды мулл-ишанов в те годы всегда окрашивались в черно-белые цвета, чтобы они таким образом отличались от обычных сословий мусульман.

В представленном примере автор прибегает к риторическому приему, задавая вопрос аудитории и незамедлительно предлагая собственный ответ. При этом он использовал две вопросительные формы (*ни өчен и -мы*) одновременно, что нехарактерно для литературного языка.

Распространение разговорных форм в медиатекстах отражает стремление авторов приблизиться к аудитории, повысить степень доверия читателей и увеличить вовлеченность. Вместе с тем чрезмерное увлечение разговорными формами может негативно повлиять на восприятие качества материалов, снизить доверие к источнику и общий уровень культуры речи.

5 | Синтаксические инновации, обусловленные природой медиа

Эллипсис и фрагментарность: использование неполных предложений, характерных для чатов и постов.

Питбайк, тәрәзә, ваемсызлык: балалар гомере ни өчен өзәлә? | Адымнар. [ТНВ Татарча, 01.06.2026] / *Питбайк, окно, беспечность: почему обрываются детские жизни? | Адымнар.* Первое предложение, несмотря на свою грамматическую неполноту, позволяет читателю интуитивно восстановить перечень факторов, приводящих к трагической гибели детей, благодаря контекстуальной ясности. Аналогично второе предложение, содержащее лишь название телепередачи «Адымнар», успешно передает смысл, так как ее авторы полагаются на осведомленность аудитории о данном проекте.

Парцелляция: намеренное расчленение связного текста на несколько пунктуационно и интонационно самостоятельных отрезков.

Азат Хөсәеновны соңгы юлга Казанның 7 нче хастаханәсе моргының Хушлашу залыннан озаттык. Очраклы түгел [Галиуллина]. / Азата Хусаинова проводили в последний путь из прощального зала морга казанской больницы № 7. Не случайно.

Синтаксис хештегов и заголовков:

- Употребление номинативных цепочек, опускание глаголов:

Иске биналарның «язмышы», ятим балаларны торак белән тәэмин итү һәм дәүләт милкенән максатчан файдалану [Шәйхетдинова]. / «Судьба» ветхих зданий, обеспечение жильем детей-сирот и целевое использование государственного имущества.

- Использование прямой речи. Следует обратить внимание на знаки препинания (некоторые цитаты оформляются без кавычек):

1) *Рөстәм Миңнеханов: Муса Жәлилгә багышланган чараларны югары дәрәжәдә уздырырга кирәк* [Рөстәм...]. / Рустам Минниханов: необходимо провести на высоком организационном уровне мероприятия, посвященные Мусе Джалилю.

2) *Рөстәм Гайзуллин: «Сәләтсез артист юк»* [Шәйхетдинова] / Рустам Гайзуллин: «Нет артиста без таланта»

Есть и те, где прямая речь опускается:

«Кара урман» фильмы режиссеры Радик Кудояров: [Мәгариф...] / Режиссер фильма «Черный лес» Радик Кудояров:

Пример демонстрирует, что заголовок завершается двоеточием.

- Интерактивные синтаксические маркеры: использование вопросительных или восклицательных конструкций для вовлечения аудитории, иногда без постановки вопросительного знака. Встречаются примеры предложений, оканчивающихся двоеточием:

1) *«Кызган Казан» тапшыруының яңа чыгарылышы!* [ТНВ татарча, 07.02.2026] / Новый выпуск телепередачи «Горячий Казань!»

2) *Сез дә әлеге юлларны җырлап укыдыгызмы?* [ТНВ татарча, 13.02.2026] / Вы тоже пели эти строки?

3) *Тикшереп карыйк әле! Кич сөйләрсез ничек булганын* [ТНВ татарча, 06.02.2026]. / Давайте проверим! Вечером расскажете, как это произошло.

4) *Татар кинематографиясе исәнме?* [Татар...] / Жива ли татарская кинематография?

5) *Уфадагы медицина югары белем бирү уку йорты тулай торагына яшүсмернең һөҗүме турында нәрсә билгеле:* [Күрше...] / Что известно о нападении подростка на общежитие медицинского вуза в Уфе:

6 | Заключение

Приведенные в статье примеры убедительно демонстрируют, что современные татароязычные медиа функционируют как динамичная лаборатория языковых изменений. В этом пространстве сталкиваются и смешиваются системы литературного и разговорного языка, русского и татарского языковых кодов, а также традиционной культуры и глобальных медиатрендов, а проблемы взаимодействия становятся основой для новой, динамичной и часто противоречивой языковой реальности. Социально обусловленные изменения литературной нормы в татарских СМИ – это процесс, где узус (фактическое употребление) под давлением социальных факторов постепенно легитимизируется и начинает восприниматься как допустимый вариант или даже новая норма.

Языковая норма в татарских СМИ находится в постоянном движении, подвергаясь мощному социальному влиянию. Это давление исходит из нескольких источников: двуязычие (влияние русского языка), требования скорости и привлекательности цифровой среды, а также общая тенденция к упрощению стиля в публичном дискурсе. В ответ на эти вызовы норма не исчезает полностью, но становится более гибкой, допуская большую вариативность и формируя поднормы, специфичные для разных жанров (например, для заголовков, социальных сетей или официальных заявлений). Этот процесс отражает социально обусловленные изменения в языке.

Такие изменения необходимы для успешной конкуренции в современном информационном пространстве. Тем не менее, крайне важно найти равновесие между динамичностью изложения и соблюдением языковых стандартов, чтобы сохранить доверие аудитории и качество информации.

ЛИТЕРАТУРА

- Абдуллина Ч. З., Сагдеева Ф. К. (2021) Языковая ситуация в Республике Татарстан: сферы применения татарского языка. Казань: Школа. 136 с.
- Байрамова Л. К. (2001) Татарстан: языковая симметрия и асимметрия. Казань: Изд-во КГУ. 266 с.
- Вахтин Н. Б., Головкин Е. В. (2004) Социоллингвистика и социология языка. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге. 336 с.
- Вережагин Е. М., Костомаров В. Г. (2005) Язык и культура. Три лингвострановедческие концепции: лексического фона, рече-поведенческих тактик и сапиентемы / под ред. и с послесл. Ю. С. Степанова. М.: Индрик. 1040 с.
- Гарифуллин В. З. (2018) Векторы развития татароязычного информационного пространства // Современная периодическая печать в контексте коммуникативных процессов. № 3 (12). С. 72–75.
- Добросклонская Т. Г. (2005) Роль СМИ в динамике языковых процессов // Вестник Московского университета. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 3. С. 38–54.

- Ибраһимов С. М. (2008) Сандугач теле кирәк: синтаксик стилистика. Казан: Татар. кит. нәшр. 159 б.
- Исхакова З. А. (2001) Двоязычие в городах Татарстана (1980–90-е годы). Казань: Фикер. 191 с.
- Низамов И. М. (1996) Функционирование и развитие татарской речевой системы в массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. Казань: КГУ. 436 с.
- Нурутдинова Н. Р. (2021) Функционирование региональных языков в СМИ (на примере Республики Татарстан) // Филология и культура. Philology and Culture. № 1 (63). С. 107–113.
- Сагитова Л. В. (2025) Татарский язык и классические медиа: что не так? // Миллиард татар. Режим доступа: <https://milliard.tatar/news/tatarskii-yazyk-i-klassiceskie-media-cto-ne-tak-7505?ysclid=mlcf9duhdf477061930>. Дата обращения: 16.12.2025.
- Солганик Г. Я. (1978) Стилистика газетных жанров. М.: Изд-во МГУ. 183 с.
- Швейцер А. Д. (1977) Современная социалингвистика: теория, проблемы, методы. М.: Наука. 176 с.
- Шарыпова Н. Х. (2004) Двоязычие в Татарстане. Казань: Изд-во Казан. ун-та. 252 с.

ИСТОЧНИКИ

- Ахметшин А. Новости Нурлата. Режим доступа: https://vk.com/wall-33771033_69771?ysclid=mlcgacpllf580926258. Дата обращения: 15.12.2025.
- Бәхтияева Л. Көн кадагында: Актанышта агрономнар киңәште. Режим доступа: <https://aktanysh.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/1650600.htm?ysclid=mlmpwxcxap469262737>. Дата обращения: 15.12.2025.
- Венера Мәжитовадан дәрәс тукланучылар өчен бәләш рецепты // Интертат. Режим доступа: <https://intertat.tatar/news/y-ashlary-kitaby-avtory-venera-m-itovadan-d-res-tuklanuchylar-chen-b-lesh-retsepty-5718583?ysclid=mlxmwwgbfiw940918919>. Дата обращения: 13.01.2026.
- Галиуллина И. Азат Хөсәенов белән хушлашу: соңгы юлга озатканда булса да, аны сәхнә түрәндә күрәсе килде // Шәһри Казан. Режим доступа: <https://shahrikazan.ru/news/yazmalar/azat-xosaenov-belan-xuslasu-songy-iulga-ozatkanda-bulsa-da-any-saxna-turenda-kurase-kilde>. Дата обращения: 15.02.2026.
- Зиннәтуллина Г. Нутрициолог Чулпан Мөслихова: «Ураза вакытында баш авыртмасын дисәгез, баллы ризыклар ашамагыз» // Ватаным Татарстан. Режим доступа: <https://vatantat.ru/news/nutriciolog-culpan-moxlisova-uraza-vakytynda-bas-avyrtmasyndisagez-bally-rizyklar-asamagyz-112040>. Дата обращения: 15.02.2026.
- Хәҗиев И. «Идел» фестивале: кайчандыр монда Элвин Грей һәм Илсәя Бәдретдинова катнашкан! // Интертат. Режим доступа: <https://intertat.tatar/news/idel-festivale-kaicandyr-monda-elvin-grei-ham-ilsoya-badretdinova-katnaskan-5858953?ysclid=mlcgm4oahb124027489>. Дата обращения: 15.02.2026.
- «Дарулар ярдәм итмәү аркасында ел саен йөзләгән мең кеше үлә...» Табиблар антибиотикларның нинди очракларда зыян китерә алуын аңлаттылар // Шәһри Казан. Режим доступа: <https://shahrikazan.ru/news/salamatlek/darular-iardam-itmau-arkasynda-el-saen-iozlarca-men-kese-ula?ysclid=mlcl0x555d833234484>. Дата обращения: 15.02.2026.
- Казан ДАУ студентлары Кырлай авылы янында парк төзү проектлары конкурсында җиңде. Режим доступа: https://files.kazgau.ru/tt/novosti/reportazhi/pobeda_studentov_kazanskogo_gau_v_konkurse_proektov_na_sozdaniya_parka_okolo_derevni_kyrlaj/?ysclid=mlcgfnf723147639052. Дата обращения: 16.02.2026.
- Казахстан Республикасында XXIII Халыкара «Көзге Иртыш Моннары» татар сәнгате фестиваленә гала-концерты үтте. Режим доступа: <https://tatar->

- congress.org/yanalyklar/kazakhstan-respublikasynda-xxiii-halykara-kozge-irtysh-monmarytatar-sengate-festivalenen-gala-kontserty-ytte/?ysclid=mlcie59a3s672953015. Дата обращения: 16.02.2026.
- Күрше төбәктә фажигә // Шәһри Казан. Режим доступа: <https://shahrikazan.ru/news/kyskacianalyklar/kurse-tobakta-faiga>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Мәгариф – Гаилә һәм мәктәп [11 фев. 2026, 19:59]. Режим доступа: <https://t.me/magarifgaile/6245>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Мәгариф – Гаилә һәм мәктәп [12 фев. 2026, 12:19]. Режим доступа: <https://t.me/magarifgaile/6259>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Рөстәм Миңнеханов: Муса Жәлилгә багышланган чараларны югары дәрәжәдә уздырырга кирәк // Ватаным Татарстан. Режим доступа: <https://vatantat.ru/news/rostan-minnexanov-musa-alilga-bagyslangan-caralary-iugary-daraada-uzdyryga-kirak-112329>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Татар кинематографиясе исәнме? Режим доступа: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/tatar-kinematografiyase-isenme/?ysclid=mlmr0rvv9n822628655>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [3 фев. 2026, 20:44]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/5420>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [5 фев. 2026, 08:04]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/5424>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [6 фев. 2026, 09:13]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/5429>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [7 фев. 2026, 09:09]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/5434>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [13 фев. 2026, 16:14]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/54767>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [15 фев. 2026, 08:02]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/5474>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [16 фев. 2026, 08:04]. Режим доступа: <https://t.me/tvtnv/5479>. Дата обращения: 20.02.2026.
- ТНВ Татарча [1 июня 2026, 13:14]. Режим доступа: https://max.ru/tnv_tataracha/AZ6CrZ9pfQI. Дата обращения: 15.06.2026.
- Фәттахов И. Чистай урамнары буйлап йөргәндә... // Интертат. Режим доступа: <https://intertat.tatar/news/cistai-urammary-builap-iorganda-5858945>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Шәйхетдинова Э. Рәссам Вәкил Шәйхетдинов: «Начар кешенең портретын ясаудан файда юк» // Ватаным Татарстан. Режим доступа: <https://vatantat.ru/news/rassam-vakil-saixetdinov-nacar-kesenen-portretyn-iasaudan-faida-iuk-112064>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Рөстәм Гайзуллин: «Сәләтсез артист юк» // Ватаным Татарстан. Режим доступа: <https://vatantat.ru/news/rostan-gaizullin-salatsez-artist-iuk-112282>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Шәрәфиева Г. Тукайның этисе Мөхәммәтгариф кабере кайда? // Шәһри Казан. Режим доступа: <https://shahrikazan.ru/news/madaniyat/tukainyn-atise-moxammatgarif-kabere-kaida>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Ширектән саклану өчен укыла торган дога // Интертат. Режим доступа: <https://intertat.tatar/news/sirektan-saklanu-ocen-ukyla-torgan-doga-5857510>. Дата обращения: 20.02.2026.
- Якупова Г. Алабуганың «Кызыл канәфер» коллективыннан сугыш чоры жырлары яңгырады // Алабуга Нуры. Режим доступа: <https://alabuganury.ru/news/heberler/alabugany-kyzyl->

kanfer-kollektivnyy-nan-sugysh-chory-ylary-yagyrary?ysclid=mlciijn4z165207743. Дата обращения: 20.02.2026.

Яфизова Л. Ял көннәрендә ремонт ясау ярыймы: канун ни ди, күршеләр белән ничек килешергә? // Шәһри Казан. Режим доступа: <https://shahrikazan.ru/news/amgyiat/ial-konnarenda-remont-iasau-iaryimy-kanun-ni-di-kurselar-belan-nicek-kileserga>. Дата обращения: 20.02.2026.

REFERENCES

- Abdullina, Ch.Z. and Sagdeeva, F.K. (2021) *Yazykovaya situatsiya v Respublike Tatarstan: sfery primeneniya tatarskogo yazyka* [The language situation in the Republic of Tatarstan: areas of use of the Tatar language]. Kazan: Shkola. 136 p. (In Russian).
- Bayramova, L.K. (2001) *Tatarstan: yazykovaya simmetriya i asimmetriya* [Tatarstan: language symmetry and asymmetry]. Kazan: Kazan State University Press. 266 p. (In Russian).
- Vakhtin, N.B. and Golovko, E.V. (2004) *Sotsiolingvistika i sotsiologiya yazyka* [Sociolinguistics and sociology of language]. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. 336 p. (In Russian).
- Vereshchagin, E.M. and Kostomarov, V.G. (2005) *Yazyk i kul'tura. Tri lingvostranovedcheskie kontseptsii: leksicheskogo fona, reche-povedencheskikh taktik i sapientemy* [Language and culture. Three linguistic and cultural concepts: lexical background, speech-behavioral tactics and sapienteme]. Edited and with an afterword by Yu.S. Stepanov. Moscow: Indrik. 1040 p. (In Russian).
- Garifullin, V.Z. (2018) Vektory razvitiya tataroyazychnogo informatsionnogo prostranstva [Vectors of development of the Tatar-language information space], *Sovremennaya periodicheskaya pechat' v kontekste kommunikativnykh protsessov* [Contemporary Periodical Press in the Context of Communication Processes], no. 3(12), pp. 72–75. (In Russian).
- Dobrosklonskaya, T.G. (2005) Rol' SMI v dinamike yazykovykh protsessov [The role of the media in the dynamics of language processes], *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Moscow University Bulletin. Series 19. Linguistics and Intercultural Communication], no. 3, pp. 38–54. (In Russian).
- Ibragimov, S.M. (2008) *Sandugach tele kiräk: sintaksik stilistika* [The nightingale's language is needed: syntactic stylistics]. Kazan: Tatar Book Publishing House. 159 p. (In Tatar).
- Iskhakova, Z.A. (2001) *Dvuyazychie v gorodakh Tatarstana (1980–90-e gody)* [Bilingualism in the cities of Tatarstan (1980s–1990s)]. Kazan: Fiker. 191 p. (In Russian).
- Nizamov, I.M. (1996) *Funktsionirovanie i razvitie tatarskoy rechevoy sistemy v massovoy kommunikatsii* [Functioning and development of the Tatar speech system in mass communication]. Doctoral dissertation. Kazan: Kazan State University. 436 p. (In Russian).
- Nurutdinova, N.R. (2021) Funktsionirovanie regional'nykh yazykov v SMI (na primere Respubliki Tatarstan) [Functioning of regional languages in the media (the case of the Republic of Tatarstan)], *Filologiya i kul'tura / Philology and Culture*, no. 1(63), pp. 107–113. (In Russian).
- Sagitova, L.V. (2025) Tatarskiy yazyk i klassicheskie media: chto ne tak? [The Tatar language and classical media: what is wrong?], *Milliard Tatar*. Available at: <https://milliard.tatar/news/tatarskii-yazyk-i-klassiceskie-media-cto-ne-tak-7505?ysclid=mlcf9duhdf477061930> (Accessed: 16 December 2025). (In Russian).
- Solganik, G.Ya. (1978) *Stilistika gazetnykh zhanrov* [Stylistics of newspaper genres]. Moscow: Moscow State University Press. 183 p. (In Russian).
- Shveytser, A.D. (1977) *Sovremennaya sotsiolingvistika: teoriya, problemy, metody* [Modern sociolinguistics: theory, problems, methods]. Moscow: Nauka. 176 p. (In Russian).
- Sharypova, N.Kh. (2004) *Dvuyazychie v Tatarstane* [Bilingualism in Tatarstan]. Kazan: Kazan University Press. 252 p. (In Russian).

SOURCES

- Akhmetshin, A. Nurlat news. Available at: https://vk.com/wall-33771033_69771?ysclid=mlcgacpllf580926258 (Accessed: 15 December 2025). (In Tatar).
- Bäkh tieva, L. Kön kadagynda: Aktanysh ta agronomnar kiñäsh te [On the agenda: Agronomists held a meeting in Aktanysh]. Available at: <https://aktanysh.tatarstan.ru/tat/index.htm/news/1650600.htm?ysclid=mlmpwxcxap469262737> (Accessed: 15 December 2025). (In Tatar).
- Venera Mäжіtovadan döres tuklanuchylar öchen bälesh retsepty [A pie recipe for healthy eaters from Venera Mäжіtova], *Intertat*. Available at: <https://intertat.tatar/news/y-ashlary-kitaby-avtory-venera-m-itovadan-d-res-tuklanuchylar-chen-b-lesh-retsepty-5718583?ysclid=mlxmwgbfiw940918919> (Accessed: 13 January 2026). (In Tatar).
- Galiullina, I. Azat Khösäenov belän khushlashu: soñgy yulga ozatkanda bulsa da, any säkhnä türendä küräse kilde [Farewell to Azat Khusainov: Even if only at his final farewell, we wanted to see him in the centre of the stage], *Shähri Kazan*. Available at: <https://shahrikazan.ru/news/yazmalar/azat-xosaenov-belan-xuslasu-songy-iulga-ozatkanda-bulsa-da-any-saxna-turenda-kurase-kilde> (Accessed: 15 February 2026). (In Tatar).
- Zinnätullina, G. Nutritsiolog Chulpan Möslikhova: «Uraza vakytynda bash avyrtmasyn disägez, bally rizyklar ashmagyz» [Nutritionist Chulpan Moslikhova: “If you do not want to have a headache during fasting, do not eat sweet foods”], *Vatanyñ Tatarstan*. Available at: <https://vatantat.ru/news/nutriciolog-culpan-moxlisova-uraza-vakytynda-bas-avyrtmasyn-disagez-bally-rizyklar-asamagyz-112040> (Accessed: 15 February 2026). (In Tatar).
- Khazhiyev, I. «Idel» festivale: kaychandyr monda Elvin Grey häm Ilsöyä Bädretdinova katnashkan! [The “Idel” festival: Elvin Grey and Ilsöyä Bädretdinova once took part here!], *Intertat*. Available at: <https://intertat.tatar/news/idel-festivale-kaicandyr-monda-elvin-grei-ham-ilsoya-badretdinova-katnaskan-5858953?ysclid=mlcgm4oahb124027489> (Accessed: 15 February 2026). (In Tatar).
- «Darular yärdäm itmäü arkasynda el saen yözlärchä meñ keshe ülä...» Tabiblar antibiotiklarnyñ nindi ochraklarda zyyan kiterä aluyn añlattılar [“Hundreds of thousands of people die every year because medicines do not work...” Doctors explained in which cases antibiotics can be harmful], *Shähri Kazan*. Available at: <https://shahrikazan.ru/news/salamatlek/darular-iardam-itmau-arkasynda-el-saen-iozlarca-men-kese-ula?ysclid=mlcl0x555d833234484> (Accessed: 15 February 2026). (In Tatar).
- Kazan DAU studentlary Kyrlay avyly yanynda park tözü proektлары konkursynda zhiñde [Students of Kazan State Agrarian University won a competition for park projects near the village of Kyrlay]. Available at: https://files.kazgau.ru/tt/novosti/reportazhi/pobeda_studentov_kazanskogo_gau_v_konkurse_proektov_na_sozdaniya_parka_okolo_derevni_kyrlaj/?ysclid=mlcgfnf723147639052 (Accessed: 16 February 2026). (In Tatar).
- Kazakhstan Respublikasynda XXIII Khalykara «Közge Irtysh Moñnary» tatar sängate festivaleneñ gala-kontserty ütte [The gala concert of the 23rd International Tatar Art Festival “Autumn Irtysh Melodies” was held in the Republic of Kazakhstan]. Available at: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/kazahstan-respublikasynda-xxiii-halykara-kozge-irtysh-monnyartatar-sengate-festivalenen-gala-kontserty-ytte/?ysclid=mlcie59a3s672953015> (Accessed: 16 February 2026). (In Tatar).
- Kürshe töbäktä fazhiga [A tragedy in a neighbouring region], *Shähri Kazan*. Available at: <https://shahrikazan.ru/news/kyskaca-ianalyklar/kurse-tobakta-faiga> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).

- Mägarif – Gailä häm mäktäp*, 11 February 2026, 19:59. Available at: <https://t.me/magarifgaile/6245> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Mägarif – Gailä häm mäktäp*, 12 February 2026, 12:19. Available at: <https://t.me/magarifgaile/6259> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Röstäm Miñnekhanov: Musa Zhälilgä bagyshlangan charalarny yugary därezhädä uzdyryrga kiräk* [Rustam Minnikhanov: Events dedicated to Musa Jalil should be held at a high level], *Vatanyim Tatarstan*. Available at: <https://vatantat.ru/news/rostan-minnexanov-musa-alilga-bagyslangan-caralarny-iugary-daraada-uzdyryrga-kirak-112329> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Tatar kinematografiyase isänme?* [Is Tatar cinematography alive?]. Available at: <https://tatar-congress.org/yanalyklar/tatar-kinematografiyase-isenme/?ysclid=mlmr0rvv9n822628655> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 3 February 2026, 20:44. Available at: <https://t.me/tvtnv/5420> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 5 February 2026, 08:04. Available at: <https://t.me/tvtnv/5424> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 6 February 2026, 09:13. Available at: <https://t.me/tvtnv/5429> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 7 February 2026, 09:09. Available at: <https://t.me/tvtnv/5434> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 13 February 2026, 16:14. Available at: <https://t.me/tvtnv/54767> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 15 February 2026, 08:02. Available at: <https://t.me/tvtnv/5474> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 16 February 2026, 08:04. Available at: <https://t.me/tvtnv/5479> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- TNV Tatarcha*, 1 June 2026, 13:14. Available at: https://max.ru/tnv_tatarcha/AZ6CrZ9pfQI (Accessed: 15 June 2026). (In Tatar).
- Fättakhov, I. Chistay uramnary buylap yörgändä... [Walking along the streets of Chistopol...], *Intertat*. Available at: <https://intertat.tatar/news/cistai-uramnary-builap-iorganda-5858945> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Shäykhedinova, E. Rässam Väkil Shäykhedinov: «Nachar kesheneñ portretyn yasaudan fayda yuk» [Artist Vakil Shaikhedinov: “There is no point in painting a portrait of a bad person”], *Vatanyim Tatarstan*. Available at: <https://vatantat.ru/news/rassam-vakil-saixetdinov-nacar-kesenen-portretyn-iasaudan-faida-iuk-112064> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Röstäm Gayzullin: «Sälätsez artist yuk»* [Rustam Gaizullin: “There are no untalented artists”], *Vatanyim Tatarstan*. Available at: <https://vatantat.ru/news/rostan-gaizullin-salatsez-artist-iuk-112282> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Shäräfiyeva, G. Tukaynyñ ätise Mökhämmätgarif kabere kayda? [Where is the grave of Tukay’s father, Mukhammetgarif?], *Shähri Kazan*. Available at: <https://shahrikazan.ru/news/madaniyat/tukainyn-atise-moxammatgarif-kabere-kaida> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Shirektän saklanu öchen ukıla torgan doga* [A prayer recited for protection from shirk], *Intertat*. Available at: <https://intertat.tatar/news/sirektan-saklanu-ocen-ukyla-torgan-doga-5857510> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).
- Yakupova, G. Alabuganyñ «Kyzyl kanäfer» kollektivynnan sugysh chory zhyrlary yañgyrady [Wartime songs were performed by the “Kyzyl Kanäfer” ensemble of Yelabuga], *Alabuga Nury*. Available at: <https://alabuganury.ru/news/heberler/alabugany-kyzyl-kanfer->

[kollektivnyannan-sugysh-chory-ylary-yagyady?ysclid=mlciii4z165207743](https://shahrikazan.ru/news/amgyiat/ial-konnarenda-remont-iasau-iaryimy-kanun-ni-di-kurselar-belan-nicek-kileserga) (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).

Yafizova, L. Yal könnärendä remont yasau yaryymy: kanun ni di, kürshelär belän nichek kileshergä? [Is renovation allowed on weekends: what does the law say, and how can one reach an agreement with neighbours?], *Shähri Kazan*. Available at: <https://shahrikazan.ru/news/amgyiat/ial-konnarenda-remont-iasau-iaryimy-kanun-ni-di-kurselar-belan-nicek-kileserga> (Accessed: 20 February 2026). (In Tatar).

Лилия М. Гиниятуллина

Доктор филологических наук, доцент, заместитель директора по инновационной деятельности и внешним связям, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Казань, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
420037 Российская Федерация,
г. Казань, ул. Мариупольская, д. 54.

Эл. адрес: gin_liluk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0910-1476>

Liliya M. Giniyatullina

Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Innovative Activities and External Relations, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Russian Federation.

Correspondence address:
54 Mariupolskaya Street,
Kazan 420037,
Russian Federation.

Email address: gin_liluk@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-0910-1476>

Для цитирования: *Гиниятуллина Л.М.* Изменения синтаксиса в современном татарском языке в медиасфере // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.255–273. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-13

For citation: *Giniyatullina L.M.* Syntactic changes in contemporary Tatar language in the media sphere // Sociolingvistika. 2026. No. 2. Pp. 255–273. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-13

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.03.2026;
approved after reviewing 17.09.2026;
accepted for publication 30.09.2026.

IN VARIA

IN VARIA

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-14>

**ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СТРАТЕГИИ НЕКООПЕРАТИВНОЙ
КОММУНИКАЦИИ В АМЕРИКАНСКОМ И РОССИЙСКОМ
ПОЛИТИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ**

УДК 81-119

Екатерина В. Куликова

Тюменский
государственный
университет,

Тюмень,
Российская Федерация

Елена Ю. Пономарева

Тюменский
государственный
университет,

Тюмень,
Российская Федерация

Аннотация

В статье исследуются прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации в политических дискурсах США и России на материале речей, официальных заявлений и публикаций в СМИ за 2020–2023 гг. Выявлены и классифицированы ключевые стратегии, такие как демонизация оппонента, морализаторская дихотомия, персонализация конфликта, делегитимация, фрейминг врага, обвинение и игнорирование альтернативных позиций. Показано, что американский дискурс характеризуется внутренней поляризацией, использованием иронии, сарказма и косвенных речевых актов, в то время как в российском дискурсе внимание акцентируется на внешних угрозах, наблюдается опора на официальную патетику, присутствуют прямые обвинения и эмоциональное давление. Установлено, что обе страны применяют схожие прагмалингвистические механизмы для консолидации аудитории, но с разными целями: в США — преимущественно для убеждения и мобилизации электората в условиях внутренней конкуренции, в России — для мобилизации общества вокруг образа внешнего врага и защиты национальных интересов. Результаты работы расширяют понимание роли прагмалингвистики в политической коммуникации, вносят вклад в сравнительный анализ дискурсов крупных держав и могут быть использованы в дальнейших исследованиях политического дискурса, медиа-аналитике и преподавании лингвистических дисциплин.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: некооперативная коммуникация, политический дискурс, прагмалингвистика, США, Россия, речевые стратегии, конфронтация, сравнительный анализ

Статья опубликована на условиях Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0).

© Екатерина В. Куликова, Елена Ю. Пономарева, 2026

<https://doi.org/10.37892/2713-2951-2026-02-14>

PRAGMALINGUISTIC STRATEGIES OF UNCOOPERATIVE COMMUNICATION IN AMERICAN AND RUSSIAN POLITICAL DISCOURSES

UDC 81-119

Ekaterina V. Kulikova
Tyumen State University,

Tyumen, Russian Federation

Elena Y. Ponomareva
Tyumen State University,

Tyumen, Russian Federation

Abstract

This article examines pragmalinguistic strategies of non-cooperative communication in the political discourses of the United States and Russia, drawing on speeches, official statements, and media publications from 2020 to 2023. The study identifies and classifies key strategies, including demonization of the opponent, moralizing dichotomy, personalization of conflict, delegitimization, enemy framing, accusation, and the disregard of alternative positions.

The findings indicate that U.S. political discourse is characterized by internal polarization and the use of irony, sarcasm, and indirect speech acts, whereas Russian political discourse places greater emphasis on external threats and relies more heavily on official pathos, direct accusations, and emotional pressure. It is shown that both countries employ similar pragmalinguistic mechanisms to consolidate their audiences, but for different purposes: in the United States, primarily to persuade and mobilize the electorate in the context of domestic political competition; in Russia, to mobilize society around the image of an external enemy and the protection of national interests.

The results contribute to a broader understanding of the role of pragmalinguistics in political communication, advance the comparative analysis of the political discourses of major powers, and may be applied in further research on political discourse, media analysis, and the teaching of linguistic disciplines.

KEYWORDS: non-cooperative communication, political discourse, pragmalinguistics, USA, Russia, speech strategies, confrontation, comparative analysis

1 | Введение

В современном мире политический дискурс является важным инструментом воздействия на массы и формирования общественного мнения. В процессе политической коммуникации участники дискурса стремятся достичь своих целей, выражая свои интересы и установки. Однако в ходе обмена информацией и идеями возникают ситуации некооперативной коммуникации, когда участники дискурса не следуют принципам взаимного понимания и сотрудничества, а используют тактики, направленные на дестабилизацию отношений и дезинформацию аудитории.

Исследование прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах является актуальным и важным научным направлением. Россия и США – это две страны, играющие ключевую роль в мировой политике, и политический дискурс в этих странах имеет большое значение для понимания глобальных политических процессов. Изучение прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации позволяет выявить особенности и специфику политических дискурсов в этих странах, а также понять, какие языковые и коммуникативные стратегии используются для достижения политических целей.

Цель данного исследования заключается в выявлении, классификации и сопоставлении прагмалингвистических стратегий, используемых в некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах.

Исследования политического дискурса привлекают внимание многих ученых, поскольку политический дискурс — это междисциплинарное явление, которое представляет интерес не только для лингвистов, но и для политологов, а также социологов, психологов и специалистов в сфере культуры.

Политический дискурс занимает особое место в дискурсивной таксономии. В.И. Карасик утверждает, что исследования в области дискурса можно свести к выделению трех основных подходов – *социолингвистического* (кто говорит), *прагмалингвистического* (как говорят) и *тематического* (о чем идет речь) [Карасик, 2009: 406].

Участниками политического дискурса (**социолингвистический подход**) являются политические деятели и электорат. Можно выделить специфические жанровые разновидности политического дискурса, которые охватывают такие устные жанры, как политические дебаты, официальные выступления глав государств, выступления на митинге, интервью и т.п., а также такие письменные жанры, как избирательная программа, газетная статья политического характера, письмо политическому лидеру и т.п. Тематика политического дискурса связана с

различными аспектами внутренней и внешней политики государств (**тематический подход**). На основании **прагмалингвистического подхода** также противопоставляются личностно-ориентированный (персональный) и статусно-ориентированный (институциональный) дискурсы. В первом случае говорящий выступает как личность во всем богатстве своего внутреннего мира, во втором случае – как представитель определенного социального института [Карасик, 2000: 5–20].

Политический дискурс в большей степени является **институциональным, статусно-ориентированным типом дискурса**, в котором социальный статус индивидуума, являющегося представителем определенного общественного института, имеет решающее значение. Общение в этих институтах представляет собой неотъемлемую часть их организации и осуществляется в соответствии с нормами конкретного института, каждый из которых характеризуется особым стилем общения и специальной системой профессионально ориентированных знаков [Бондарчук, 2017: 8–13]. Е. И. Шейгал также рассматривает политический дискурс через призму личностно-ориентированного общения, куда входят такие жанры, как разговоры о политике, письма граждан, посты в социальных сетях политического характера [Шейгал, 2002: 328].

Целью политического дискурса является воздействие на электорат и на представителей различных политических фракций, в связи с чем для политического дискурса помимо информативной функции характерна конативная или персуазивная функция (прагмалингвистический подход). Е.И. Шейгал выделяет такие функции политического дискурса, как коммуникативную, эмотивную, мотивационную, фатическую и эстетическую. Тем не менее, основной функцией политического дискурса считается персуазивная (воздействующая), так как цель большинства политических речей и высказываний заключается в воздействии на слушателя с целью удержания либо завоевания власти [Шейгал, 2002: 328].

Речевое воздействие в широком смысле — это любое речевое общение, обладающее такими чертами, как целенаправленность, целевая обусловленность, это речевое общение, в котором один коммуникант рассматривает себя в качестве субъекта воздействия, а своего собеседника — в качестве объекта или реципиента [Тарасов, 1990: 5–18]. Целью воздействия является изменение воззрений реципиента, формирование новых концептуальных структур его сознания, изменение поведения, психического состояния либо психофизиологических процессов [Броженко, 2011: 11–15].

В данном исследовании мы опираемся на интегративное определение политического дискурса, основанное на определениях А.Н. Баранова и Е.Р. Левенковой: политический дискурс — это «совокупность всех речевых актов, используемых в политических дискуссиях, [Баранов, Казакевич: 1991], а также «языковое выражение общественной политики в сфере политической культуры, представляющее собой профессиональное использование языка, в основе которого лежит национально и социально-исторически обусловленная ментальность его носителей» [Левенкова, 2011: 423].

В фокусе данного исследования находится некооперативная политическая коммуникация как способ воздействия на политического оппонента с целью легитимации собственной позиции и делегитимации позиции оппонента. Под некооперативной коммуникацией мы понимаем такую форму взаимодействия, при которой участник (или участники) общения сознательно или неосознанно нарушает максимы кооперации П. Грайса [Graice, 1975], вводит собеседника в заблуждение, игнорирует совместные цели коммуникации или препятствует эффективному обмену информацией.

В данном исследовании под прагмалингвистической стратегией понимается совокупность речевых актов и коммуникативных решений, которые направлены на достижение прагматической цели говорящего и реализуются с помощью устойчивых языковых и дискурсивных средств. Стратегия трактуется как надтактический уровень организации речевого поведения, в то время как тактики являются конкретными способами реализации стратегии в тексте. В работе используется термин «прагмалингвистические стратегии», поскольку объектом данного анализа являются не только прагматические эффекты, но и их языковая форма.

2 | Материалы и методы

Поскольку целью данного исследования является выявление и классификация прагмалингвистических стратегий, используемых в некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах, в качестве основного метода исследования был выбран контекстно-дискурсивный анализ, который позволяет учитывать влияние социальных и культурных факторов на политический дискурс и поскольку в интерпретации коммуникативных стратегий прагмалингвистический контекст играет основную роль. Для анализа речевых актов, импликатур и других инструментов языка используется коммуникативно-прагматический метод.

Дополнительно в работе используется сравнительно-сопоставительный анализ, позволяющий выявить как сходства, так и различия в применении стратегий некооперативной коммуникации в политических дискурсах США и России. Данный метод обеспечивает систематизацию эмпирических данных и способствует объективной интерпретации различий в речевых стратегиях политических акторов.

Материалом исследования послужили 32 текста и 67 микроконтекстов, которые отражают ключевые события в социальной и политической жизни России и США в период с 2020 по 2023 год. В данной работе были использованы речи политических лидеров, официальные пресс-релизы, а также публикации в государственных и международных медиа. При выборе материала исследования основное внимание было сосредоточено на периодах, когда складывались кризисные ситуации, такие как политические выборы, введение экономических санкций, а также были затронуты международные военные конфликты. Материалы, используемые в исследовании, охватывают разные жанры, в число которых входят дебаты, официальные выступления глав государств и комментарии в медиа, что дает возможность исследовать прагмалингвистические аспекты некооперативной коммуникации.

В данном исследовании жанровая принадлежность текстов учитывается как фактор, который влияет на уровень эксплицитности и форму прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации. Дебаты, официальные заявления и медийные комментарии различаются по институциональным ограничениям, адресатам и по коммуникативной ситуации, что может отразиться на выборе языковых средств и уровне экспрессивности высказывания. В условиях политической конфронтации одни и те же прагмалингвистические стратегии могут быть реализованы в различных жанрах, видоизменяясь в зависимости от формата коммуникации.

Важно отметить, что медийные тексты рассматриваются в исследовании не как отдельный вид политического дискурса, а как вторичный дискурсивный слой, целью которого является репрезентация текущей политической позиции. Основной аналитический фокус направлен на институциональный политический дискурс, представленный в виде официальных заявлений и публичных выступлений политиков.

Для выполнения комплексного анализа политической коммуникации в рамках некооперативного взаимодействия был выведен ряд критериев, в соответствии с которыми был выбран материал, а именно:

1. Релевантность политической ситуации

Материал исследования касается ключевых моментов политической жизни стран (выборы, изменения в международной обстановке, различного рода конфликты и кризисные ситуации, в частности, введение санкций). Для подобного рода периодов характерно повышение интенсивности политической риторики, что позволяет фиксировать стратегии и тактики, направленные на оправдание политических решений и/или дискредитацию оппонентов.

2. Доступность официальных источников

Все проанализированные материалы представлены в формате официальных заявлений, речей или пресс-брифингов, а также опубликованы на официальных правительственных ресурсах или авторитетных медиаресурсах. Использование официальных источников обусловлено тем, что они позволяют исследовать как риторику власти, так и степень ее влияния на общественное мнение.

3. Разнообразие форматов коммуникации

В исследовании были использованы материалы разного характера и различных форматов, так как политическая риторика может проявляться по-разному в зависимости от целевой аудитории и формата. Привлечение разных жанров позволило выявлять особенности прагматических стратегий в различных контекстах.

4. Хронологический охват ключевых событий

Материалы для проведения исследования были отобраны из разных промежутков времени, включавших значимые политические события нескольких последних лет. Это дало возможность в ходе хронологического анализа проследить динамику изменения риторики и стратегий коммуникации в зависимости от политической обстановки.

5. Репрезентативность материала исследования

Материалы исследования в первую очередь отражают аспекты официальной риторики власти, а также затрагивают важные для общества темы и конфликтные вопросы. Материалы, обладающие высокой значимостью и предназначенные для широкой аудитории, позволяют выполнить репрезентативный анализ, который дает возможность получить конкретные результаты.

6. Сравнительный потенциал

С целью получения достоверных результатов для анализа были выбраны материалы схожей тематики и проблематики, опубликованные в одно и то же время и касающиеся обеих стран (США и России). Это позволило выявить черты сходства и различия в стратегиях

некооперативной коммуникации, что возможно только при анализе аналогичных событий и сходного политического контекста. С этой целью для анализа как российского, так и американского дискурса были выбраны материалы, касающиеся пандемии, экономических санкций и выборов.

Таким образом, применение вышеперечисленных критериев отбора материалов было направлено на обеспечение репрезентативности, релевантности, а также хронологической широты исследования. Материалы, касающиеся обеих стран, были подобраны таким образом, чтобы охватить высказывания государственных лиц и публикации в СМИ о кризисных периодах, что позволяет исследовать прагмалингвистические аспекты в политических дискурсах США и России.

3 | Результаты и обсуждение

В ходе анализа политических дискурсов США и России было отобрано 32 репрезентативных текста, включающих выдержки из политических дебатов, официальные заявления должностных лиц, официальные заявления органов государственной власти, в которых отражены события 2020–2023 годов. Помимо этого, было проанализировано 67 микроконтекстов, связанных с выборами, санкционной политикой, конфликтом на Украине и др. При анализе этих материалов были выявлены основные повторяющиеся стратегии некооперативной коммуникации, которые используются официальными лицами в публичных политических заявлениях.

Для осуществления прагмалингвистического анализа выбранных микроконтекстов были использованы параметры некооперативной коммуникации Пола Грайса [Grice, 1975: 41–58], а также классификация некооперативности Криса Камминса [Cummins, 2025: 35–52]. Так, были выделены следующие признаки некооперативной коммуникации:

1. недостаточность или избыточность информации;
2. предоставление недостоверной или заведомо ложной информации;
3. отклонение от темы и/или от прямого ответа;
4. намеренная неясность или двусмысленность высказывания;
5. манипулятивность;
6. игнорирование коммуникативного партнерства;
7. намеренное разрушение логики высказывания или диалога;
8. использование эмотивной лексики в целях делигитимации адресата.

Данные признаки некооперативности позволили выделить высказывания, нарушающие принципы кооперативной коммуникации.

Для систематизации стратегий некооперативной коммуникации, представленных ниже, в работе используется иерархический подход, который предполагает разграничение макростратегий, мезостратегий и микростратегий. Такое разграничение основывается на различиях в уровнях обобщённости и виде речевого взаимодействия. Кроме этого, данная иерархия помогает избежать смешения тактик и стратегий в анализе политического дискурса.

Макростратегии представляют собой обобщенные коммуникативные действия, которые отражают глобальные цели некооперативного взаимодействия в политическом дискурсе. Под мезостратегиями понимаются устойчивые способы реализации макростратегий в дискурсе. Микростратегии могут трактоваться как конкретные риторические и языковые приемы (тактики), с помощью которых в отдельных высказываниях реализуются мезостратегии.

Необходимо отметить, что указанные уровни стратегий взаимосвязаны друг с другом: макростратегии определяют общее направление дискурса, мезостратегии характеризуют способы интерпретации политической реальности, а микростратегии реализуют их языковую форму в конкретных речевых актах.

Далее в ходе анализа текстов, выбранных в рамках данного исследования, были выделены следующие прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации:

Макростратегии:

1. делегитимация оппонента;
2. конфронтационная поляризация;
3. идеологическая мобилизация аудитории.

Мезостратегии:

4. демонизация оппонента;
5. морализаторская дихотомия («свои» – «чужие»);
6. персонализация конфликта;
7. фрейминг врага;
8. сакрализация позиции;
9. личностная дискредитация;
10. игнорирование альтернативных точек зрения;
11. подмена понятий;
12. обобщения, или стереотипизация.

Микростратегии:

13. обвинительная риторика;
14. ирония;
15. использование сниженной лексики.

Следует отметить, что некоторые стратегии некооперативной коммуникации функционально связаны и могут реализовываться совместно в пределах одного высказывания. В частности, такие стратегии, как делегитимация оппонента, фрейминг врага и демонизация часто используются в комплексе, однако они не являются тождественными. Стратегия делегитимации направлена на подрыв легитимности оппонента в его политической, институциональной или моральной правомочности; фрейминг врага имеет своей целью создание устойчивого интерпретационного образа, в рамках которого оппонент осмысливается как источник угрозы; демонизация, в свою очередь, направлена преимущественно на формирование негативной эмоциональной оценки оппонента. Разграничение данных понятий позволяет избежать ошибок в их интерпретации и обеспечивает более точное понимание прагмалингвистических стратегий.

Важно отметить, что такое распределение по уровням, в первую очередь, носит аналитический характер. В некоторых случаях одна и та же стратегия может иметь признаки разных уровней, однако в рамках данного исследования она классифицируется исходя из степени преобладания в организации некооперативного политического дискурса.

Каждая упомянутая выше коммуникативная стратегия встречается в дискурсах обеих стран, но с различной частотностью.

Количественный анализ прагмалингвистических стратегий может подтвердить выводы качественного анализа и показывает системные различия в дискурсах двух стран. Таким образом, в американском политическом дискурсе преобладают следующие стратегии: демонизация оппонента (21% всех микроконтекстов), морализаторская дихотомия (18%), персонализация конфликта (15%). Данные отражают ориентацию на внутривнутриполитическую конфронтацию, а также на мобилизацию аудитории.

В российском политическом дискурсе доминируют следующие стратегии: фрейминг врага (21%), делегитимация оппонента (19%), сакрализация собственной позиции (17%). Эти показатели свидетельствуют о том, что в данном случае дискурс ориентирован на формирование образа внешней угрозы и идеологическую консолидацию аудитории.

Стратегии, которые встречаются реже, такие как игнорирование альтернативных точек зрения и обвинение, можно найти в дискурсах обеих стран, однако они выполняют

вспомогательную функцию и реализуются по большей части в контекстах, касающихся наиболее кризисных ситуаций.

Использование иронии и сниженной лексики было зафиксировано исключительно в американском политическом дискурсе, что может характеризовать жанровую и культурную специфику публичной политической коммуникации США.

Количественные показатели, представленные в исследовании, помогают выявить относительную частотность прагмалингвистических стратегий в рамках анализируемого корпуса из 32 текстов.

Для качественного сопоставительного анализа прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в дискурсах двух стран была использована система категорий, которые отражают ключевые характеристики конфронтационного политического взаимодействия. Данные категории взяты из теоретических концепций прагматики, дискурс-анализа, а также основаны на работах российских и зарубежных исследователей, таких как Т. Ван Дейк, Дж. Лич, С. Левинсон, Е.И. Шейгал и др. [Chilton, 2004; van Dijk, 2008: 293; Leech, 2014: 320; Levinson, 1983: 420; Шейгал, 2002].

Применение указанных категорий позволяет выявить сходства и различия как на содержательном уровне, так и в способах реализации стратегий и их целей. Целью каждой категории является выявление определенного аспекта дискурсивной практики:

1. образ противника – с помощью этой категории можно определить, на кого нацелена некооперативная риторика (внутренние или внешние оппоненты);
2. риторические приемы – позволяют выявить стилистические характеристики высказываний, которые используются для воздействия на слушателей;
3. имплицатура и прямота речи – указывают на уровень завуалированности или открытости конфронтации, что дает возможность выявить различия в культуре и стратегии коммуникации;
4. кризисная риторика – позволяет провести анализ изменения дискурса в условиях политических и социальных проблем.

Данные категории выполняют функцию не только инструмента анализа, но и представляют собой средства систематизации различных актов речи и стратегий прагматики, применяемых в дискурсах США и России.

В результате сравнительного анализа прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в политическом дискурсе России и США был выявлен ряд

существенных различий, которые могут быть обусловлены как историко-культурными особенностями, так и различиями в политических системах этих стран.

Одной из основных особенностей, которые выделяются в дискурсах двух стран, является различия в образе врага. В политическом дискурсе США конфронтация происходит с внутренними оппонентами, представителями других партий или идеологическими конкурентами. Например, в ходе президентских дебатов 2020 года Дональд Трамп открыто обвиняет Джо Байдена в коррупции и слабости, используя эмоционально окрашенную лексику: *“You’ve been in politics for 47 years and done nothing”* («Ты занимаешься политикой 47 лет и не сделал ничего»). В России формируется образ внешнего противника, такого как коллективный Запад, Америка, НАТО. В качестве примера можно привести Послание Президента России В.В. Путина Федеральному Собранию от 21 февраля 2023 года, где он заявляет: *«Именно они развязали войну, а мы применяем силу, чтобы ее остановить»*. Это позволяет провести идеологическую мобилизацию аудитории и сосредоточить слушателей на идее угрозы извне.

Отличаются также риторические приемы, применяемые в двух странах. Американские политики чаще используют разнообразные риторические приемы, подкрепляя их эмотивной лексикой, что оказывает комплексное воздействие на адресата не только на логико-интеллектуальном, но и на эмоционально-аффективном уровне. Например, Джо Байден в своей речи на Демократическом национальном съезде в 2020 году говорит следующее о действиях Трампа: *“The President takes no responsibility. Refuses to lead. Blames others. He looks at this as a political issue to be won — rather than a crisis to be solved”* («Президент не берет на себя ответственности. Отказывается вести за собой. Обвиняет других. Он рассматривает это как политическую задачу, которую нужно решить, а не как кризис, который нужно урегулировать»). В данном примере используется несколько риторических приемов: парцелляция, градация и антитеза. В российской политической риторике доминирует использование формальных способов коммуникации, а именно применение книжной лексики с элементами эмотивной коннотации. Пример можно обнаружить в обращении Путина о признании независимости ДНР и ЛНР от 21 февраля 2022 года, где он использует эмоционально окрашенные эпитеты: *«историческая справедливость»*, *«исконные территории»* и *«многострадавший Донбасс»*. Государственные деятели часто обращаются к исторической памяти и идее государственности, что еще больше подчеркивает серьезность и формальность российского дискурса.

Следующее отличие заключается в уровне прямоты речевых высказываний. В американском политическом дискурсе чаще наблюдается тенденция к прямолинейному выражению оценки, а также использованию прямых обвинительных конструкций и прямой номинации оппонента. Во время выступления на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2022 года Дж. Байден заявил: *“Russia has shamelessly violated the core tenets of the United Nations Charter.”* («Россия бесстыдно нарушила основные принципы Устава Организации Объединенных Наций»). Несмотря на то, что есть прямое упоминание России, высказывание несет институционально-дипломатический характер за счет отсутствия эмоционально окрашенной лексики или открытым обвинительным высказываниям. Кроме этого, Дж. Байден обращается к универсальным принципам международного права, что также позволяет сохранить дипломатический характер высказывания. При этом Россия прямо называется субъектом нарушения международного порядка, а использование оценочной эмотивной лексики (*“shamelessly violated”*) усиливает обвинительный характер высказывания. В российском политическом дискурсе, напротив, чаще встречаются примеры завуалированной конфронтационной риторики, реализуемой через имплицитные указания и обобщённые номинации. В выступлении 30 сентября 2022 года В. В. Путин заявил: *«Некоторые государства пытаются сохранить свое доминирование и навязать миру так называемый “порядок, основанный на правилах”»*. В данном случае субъект обвинения напрямую не обозначен, при этом политический контекст позволяет адресату интерпретировать высказывание как отсылку к США и странам Запада. Использование неопределенной номинации «некоторые государства» и конструкции «так называемый “порядок, основанный на правилах”» создает имплицитную форму критики, при которой конфронтационная прагматика сохранена, но реализована менее прямолинейно.

Уровень кризисной и/или конфликтной риторики может колебаться как в российском, так и американском дискурсах, на что влияют контекст и адресат высказывания. Американские политики часто придерживаются рациональных аргументов и умеренной эмоциональной экспрессии. Однако на примере дебатов между Джо Байденом и Дональдом Трампом мы видим, как уровень экспрессии может увеличиваться в зависимости от целей коммуникативного высказывания. Подобное явление наблюдалось в ходе дебатов 29 сентября 2020 года. Трамп неоднократно перебивает Байдена, повышая голос: *“There’s nothing smart about you, Joe!”* («В тебе нет ничего умного, Джо») и *“Will you shut up, man?”* («Заткнись уже, чувак!»), что является нарушением норм политической дискуссии. В российском дискурсе, наоборот, рациональность превалирует в вопросах внутренней политики, однако в кризисные

моменты наблюдается значительное повышение агрессивности риторики и эмоционального уровня высказываний. Примером может служить заявление Путина на Совете Безопасности ООН 24 февраля 2022 года, где российский политик говорит: «*Запад перешел все границы... мы не позволим уничтожить нашу страну*», – здесь доминирует тон решительного заявления о намерениях.

Таким образом, в результате проведенного анализа был выявлен ряд различий в стратегиях некооперативной коммуникации в политических дискурсах России и США. Ключевые различия состоят в том, что в американском дискурсе в большей мере представлена внутривнутриполитическая поляризация, в то время как в России политическая риторика направлена на внешнего врага с целью консолидации общества. Данные различия отражают не только лингвистические особенности риторики, но и глубокие различия в культуре и политике.

Несмотря на ряд значительных различий в системах политического дискурса двух стран, проведенный анализ прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации позволяет выявить ряд схожих черт, встречающихся в дискурсах двух стран. Наличие устойчивых сходств в политической риторике США и России является естественным, так как политическая коммуникация преследует достаточно универсальные задачи для всех акторов – борьба за власть и влияние, а также консолидацию общества вокруг определенной идеи.

Во-первых, в риторике обеих стран в том или ином виде используются стратегия демонизации оппонента. Данный механизм реализуется через репрезентацию политического противника как источника глобальной угрозы и деструктивной силы. В политических дискурсах и Америки, и России целенаправленно формируется негативный образ оппонента как субъекта внешней или внутренней политики. Достигается эта стратегия посредством использования эмотивной лексики, гиперболизации угрозы со стороны врага, искажения мотивации действий другой стороны и т.д. Так, в выступлении на 77-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2022 года Дж. Байден охарактеризовал российско-украинский конфликт следующим образом: “*This war is about extinguishing Ukraine’s right to exist as a state...*” («Эта война ведется с целью уничтожить право Украины на существование как государства...»). Такая формулировка создает образ противника, который нарушает базовые принципы международного порядка и угрожает существованию другого государства. Похожая прагматическая модель наблюдается и в российском политическом дискурсе. В частности, С. В. Лавров в 2023 году заявил: «*США и НАТО ведут гибридную войну против России*». В обоих

случаях создается четкий образ врага, что усиливает конфронтационный характер коммуникации.

Во-вторых, в обоих дискурсах активно используется стратегия морального превосходства над другой стороной. Обе страны позиционируют себя как носителя истинных ценностей, таких как свобода, порядок, историческая миссия. При этом сторона оппонента всегда представлена в качестве нарушителя «правильного» порядка и международных норм, что ужесточает стратегию дихотомии в риторике двух стран. В выступлении на Национальном съезде Республиканской партии 27 августа 2020 года Д. Трамп использует следующее высказывание: *“America is the torch that enlightens the entire world.”* («Америка — это светоч, озаряющий весь мир».) В данном случае метафора света необходима для формирования представления о США как о государстве, обладающем моральным превосходством и особой миссией для всей цивилизации. В российском политическом дискурсе похожая прагматическая установка была реализована в выступлении В. В. Путина 24 февраля 2022 года: *«Россия борется за право быть суверенным государством, за традиционные ценности, за справедливый миропорядок»*. В данном случае Россия выступает в качестве государства, которое имеет моральное право не только защищать свой суверенитет, но и устанавливать тот миропорядок, который она считает справедливым, даже если оппоненты отрицают данный вид мироустройства. Оба приведенных выше примера демонстрируют стремление легитимировать собственную политическую позицию.

В-третьих, и Россия, и США прибегают к одной и той же стратегии дискредитации оппонента в случае кризиса. Несмотря на различия в дискредитационных мезо- и микростратегиях, целью обеих стран является подрыв авторитета оппозиционной стороны через делигитимацию или сомнения в моральной состоятельности оппонента. Например, госсекретарь Энтони Блинкен 2 июня 2023 года в Хельсинки сделал следующее заявление: *“Where Putin aimed to project strength, he's revealed weakness. Where he sought to divide, he's united. What he tried to prevent, he's precipitated.”* («Там, где Путин стремился продемонстрировать силу, он выявил слабость. Там, где он хотел разделить, он объединил. То, чему он пытался помешать, он лишь ускорил»). В данном случае Энтони Блинкен создает образ некомпетентного лидера, неспособного стратегически мыслить. В российском политическом дискурсе аналог данной стратегии можно обнаружить в обращении президента Путина от 21 февраля 2023 года, где говорится: *«Именно западные элиты несут ответственность за развязывание конфликта... они подрывают устои традиционной морали, разрушая институт семьи и навязывая людям извращенные модели поведения»*.

Таким образом, осуществляется не только дискредитация внешнеполитического оппонента, но и моральное противопоставление собственных и чужих ценностей.

В-четвертых, общей становится тенденция к снижению значимости противоположных или альтернативных точек зрения. Несмотря на то, что стратегии игнорирования отличаются в высказываниях двух стран, в обоих дискурсах преследуется одна цель – разрушение условий для честной открытой дискуссии. В качестве примера можно привести одно из выступлений Дональда Трампа, где он заявляет: *“Fake news is the enemy of the people,”* («Фейковые новости — враг народа»), полностью делегитимируя любую информацию, противоречащую проводимой политике. В российской риторике похожий прием применяется в заявлении Путина от 16 марта 2022 года, где он называет инакомыслящих «*национал-предателями*» и акцентирует мысль о том, что такая позиция недопустима в российском обществе во время кризиса.

Исходя из ряда сходств в прагмалингвистических стратегиях некооперативной коммуникации в политических дискурсах США и России, можно сделать вывод о том, что некооперативная коммуникация является универсальным инструментом ведения политического диалога, особенно в условиях международного или политического кризиса. Несмотря на различия в коммуникативных стратегиях России и США, обе страны используют схожие риторические приемы, преследуя схожие политические цели.

4 | Заключение

В результате анализа основных стратегий некооперативной коммуникации за 2020–2023 гг. в дискурсах России и США были выявлены стратегии речевой коммуникации, которые характерны для культурных и языковых контекстов двух стран.

В период с 2020 по 2023 год для американского политического дискурса был характерен высокий уровень конфронтации как во внутренней, так и во внешней политике. Самыми часто используемыми стратегиями в высказываниях американских политиков стали демонизация оппонента, морализаторская дихотомия, персонализация конфликта, личностная дискредитация.

Данные стратегии реализуют функции манипулятивной риторики, главной целью которой является мобилизация электората, что обусловлено периодом политических выборов в данный промежуток времени. Кроме этого, упомянутые стратегии формируют бинарную картину мира и исключают альтернативные точки зрения по различным вопросам. Ключевая

роль в американском дискурсе принадлежит медиаресурсам, за счет которых конфронтационная риторика усиливается, и в сознании аудитории формируется образ врага.

В российском политическом дискурсе присутствуют следующие наиболее частотные прагмалингвистические стратегии: фрейминг врага, делегитимация оппонента, сакрализация собственной позиции, обвинение и игнорирование альтернативных точек зрения.

В результате анализа речей и официальных заявлений российских политиков можно сделать вывод, что основной функцией некооперативных стратегий является формирование идеи о наличии внешней угрозы и необходимости объединения общества. Для российского дискурса характерно системное разделение на «своих» и «чужих», а также ориентация на национальную идентичность, на которой основывается легитимация политических решений.

В результате сравнительного анализа прагмалингвистических стратегий некооперативной коммуникации в политических дискурсах России и США были выявлены как системные различия, так и существенные черты сходства, которые могут быть обусловлены культурно-языковыми и социально-политическими факторами.

В дискурсах двух стран присутствуют системные различия при использовании некооперативных стратегий. Для американского дискурса характерно использование морализаторской и миссионерской риторики, что позволяет оправдывать некооперативность моральным превосходством над политическим противником. В электоральном контексте при внутривнутриполитической партийной конфронтации также преобладают стратегии демонизации, персонализации, сакрализации собственной позиции и личностной дискредитации.

В российском политическом пространстве, напротив, политический дискурс базируется на идеологической мобилизации путем создания образа врага. При такой риторике наиболее частотными стратегиями являются делегитимация, фрейминг врага, обвинение. Коммуникация в данном случае имеет закрытый характер, и особую роль играют национальная идентичность и безопасность. Следует отметить, что в исследуемом корпусе из 32 текстов употребление иронии и сниженной лексики было зафиксировано только в американском дискурсе, однако этот факт не позволяет полностью исключить использование данных микростратегий в российском политическом поле.

Несмотря на разницу в выбранной риторике, модели обеих стран демонстрируют наличие дискурсивной борьбы, где преобладают простые бинарные конструкции, отказ от признания легитимности другой стороны и высокая степень эмоционального давления. Обе страны используют манипулятивные формы воздействия на аудиторию. Очевидно стремление как России, так и США к политической мобилизации слушателей с использованием риторики

противостояния. Сходство проявляется также в характере использования самого языка. В политических дискурсах обеих стран язык используется как инструмент власти, то есть происходит намеренное нарушение коммуникативных принципов.

Таким образом, прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации являются основополагающими инструментами для формирования идеологически сформированного дискурса как в США, так и в России. Данные стратегии имеют общие задачи поддержания политической повестки, легитимации собственной позиции и дискредитации другой стороны, что повышает актуальность подобных исследований для лучшего понимания современной риторики в глобальном политическом контексте. Проведенное исследование показало, что некооперативное взаимодействие может быть не только отклонением от нормы, но и осознанно выбранной речевой стратегией в политической коммуникации.

ЛИТЕРАТУРА

- Алешина Е.Ю.* (2016) Жанровая градация политического дискурса // Российский гуманитарный журнал. Том 5. № 3. С. 293–301.
- Баранов А.Н., Казакевич Е.Г.* (1991) Парламентские дебаты: традиции и новации. М.: Знание. 64 с.
- Бондарчук И.А.* (2017) Основные подходы к типологии дискурса // Филологические науки. № 5 (11). С. 8–13.
- Брожченко С.В.* (2011) Стратегии и тактики рекламного дискурса // Вестник. Филология. № 3(218). С. 11–15.
- Карасик В.И.* (2000) О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. трудов. Волгоград: Перемена. С. 5–20.
- Левенкова Е.Р.* (2011) Британский и американский политический дискурс: контрастивный анализ. Самара: Изд-во ПГСГА. 308 с.
- Шейгал Е.И.* (2002) Семиотика политического дискурса. Волгоград: Перемена. 477 с.
- Chilton P.* (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge. 240 p.
- Cummins C.* (2025) *Noncooperative Communication* // *Annual Review of Linguistics*. Vol. 11. Pp. 35–52.
- Dijk, Teun A. van* (2008) *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 293 p.
- Grice H.P.* (1975) *Logic and Conversation*. In Cole, P., & Morgan, J.L. (Eds.), *Syntax and Semantics: Speech Acts*. Vol. 3. New York: Academic Press. Pp. 41–58.
- Leech G.* (2014) *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Levinson S.C.* (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.

REFERENCES

- Aleshina, E. Yu.* (2016) *Zhanrovaya gradatsiya politicheskogo diskursa* [Genre gradation of political discourse]. *Rossiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, Vol. 5, No. 3, pp. 293–301. (In Russian).
- Baranov, A.N., Kazakevich, E.G.* (1991) *Parlamentskie debaty: traditsii i innovatsii* [Parliamentary debates: traditions and innovations]. Moscow: Znanie. (In Russian).
- Bondarchuk, I.A.* (2017) *Osnovnye podkhody k tipologii diskursa* [Main approaches to discourse typology]. *Filologicheskie nauki*, No. 5(11), pp. 8–13. (In Russian).

- Brozhenko, S.V.* (2011) Strategii i taktiki reklamnogo diskursa [Strategies and tactics of advertising discourse]. *Vestnik. Filologiya*, No. 3(218), pp. 11–15. (In Russian).
- Karasik, V.I.* (2000) O tipakh diskursa [On types of discourse]. In: *Yazykovaya lichnost': institutsional'nyy i personal'nyy diskurs: sb. nauch. trudov* [Linguistic personality: institutional and personal discourse: collection of scientific papers]. Volgograd: Peremena, pp. 5–20. (In Russian).
- Levenkova, E.R.* (2011) Britanskiy i amerikanskiy politicheskiy diskurs: kontrastivnyy analiz [British and American political discourse: contrastive analysis]. Samara. (In Russian).
- Sheigal, E.I.* (2002) Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Volgograd: Peremena. (In Russian).
- Chilton, P.* (2004) *Analysing Political Discourse: Theory and Practice*. London: Routledge. 240 p.
- Cummins, C.* (2025) Noncooperative Communication. *Annual Review of Linguistics*, Vol. 11, pp. 35–52.
- Dijk, Teun A. van* (2008) *Discourse and Context: A Sociocognitive Approach*. Cambridge: Cambridge University Press. 293 p.
- Grice, H.P.* (1975) Logic and Conversation. In: Cole, P., Morgan, J.L. (eds.) *Syntax and Semantics: Speech Acts*, Vol. 3. New York: Academic Press, pp. 41–58.
- Leech, G.* (2014) *The Pragmatics of Politeness*. Oxford: Oxford University Press. 320 p.
- Levinson, S.C.* (1983) *Pragmatics*. Cambridge: Cambridge University Press. 420 p.

Екатерина В. Куликова

Аспирант кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
625003 Российская Федерация,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Эл. адрес: kulmane68@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-7056-4828>

Ekaterina V. Kulikova

PhD Student at the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation.

Correspondence address:
6 Volodarsky Street,
Tyumen 625003,
Russian Federation.

Email address: kulmane68@gmail.com
<https://orcid.org/0009-0008-7056-4828>

Елена Ю. Пономарева

Кандидат филологических наук, доцент кафедры прикладной и теоретической лингвистики, Тюменский государственный университет, Тюмень, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
625003 Российская Федерация,
г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6.

Эл. адрес: el.y.ponomareva@utmn.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4482-6597>

Elena Yu. Ponomareva

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Applied and Theoretical Linguistics, Tyumen State University, Tyumen, Russian Federation.

Correspondence address:
6 Volodarsky Street,
Tyumen 625003,
Russian Federation.

Email address: el.y.ponomareva@utmn.ru
<https://orcid.org/0009-0005-4482-6597>

Для цитирования: Куликова Е.В., Пономарева Е.Ю. Прагмалингвистические стратегии некооперативной коммуникации в американском и российском политических дискурсах // Социоллингвистика. 2026. № 2. С.274–293. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-14

For citation: Kulikova E.V., Ponomareva E.Yu. Pragmalinguistic strategies of uncooperative communication in American and Russian political discourses // Sociolinguistika. 2026. No. 2. Pp. 274–293. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-14

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

The article was submitted 13.10.2025;
approved after reviewing 10.08.2026;
accepted for publication 30.08.2026.

РЕЦЕНЗИИ**REVIEW**

Рецензия на книгу: А.П. Майоров Методология и методы языкознания: учебное пособие. М.: Языкознание, 2025. 446 с.

Книга А.П. Майорова названа учебным пособием и адресована, как написано в аннотации, прежде всего студентам филологических факультетов; по отдельным темам будет небезынтересна магистрантам и аспирантам лингвистических специальностей. Однако кажется, что и в определении целевой аудитории и даже в квалификации книги присутствует некоторое сужение. Очевидно, что она интересна и полезна не только учащимся, но и зрелым специалистам, поэтому является не только учебным, но и справочным изданием с поистине энциклопедическим размахом. Мне трудно представить себе студента, который прочтет это учебное пособие от корки до корки, а вот чтение отдельных глав и фрагментов по мере прохождения соответствующих тем будет чрезвычайно полезным.

Вообще по собранному материалу книга А. П. Майорова совершенно уникальна, и с этого надо начинать. В этой довольно неопределенной и не всеми любимой области автор сумел не только собрать огромный материал, но и замечательным образом систематизировать его и подать в четкой и запоминающейся форме. Я знаю, как некоторые коллеги, уже написав заявку на грант, начинают заполнять раздел «Методы». Они вспоминают какие-то общие названия типа «семантический» или «синтаксический» анализ, потому что, если в проекте речь идет о семантике или синтаксисе, то должен присутствовать метод семантического или синтаксического анализа. Для многих заполнение этого раздела становится неприятной и слегка бессмысленной, хотя и неременной обязанностью. И это при том, что методология для современной науки стала, может быть, важнейшим параметром научности. Иначе говоря, «как», а уже потом «что» и другие вопросы.

Для заполняющих заявку на грант книга «Методология и методы языкознания» станет обязательным чтением, и упрощающим, и усложняющим работу, но в любом случае делающим ее осмысленной. Упрощение очевидно, поскольку в книге предлагается своего рода меню разнообразнейших методов, по которому можно выбирать подходящие для конкретного исследования. Усложнение же связано с тем, что придется вникать в суть конкретных методов, и общими словами уже не обойтись.

Огромную роль в этой книге играет ее структура, поскольку именно таким образом задается систематизация методов и методологий. В первой главе «Метод и классификация методов в лингвистике» рассматриваются самые общие понятия, и кажется, что нерадивый студент именно здесь может быстро пролистать страницы, чтобы перейти к лингвистической конкретике. Но тогда он пропустит совершенно необходимый и, я бы даже сказал, остроумный раздел «1.6. Вопрос о классификации методов лингвистического исследования». Он состоит из следующих пяти подразделов:

1.6.1. Классификации методов по сфере применения

1.6.2. Классификации методов по идентификации стадий
лингвистического исследования

1.6.3. Классификации методов по цели исследования

1.6.4. Классификации методов по объекту лингвистического исследования

1.6.5. Классификации методов по области лингвистических знаний

В очень сжатой, но понятной форме автор представляет большое количество методов и задает четкие ориентиры построения классификаций. Вот, например, на первый взгляд простая, но далеко не тривиальная классификация методов по идентификации стадий лингвистического исследования. Стадии подразделяются на сбор языкового материала, обработку эмпирических данных и обобщение совместно с трансформацией. Для сбора языкового материала, например, характерны такие методы, как эксперимент, анкетирование и наблюдение. Все четко, очень наглядно и эффективно. Этот раздел предваряет следующие и в каком-то смысле облегчает их восприятие.

Вторую главу также можно считать предварительной, она посвящена общенаучным методам в лингвистике. А вот с третьей главы начинается то самое изобилие лингвистических методов, которое и составляет основное содержание книги. Следующие две главы выделяются очень компактно и четко. В третьей главе рассматриваются традиционные и структурные методы в лингвистике. По существу, речь идет о недавнем прошлом и структурном перевороте взглядов на язык, и именно структурным методам посвящена большая часть этой главы. В отдельном разделе рассматриваются методы полевой лингвистики.

В следующей четвертой главе речь идет о методах и принципах диахронного (лингвогенетического) анализа. Это тоже очень понятный блок, для которого объединяющей стала идея истории в широком смысле слова. К основным разделам этой главы примыкает и раздел «4.6. Ареальная лингвистика и метод лингвистической географии». Причины, по которым он попал в эту главу понятны, но все же он стоит несколько особняком.

А вот дальше (с пятой по восьмую) идут главы, которые имеют почти одинаковое название «Методология и методы актуальных направлений современной лингвистики» и различаются только номером в скобках от (1) до (4). В каждую из них вошел довольно однородный материал, но все же недостаточно однородный, чтобы вынести обобщающее слово в заголовок.

Пятая глава включает раздел о методах генеративной лингвистики, но также разделы о методах формальной семантики, математической, компьютерной и корпусной лингвистики. Понятно, что речь идет о формальных методах, связанных в первую очередь с математикой и компьютерными исследованиями, но обобщение несет большие риски.

В шестой главе разговор идет о методах лингвосемиотики, когнитивной лингвистики, психолингвистики и лингвокультурологии, то есть о междисциплинарных областях, в которых лингвистика сталкивается с другими науками. Логика объединения понятна, но методы этих разделов значительно различаются.

В седьмой главе объединяются такие области исследования крупных языковых единиц: речевые акты, текст, дискурс, а также прагматика. Здесь тоже понятен смысловой стержень объединения и тоже объединяются очень разные по существу методы.

А вот восьмая глава значительно более однородна. Она посвящена методам социолингвистики. Собственно, название этой науки вполне могло бы быть вынесено в заголовок главы. Мы можем только гадать, почему автор этого не сделал. Возможно, его захватила цифровая стихия, и он не захотел после серии общих названий, различающихся только числом, возвращаться к названию содержательному.

Итак, мотивы такого решения понятны. Автор не хотел ни дробить текст на компактные, но маленькие главы, ни объединять все эти разделы в одну огромную главу и принял интуитивно оправданное решение. Однако при этом честно отказался от попыток вербализовать свою интуицию в заголовках, фактически признав свое бессилие. Можно еще раз сказать, что это решение честное, но все-таки странное, как бы признающее условность членения материала на такие главы. Подводя итог, скажем, что эта претензия тоже условна. Такая систематизация глав облегчает чтение, главы сопоставимы по объему и принципы их формирования более или менее понятны. Так что единственная проблема состоит, пожалуй, в том, что такое решение непривычно, ну и в том, что глава о социолингвистике не получила заслуженного названия.

Если же вернуться к содержанию, то нужно отметить, что книга написана на очень высоком теоретическом уровне, но вместе с тем понятно и доступно, скажем, на студенческом

уровне. Именно это позволяет ей захватывать две столь разные аудитории: учащихся и специалистов — и быть полезной для всех. Во всех главах и разделах автор демонстрирует высокий уровень компетентности и энциклопедическую эрудированность, но я все выделяю наиболее понравившиеся мне разделы. Это очень подробное и ясное описание «5.1. Методологии генеративной лингвистики». Теорию (или теории) Хомского трудно излагать понятно и последовательно, но автору это удалось.

Особое восхищение вызывает последняя глава, посвященная методологии социолингвистики. Автор коснулся всех важнейших направлений и раскрыл разнообразие и глубину этой области.

Следует также отметить дополнительный аппарат: предметный указатель, общую библиографию наряду с литературой по темам и интернет-источниками. Пожалуй, книгу мог бы украсить только еще именной указатель, хотя предметный важнее.

Совершенно особую ценность представляют различные учебные задания, среди которых вопросы для обсуждения, задания для самоконтроля, тестовые задания, многие из которых подробно и интересно разбираются автором. Последнее решение (подробно разбирать задания) принято в расчете на «хорошего» студента, который самостоятельно прорешает задачи, а потом с удовольствием сравнит свой подход с авторским. Так автор выстраивает своего рода диалог с читателем. Конечно, это лазейка для нерадивого студента, который вместо собственного решения сразу обратится к авторскому, но мне кажется, что эта книга в целом рассчитана на продвинутого и заинтересованного читателя.

Сами задания весьма нетривиальны и требуют от читателя творческого подхода. Чтобы не быть голословным, приведу один пример.

15. * *Ниже приведен ряд неудачных рекламных слоганов: Не дай запаху пота поставить на тебе клеймо (реклама дезодоранта компании Rexona); Gallina Blanca — буль-буль! (реклама бульонного кубика компании Gallina Blanca); Построй теплом души будущее (реклама растительного масла «Слобода»); Потому что по телефону не видно глаз (реклама кофе Jacobs); Для тех, кто хорошо женился (реклама майонеза «Слобода»); Ням-ням, покупайте Микоян (реклама продукции Микояновского мясокомбината); Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно? (реклама екатеринбургского СКБ-Банка); Позаботьтесь дети о своем скелете (реклама детского йогурта торговой марки «Скелетоны»).*

З а д а н и е: Составьте классификацию рекламных слоганов на основании типов ошибок, совершенных при составлении текста рекламы.

Ответ-объяснение

Можно построить классификацию с элементами таксономического деления.

Сначала слоганы подразделяются на тексты с семантическими и стилистическими ошибками. К рекламам с семантическими ошибками относятся слоганы Не дай запаху пота поставить на тебе клеймо (слово клеймо вызывает ассоциации с клейменным скотом), Построй тепло души будущее (метафора тепло души для обозначения растительного масла вызывает недоумение), Потому что по телефону не видно глаз (семантическая связь с общением за чашкой кофе очень сложная), Позаботьтесь дети о своем скелете (семантически плохо сочетаются слова позаботиться и скелет: ср. позаботиться об уходе за ногтями, позаботиться о больных ногах, позаботиться об устранении плоскостопия).

Стилистические ошибки содержатся в остальных слоганах. Однако тут можно дальше разграничить рекламные тексты по используемым стилистическим средствам. Они подразделяются на рекламы с использованием детского сленга — Ням-ням, покупайте Микоян (большинство тех, кому адресуется реклама, — взрослые люди, и сюсюканье здесь неуместно), разговорных выражений — Gallina Blanca — буль-буль!, жаргонных выражений — Очкуешь, товарищ? С наличкой тревожно?

На живом и отчасти провокационном материале автор раскрывает применение подлинных научных методов и предлагает одновременно научное и вполне понятное решение.

В книге в целом много интересного материала на русском языке, но также представлен материал на других языках.

Подводя итог, я бы без всякого сомнения рекомендовал это «учебное пособие» не только учащимся на лингвистических направлениях, но и широкому кругу лингвистов, желающих более осмысленно и конкретно обсуждать и использовать понятие метода и методологии.

М. А. Кронгауз

Максим А. Кронгауз

Доктор филологических наук, профессор,
главный научный сотрудник, заведующий
учебно-научной лабораторией
социолингвистики
Российский государственный гуманитарный
университет (РГГУ),
Москва, Российская Федерация.

Адрес для корреспонденции:
125047, г. Москва,
пл. Миусская, д. 6, стр. 6.

Эл. адрес: mkronhaus@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2956-0565>

Maksim A. Krongauz

Doctor of Philology, Professor, Chief
Researcher, Head of the Educational and
Scientific Laboratory of Sociolinguistics
Russian State University for the Humanities
(RSUH),
Moscow, Russian Federation.

Correspondence Address:
6 Bldg. 6, Miusskaya Sq.,
Moscow, 125047, Russia.

Email: mkronhaus@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-2956-0565>

Для цитирования: *Кронгауз М. А.* [Рецензия] Майоров А.П. Методология и методы языкознания: Учебное пособие. М.: Языкознание, 2025. 446 с. // Социолингвистика. 2026. № 2. С.294–299. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-15

For citation: *Krongauz M. A.* [Review] Mayorov, A.P. Methodology and Methods of Linguistics: A Textbook. M.: Yazykoznanie, 2025. 446 p. // Sociolingvistika. 2026. No. 2. Pp. 294–299. DOI: 10.37892/2713-2951-2026-02-15

Заявление о конфликте интересов | Conflict of interest statement

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares no conflicts of interests.

The article was submitted 02.05.2026;
approved after reviewing 08.08.2026;
accepted for publication 30.08.2026.

ТРЕБОВАНИЯ И РЕКОМЕНДАЦИИ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

1. Материалы предоставляются в электронном формате статьи.
2. Обязательно предоставление следующей информации:

2.1. Сведения об авторе статьи (в конце статьи), включающих фамилию, имя, отчество полностью, номер orcid, ученую степень и ученое звание, контактную информацию (место работы и должность автора, почтовый адрес организации, контактный телефон, e-mail). Сведения представляются на русском и английском языке.

2.2. Аспирантам и магистрантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Требования к оформлению статей

1. Рекомендуемый объем статьи – 32 000 знаков с пробелами, максимальный объем статьи – 1 п.л. (40 000 с пробелами).
2. В статье должны содержаться следующие элементы издательского оформления:
 - Индекс УДК;
 - Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках);
 - Фамилия, имя, отчество автора; ученое звание, ученая степень; должность и место работы (на русском и английском языках); адрес электронной почты;
 - Аннотация на русском и английском языках.
 - 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой) (на русском и английском языках).
 - Текст статьи.
 - Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с правилами, принятыми в журнале, а также список References.
 - При необходимости – примечания, приложения, иллюстрации.
 - Автор обязан уведомить редакцию о реальном или потенциальном конфликте интересов, включив информацию о конфликте интересов в конце статьи. Если конфликта интересов нет, автор должен также сообщить об этом. Пример формулировки для одного автора и для авторских коллективов:

Пример формулировки:

Автор (авторы) заявляет (заявляют) об отсутствии конфликта интересов. The author(s) declare(s) no conflicts of interests.

Требования к заглавиям статей

- заглавия научных статей должны быть информативными;
- в заглавиях статей можно использовать только общепринятые сокращения;

- в переводе заглавий статей на английский язык не должно быть транслитерации с русского языка (кроме непереводаемых названий собственных имен, приборов и др. объектов, имеющих собственные названия). Это требование распространяется на авторские аннотации и список ключевых слов.

Требования к оформлению сведений об авторе

- указание фамилии, имени, отчество автора (авторов). Указание orcid.
- указание ученого звания и ученой степени;
- предоставление данных о должности и месте работы с указанием адреса организации и электронной почты автора.
- аспирантам необходимо представить рекомендацию научного руководителя к опубликованию статьи, заверенную в отделе кадров.

Образец

Имя Отчество Фамилия – ученая степень, ученое звание, должность, место работы, страна.

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Адрес: индекс, страна, город, улица, дом.

Эл. адрес: name@mail.ru

Name P. Surname – degree, academic title, position, place of work, country.

<https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Address: street house, city, country, index code.

E-mail: name@mail.ru

Требования к аннотации

В аннотации не должно быть общих слов, увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Она должна отражать существенные результаты работы, быть лаконичной (150–160 слов), свободной от второстепенной информации, структурированной (следовать логике описания результатов в статье). Англоязычная аннотация, вследствие ее перевода на английский язык, может быть увеличена до 200 слов.

Требования к оформлению списка ключевых слов

Список ключевых слов на русском и английском языках состоит из 5–8 ключевых слов и/или словосочетаний (каждое ключевое слово или словосочетание отделяется от другого запятой).

Требования к тексту статьи

Текст статьи представляется на русском или на английском языке в соответствии с требованиями к авторским оригиналам в электронном формате.

Текст статьи необходимо структурировать. Структурирование подразумевает деление текста на смысловые части. Каждый подраздел должен иметь краткий тематический заголовок. Если исследование имеет характер эксперимента, то структурировать статью допускается по модели, традиционной для публикаций в международных изданиях: Введение, Методика, Результаты и обсуждение, Выводы.

Требования к оформлению текста:

- материал должен быть представлен в формате Microsoft Word с расширением *.rtf или *.docx;
- шрифт Times New Roman, кегль 12, междустрочный интервал для текста статьи – 1,5, для всех остальных разделов статьи – одинарный интервал;
- поля страницы по 2 см с каждой стороны;
- выравнивание текста по ширине;
- строки внутри одного абзаца не должны переводиться вручную («мягкий» ввод, пробелы, табуляции и пр.).
- использование р а з р я д к и как способа выделения слов не допускается.
- сноски проставляются постранично; шрифт Times New Roman, кегль 10, междустрочный интервал сносок – одинарный интервал; выравнивание по ширине;
- переносы не допускаются.
- абзацный отступ 1,25. Табуляция абзацев не допускается.
- имя файла набрано латиницей и содержит фамилию автора (например: Ivanova.docx).

Требования к оформлению библиографических ссылок в тексте статьи

Внутритекстовые ссылки на пристатейный список литературы приводятся в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, год издания статьи или книги и, если приводится цитата, то страница или диапазон страниц, например [Виноградов, 2017: 47] или [Виноградов, 2017: 47–48].

Если даются ссылки на несколько работ, то фамилии авторов приводятся в алфавитном порядке через точку с запятой: [Иванов, 1987: 83; Петров, 1995: 213–218]; в случае, если это работы одного автора, они перечисляются в хронологическом порядке: [Виноградов, 1984; Виноградов, 1997].

При наличии авторов-однофамильцев после фамилии приводятся инициалы. Если встречаются ссылки на две или несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, они приводятся с буквенным маркером около цифры, обозначающей год: [Звягинцев, 2010а; Звягинцев, 2010б].

Если авторов двое или трое, то упоминается только фамилия первого автора, а вместо фамилий остальных пишется «и др.» – в случае использования русскоязычного источника, «et al.» – в случае использования источника на английском языке. Если авторов больше трех, а также если приводится ссылка на сборник, то дается первое слово названия либо два первых слова, если они логически связаны (с многоточием), далее год и страницы (если необходимо), например: [Национальные языки..., 1994].

Если указывается источник (словарь, архив и др.), то в ссылке в круглых скобках приводится сокращенное наименование источника, номер тома (если есть) и страница (если есть), например: (РПНГ, т. 8, с. 75) или (ОГРГС, с. 7) (при этом сокращения должны быть указаны в списке источников).

Оформление списка литературы

Пристатейный список литературы, озаглавленный как **Литература**, не нумеруется и составляется в алфавитном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 с указанием обязательных сведений библиографического описания. Фамилия и инициалы автора выделяются *курсивом*.

Если описываемая публикация имеет DOI, его указание обязательно. Образец: DOI: 10.37892/2713-2951-5-15-66-98

В списке сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке, затем - работ на иностранных языках. Список литературы должен свидетельствовать о том, что автор

знаком с отечественной и зарубежной научной литературой по теме статьи, поэтому рекомендуется включать в библиографический список не менее чем 10 позиций. Не допускаются ссылки на анонимные источники (например, Wikipedia).

Список литературы должен быть оформлен в следующем порядке:

- ФИО автора (выделяется *курсивом*);
- год издания работы в скобках (только цифры);
- заглавие работы;
- название журнала или сборника (если это статья из журнала или сборника материалов), без кавычек;
- выходные данные, исключая год: для журнала — номер и страницы статьи; для сборника статей, материалов конференции — город и название издательства.

В выходных данных монографий, учебников, сборников материалов конференций указываются данные ответственного редактора, название издательства, общее количество страниц.

При оформлении интернет-источника (научного, индексируемого) в списке литературы указываются: автор (если есть), год публикации (если указано), название статьи, полное название сайта (портала), точная ссылка на упоминаемый документ (Режим доступа:), указать дату обращения.

Статья из журнала

Биткеева А. Н. (2018) Развитие языков Российской Федерации: динамика, проблемы, прогнозы // Вопросы филологии № 1 (61) С. 31–37

Материалы конференции

Михальченко В. Ю. (2018) Национально-языковая политика и языковые конфликты // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Сборник материалов научного семинара. Ч. 1. Языки в аспекте лингвострановедения М. МГИМО С. 12–13

Книга (монография, сборник)

Михальченко В. Ю. (1984) Проблемы функционирования и взаимодействия литовского и русского языков Вильнюс Мокслас 224 с

Языковая политика в контексте современных языковых процессов (2015) Отв. ред. А. Н. Биткеева М. Азбуковник 471 с

Интернет-ресурс

Жуоцкая А. В. (2009) Феномен идеологии Режим доступа: <http://service.ebooksearch.webfactional.com/en> Дата обращения: 12.11.2019

Образец оформления References

Пристатейный список литературы в латинском алфавите, озаглавленный как **References**, составляется в порядке полностью идентичном списку литературы. References помещается после списка литературы.

References должен быть оформлен согласно гарвардскому стилю 'Harvard referencing':

- Для транслитерации рекомендуем использовать систему на сайте www.translit-online.ru
- Обязательно добавляется указание на оригинальный язык публикации, для всех языков, кроме английского, напр. (In Russian).

Статья из журнала

Bitkeeva, A.N., Wingender, M. and Mikhachenko, V.Yu. (2009) 'Prognozirovanie i iazykovoe mnogoobrazie v Rossiiskoi Federatsii: sotsiolingvisticheskiy aspekt' [Language prognosis and language diversity in the Russian Federation: sociolinguistic aspect], *Vestnik Volgogradskogo*

gosudarstvennogo universiteta, 2, *Iazykoznanie*, pp. 6–23. DOI: 10.15688/jvolsu2.2019.3.1. (In Russian)

Статья из онлайн журнала

Lamazhaa, Ch.K. (2014) 'Zasaianskie tuvinty: obraz zhizni, tsennosti, idealy' [Tuvans beyond the Sayan Mountains: way of living, values and ideals], *The New Research of Tuva*, 3. Available at: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/138> (Accessed: 1 November 2019). (In Russian)

Материалы конференции

Golovko, E.V. (2016) 'Sovremennaya iazykovaya politika i problema sokhraneniya iazykovogo i kul'turnogo raznoobrazia v Rossiiskoi Federatsii' [Present-day language policy and problem of preservation of language and cultural diversity in the Russian Federation], in *Materialy IV Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Sokhranenie i razvitie yazykov i kul'tur korenykh narodov Sibiri"*, Abakan, pp. 9–12. (In Russian)

Книга (монография, сборник)

Borgoyakova, T.G. (2002) *Sotsiolingvisticheskie protsessy v respublikakh Iuzhnoi Sibiri* [Sociolinguistic processes in the republics of South Siberia]. Abakan: Khakass State University Press. 166 p. (In Russian)

Yazykovaya politika v kontekste sovremennykh yazykovykh processov [Language policy in the context of modern language processes] (2015) Ed. by A.N. Bitkeeva. Moscow: Azbukovnik. 471 p. (In Russian)

Интернет-ресурс

Pravila Tsitirovaniya Istochnikov [Rules for the Citing of Sources] Available at: <http://www.scribd.com/doc/1034528/> (Accessed: 7 February 2024). (In Russian)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ | SCIENTIFIC JOURNAL

СОЦИОЛИНГВИСТИКА | SOCIOLINGUISTICS

№ 2
2026

Главные редакторы | Editors-in-chief

В.М. Алпатов | Vladimir M. Alpatov

(академик РАН, д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

А.Н. Биткеева | Aysa N. Bitkeeva

(д.ф.н., Институт языкознания РАН) | (DSc in Philology, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences)

Редактор и корректор | Editor and proofreader

Н.В. Рожкова | N.V. Rozhkova

(Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева) | (Orel State University named after I.S. Turgenev)

Компьютерная верстка | Desktop publishing

Т.Б. Лыскина | T.B. Lyskina

Институт языкознания РАН | Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences

Дата выхода: 02.10.2026 | Published 02.10.2026

Формат 60x84/8. Усл. Печ. л. 16.75 | Format 60x84/8. Printed sheets 16.75

Учредители, редакция, издатели:

Институт языкознания Российской академии наук, 2020

Орловский государственный университет им. И.С. Тургенева, 2020

Founders, editors, publishers:

Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020

Oryol State University named after I.S. Turgenev, 2020

Адрес редакции: 125009 Российская Федерация, Москва, Б. Кисловский пер. 1/1

Editorial address: 125009 Russian Federation, Moscow, B. Kislovsky per. 1/1